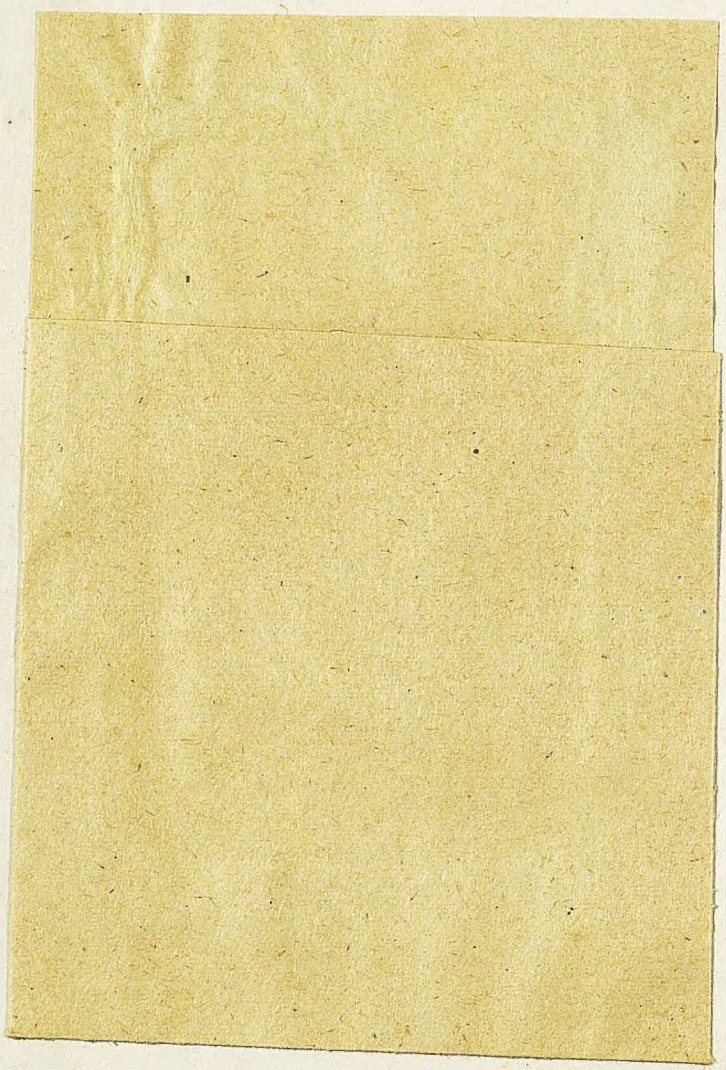
Русская старина

№ 3

1912 г.

СТАРИНА



Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
МОСКОВСКАГО СОВѢТА
Профессіональныхъ Союзовъ.

Библиотека-Читальня
Московскаго Собранія
Профессиональныхъ Союзовъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Годъ XLIII-й. МАРТЪ. 1912 годъ.

Книга по ... Библіотека Московскаго Дворянскаго Клуба

СОДЕРЖАНІЕ:

Памяти графа Д. А. Милютина. . . . . I—VI
I. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г. Сообщ. Н. А. Вилламовъ. 455—460
II. Берлинскій Конгрессъ 1878 года. (Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина. . . . . 461—470
III. Н. Г. Чернышевскій. (Наброски по неиздан. матеріаламъ). А. А. Лебедева. 471—479
IV. Изъ журнала участника войны 1812 года. Суханина. . . . . 481—490
V. Встрѣчи и столкновенія. (В. И. Добровольскій, М. М. Шершевскій, Ф. Ѳ. Павленковъ). Р. И. Сементковскаго. . . . . 491—499
VI. Тайный другъ Пушкина. А. Р. Слезскинскаго . 500—508
VII. Императоръ Павелъ I и политическія судьбы Италіи. Н. Борецкаго-Бергфельда . . . . . 509—522
VIII. Къ закрытію масонскихъ ложъ въ Россіи. А-ндра Ал-ча Лебедева. . . . . 523—538
IX. Самодержавіе царевны Софіи Алексѣевны по неизданнымъ документамъ. (Изъ переписки, возбужденной графомъ Панинымъ). Сообщила Е. Лермонтова . . . . 539—547
X. Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. А. А. Мазона. . . . . 549—568
XI. Николай Михайловичъ Пржевальскій. Третье путешествіе въ Центральной Азіи. П. Козлова. . . . 569—603
XII. Императоръ Александръ II и Франція въ 1870 г. В. Тимощукъ. . . . . 604—617
XIII. Два политическихъ письма Екатерины II. Владислава Конопчинскаго. . . . . 618—632
XIV. Къ 50-ти лѣтію освобожденія крестьянъ. (Карловское имѣніе Великой Княгини Елены Павловны). Д. А. Корсакова. . . 633—651
XV. Яковъ Іоганъ Урсинусъ. Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія . . . . . 652—658
XVI. М. И. Драгомировъ, командующій войсками. (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К. . . . 659—662
XVII. Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ. Б. К. де-Ливрона. 664—672
XVIII. Изъ записной книжки „Русской Старины“:
а) Стихотворенія Крестовскаго. Сообщилъ В. А. Алексѣевъ. 480
б) 16 мая 1858 года. Н. К—ну. Сообщилъ В. . 548
XIX. Библіографическій листокъ (на оберткѣ).

Приложенія: 1) Портретъ Графа Дмитрія Алексѣевича Милютина; 2) Точный рисунокъ червоннаго съ изображеніемъ Государей Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и Царевны Софіи Алексѣевны. 1686—1690; 3) Животная жизнь въ Сѣверномъ Тибетѣ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1912 года.

Библіографическій листокъ.

В. О. Ключевскій. Характеристики и воспоминанія. Изданіе „Научнаго Слова". М. 1912.

„Теперь еще невозможно"—говоритъ одинъ изъ участниковъ посвященнаго памяти Ключевскаго сборника—„оцѣнить все имъ сдѣланное, нельзя еще точно учесть силы оказаннаго имъ вліянія. Настанетъ пора, когда появятся о немъ спеціальныя изслѣдованія; тогда найдутъ себѣ безпристрастную оцѣнку и данная имъ общая концепція русскаго историческаго процесса, и предложенныя имъ рѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ этого процесса". Но общее значеніе Ключевскаго вѣрно понято и хорошо взвѣшено уже его современниками, какъ видно изъ интересныхъ и разнообразныхъ отрывковъ и воспоминаній о Ключевскомъ людей, знавшихъ его, испытавшихъ на себѣ его личное обаяніе и воздѣйствіе его глубокаго научнаго ума. Они оцѣнили Ключевскаго съ различныхъ сторонъ—и какъ ученаго историка, и какъ педагога и руководителя молодыхъ ученыхъ, и какъ мастера слова, и какъ мыслителя, и какъ гражданина. Эти статьи (А. Ѳ. Кони, С. Ѳ. Платонова, Ю. И. Айхенвальда, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова, Ю. В. Готье, А. С. Лаппо-Данилевскаго, Б. И. Сыромятникова, М. К. Любавскаго, М. М. Богословскаго, Н. А. Умова) не только составили прекрасный вѣнокъ на могилу незабвеннаго историка, но могутъ служить введеніемъ въ богатую область творчества Ключевскаго.

Ѳ. М. Уманецъ. Проконсулъ Кавказа. Историческая монографія. Спб. 1912.

У насъ нѣтъ біографіи А. П. Ермолова, мы даже не позаботились собрать его приказы и переписку, даже порядочнаго изданія его „Записокъ" не имѣлось. Въ прошломъ году была напечатана (въ „Русс. Библіофилѣ") библіографія литературы о Ермоловѣ, и нѣтъ, кажется, болѣе краснорѣчиваго примѣра русской „лѣности и нелюбопытства", чѣмъ эта литература, сполошь состоящая изъ сырыхъ матеріаловъ, ждущихъ уже долгіе годы трудолюбиваго изслѣдователя, который создалъ бы исторію жизни замѣчательнаго человѣка. А ужъ Ермоловъ ли не былъ знаменитъ? Еще въ 1829 г. Пушкинъ по дорогѣ на Кавказъ, „сдѣлалъ двѣсти верстъ лишнихъ, зато увидѣлъ Ермолова". Настоящій эпическій герой, разносторонній дѣятель, поэтическая, изящная натура, одна изъ самыхъ великолѣпныхъ и стильныхъ фигуръ Александровской эпохи, Ермоловъ вдохновлялъ Пушкина и Лермонтова, и когда-нибудь, когда вернутся золотые дни русской литературы, внушитъ русскому художнику слова геніальную поэму, или романъ, или драму, а историкъ напишетъ достойную имени Ермолова монументальную біографію его. Покуда же будемъ благодарны г. Уманцу за его скромную работу, въ которой онъ попытался дать характеристику дѣятельности, личности и государственнаго значенія Ермолова. Ужъ самый объемъ работы (какая-нибудь сотня маленькихъ страничекъ) лишилъ автора возможности сказать о Ермоловѣ все, что слѣдовало сказать; о многомъ онъ вовсе умолчалъ, многаго коснулся лишь мимоходомъ (напр., вопроса объ отношеніяхъ Ермолова къ декабристамъ и политическому движенію конца Александровскаго царствованія) и не разъяснилъ ни одного изъ вопросовъ, связанныхъ съ дѣятельностью Ермолова. Все-же книжка г. Уманца, написанная легко и живо, не лишена своей цѣнности. Пожелаемъ кстати, чтобы родные Ермолова занялись систематическимъ изданіемъ матеріаловъ для его жизнеописанія и его писемъ, въ которыхъ такъ много бурной, ненасытимой энергіи и свѣтлаго ума.

Александръ Бенуа. Путеводитель по картинной галлереѣ Императорскаго Эрмитажа. Спб. Изданіе Общины Св. Евгеніи.

Это не обыкновенный путеводитель, съ краткими, чисто-формулярными справками, а настоящій собесѣдникъ-руководитель, необходимый всѣмъ, кто посѣщаетъ Эрмитажъ, и кто интересуется исторіей европейскаго искусства,—своего рода учебникъ этой исторіи, но написанный безъ малѣйшей учебной сухости. Такъ называемой „публикѣ", т. е. неспеціалистамъ, людямъ, въ быту которыхъ искусство по разнымъ житейскимъ условіямъ не можетъ занимать много мѣста, эта книжка въ доступной формѣ даетъ полезныя свѣдѣнія, указываетъ имъ, на что слѣдуетъ преимущественно направить вниманіе, помогаетъ имъ ориентироваться среди богатствъ Эрмитажа такъ, чтобы изъ знакомства съ ними можно было вынести какъ можно больше знаній и впечатлѣній. Обзоръ этотъ полно характеризуетъ безцѣнное собраніе художественныхъ сокровищъ, которымъ гордится Россія. Издана книга очень красиво, на прекрасной бумагѣ, съ множествомъ рисунковъ и предешево (2 руб. за переплетенный томъ).

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. „Царскій духовникъ" и другіе очерки и разсказы. Рисунки С. И. Панова. Изд. тов—ва „Просвѣщеніе". Спб. 1912.

Историческіе разсказы г. Сѣверцева, почти всѣ изъ прошлаго Россіи, не отличаясь значительными художественными достоинствами, могутъ служить полезнымъ чтеніемъ для молодыхъ читателей, которые встрѣтивъ знакомыя имена ихъ героевъ на страницахъ учебника или серьезной научной книги, быть можетъ внимательнѣе отнесутся къ послѣднимъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Графъ
Дмитрій Алексѣевичъ
Милютинъ.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Профессиональных

Памяти графа Д. А. Милютина.

25 января скончался въ Симеизѣ на 96 году жизни сподвижникъ великихъ реформъ Царя-Освободителя, генералъ-фельдмаршалъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

Дмитрій Алексѣевичъ родился въ 1816 году и, окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, поступилъ въ л.-гв. 1-ю артиллерійскую бригаду фейерверкеромъ въ 1833 году, въ этомъ же году онъ былъ уже прапорщикомъ, черезъ 2 года строевой службы поступилъ прямо въ старшій классъ Императорской военной академіи, награжденъ при выпускѣ чиномъ поручика и малой серебряной медалью, въ 1837 году переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ.

Въ 1839 году молодой поручикъ Милютинъ началъ на Кавказѣ свою боевую службу въ знаменитой Ахульгинской экспедиціи.

Въ самомъ началѣ экспедиціи Д. А. былъ раненъ въ плечо, но остался при отрядѣ, участвуя въ самыхъ опасныхъ дѣлахъ.

Въ 1842 году уже подполковникомъ генеральнаго штаба Милютинъ назначается на Кавказъ оберъ-квартирмейстеромъ войскъ кавказской линіи, а въ 1845 году профессоромъ военной географіи.

Д. А. былъ 11 лѣтъ самымъ выдающимся профессоромъ. Обручевъ, Драгомировъ, Лееръ и множество офицеровъ гордились тѣмъ, что были учениками Милютина.

Въ 1853 году появляется классическій трудъ Милютина о походѣ Суворова въ 1799 г. подъ заглавіемъ „Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей въ царствованіе Императора Павла I“.

Трудъ этотъ, по отзыву Грановскаго, „принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя необходимы каждому образованному русскому, и займетъ, безъ сомнѣнья, почетное мѣсто въ общеевропейской исторической литературѣ; это трудъ въ полномъ смыслѣ слова самостоятельный и оригинальный, изложеніе событій въ немъ отличается необыкновенной ясностью и спокойствіемъ взгляда, не отуманенными никакими предубѣжденіями, и тою благородной простотой, которая составляетъ принадлежность всякаго значительнаго историческаго творенія".

Въ 1856 г. Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Милютинъ назначается начальникомъ штаба Кавказской арміи [1]).

Начинается подготовка окончательнаго покоренія Кавказа. Въ 1859 г. взятъ Гунибъ, палъ Шамиль, и при самомъ энергичномъ содѣйствіи Милютина покоренъ Кавказъ.

Въ 1860 г. Д. А., будучи уже генералъ-адъютантомъ, былъ назначенъ военнымъ министромъ и до 1881 года занималъ эту должность.

Вся предшествующая боевая и ученая дѣятельность Дмитрія Алексѣевича всесторонне подготовили его къ той необычайной дѣятельности военнаго министра, которую онъ неуклонно проявлялъ въ теченіе 20 лѣтъ, когда стоялъ во главѣ военнаго министерства.

Такого военнаго министра въ Россіи до тѣхъ поръ никогда не было, а такой реорганизаціи арміи не было со временъ Великаго Петра.

Тяжелое наслѣдіе осталось ему послѣ Крымской кампаніи. Все надо было передѣлать, направить, и вотъ началась колоссальная во всемъ работа... Трудно сказать, чего только въ арміи не коснулась эта по-истинѣ титаническая дѣятельность.

Все пространство нашей обширной территоріи, для децентрализаціи власти, было раздѣлено Д. А. на округа, и это дѣленіе, вопреки увѣреніямъ нѣкоторыхъ, правильно и внѣдрилось въ нашу военную жизнь, цѣлесообразность его подтвердилась самой войсковой жизнью. Необходимо только, чтобы на пограничные округа назначались талантливые люди.

Боевыя силы Россіи увеличены почти вдвое. Реорганизованы резервныя и запасныя войска. Сформировано значительное число артиллерійскихъ и инженерныхъ парковъ и госпиталей. Для всѣхъ этихъ частей выработаны полные штаты.

---

[1]) Эти фактическія данныя заимствованы изъ ст. Бильдерлинга, „Воен. Сбор." с. г. к. 2.

Обученіе войскъ поставлено Д. А. на твердую почву, чуждую случайныхъ увлеченій. При немъ выработанъ точный планъ годовыхъ занятій въ войскахъ. На стрѣльбу было обращено особое вниманіе: учреждена инспекція стрѣльбы, которая значительно подняла искусство стрѣльбы въ войскахъ. Войска были снабжены прекрасными уставами, наставленіями и инструкціями, изъ нихъ выдѣлялись по особой талантливости изложенія уставы внутренней службы и дисциплинарной.

По веденію войскового хозяйства съ учрежденіемъ положенія о полковомъ и ротномъ хозяйствѣ круто измѣнился взглядъ на казенное имущество: назначеніе части на кормленіе при Милютинѣ стало полнымъ анахронизмомъ.

Во всѣхъ частяхъ были заведены громадные неприкосновенные запасы всему хозяйственному имуществу. Всѣ части снабжены обозомъ. На развитіе санитарныхъ частей и на снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ удѣлены соотвѣтствующія заботы министра.

На улучшеніе быта офицера и солдата Д. А. прилагалъ не мало заботъ. Увеличено жалованье. Учреждены офицерскія собранія и капиталы. Учреждена эмеритальная касса. Положеніемъ о ротномъ и полковомъ хозяйствѣ значительно улучшено матеріальное положеніе солдата, котораго стали одѣвать и кормить надлежащимъ образомъ. Много было построено Милютинымъ прекрасныхъ казармъ.

Срокъ службы для солдата былъ сокращенъ на 10 лѣтъ, а затѣмъ введена общеобязательная воинская повинность.

Благодаря введенію общеобязательной воинской повинности въ Россіи, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, удалось накопить значительный запасъ людей, уже бывшихъ подъ ружьемъ, и тѣмъ сравняться съ арміями первоклассныхъ державъ Европы.

Особое вниманіе обращалъ Милютинъ на развитіе образованія повсюду: и среди нижнихъ чиновъ и среди офицеровъ, а также и въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ желѣзной настойчивостью онъ проводилъ эту мысль неуклонно за 20 лѣтъ своего министерства.

Для рядовыхъ были учреждены ротныя школы, для унтеръ-офицеровъ—учебныя команды, для офицеровъ установлены вновь тактическія занятія,—для офицеровъ генеральнаго штаба учрежденъ новый практическій дополнительный курсъ,—сформированы военныя

и юнкерскія училища для подготовки офицеровъ, а дореформенные корпуса переформированы въ гимназіи, при чемъ для наилучшей подготовки учителей—учреждены педагогическіе курсы. Во всѣхъ частяхъ учреждены полковыя и ротныя библіотеки. Напрасно противники Милютина порицаютъ реформу корпусовъ: при слѣдующемъ министрѣ перемѣнился только составъ воспитателей, и милютинскій духъ еще и теперь тамъ господствуетъ.

Даже высшіе женскіе врачебные курсы, изгнанные изъ всѣхъ министерствъ, нашли при Милютинѣ пріютъ въ военномъ вѣдомствѣ.

На огражденіе личнаго достоинства солдата, офицера и начальника Дмитрій Алексѣевичъ потратилъ не мало силъ, здоровья и энергіи.

Въ русской арміи 17 апрѣля 1863 года уничтожены шпицъ-рутены, плети, клейменіе и приковываніе къ позорной телѣжкѣ.

Ограниченное примѣненіе розогъ оставлено только для штрафованныхъ; при Милютинѣ положенъ конецъ кулачной расправѣ въ арміи, для военно-служащихъ обнародованъ новый военно-судебный уставъ, учрежденъ военный судъ и военно-юридическая академія.

При Д. А. анонимы и доносы не поощрялись, и начальника нельзя было смѣнить по одному только доносу кого бы то ни было, не выслушавъ обвиняемаго начальника.

Отлично изучивъ многочисленныя причины неудачъ Крымской кампаніи, Милютинъ понялъ, что совершенно обезличенный и разруганный свыше начальникъ уже лишенъ всякой иниціативы и авторитета и не можетъ вести войска къ побѣдамъ.

Поэтому онъ никогда не набрасывался на начальниковъ и въ особенности при подчиненныхъ, щадилъ ихъ самолюбіе и самымъ деликатнымъ образомъ дѣлалъ замѣчанія, всегда памятуя, что такое обращеніе есть одинъ изъ залоговъ къ побѣдѣ.

Такое неизмѣнное обращеніе Дмитрія Алексѣевича невольно проникало въ сферу начальниковъ арміи, невольно просвѣтляло ихъ умъ и смягчало ихъ сердца, однимъ словомъ воспитывало начальниковъ.

Безпристрастный историкъ оттѣнитъ впослѣдствіи эту громадную заслугу Милютина для арміи.

При Милютинѣ измѣненъ порядокъ назначенія начальниковъ. Онъ сталъ выдвигать начальниковъ не по протекціи, а по заслугамъ. Конечно, при этомъ было много треній.

Позволимъ себѣ привести имена этихъ милютинскихъ орловъ: Абрамовъ, Анненковъ, Гурко, Дрентельнъ, Пржевальскій, Кауфманъ, братья Комаровы, Лазаревъ, Лееръ, Лорисъ-Меликовъ, Нагловскій, Нотбекъ, Обручевъ, гр. Евдокимовъ, Пузыревскій, Скобелевъ, Струковъ, Радецкій, Романовскій, Тергукасовъ, Черняевъ и др.

Чего стоятъ высокоталантливые, съ проблесками несомнѣнной геніальности—Обручевъ и Скобелевъ.

Даровитымъ людямъ прежней эпохи гр. Бергу и гр. Муравьеву и при Д. А. нашлось соотвѣтствующее назначеніе.

Талантливыя и вѣрныя указанія Милютина нашимъ военачальникамъ въ Средней Азіи далеко раздвинули предѣлы нашей родины.

Несмотря на частныя неудачи, въ общемъ война 1877—1878 г. была блистательна, и не вина Дмитрія Алексѣевича, что то, что было блистательно завоевано войсками, то провоевано дипломатіей на позорномъ берлинскомъ конгрессѣ. Заслуги Милютина въ русско-турецкую войну были награждены Царемъ Освободителемъ орденомъ Св. Георгія 2-й степени и возведеніемъ его со всѣмъ потомствомъ въ графское достоинство.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить о замѣчательномъ безкорыстіи и безпримѣрной скромности Дмитрія Алексѣевича.

Прозрѣвая своимъ широкимъ государственнымъ умомъ событія нашего недавняго прошлаго, Милютинъ на извѣстномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта 8 марта 1881 года совѣтовалъ завершить великія реформы Царя Освободителя обсужденіемъ предстоящихъ преобразованій при созывѣ земскихъ людей и, не получивъ одобренія на свое предложеніе, удалился отъ дѣлъ въ Симеизъ, гдѣ и пробылъ въ теченіе 30 лѣтъ до самой своей кончины.

Въ 1888 году мнѣ пришлось бывать въ Симеизѣ, гдѣ графъ Дмитрій Алексѣевичъ удостоивалъ меня чтеніемъ своихъ высокоинтересныхъ записокъ, касающихся войны 1877—1878 г.г. Разъ, по прочтеніи особенно интереснаго мѣста графъ сказалъ: „а мои недоброжелатели предсказывали передъ этой войной, что русская армія съ ея реформами будетъ въ предстоящую войну не на надлежащей высотѣ“.

Я позволилъ себѣ отвѣтить на слова Дмитрія Алексѣевича:

—„Ходъ событій войны ничѣмъ и никогда не подтвердилъ этихъ опасеній, а знаменитый художникъ Верещагинъ тремя безсмертными

картинами доказалъ, что духъ войскъ и дисциплина, несмотря на реформы, остались непоколебимы.

Первая картина изображаетъ часового въ траншеѣ на Шибкѣ, около котораго крутится снѣжный буранъ, подпись на картинѣ—знаменитое лаконизмомъ донесеніе Радецкаго: „на Шибкѣ все спокойно“. Во второй картинѣ художникъ нарисовалъ того же часового, уже до пояса занесеннаго снѣгомъ, съ тою же подписью. Въ третьей картинѣ уже нѣтъ часового, онъ занесенъ совсѣмъ снѣгомъ, изъ котораго торчитъ кончикъ штыка, а внизу та же безсмертная подпись: „на Шибкѣ все спокойно“.

При этихъ словахъ показались слезы на прекрасныхъ глазахъ Д. А.

Миръ праху твоему, великій государственный дѣятель, необыкновенный военный министръ и прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, посвятившій свою жизнь на служеніе просвѣщенію и пользѣ дорогой ему родины.

П. Вороновъ.

13. Н. П. Калинъ. Этюды объ А. Н. Островскомъ. М. 1912 (тамъ же).

14. В. Вальденбергъ. Государственныя идеи Крыжанича. Спб. 1912 (тамъ же).

15. „Русскій Библіофилъ“ 1911 г., № 5. „А. С. Пушкинъ“. (тамъ же).

16. „У Л. Н. Толстого въ послѣдніе годы его жизни“. Дневникъ В. Ѳ. Булгакова. Изд. тов-ва И. Д. Сытина. М. 1911 (тамъ же).

17. Труды слушательницъ Одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Т. I, вып. II, подъ ред. проф. И. А. Линниченко. Одесса. 1911 (тамъ же).

18. „Незабвенному В. В. Стасову“. Сборникъ воспоминаній. Спб. (тамъ же).

19. В. О. Ключевскій. Характеристика и воспоминанія. Изд. „Научнаго Слова“. М. 1912 (на оберткѣ мартовской книги).

20. Ѳ. М. Уманецъ. Проконсулъ Кавказа. Историческая монографія. Спб. 1912 (тамъ же).

21. Александръ Бенуа. Путеводитель по картинной галлереѣ Императорскаго Эрмитажа. Спб. Изданіе Общины Св. Евгеніи. Спб. (тамъ же).

22. Г. Т. Сѣверцовъ-Полиновъ. „Царскій духовникъ“ и другіе очерки и разсказы. Рис. С. И. Панова. Изд. тов.-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 1912.

23. „Муравейникъ“. Художественно-этнографическій и библіографическій сборникъ. За 1910 г., №№ 1—12, въ двухъ томахъ. Изданіе и редакція А. Е. Бурцева (тамъ же).

24. Левъ Ждановъ. Въ стѣнахъ Варшавы. (Цесаревичъ Константинъ). Историческій романъ-хроника. 1914—1831. Т. I. Издательство „Прометей“ Н. Н. Михайлова. Спб. (тамъ же).

25. А. В. Жиркевичъ. Изъ-за русскаго языка. (Біографія каноника Сенчиковскаго)—„Минская старина“, части I и II. Вильна 1911 (тамъ же).

26. Вас. И. Немировичъ-Данченко. Книга великой любви. Рисунки В. В. Спасскаго. Спб. 1912.—Мужицкая Обитель. Рисунки К. Н. Фридберга. Спб. 1912.—Боевая Голгоѳа. Изданіе 6-ое. Рисунки С. Ф. Плошинскаго. Спб. 1912. Изд. тов-ва „Просвѣщеніе“. (тамъ же).

27. Б. Б. Глинскій. Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки для юношества. Изд. 2-ое. Изд. тов-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1911 (тамъ же).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Открыта подписка на 1912 годъ на органъ финансовой и торгово-промышленной жизни.

ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(Годъ изданія 3-й). Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ

при участіи выдающихся авторитетовъ по всѣмъ отраслямъ экономической жизни.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ въ каждомъ номерѣ рядъ основныхъ статей по различнымъ вопросамъ государственнаго и народнаго хозяйства.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ своевременно даетъ точныя сообщенія о состояніи биржъ и денежныхъ рынковъ главныхъ центровъ Европы и полную картину дѣятельности столичныхъ фондовыхъ и товарныхъ биржъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія о Банковыхъ, Биржевыхъ и Страховыхъ дѣлахъ и Акціонерныхъ Торгово-Промышленныхъ Обществахъ въ Россіи.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія и отчеты по Нефтяной, Хлопковой, Лѣсной, Сахарной, Горной и Сельско-Хозяйственной промышленностямъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ является двухнедѣльнымъ журналомъ, въ которомъ дѣловой міръ найдетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія по всѣмъ интересующимъ его вопросамъ.

		На годъ	На 6 мѣс.
Подписная цѣна:	С.-Петербургѣ и въ провинціи . .	8 р.	5 р.
	За границу	10 „	6 „

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Невскій, 22.

Объявленія и подписка принимаются въ Редакціи журнала и въ книжныхъ магазинахъ. Подписавшіеся до 1-го января 1912 г. будутъ получать журналъ безплатно въ теченіе настоящаго года.

Редакторъ: *Н. П. Котовичъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, „Русская Старина", благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **А. А. Мазона**—Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. **В. М. Спасской.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **Н. А. Вилламовъ.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др.). **Е. Лермонтовой.**—Вопросъ о самодержавіи Царевны Софіи Алексѣевны.—По неизданнымъ документамъ. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзанова.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **П. К. Козлова.**—Николай Михайловичъ Пржевальскій. **А. И. Слезскинскаго.** — Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозарова.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдина.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева-Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Разгозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **Е. К. Андреевскій.**—М. И. Драгомировъ—командующій войсками округа и генералъ-губернаторъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ моихъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсиніусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкаго.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе", „Преступная мысль" и „О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ"). **М. М. Мариной.**—Лэди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка". **Н. А. Попова.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13,

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

(Окончаніе 1807 года).

1807 г. [1]).

Іюля 1. Понедѣльникъ. Вчера прибылъ курьеръ, потому ожидали сегодня или завтра пріѣздъ Императора. Миръ заключенъ.

2 Вторникъ. Въ 10 часовъ прибылъ генералъ-адъютантъ князь Михаилъ Долгорукій съ оффиціальнымъ извѣстіемъ отъ Императора о заключеніи мира и съ приказаніемъ отслужить молебенъ.

Послали за графомъ Кочубеемъ, фельдмаршаломъ Салтыковымъ и Вязмитиновымъ на совѣщаніе о молебнѣ. Государь приказалъ, чтобы все было сдѣлано какъ при заключеніи мира съ Турціей и Швеціей. Это совѣщаніе длилось все утро, наконецъ Императрица дала мнѣ переписать письмо князя Куракина къ ней, въ которомъ онъ прощается и говоритъ объ этомъ славномъ мирѣ—Императрица дала мнѣ прочесть три послѣднія письма Государя; въ письмѣ отъ 23-го мая, писанномъ въ отвѣтъ на возраженія Императрицы, онъ описываетъ генерала Беннигсена черными красками, какъ человѣка слабаго, который всѣмъ жалуется, оставивъ всѣхъ дѣлать, что кому угодно, что онъ ограбилъ и разорилъ край, что онъ отдалъ все довольствіе арміи одному излюбленному еврею, самъ участвовалъ въ его лихоимствѣ, и что армія совершенно разстроилась и не имѣетъ ни запасовъ, ни денегъ.—Такъ что по описанію Императора госу-

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1912 г.

дарству грозила большая опасность безъ этого мира, къ счастью что Бонапартъ при всемъ своемъ геніи имѣетъ слабость тщеславія, а Императоръ рѣшился пожертвовать своимъ въ пользу его мелкаго самолюбія и спасти государство, не слушая голоса своего самолюбія, что онъ считаетъ себя исполнившимъ долгъ и вмѣсто занятія непріятелемъ части государства онъ заключилъ почетный миръ, и Россія не только ничего не потеряла, но еще пріобрѣла участокъ съ 200 т. жителей (Бѣлостокъ). Молебенъ былъ назначенъ на завтра.

3 Среда. На молебенъ Императорская фамилія отправилась въ парадныхъ экипажахъ, сопровождаемая дворомъ, т. е. первыми чинами двора, камергерами и камеръ-юнкерами, шталмейстеры верхомъ и т. д.

5 Пятница. Государь пріѣхалъ около полуночи.

9 Суббота. Императрица сказала мнѣ, что она желаетъ предложить Государю помѣстить 50 раненыхъ офицеровъ въ больницѣ для бѣдныхъ, и приказала мнѣ озаботиться необходимыми приготовленіями для помѣщенія ихъ.

Декабрь 1807. 18 Среда. Весной умерла императрица австрійская. Какъ только было получено это извѣстіе, то распространилось общее мнѣніе даже въ Москвѣ, что открылась прекрасная партія для Великой Княгини Екатерины Павловны. Императрицѣ понравилась эта мысль, Великой Княгинѣ тоже, и князь Куракинъ, назначенный, наконецъ, посломъ въ Вѣну, снабженный конфиденціальнымъ письмомъ отъ Императрицы къ императору Францу, которымъ она предлагала своему шурину—дочь, собирался въ отъѣздъ, къ мѣсту назначенія. Кн. Куракинъ былъ остановленъ въ Тильзитѣ, тамъ заключилъ мирный трактатъ и пріѣхалъ въ Вѣну только въ іюлѣ, когда уже императоръ Францъ оказался помолвленнымъ со своей двоюродной сестрой, дочерью эрцъ-герцога Фердинанда Миланскаго. Также уже были не свободны принцы Виртембергскій и Баварскій, впрочемъ послѣдняго болѣе и не желали, *потому что они подымали оружіе противъ насъ, а это непріятно* [1]). Князь Куракинъ имѣлъ порученіе затронуть вопросъ относительно эрцъ-герцоговъ съ Стадіономъ и просить ихъ пріѣхать въ Россію. Онъ, испросивъ свиданіе для переговоровъ со Стадіономъ на другой день пріѣзда курьера, далъ понять ему, что курьеръ прибылъ съ однимъ порученіемъ, однимъ словомъ, взялся неловко за дѣло.

Стадіонъ отвѣтилъ ему наконецъ, что императоръ не можетъ пристраивать младшихъ своего дома, что даже число пристроенныхъ такъ велико, что становится въ тягость государству. Однимъ сло-

---

[1]) Par ce qu'il a porté les armes contre nous, et c'est désagreable.

вомъ, не удалось. А между тѣмъ слухъ распространился въ Германіи и во Франціи (о чемъ и писалъ Толстой), что Наполеонъ хочетъ развестись со своей супругой и просить руки Вел. Кн. Екатерины Павловны. Это обстоятельство заставило торопиться замужествомъ Вел. Кн. Императрица думала, что вслѣдствіе этого слуха ни принцъ Виртембергскій, ни Баварскій и ни одинъ изъ германскихъ принцевъ, которые могли чего-нибудь лишиться, не захотятъ ни пріѣхать, ни жениться, боясь не понравиться Наполеону и тѣмъ навлечь на себя мщеніе, а потому только дѣти эрцъ-герцога Фердинанда, которымъ нечего терять въ Германіи, могли считаться подходящими. Ея мысль была поселить одного изъ нихъ въ Россіи, дать чинъ фельдмаршала, губерніи: Лифляндскую и Курляндскую, 150.000 р. пенсіи, изъ которыхъ 50.000 назначить для потомства. Императрица написала сегодня проекты: записки, въ которой она излагаетъ свой планъ; письма эрцъ-герцогинѣ Беатрисѣ, въ которомъ она сватаетъ сына Фердинанда за Вел. Кн. Екатерину, и двухъ писемъ князю Куракину, изъ коихъ одно для того, чтобы показать на случай, если подымется вопросъ о прежнихъ предложеніяхъ, эрцъ-герцогу Карлу и принцу Виртембергскому, а другое съ изложеніемъ новаго проекта; но такъ какъ имѣлось въ виду отправить егермейстера графа Головкина въ Мюнхенъ и Штутгардъ собрать свѣдѣнія о двухъ принцахъ изъ этихъ домовъ, она предложила отправить его также черезъ Вѣну, снабдивъ письмами къ эрцъ-герцогинѣ Беатрисѣ для того, чтобы она въ случаѣ ея отказа за Фердинанда, пользуясь своимъ положеніемъ и уваженіемъ, дала бы ей мысль предложить вмѣсто Фердинанда эрцъ-герцога Максимиліана.—Если же будетъ отказъ за обоихъ, то Головкинъ поѣдетъ далѣе, объявивъ, что отправляется въ Швейцарію. Императрица отправила меня съ этими письмами къ гр. Кочубею.

По поводу слуховъ о разводѣ Наполеона Императрица сказала мнѣ, что въ Парижѣ объ этомъ говорили такъ много, что полицей-мейстеръ Фуше явился къ Жозефинѣ и спросилъ ее, она разсердилась и отправилась жаловаться супругу, а тотъ приказалъ арестовать многихъ лицъ. Толстой недавно объ этомъ писалъ и сообщилъ, сказала она, что онъ больше всѣхъ вѣритъ принцу Мекленбургскому, который втерся къ княгинямъ и императрицѣ Жозефинѣ. Этотъ принцъ Мекленбургскій писалъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ императрицѣ слѣдующій стоющій вниманія періодъ:

„Въ моемъ послѣднемъ письмѣ [1]) я сказалъ В. В-ву, что для меня

---

[1]) Dans ma dernière lettre, j'ai dit à V. M. qu'il ne me restait aucun doute sur la réalité de certains projets. J'ai si bien fait, que je suis parvenu à les

нѣтъ сомнѣнія относительно существованія извѣстнаго проекта. Я такъ хорошо повелъ дѣло, что достигъ полнѣйшаго его отстраненія, объ этомъ болѣе нѣтъ рѣчи. Я полагаю, что одержалъ блистательную побѣду".

„Не имѣя никакихъ тайнъ отъ В. В-ва, отъ моей доброй и милой матери, я не могу скрыть, что съ той поры я, кажется, нахожусь въ самомъ *исключительномъ положеніи.* Придумывайте все, что вамъ будетъ казаться *наиболѣе невозможнымъ въ свѣтѣ*, и я отвѣчу—все еще не то и т. д. [1])".

Не женится ли онъ на Жозефинѣ послѣ развода Наполеона? Не влюблена ли она въ него?

19 Четвергъ. Императрица поручила мнѣ написать инструкцію графу Головкину касательно его переговоровъ въ Вѣнѣ; едва я успѣлъ набросать черновое и еще не прочелъ даже, какъ Императрица возвратилась, взяла мое писаніе. Послѣ обѣда она прочла, добавила еще пару строкъ отъ себя и поручила мнѣ снести всѣ эти бумаги къ Государю. Утромъ еще я носилъ эти бумаги къ гр. Кочубею, и онъ нашелъ проектъ хорошимъ и соотвѣтствовавшимъ желанію многихъ, которые дѣлали вопросъ, почему не устроятъ Вел. К-ни въ Россіи. Онъ предпочиталъ дать эрцъ-герцогу одну изъ русскихъ губерній, нежели Курляндію и Лифляндію, потому что, сказалъ онъ, въ этомъ найдутъ еще предпочтеніе къ нѣмцамъ, въ которомъ обвиняютъ уже Государя и его семейство. Впрочемъ, прибавилъ графъ Кочубей, это довольно справедливо, и онъ самъ замѣтилъ, что при представленіи Государю кандидатовъ на какое-либо мѣсто можно быть увѣреннымъ, что онъ выберетъ нѣмца или даже поляка.

Вечеромъ былъ спектакль, я былъ приглашенъ Императрицей: давали Ecole des pères, хорошая нравственная пьеса и Les amis de lumière.

20 Пятница. Съ 5 часовъ утра писалъ оффиціальныя письма по поводу того же проекта и проекта письма къ Куракину. Императрица объявила мнѣ, что я долженъ завтра доложить всѣ бумаги объ этомъ Государю, а именно: 1-е планъ переговоровъ, 2-е частное письмо кн. Куракину, 3-е письмо ему же, назначенное для показыванія, для отклоненія предложеній эрцъ-герцога Карла и принца

écarter absolument, il n'en est plus question du tout. Je croyois avoir remporté une belle victoire.

[1]) N'ayant rien de secret pour V. M., pour ma bonne et gracieuse mère, je ne puis lui cacher que depuis, *je crois* me trouver dans la situation *la plus extraordinaire* du monde; pensez à tout ce qui Vous paraitra *le plus impossible* au monde et je pourrois Vous repondre que cela n'est pourtant pas...

Виртембергскаго, если подымется объ этомъ вопросъ, 4-е письмо къ эрцъ-герцогинѣ Беатрисѣ съ предложеніемъ о женитьбѣ эрцъ-герцога Фердинанда на Вел. К-нѣ, 5-е инструкція графу Головкину, 6-е другая инструкція ему же, 7-е рекомендательное письмо для графа Головкина къ эрцъ-герцогинѣ Беатрисѣ [1]).

21 Суббота. Въ 1 ч. по полудни я докладывалъ Государю всѣ эти бумаги. Государь сказалъ, что онъ былъ бы душевно радъ, если бы дѣло удалось, но онъ сомнѣвается, потому что эрцъ-герцогиня Беатриса прежде всего переговоритъ съ Императоромъ Францемъ, а онъ будетъ настаивать на своемъ первомъ отказѣ, тѣмъ болѣе, что Императоръ Францъ ничего не выиграетъ отъ этого брака и ничего не потеряетъ, если она его не допуститъ. Кромѣ того Государь боялся недоразумѣнія, потому что Стадіонъ прочтетъ, конечно, письмо эрцъ-герцогинѣ Беатрисѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ письмо къ Куракину, въ которомъ, повидимому, отказываются отъ перваго проекта, т. е. относительно эрцъ-герцоговъ Іоанна и Фердинанда, и которому она конечно не повѣритъ. Когда я передалъ это Императрицѣ, то она включила въ открытое письмо имя эрцъ-герцога Іоанна для того, чтобы этотъ отказъ относился только къ нему. Обѣдалъ у Императрицы. Я по приказанію Императрицы показывалъ эти бумаги Котанцову, но и тотъ полагалъ, что дѣло не удастся.

22 Воскресенье. Былъ во дворцѣ, послѣ обѣдни я былъ позванъ къ генеральшѣ Ливенъ, гдѣ находилась Императрица и графъ Головкинъ. Тутъ поднятъ былъ вопросъ относительно установленія предлога путешествія Головкина. Высочайше повелѣно графинѣ Головкиной говорить тѣмъ, кто будетъ спрашивать, что мужъ ѣдетъ въ Берлинъ, гдѣ находится въ настоящее время его больная мать. Головкинъ скажетъ своей женѣ, что дѣйствительная причина его отъѣзда это секретное порученіе къ Косвигу. Вечеромъ Государь подписалъ это повелѣніе.

26-го. Сегодня былъ обѣдъ въ кабинетѣ Императрицы. Обѣдали: она, Велик. Княжна, Мухановъ, Ланской, Крейтонъ и я. Вечеромъ былъ у Государя балъ. Хотя народу было меньше, нежели прошлый разъ, но балъ былъ очень оживленный. Императрица на балѣ сказала мнѣ, что Дивовъ выходитъ въ отставку, которую онъ просилъ письмомъ до такой степени дерзкимъ, что ему его возвратили и заставили написать другое.

26 Суббота. Я былъ въ канцеляріи, меня потребовала Импе-

---

[1]) Относительно предоставленія особыхъ условій для эрцъ-герцога Императрица составила отдѣльную бумагу, которую Государь подписалъ.

ратрица. Я отвѣтилъ камердинеру, что я не дежурный и потому не въ формѣ, и ушелъ домой. Дома я получилъ записку отъ Императрицы съ вопросомъ, почему я не пришелъ, и съ приглашеніемъ прйдти послѣ обѣда. Я засталъ тамъ Сутгофа, которому намылили голову за то, что Крейтонъ не былъ на экзаменѣ въ Повивальномъ институтѣ. Я объяснилъ, что записка была послана отъ института, а если Крейтонъ не знаетъ русскаго языка, то могъ бы спросить, вѣдь были же другіе, тоже не знающіе языка, по тѣмъ же запискамъ, и Сутгофъ въ этомъ не виноватъ.

— А мы съ вами виноваты, сказала Императрица, мы не пригласили министра внутреннихъ дѣлъ на экзаменъ, и приказала мнѣ написать ему письмо съ сожалѣніями о случившемся и просить его самому назначить день для второго экзамена.

Потомъ поднятъ былъ вопросъ объ устройствѣ больницы для роженицъ.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

Берлинскій Конгрессъ 1878 года [1]).

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

Вторникъ 6/18 іюня. Утромъ въ 11 ч. собрались у Шувалова, мы трое военныхъ и Убри.

— „Ну, г.г., сказалъ Шуваловъ, сегодня будетъ у насъ серьезный разговоръ. Англія предъявила письменное заявленіе Конгрессу, коимъ, соглашаясь на автономію Сѣверной Болгаріи, требуетъ предоставленія султану военнаго значенія въ южныхъ санджакахъ, если они должны составить особую провинцію. На присоединеніе къ Сѣверной Болгаріи Софійскаго санджака несогласна. Австрія обѣщала поддерживать насъ насчетъ включенія Софійскаго санджака въ Сѣверную Болгарію, если мы согласимся отодвинуть еще къ сѣверу южную границу конференціи „прорѣзывающую, по выраженію Австріи, по живому помаковъ“.

„На сегодня въ 12 ч. назначено въ англійскомъ посольствѣ совѣщаніе Англіи, Россіи и Австріи. Отъ Биконсфильда хотѣли было отдѣлаться, но онъ настоялъ на томъ, что придетъ.

„Военное вліяніе султана въ Южной Болгаріи англичане видятъ въ полной свободѣ располагать и двигать въ ней войска, тогда какъ наши уполномоченные имѣютъ право только согласиться на наблюденіе за Балканскими горами. Для разъясненія въ Петербургѣ всѣхъ вопросовъ и полученія къ 4-му засѣданію, въ пятницу, отвѣта, гр. Шуваловъ желаетъ послать, сегодня вечеромъ, Боголюбова на 24 ч., въ Царское Село.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1912 г.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

„Положеніе серьезно. Биконсфильдъ все болѣе и болѣе стоитъ на своемъ, выразившись, что едва-ли не лучше ему сѣсть въ вагонъ и выѣхать изъ Берлина. Тогда конечно Конгрессъ будетъ сорванъ".

Повредило ли бы это нашимъ дѣламъ? Вотъ въ чемъ вопросъ.

И такъ Россія одна, съ нею тѣ—и только для виду—которые хотятъ, придравшись къ случаю, обобрать Востокъ—австрійцы.

Въ 12 ч. Шуваловъ и Убри пошли въ англійское посольство, а насъ просили вновь зайти въ 3½ ч. Воспользовавшись перерывомъ, мы поспѣшили ознакомиться съ подробностями 2-го засѣданія Конгресса, бывшаго вчера.

Представленіе свое объ организаціи Болгаріи маркизъ Салисбюри изложилъ такъ:

„1. Que la principauté tributaire autonome de la Bulgarie soit restreinte à la partie Turquie européenne située au nord des Balkans.

„2. Que la province de la Roumelie et tout autre territoire au sud des Balkans soient sous l'autorité politique et militaire direct du sultan, toute précaution nécessaire etant prise pour que le bien-être des populations soit sauvegardé par des garanties suffisantes d'autonomie administrative, ou d'autre manière".

Графъ Шуваловъ указалъ на то, что если Англія не соглашается на границы Санъ-Стефано, то нельзя прямо перейти къ границамъ, выше опредѣленнымъ маркизомъ Салисбюри, и что есть еще полная возможность говорить о другихъ предѣлахъ Болгаріи, напр., тѣхъ, которые были опредѣлены на Константинопольской конференціи съ согласія представителей Европы.

Князь Бисмаркъ, замѣтя, что обсужденіе столь важныхъ вопросовъ во всѣхъ подробностяхъ на самомъ Конгрессѣ неудобно и грозитъ дѣлу, предложилъ, чтобы уполномоченные державъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ обсуждаемомъ дѣлѣ, собирались на частныя совѣщанія, приходили на нихъ къ болѣе опредѣленнымъ соглашеніямъ и потомъ уже вносили ихъ на Конгрессъ въ разработанномъ и удобномъ для утвержденія видѣ. Подобное совѣщаніе онъ предложилъ имѣть по Болгарскому вопросу.

Тогда графъ Андраши высказалъ, что въ дѣлѣ опредѣленія западныхъ границъ Болгаріи весьма заинтересована Австрія, а потому находилъ необходимымъ, чтобы и она имѣла своего представителя на такомъ частномъ совѣщаніи.

Конгрессъ единогласно постановилъ, чтобы уполномоченные Австріи, Англіи и Россіи занялись вопросомъ о разграниченіи Болгаріи и труды свои представили на одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Конгресса.

Вотъ почему и были уже частные переговоры между Австріей, Англіей и Россіей, о которыхъ утромъ сообщалъ намъ гр. Шуваловъ, и которые вновь должны были возобновиться сегодня въ 12 ч. въ домѣ англійскаго посольства.

Сдается мнѣ, что подобный порядокъ обсужденія дѣлъ для насъ невыгоденъ. Въ частномъ совѣщаніи представителей трехъ державъ, очевидно, большинство будетъ противъ насъ, слѣдовательно, или придется съ ними согласиться, поступаясь съ сущностью дѣла, или прекратить частное совѣщаніе и внести вопросъ на Конгрессъ, т. е. начать съ начала. На Конгрессѣ союзниковъ у насъ нѣтъ, но изъ державъ, несущественно заинтересованныхъ, напримѣръ, границами Болгаріи, къ намъ могутъ присоединиться болѣе безпристрастныя, для которыхъ игра Англіи и Австріи, во всякомъ случаѣ, не можетъ не казаться своекорыстною и вредною для судьбы Балканскихъ христіанъ. Съ другой стороны, проектированіе граничной линіи на картѣ дѣйствительно очень затруднительно для Конгресса въ полномъ его составѣ. Посмотримъ, что выйдетъ.

Второе засѣданіе Конгресса не обошлось безъ новой дерзости Англіи по нашему адресу. Англія, говорилъ маркизъ Салисбюри, не можетъ дозволить Россіи низвести Турцію на степень полнаго себѣ подчиненія; она обязана предоставить ей если не полную степень прежней независимости, потому что нельзя совершенно уничтожить результаты войны (car on ne saurait entiérement anéantir les resultats de la guerre), то независимость относительную, которая давала бы ей возможность достаточно защищать свои интересы стратегическіе, политическіе и коммерческіе, которыхъ Турція попрежнему остается охранительницей.

На эту выходку и выраженія Салисбюри anéantir les resultats de la guerre, гр. Шуваловъ отвѣтилъ, что Россія явилась на Конгрессъ для того, чтобы согласовать Санъ-Стефанскій договоръ съ общими интересами Европы, а отнюдь не для уничтоженія результатовъ войны, по поводу которой она принесла столько жертвъ. Вотъ эта-то находчивость Шувалова и умѣнье отразить неожиданное нападеніе такъ и понравились дипломатамъ и заставили ихъ говорить о его способностяхъ. (См. выше подъ 5/17 іюня).

„Хуже чѣмъ я думалъ, сказалъ гр. Шуваловъ, входя въ ½ 5-го въ комнату, гдѣ мы его ожидали. Я такъ истомился, г.г., что попрошу дозволенія отдохнуть съ полчаса".

Однако онъ скоро пришелъ и сталъ говорить въ общихъ чертахъ, а потомъ пошелъ со всѣми тремя нами къ Убри, гдѣ и былъ общій разговоръ для нашего свѣдѣнія и составленія донесенія Государю.

Софіи даютъ *или* взамѣнъ Варны съ terrains adjacents *или* взамѣнъ земель по долинамъ Месты и Струма, т. е. стало быть по самыя границы Софійскаго и Филиппопольскаго санджаковъ. Разумѣется, всѣ мы высказались за обмѣнъ Софійскаго санджака на земли сѣверо-восточной Македоніи.

На завтра предположено собрать комиссію изъ военныхъ представителей Россіи, Англіи и Австріи для опредѣленія границъ Болгаріи, а разговоръ о нихъ на Конгрессѣ отложенъ до пятницы.

Завтра, 3-го, засѣданіе Конгресса, на которомъ не будутъ говорить о Болгаріи.

Для доклада о положеніи дѣлъ и полученія необходимыхъ разъясненій, сегодня вечеромъ выѣхалъ въ Петербургъ полковникъ Боголюбовъ.

Среда 7/19 іюня. Уполномоченные Россіи, Англіи и Австріи, получивъ согласіе Конгресса (на 2-мъ засѣданіи) обсудить на частномъ совѣщаніи предложенія маркиза Салисбюри объ образованіи княжества Болгарскаго и Румелійской провинціи, согласились между собою—вопросъ собственно о границахъ этихъ двухъ территорій обсудить отдѣльно въ комиссіи изъ военныхъ офицеровъ, состоящихъ при уполномоченныхъ. Въ комиссію эту, названную „la commission des délégués spéciaux de delimitation"—назначены: со стороны Россіи—я, Бобриковъ и Боголюбовъ; со стороны Англіи генералъ Симмонсъ и капитанъ Ardagh, оба инженеры, и отъ Австріи—баронъ фонъ Швегель, начальникъ отдѣленія въ мин. ин. дѣлъ, и подполковникъ генеральнаго штаба фонъ-Тёммель.

Мѣстомъ засѣданія комиссіи выбрали залу бывшей квартиры князя Бисмарка въ домѣ мин. ин. дѣлъ на Вильгельмштрассе, 76. Сегодня, рано утромъ меня разбудили извѣщеніемъ, что наша комиссія собирается на первое засѣданіе сегодня же, въ 9 ч. утра. Одѣвшись, я зашелъ къ Бобрикову и вмѣстѣ съ нимъ (Боголюбовъ вчера уѣхалъ въ Петербургъ), ровно въ 9 ч. былъ въ назначенномъ мѣстѣ.

Насъ ввели въ весьма большую комнату, носящую слѣды прежней богатой отдѣлки, но находящуюся теперь въ запущеніи. На дверяхъ и окнахъ нѣтъ ни портьеръ, ни занавѣсокъ, по стѣнамъ стоитъ нѣсколько разнокалиберной мебели, по срединѣ комнаты

наскоро ставили какой-то невзрачный раздвижной столъ, и въ то же время нѣсколько человѣкъ мели полъ. Приказаніе приготовить комнату пришло только сегодня утромъ, и къ назначенному сроку ничего еще не было приготовлено. Администрація дома извинилась передъ намъ и предложила пройти въ другія комнаты, но мы предпочли прогулку по Вильгельмштрассе, гдѣ вскорѣ и встрѣтили нашихъ англійскихъ коллегъ, а потомъ, въ прибранную уже кое-какъ залу, около половины десятаго подошли и австрійцы.

Познакомясь другъ съ другомъ, мы приступили къ рѣшенію данной намъ задачи. Австрійцы объяснили данныя намъ указанія, оказавшіяся тождественными съ нашими; англичане же сказали, что не имѣютъ никакихъ данныхъ о введеніи Софійскаго санджака въ составъ княжеской Болгаріи, и объявили, что это вопросъ спорный, еще подлежащій подробному обсужденію. Сразу стало ясно, что предстоятъ большіе споры.

Послѣ потери немалаго времени, согласились наконецъ опредѣлить:

а) восточную половину южной границы Румеліи, примѣрно отъ Мустафы-Паши до Чернаго моря.

б) потомъ границу terrains adjacents de Varna, на случай ихъ обмѣна за Софійскій санджакъ.

в) западную границу Болгаріи, отдѣляющую ее отъ Салоникскаго вилайэта, и

г) границу по Балканамъ между Болгаріей и Румеліей.

Засѣданіе наше продолжалось съ 9 ч. утра до 12 и потомъ съ $2^1/_4$ до 6. Воспользовавшись перерывомъ, я былъ у Шувалова, чтобы передать ему передъ началомъ 3-го засѣданія Конгресса—о происходившемъ въ нашей комиссіи, при чемъ выразилъ мнѣніе о невозможности достигнуть какихъ-либо благопріятныхъ результатовъ, совѣщаясь только съ англичанами и австрійцами.

Въ этотъ же промежутокъ времени, чтобы быть ближе къ нашимъ уполномоченнымъ, я переселился изъ Hôtel de Rome въ Windzor Hôtel на Behren Strasse какъ разъ за домомъ нашего посольства. Новое мое помѣщеніе не такъ элегантно, какъ прежнее, и самый отель второразрядный, но за то все подъ рукою.

Попытка наша установить какія-либо общія основанія для разграниченія—не удалась. Англичане упорно ни на что не соглашались и протестовали противъ всякихъ основаній стратегическихъ, географическихъ и этнографическихъ. Подобныя отрицанія нисколько не стѣсняли ихъ, однако, обращаться къ этимъ основаніямъ всякій разъ, когда то было для нихъ выгодно, т.-е. уменьшало раз-

мѣры Болгаріи и побольше оставляло за Турціей. При проведеніи границы, по одному и тому же участку, на разстояніи какой-нибудь сотни верстъ, англичане отстаивали одну ея часть по причинамъ этнографическимъ, другую, совершенно съ нею однородную, хотѣли уже пріурочить къ географическимъ особенностямъ края, а далѣе выдвигали впередъ стратегическое значеніе. Вообще же они мало заботились объ объясненіи и ограничивались заявленіемъ: „мы такъ находимъ лучше и отъ своего мнѣнія не отступимъ“. Упорство англичанъ было поразительное, раздражающее и нерѣдко выводило изъ всякаго терпѣнія не только насъ, но и австрійцевъ [1]). Несмотря на такой способъ веденія дѣла, мы все-таки обсудили всѣ границы и записали ихъ направленіе не въ видѣ всѣми одобреннаго результата совѣщаній, а только для того, чтобы имѣть слѣдъ англійскихъ предложеній.

Южная граница. Граница эта состояла изъ двухъ частей: западной, шедшей отъ мыса Лагосъ влѣво по Эгейскому морю и далѣе, и восточной, сплошь сухопутной, отходившей довольно далеко къ сѣверу. Нашему обсужденію подлежала собственно эта восточная часть границы, гдѣ мы заранѣе отказывались (см. дальше подъ 4/16 іюня) защищать значительный ея выступъ въ окрестностяхъ г. Люле-Бургаса. Вотъ что мы записали по этой линіи. „Граничная линія между Румеліей и Адріанопольскимъ вилайэтомъ, сливаясь съ демаркаціонной линіей, опредѣленной Санъ-Стефанскимъ договоромъ между Крушево-Дагъ и окрестностями Мустафы-Паши, направится (карта Киперта) отъ избраннаго въ его окрестностяхъ на р. Марицѣ пункта къ сѣверу, чтобы между Дервишъ-Тепе и Суджакомъ къ р. Тунжѣ, которую перейдетъ по направленію Буюкъ-Дербентъ, остающійся къ сѣверу. Оттуда линія направится къ востоку, проходя между Кайбиларомъ и Девлетъ-Агачемъ, черезъ Канару, оставляя ее къ югу; достигнувъ источниковъ Теке-дере линія

(русское предложеніе) направится на Гохтепе и Василико на Черномъ морѣ, проходя къ югу отъ Василико-дере и оставляя Василико къ сѣверу.

---

[1]) Здѣсь разскажу интересный по поводу этихъ споровъ случай. Выведенные изъ себя безобразіями англичанъ—собственно только одного генерала Симмонса, такъ какъ капитанъ Ардагъ молчаливо во всемъ съ нимъ соглашался,—я и Бобриковъ, говоря между собою по-русски, непохвально отозвались о ихъ дѣйствіяхъ. Австріецъ Швёгель, сидѣвшій рядомъ, отзываетъ насъ въ сторону и говоритъ по-французски: „господа, я долженъ предупредить васъ, что понимаю по-русски и даже написалъ книгу на словацкомъ нарѣчіи—моя мать словачка“. Однако вы замѣчательный лингвистъ, говоритъ кто-то изъ насъ: говорите по-нѣмецки, французски, англійски и знаете славянскіе языки. Какой же языкъ вы изучали спеціально для вашей карьеры?—„Арабскій“.

(англійское предложеніе) „продолжится къ Черному морю въ окрестностяхъ Шайтанъ-дага, проходя между Текенджи и Оренкіой, слѣдуя по водораздѣлу, отдѣляющему воды, впадающія въ Черное море, между мысомъ Айа-Галина и Василико отъ водъ, туда же текущихъ къ сѣверу отъ этого мыса.

Граница des terrains adjacents de Varna. Мысль объ исключеніи изъ состава Сѣверной Болгаріи Варны и оставленіи этого важнаго порта и крѣпости въ рукахъ Турціи была до такой степени нелѣпа, что ни мы, ни австрійцы не вмѣшивались въ измышленія англичанъ и записали, для видимости, все, что они предложили. Вотъ ихъ предложеніе.

„Варна и прилегающая къ ней мѣстность. Начинаясь у мыса Кали-Акра и слѣдуя по водораздѣлу между притоками Чернаго моря къ югу отъ этого мыса съ одной стороны и притоками Чернаго же моря или Дуная къ сѣверу отъ этого мыса съ другой стороны, граница пройдетъ къ югу отъ Хаджи-Оглу-Базарджика, къ сѣверу отъ Козлуджи и около Язо-Тепе и достигнетъ границы Варнинскаго санджака около Тюркъ-арнаутлара. Далѣе линія идетъ по этой границѣ къ югу до Акили-Камчикъ и восточнѣе Янково. Подымаясь, по Камчику, до Кучукъ-Камчикъ, граница пойдетъ по этой рѣкѣ до пункта къ сѣверу отъ Чалыковака, гдѣ упрется въ Балканы". Такимъ образомъ шутники англичане хотѣли отхватить отъ Болгаріи—Варну, Проводы, Козлуджу и чуть не до Кошла, а къ юго-востоку все до Эмине-Дага!

Граница между Болгаріей и Салоникскимъ вилайэтомъ. „Эта граница, начинаясь на сѣверѣ у горы Чрны Врхъ, пунктѣ соединенія съ сербской границей, пройдетъ сперва на югъ чрезъ Бабину поляну, обойдетъ затѣмъ на высотѣ Дуравицы, Китки и Едилова (Uzma) Планина къ юго-западу, чтобы слѣдовать по линіи водораздѣла между Тересницей съ одной и ручьемъ Лука съ другой стороны. Она пересѣчетъ дорогу Егри-Паланка—Кюстендиль на высотѣ Дрела Брда, раздѣля бассейны Лѣпницы и Егры (Крива рѣка). Оттуда граница, придерживаясь постоянно линіи раздѣла водъ, текущихъ на востокъ въ Струму и на западъ въ Вардаръ, пойдетъ по вершинамъ (гребнямъ, crête) горъ Карвена Ябука, Гитка и Свегра Планина до Малесъ Планина и границы между санджаками: нынѣшнимъ Софійскимъ (Кара-Джума) и Серескимъ. Поворачивая оттуда къ востоку, линія пойдетъ по санджаковой границѣ чрезъ Леска Врхъ и Трескова, перейдетъ Струму ниже Крупника и направится затѣмъ въ сѣверо-западномъ направленіи на вершины Родопскихъ горъ чрезъ Србинъ-Оглы, Капетникъ Балканъ, Адсжи-Гедукъ, Кадымесаръ-Балканъ, Некофъ-Тепе, Демиръ-Капу, Джадиръ-

Тепе до Белабанджи-Ейласи, точки соединенія границъ Болгаріи, Румеліи и Салоникскаго вилайэта".

Граница Румеліи и Салоникскаго вилайэта. „Отъ этого пункта граница Салоникскаго вилайэта пойдетъ въ юго-восточномъ направленіи по вершинамъ горъ, отдѣляющихъ бассейнъ р. Месты отъ бассейна р. Марицы и разныхъ притоковъ ея праваго берега до Крушево-Дагъ, гдѣ соединяется съ границами вилайэтовъ Салоникскаго и Адріанопольскаго и Румеліи.

„При уступкѣ Софійскаго санджака, придется провести границу только между санджаками Софійскимъ и Филиппопольскимъ. При этомъ уполномоченные Англіи получили приказаніе настоять на проведеніи этой границы такъ, чтобы отдѣлить воды Марицы, для чего пограничная черта, начинаясь у горы Рабаницы, пойдетъ по вершинамъ горъ, отдѣляющихъ воды Марицы отъ водъ, текущихъ въ Дунай (Искеръ), и пройдетъ между Самоковомъ и Бани, чтобы выйти къ Белабанджи-Ейласи".

Вообще англичане говорили, что даже уступка Турціи Варны съ окрестностями не можетъ повлечь за собою согласія на включеніе Софійскаго санджака въ составъ Болгаріи, такъ какъ санджакъ этотъ чрезвычайно важенъ для Турціи. Да кромѣ того, отдача Софіи была бы совершенно противна главнымъ принципамъ лондонскаго соглашенія между Англіей и Россіей, по которому предѣлы Болгаріи ограничиваются Балканами, а Софія лежитъ на южной ихъ сторонѣ, ибо Балканскій хребетъ тянется отъ Эмине-Дага въ западномъ и далѣе въ сѣверо-западномъ направленіи, направляясь къ сербскимъ границамъ выше сѣверныхъ предѣловъ Софійскаго санджака. Такое понятіе о Балканахъ вызвало жаркую отповѣдь съ нашей стороны. Англичане упорно стояли на своемъ, говоря, что такъ, какъ они, толкуютъ не только на самихъ мѣстахъ, но и научные авторитеты. Австрійцы присутствовали равнодушно при нашемъ поединкѣ, не соглашаясь прямо съ англичанами и не противорѣча намъ. Дѣло однако рѣшила справка чисто-научнаго свойства. Бобриковъ указалъ на труды нѣмецкаго ученаго, вѣнскаго профессора Гогштетера, доказавшаго, что по геологическому составу прямымъ продолженіемъ Балканскаго хребта, начинающагося у Эмине-Дага, слѣдуетъ считать не тѣ горы, которыя идутъ по сѣверную сторону Софійскаго санджака, а тѣ, которыя отдѣляютъ его отъ Филиппопольскаго. Такимъ образомъ, если южною границей княжеской Болгаріи слѣдуетъ принять Балканы, то надо брать настоящія, т. е. именно тѣ, которыя мы считаемъ Балканами, и тогда Софійскій санджакъ безспорно долженъ входить въ составъ Болгаріи.—„Развѣ вашъ ученый именно такъ опредѣляетъ значеніе

Балканъ?“ спросилъ Симмонсъ Швегелъ.—„Заявленіе нашихъ русскихъ коллегъ совершенно вѣрно“, отвѣчалъ тотъ. Послѣ этого англичане заявили, что во всякомъ случаѣ о передачѣ Болгаріи всего Софійскаго санджака не можетъ быть рѣчи, а слѣдуетъ сдѣлать въ немъ большія урѣзки съ цѣлью оставить Турціи Нхишманскій проходъ и другія важныя позиціи.

Граница по Балканамъ. Хотя англичане и согласились, что линія Балканъ понимается ими не такъ, какъ понимаемъ ее мы и австрійцы, но все-таки они стоятъ за ту границу по Балканамъ, которую проектировали по прежнимъ своимъ взглядамъ. Мы записали ее опять-таки, только для свѣдѣнія. Обозначеніе этой границы англичанами на картѣ возбудило снова безконечные споры между ими и нами. Здѣсь англичане, охотно принимавшіе для другихъ границъ водораздѣлы и гребни хребтовъ (crête), выставили новый принципъ стратегическихъ поясовъ (zone) въ пять километровъ ширины. Они говорили, что вести границу по гребнямъ Балканъ нельзя, такъ какъ тогда Турція не будетъ имѣть возможности защищать проходы, а для ихъ защиты она должна имѣть въ своихъ рукахъ оба выхода, чтобы имѣть возможность всегда свободно войти въ Болгарію, а съ другой стороны затруднить болгарамъ доступъ за Балканы. Противъ возраженій, что такая граница будетъ рѣзать населеніе по живому и совершенно немыслима, Симмонсъ говорилъ, что онъ лично проводилъ границу между Канадой и Соединенными Штатами и почти на всемъ протяженіи провелъ ее по прямой линіи. Разницы между густо населеннымъ краемъ и пустыней онъ не хотѣлъ и знать. Вотъ англійская граница по Балканамъ: „Отъ мыса Эмине граница пойдетъ, слѣдуя по гребнямъ Эмине Балкана до Топчимахала; спускаясь у Ерезилера, линія продолжается до Дели-Камчика, который переходитъ ниже Баялара; оттуда, обходя съ сѣвера Чаликовакъ, достигаетъ Буюкъ-Камчика у Іюнлюжера. Поднимаясь по Камчику черезъ Катакъ до Новосела, она переходитъ тамъ въ притокъ р. Янтры, коимъ спустившись до Абанлармахале, она поднимается по другому притоку и чрезъ Куртоларъ и Булгаркіой до Кецидере; оттуда прямой линіей чрезъ Тоспатларъ до ручья Дренска. Отъ Дренска, поднимаясь, пойдетъ въ Кладеницы. Оттуда она перейдетъ контрофорсы Батора и Бузовецъ Балканъ въ среднемъ разстояніи пяти километровъ, чтобы достигнуть Травнинскаго ущелья въ Пласковцѣ; оттуда прямой линіей къ соединенію Янтры съ Поничаркой Дере, которою поднимается до Магарица-Дагъ, переходитъ Бѣларѣку и Траянъ, и держась постоянно въ томъ же разстояніи около пяти километровъ, она идетъ вдоль главной цѣпи Коджа-Балканъ между Траяномъ и

Табакомъ, спустится чрезъ Острецъ и достигнетъ ручья Краево у подножья монастыря Св. Николая; отъ Краевы она поднимается рѣкою Жетовицей, пройдетъ къ сѣверу отъ Траянскаго ущелья и достигнетъ Бѣлой Осмы (Осма). Затѣмъ, переходя Бѣлый Видъ и Заводне, прямой линіей пойдетъ чрезъ Падесъ къ сѣверу отъ Этрополя чрезъ Гребенъ до дороги изъ Орханіэ въ Софію, которую перейдетъ къ югу отъ Врачежа, поворачивая къ сѣверо-западу и проходя чрезъ Озеновтакъ, она достигнетъ р. Искеръ у Гавроницы. Поднимаясь по Искеру до Оплета, она восходитъ на Соколецъ Планину и пройдетъ чрезъ Козницо Планину до Орта, караулъ на дорогѣ изъ Берковца въ Софію, которую тамъ и переходитъ. Далѣе идетъ вдоль Коджа-Балканъ, Ципровецъ-Балканъ и Св. Николай въ разстояніи до пяти километровъ, чтобы чрезъ Урбовацъ достигнуть старой сербской границы у Кули-Кадыбугазъ".

Записываю одно изъ безобразій, допущенныхъ лицами, снаряжавшими нашихъ уполномоченныхъ на конгрессъ. Когда мы (военные) узнали, что на насъ будетъ возложено проектированіе границъ, то въ тотъ же день (6-го іюня) обратились въ путевую канцелярію канцлера за необходимыми для насъ картами. Никакихъ картъ для подобныхъ занятій не оказалось. У меня рѣшительно ничего не было съ собой, такъ какъ меня схватили на дорогѣ, Бобриковъ имѣлъ карту Сербіи, а Боголюбовъ—Черногоріи. Бросились въ магазины—тоже нѣтъ полнаго экземпляра австрійской карты Балканскаго полуострова. Пришлось явиться на первое засѣданіе безъ всякихъ картъ. Случай этотъ повелъ однако къ выгоднымъ лично для насъ результатамъ. Въ теченіе года кампаніи мы всѣ трое такъ ознакомились съ мѣстностью, что неглядя на карту могли направлять по ней линіи. Читаютъ англичане нѣсколько названій различныхъ мѣстностей и начинаютъ ихъ усердно разыскивать на картѣ. Бобриковъ говоритъ: нашли, напримѣръ, Мустафу-Пашу? — Нашли. — Ведите теперь пальцемъ къ сѣверу верстъ 20, теперь направо, еще направо, тутъ и есть, что ищете. Такое знаніе карты и мѣстности удивляло нашихъ коллегъ. Даже суровый Симмонсъ не могъ воздержаться и безпрерывно говорилъ „удивительно, какъ вы, M-rs les russes, изучили Турцію".

NB. Карты мы потомъ выписали изъ Вѣны чрезъ нашего военнаго агента полковника Фельдмана.

Сообщила А. С. Анучина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

II. Семинарія[1]).

Николай Гавриловичъ подросъ; надо его было отдавать учиться. Въ мѣстное духовное училище, говоритъ Ф. В. Духовниковъ, Гавріилъ Ивановичъ не хотѣлъ отдавать сына, тѣмъ болѣе, что ректоръ Саратовскаго духовнаго училища, священникъ Амальевъ, не пользовался репутаціей честнаго человѣка. Какъ извѣстно, Г. И., давъ своему сыну домашнее образованіе, направилъ его въ Саратовскую семинарію. Но на самомъ дѣлѣ, Н. Г. былъ въ училищѣ. (Юдинъ, П. „Истор. Вѣст.“, 905, 12).

По мѣрѣ того, какъ росъ Чернышевскій, въ немъ возростала и любовь къ чтенію. Книги его очень интересовали; придетъ ли къ нему кто-нибудь изъ товарищей, или самъ Н. Г. зайдетъ къ товарищу,—сейчасъ начнетъ разсказывать, что прочиталъ. „А, вѣдь, какъ занимательно“, скажетъ при этомъ.

У Николая Гавриловича было сильно развито стремленіе помогать другимъ въ учебныхъ занятіяхъ; въ томъ кварталѣ, гдѣ находился домъ его отца, было много мальчиковъ, моложе и старше Н. Г. Съ ними часто игралъ Николай Гавриловичъ; но всегда онъ предпочиталъ книги играмъ. Самъ онъ никогда не отрывалъ ни-

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1912 г.

ного отъ учебныхъ занятій, но даже оставлялъ игры, если видѣлъ, что мальчикъ учитъ урокъ и не понимаетъ чего-либо [1]).

Въ домѣ Чернышевскихъ до сихъ поръ существуетъ мезонинъ, въ которомъ всегда занимался Н. Г., будучи мальчикомъ; да и для взрослаго это было любимымъ мѣстомъ для чтенія. Въ этомъ мезонинѣ и жилъ Н. Г., когда выросъ. Отсюда открывается прелестный видъ на Волгу (тогда Волга около Саратова была шириной до семи верстъ), слободу Покровскую, Зеленый островъ, знаменитый Увекъ, служившій однимъ изъ главныхъ предметовъ разговоровъ и изслѣдованій Г. С. Саблукова, знакомство съ которымъ не осталось безъ вліянія на Чернышевскомъ.

Въ семинаріи ближе другихъ для Николая Гавриловича были товарищи Левицкій и Мансветовъ.

Первый отличался большой самостоятельностью. Еврейскій языкъ тогда преподавалъ въ семинаріи А. Т. Петровскій, выдававшій ученикамъ, вмѣсто учебника, свои записки. Левицкій, хорошо знавшій еврейскій языкъ, исчеркалъ эти записки, найдя въ нихъ много ошибокъ, и исправилъ ихъ. Узнавъ объ этомъ, Петровскій спросилъ Левицкаго: „Зачѣмъ ты такъ исчеркалъ мои записки?“

Грубый и дерзкій Левицкій отвѣтилъ: „А зачѣмъ вы наврали?“ Левицкаго лишили казеннаго содержанія.

Мансветовъ иногда (раза два на недѣлю) заходилъ на домъ къ Чернышевскому, но ненадолго; можетъ быть, ему не совсѣмъ нравился пріемъ у Николая Гавриловича, такъ какъ Мансветовъ очень любилъ выпить.

Вообще, въ то время (1830—40 г.г.) грубость, худыя манеры, невоздержная жизнь процвѣтали въ семинаріи. Даже Иринархъ Ивановичъ Введенскій (ранѣе Чернышевскаго учившійся въ семинаріи) былъ крайне невоздержной жизни и скандалистъ большой руки. Левицкій за пьянство кончилъ курсъ во второмъ разрядѣ.

Что касается внѣшности саратовскихъ семинаристовъ, то она была очень неказиста: въ казинетовыхъ сюртукахъ, съ костяными пуговицами, многіе ходили нечесанными,—гребенки стоили денегъ, а ихъ у семинаристовъ не было. Преосвященный Іаковъ (Вечерковъ) даже косо смотрѣлъ на тѣхъ, которые любили прилично одѣться; такъ, онъ не долюбливалъ и не представлялъ къ наградѣ

[1]) Для біографіи Н. Г. Чернышевскаго имѣетъ значеніе книга М. Воронова „Болото. Картины С.-Петербургской, Московской и провинціальной жизни“. СПБ. 1870. Здѣсь подробно говорится о „Малой Азіи“, т. е., дворѣ—мѣстѣ игръ Н. Г., дворѣ самого Воронова и гимназическихъ учителяхъ съ которыми пришлось имѣть дѣло Н. Г—чу. Самъ Вороновъ—секретарь Чернышевскаго въ Петербургѣ.

одного хорошаго и трезваго учителя только за то, что онъ одѣвался очень прилично и носилъ бакенбарды.

Теперь, каковъ былъ учительскій персоналъ семинаріи того времени (30—40-ые годы)?

Многіе учителя, или, какъ ихъ тогда называли, профессора, составляли гордость семинаристовъ, говорятъ прот. И. В. Любомудровъ, И. Н. Виноградовъ и свящ. Павильоновъ, и о достоинствахъ преподавателей ученики много спорили.

Нѣкоторые учителя читали въ классѣ лекціи, напр., Г. С. Воскресенскій, благодаря чему, семинаристы слышали живое слово; другіе, напр., Сокольскій, заставляли писать въ классѣ сочиненія послѣ предварительныхъ объясненій преподавателя, чѣмъ пріучали учениковъ правильно излагать свои мысли.

Саблуковъ свободно объяснялся по-татарски. По отзыву перечисленныхъ выше лицъ, онъ былъ эгоистомъ, человѣкомъ самоувѣреннымъ. Слово его—законъ, но человѣкъ онъ былъ очень умный. Саблуковъ иногда смѣшилъ учениковъ своими остротами. „Садись, дерево, на дерево“, скажетъ, бывало, ученику, который неудачно отвѣтитъ. Педагогическіе пріемы его тоже поражали насъ, разсказывали ученики Саблукова. Желая, напр., наглядно показать направленіе теченія Волги, Гордій Семеновичъ (такъ звали Саблукова) говорилъ: „Ходи Волгу!“ И ученикъ долженъ ходить по классу съ сѣвера на югъ такъ, чтобы представить всѣ главные повороты Волги.

Синайскій, составитель греческихъ словарей, былъ очень умный и преданный своему дѣлу учитель.

Ректоръ—архимандритъ Никодимъ—занимался преподаваніемъ съ особенной любовью. Хотя каждый урокъ въ семинаріи тогда продолжался два часа, но для Никодима и этого было мало: онъ упросилъ учителя математики удѣлить ему одинъ часъ для своихъ занятій. Такимъ образомъ, урокъ Никодима шелъ три часа подрядъ. Классныя занятія у него были необыкновенно живы и оригинальны, хотя и велись на латинскомъ языкѣ. Послѣ чтенія своей лекціи, Никодимъ устраивалъ диспуты: одни ученики доказывали извѣстную мысль,—другіе опровергали ее. Ученики говорили въ классѣ экспромпты. Никодимъ требовалъ, чтобы семинаристы дѣлали возраженія, нисколько не стѣсняясь. Первымъ возражателемъ являлся нервный, живой и пылкій И. И. Введенскій. Преосвященному Іакову очень не нравился свѣтскій образъ жизни Никодима, шикарно одѣвавшагося, ѣздившаго по городу въ богатомъ экипажѣ, выписанномъ изъ Петербурга и запряженномъ четверней. Никодимъ имѣлъ большое знакомство, а Іаковъ считалъ это униженіемъ духовнаго

сана. Ревизуя семинарію, по предписанію Синода (Іаковъ прибылъ ревизовать въ 8 часовъ утра), онъ далъ худой отзывъ объ учебной постановкѣ въ семинаріи, въ особенности же о самомъ Никодимѣ, ея начальникѣ. Поэтому, Никодима перевели въ Иркутскій второклассный монастырь, настоятелемъ (1833 г.).

Вообще, составъ преподавателей въ тоговременной семинаріи былъ незаурядный.

Учиться въ семинаріи было довольно трудно; приходилось все время зубрить,—учителя подтрунивали, если ученикъ скажетъ что-либо изъ урока своими словами: „Э! Да ты свои слова вставляешь! Нѣтъ, братъ, умнѣе и лучше книги не скажешь. Не выучилъ урока,—и болтаешь“. Хотя здѣсь не сѣкли, но ставили на колѣна, въ уголъ, заставляли въ видѣ наказанія молиться въ столовой за обѣдомъ и класть извѣстное число земныхъ поклоновъ, смотря по винѣ ученика.

Нѣкоторые изъ лучшихъ учениковъ держались того мнѣнія, что отъ однихъ учителей нельзя пріобрѣсть знаній,—необходимо, главнымъ образомъ, заниматься самому. Въ семинаріи былъ небольшой кружокъ учениковъ, занимавшихся, помимо обязательнаго готовленія уроковъ, вполнѣ самостоятельно. Ихъ родственники, бывшіе въ университетахъ и академіяхъ, совѣтовали семинаристамъ, что̀ именно прочесть и чѣмъ вообще заниматься; такъ, напр., одному семинаристу братъ прислалъ изъ университета много книгъ для самообразованія и подготовки въ университетъ. Въ одномъ изъ такихъ кружковъ былъ въ свое время и Г. Е. Благосвѣтловъ. Особенно полезны были эти кружки потому, что давали возможность добывать книги свѣтскаго содержанія. Семинарское начальство тогда запрещало читать такія книги. Увидитъ, бывало, инспекторъ, архимандритъ Тихонъ, свѣтскую книгу у какого-нибудь ученика,—отниметъ и ни за что не отдастъ. Свѣтскія книги добывали или у торговцевъ Пѣшаго базара, торговавшихъ всякимъ хламомъ, или же у своихъ знакомыхъ.

Что касается отношеній между учениками и преподавателями, то послѣдніе, какъ и теперь, относились къ семинаристамъ гордо и высока; принимать у себя своихъ же питомцевъ они считали униженіемъ.

Такъ какъ большинство учениковъ народъ былъ бѣдный, то они старались набрать себѣ уроковъ въ городѣ, хотя здѣсь были и свои неудобства: семинарская дисциплина—необыкновенно строга, и всякое опозданіе къ обѣду, ужину или вечернимъ занятіямъ было большимъ проступкомъ.

Изъ семинарской жизни Николая Гавриловича отмѣчу слѣдующіе, неизвѣстные до сихъ поръ факты.

На урокахъ словесности преподаватель Воскресенскій долженъ былъ объяснять, по уставу, священное писаніе. Обычно все дѣло сводилось лишь къ чтенію книги. На этихъ урокахъ Н. Г. поражалъ какъ преподавателя, такъ и товарищей своими познаніями: такой-то нѣмецкій толкователь толкуетъ такъ-то, такой-то французскій—иначе, а англійскій толкователь понимаетъ это мѣсто въ такомъ смыслѣ.

Любимымъ преподавателемъ Чернышевскаго былъ Г. С. Саблуковъ [1]).

Вообще нужно замѣтить, благодаря покровительству Іакова, атмосфера семинаріи была очень благопріятна для ученыхъ занятій. То умственное движеніе среди духовенства, виной котораго былъ преосвященный Іаковъ, не прошло мимо Чернышевскаго: занятія Н. Г—ча татарскимъ языкомъ говорятъ о вліяніи Іакова и Саблукова на будущаго великаго писателя [2]).

Въ спискахъ семинаріи за 1843 г. Николай Гавриловичъ аттестованъ: „способностей отличныхъ, прилежанія ревностнаго, успѣховъ отличныхъ, поведенія весьма скромнаго“.

III. Университетъ.

Выйдя изъ семинаріи, Николай Гавриловичъ сталъ готовиться къ поступленію въ университетъ. Я не буду говорить о томъ, какъ совершилось поступленіе туда Чернышевскаго, какъ онъ жилъ тамъ,—обо всемъ этомъ много свѣдѣній изложено Ф. В. Духовниковымъ въ той части его статьи, которая издана мною.

Изъ университета Н. Г. часто писалъ письма родителямъ, тщательно ими сохранявшіяся. Изъ Петербурга же было прислано, какъ родителямъ, такъ и роднымъ, и сочиненіе „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“. Вскорѣ Гавріилъ Ивановичъ съ большой скорбью получилъ извѣстіе, что сынъ не достигъ того, чего онъ желалъ, но не возропталъ Г. И. за это на Бога, и проговорилъ только: „Да будетъ Его святая воля! Да не покинетъ Онъ Своею милостію сына!“

---

[1]) Въ бумагахъ Ф. В. Духовникова въ замѣткѣ о музеѣ при Саратовской семинаріи говорится, что рукописи Саблукова и прот. І. Шиловскаго сохранились въ библіотекѣ Саратовской семинаріи; это опущено въ напечатанной статьѣ о Н. Г. Чернышевскомъ („Русск. Стар.“, 1890, IX).

[2]) Письмо Духовникова къ М. И. Семевскому, 1890, III. 10).

IV. Опять на родинѣ.

По окончаніи университета, Николай Гавриловичъ поступилъ на службу въ Саратовъ, учителемъ словесности въ гимназію на 485 р. 35 к. Родители были необыкновенно рады его назначенію.

По совѣту и настоянію родителей, онъ бывалъ у своихъ родственниковъ и появлялся въ болѣе интеллигентныхъ домахъ, посѣщалъ образованное семейство Ступиныхъ, Кобылиныхъ (Кобылинъ—предсѣдатель губернскаго правленія), дѣтямъ которыхъ Н. Г. давалъ уроки; бывалъ у совѣтника казенной палаты Д. А. Горбунова, переводчика „Конрада Валленрода“ Мицкевича, ходилъ къ Шабловскимъ. Вездѣ Н. Г. обращалъ на себя вниманіе своей серьезностью и образованностью. Иногда бывалъ Чернышевскій и у тогдашняго епископа Аѳанасія (сначала—ректора Петербургской духовной академіи, гдѣ его лекціи отличались безжизненностью; онъ между прочимъ,живя въ Петербургѣ, просилъ И. Н. (Виноградова?) перевести, вмѣстѣ съ другими учителями, объ ученіи стоиковъ изъ какого-то греческаго писателя).

Какъ держалъ себя Чернышевскій въ Саратовѣ?

Скажу словами дьякона Сергіевской церкви, Я. Ѳ. Алфіонова-Подольскаго, прекрасно знавшаго Николая Гавриловича.

„Н. Г. былъ—что красная дѣвица... Иногда онъ вызывалъ насмѣшки своей манерой держаться въ обществѣ.

У молодого чиновника Петрова были крестины. Много народу,—больше—чиновники. Теперь (80—90-ые годы XIX ст.) чиновники-то съежились, высматриваютъ убитыми, а тогда каждый писецъ передъ нашимъ братомъ важничалъ. И стали они промежъ себя смѣяться надъ Николаемъ Гавриловичемъ. „Что“, говорятъ они родителямъ его, „какой онъ у васъ? Ни въ какія игры не играетъ, не можетъ ни поговорить, ни потанцовать съ барышнями. Все сидитъ въ углу, а говорятъ, что онъ — ученый. Что въ учености-то его, когда онъ не можетъ быть въ обществѣ? Въ монахи бы ему идти“.

А батюшка-то слушалъ, слушалъ, да и говоритъ: „Вы, господа, только болтаетесь, да вихляетесь, — путнаго въ этомъ ничего нѣтъ; Николай и не говоритъ съ вами: не любитъ зря зубы скалить. А когда заговоритъ, — иное скажете“. И разсказалъ имъ такой случай.

„Пригласили Николая въ гости къ совѣтнику. Барышня заиграла на фортепьяно, да хорошее такое. Гости-то подошли къ ней и стали около нея кружкомъ. Хорошо играла. Одинъ изъ гостей и спроси Н. Г. о чемъ-то; онъ и сталъ говорить, да такъ, что одинъ

по одному всѣ и отошли отъ барышни, и встали около него кружкомъ, а барышню одну оставили. А когда Н. Г. окончилъ,—кто-то въ ладоши захлопалъ, и всѣ подхватили. „Послушать умныхъ людей полезно“, говорили они другъ другу. Вотъ, какой онъ. Вы не знаете, и говорите“.

А когда гости соберутся у него,—все объ учености говорятъ, а не то, что въ попойкахъ время проводятъ, какъ нашъ братъ—чиновникъ. Разъ Знаменскій пришелъ къ Гавріилу Ивановичу по какому-то дѣлу и просидѣлъ цѣлый вечеръ, а тамъ гости—учитель Е. А. Бѣловъ и Н. И. Костомаровъ. Они спорили съ Николаемъ Гавриловичемъ о какомъ-то словѣ цѣлый вечеръ.

— „Что, весело тебѣ было тамъ“, спрашивали Знаменскаго его товарищи-чиновники?

— „Чорта съ два,—весело: Николай Ивановичъ (Костомаровъ) цѣлый вечеръ проспорилъ съ Николаемъ Гавриловичемъ изъ-за одного слова, — въ азартъ вошли; Николай Ивановичъ кипятится, пыхтитъ, а Н. Г. все посмѣивается. Одурь взяла. Зѣвота одолѣла: знаете, въ сонъ бросило. Подали закусить и выпить. Стали закусывать, но никто не дотронулся до водки. Просили меня выпить. Хватилъ двѣ рюмки; подмываетъ тебя и еще выпить, а неловко: никто не пьетъ“.

И всегда такъ. Примѣрной жизни былъ человѣкъ; во всемъ, даже въ ѣдѣ умѣренъ. А послушали бы вы, что говорятъ о Н. Г—чѣ важныя особы! Александръ Дмитріевичъ Горбуновъ, и ученый, и бывалый человѣкъ, да и тотъ разсказывалъ: „Бывалъ я и въ Питерѣ, и въ Москвѣ, и въ другихъ городахъ, былъ знакомъ съ министрами, съ писателями, аристократами, архіереями и разными другими высокими персонами, духовными и свѣтскими, но не видывалъ я“, говоритъ, „такихъ высокихъ качествъ человѣка, какъ Николай Гавриловичъ: и уменъ, и нравственненъ, и благонравенъ. Пятнышка на немъ не замѣтите! Истинной христіанской жизни былъ человѣкъ! Вотъ, и не возьму я въ толкъ, говорю вамъ, за что его сослали въ Сибирь. Можетъ, по злобѣ наплели на него, и повѣрили имъ. Мало ли чего бываетъ на свѣтѣ? Много зла могутъ сдѣлать люди“.

V. Гимназія.

Саратовская гимназія, гдѣ пришлось Николаю Гавриловичу показывать свои педагогическіе таланты, находилась въ печальномъ положеніи. Ученики не любили ея. Ихъ заставляли только зубрить.

Про учителей, особенно про директора, Мейера, ходила масса анекдотовъ и каррикатуръ. Ученики дѣлали, въ сущности, очень мало. Практиковались побои, ругань и грубое обращеніе.

Н. Г. обращался необыкновенно гуманно, хорошо поставилъ литературныя бесѣды; преподаваніе велъ сократическимъ методомъ. Интересно отмѣтить, что при преподаваніи словесности, Чернышевскій касался славянскихъ нарѣчій, которыя его очень интересовали. Словесность была только главнымъ предметомъ на его урокахъ; много мѣста удѣлялось крѣпостному праву, суду, религіи, географіи, исторіи, политическимъ наукамъ. Безпрепятственно онъ заинтересовывалъ своихъ учениковъ новыми идеями; даже при Мейерѣ говорилъ о вредѣ крѣпостного права для Россіи. Вообще это былъ такой же публицистъ, какимъ онъ выступилъ въ „Современникѣ“. Онъ всюду вступалъ въ разговоръ, гдѣ только встрѣчался поводъ высказать новыя въ то время идеи. „Когда“, говоритъ одинъ изъ знакомыхъ Н. Г—ча, „онъ узналъ отъ меня, что я хотѣлъ было поступить въ военную службу, но отецъ отговорилъ меня, то Николай Гавриловичъ затѣтилъ: „Напрасно вы не пошли въ военную службу: въ войскѣ мало людей развитыхъ,—нужно наполнить его подобными людьми“.

Въ результатѣ педагогической дѣятельности Н. Г.,—какой-нибудь карапузикъ, не умѣвшій сдѣлать задачи по алгебрѣ, серьезно разсуждалъ въ домѣ своихъ родителей о постахъ и ихъ ненужности, ѣлъ въ постъ скоромное, чѣмъ и приводилъ въ ужасъ родителей. Когда на мальчика сыпалась брань,—онъ увѣрялъ, что Н. Г. говорилъ—ѣсть скоромное въ постъ не грѣшно.

Слухи о томъ, что Николай Гавриловичъ занимается на урокахъ не одной словесностью, стали доходить и до Мейера, который участилъ посѣщеніе уроковъ Чернышевскаго.

[О положительной сторонѣ преподаванія Чернышевскаго, см. въ статьѣ Ф. В. Духовникова, „Русская Старина“, 1911 г.].

Вѣроятно, слухи объ этомъ дошли и до Гавріила Ивановича. Николаю Гавриловичу приходилось успокоивать его; самъ Н. Г. всегда уважалъ настолько отца, что въ постные дни даже не ѣлъ скоромнаго; даже тогда, когда въ постные дни подавалась гостямъ скоромная закуска, вмѣстѣ съ постной,— онъ ѣлъ постное, но отецъ заставлялъ ѣсть скоромное. Изъ уваженія къ Гавріилу Ивановичу, Н. Г. посѣщалъ и церковь, считая нужнымъ зайти въ нее хоть на полчаса, или къ концу богослуженія, иногда—съ кѣмъ-нибудь.

— „Хорошо вы дѣлаете, что посѣщаете храмъ Божій“, говорилъ послѣ Г. И. сыну и его спутнику,— „Богъ благословитъ васъ за это“.

Въ Саратовской гимназіи Николай Гавриловичъ, несмотря на кратковременность своего пребыванія въ ней, оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія между учениками. Онъ ушелъ оттуда, преслѣдуемый проклятіями своихъ товарищей-учителей, кредитъ которыхъ среди учениковъ былъ окончательно подорванъ; грубая матеріальная сила уже не могла служить опорой въ отношеніяхъ между оставшимися учителями и ихъ питомцами. Каѳедра словестности скоро была занята другимъ, умнымъ и кроткимъ преподавателемъ, не имѣвшимъ, однако, ни той энергіи, ни тѣхъ дарованій, которыми владѣлъ прежній учитель.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Стихотворенія Крестовскаго.

Къ черному морю, далеко, подъ южное, теплое небо
Скоро уйдешь ты отъ насъ, опечаленный грустью разлуки...
Съ Богомъ, въ дорогу, мой другъ!.. И, быть можетъ, далекія волны
Шумно тебя понесутъ къ берегамъ плодотворной Эллады...
Тусклаго Сѣвера мглу ты забудешь подъ южной лазурью,
Тамъ, гдѣ подъ сѣнью колоннъ, въ олеандровыхъ рощахъ, межъ статуй,
Нѣкогда мудрый Периклъ близъ Аспазіи дивно-прекрасной
Вмѣстѣ съ толпой аѳинянъ наслаждался роскошнѣйшимъ пиромъ,
Можетъ быть, ты поплывешь и къ авзонскимъ полямъ, гдѣ Горацій
Съ миртомъ на бѣлыхъ кудряхъ воспѣвалъ Лигурина-красавца,—
Какъ знать! Быть можетъ, и ты, какъ Горацій, на пурпурномъ ложѣ,
Въ пышныхъ гирляндахъ, найдешь для себя Лигурина и счастье!..

Сообщилъ В. А. Алексѣевъ.

Изъ журнала участника войны 1812 года [1].

(Окончаніе).

Слышно было, что 31-го августа наши войска были лишь въ одномъ переходѣ отъ Москвы, а 1-го сентября на совѣтѣ въ деревнѣ Филяхъ рѣшили, за неимѣніемъ хорошей позиціи, покинуть Москву и отступить по Рязанской дорогѣ.

Я остановился въ домѣ дьячка, недалеко отъ заставы, гдѣ квартировалъ и надзиратель, человѣкъ семейный и большой хлѣбосолъ.

На случай опасности я обѣщалъ дать ему своего коня, для перевозки семейства и пожитковъ въ болѣе безопасную часть города. Тогда же встрѣтилъ меня одной со мною бригады подпоручикъ Пастуховъ, возвращавшійся послѣ выздоровленія изъ г. Острова къ своей части.

Поужинавъ, мы легли спать. Въ полночь дьячокъ будитъ насъ, говоря, что наша армія проходитъ черезъ заставу въ Москву. Когда утромъ я проснулся, то Пастухова уже не было. Выбѣжавъ къ заставѣ, я увидѣлъ, что въ городъ вступаетъ бывшая въ арріергардѣ рота полковника Гулевича, а съ ними движутся тяжести и вьюки.

„Посмотрите—сказалъ онъ—вонъ пыль... Это спѣшитъ французскій авангардъ“. Къ Москвѣ подходили: принцъ Евгеній, Понятовскій, впереди приближался Мюратъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1912 г.

Бросившись въ свою квартиру, я схватилъ сѣдло, чтобы осѣдлать лошадь и скорѣе покинуть городъ, но лошади своей я не нашелъ.

Послышался трубный звукъ... вижу въѣзжающихъ въ городъ французовъ...

Оставивъ все подаренное мнѣ москвичами, я выбѣжалъ на улицу и наткнулся на своего солдата, Вострилова, ѣхавшаго верхомъ, при томъ съ большими тючками. Сѣвъ на его мѣсто, мы поспѣшили къ дому графа Разумовскаго, откуда Востриловъ отданъ былъ въ рекруты. Онъ уговорилъ меня дать лошади отдохнуть и самимъ закусить. Тутъ я снова встрѣтилъ подпоручика Пастухова, и мы втроемъ зашли въ домъ графа; здѣсь, казалось, и не думали о вступленіи въ Москву непріятеля. Это сдѣлали реляціи главнокомандующаго городомъ, графа Ростопчина, которыми онъ увѣрилъ населеніе въ полной безопасности.

Поваръ графа приготовилъ намъ завтракъ, принесли вина, музыканты разложили ноты и начали играть. Люди графа Разумовскаго очень удивились, услышавъ отъ насъ, что французы скоро уже будутъ здѣсь, и что я только-что проскользнулъ мимо нихъ. Вся прислуга начала умолять, чтобы я взялъ ихъ съ собою. Но какъ можно было исполнить просьбу этихъ людей, въ количествѣ болѣе 60-ти человѣкъ, разнаго возраста и пола?.. Казалось, Москву бросили, успѣвъ лишь открыть народу арсеналъ съ оружіемъ и выпустить бочки съ виномъ; вмѣсто обычныхъ „афишъ“ увидѣли, какъ комендантъ города, графъ Ростопчинъ, поспѣшилъ спасаться изъ первопрестольной... приказавъ передъ тѣмъ зарубить на глазахъ волновавшейся толпы Верещагина, какъ измѣнника, отъ котораго гибла Москва.

Къ пяти часамъ мы были въ своей ротѣ. Офицеры и солдаты очень удивились, увидѣвъ меня, они полагали, что я навѣрное уже въ плѣну.

Но я не менѣе удивлялся при видѣ такого множества отягощенныхъ винными парами... Войска, будучи разстроены и проходя черезъ богатый городъ, не избѣжали искушенія и тѣмъ болѣе, что виноторговцы отдавали цѣлые ящики съ винами, наваливали ихъ на обозы; то же дѣлали и прочіе купцы, лишь бы добро не досталось непріятелю.

Опытный Кутузовъ могъ это предвидѣть.

Онъ сдалъ Москву на капитуляцію съ условіемъ, чтобы въ теченіе 24-хъ часовъ вывезти раненыхъ, присутственныя мѣста, и чтобы ни съ одной стороны не было выстрѣла. Командовавшій арріергардомъ Милорадовичъ условился съ Мюратомъ, чтобы тотъ

не преслѣдовалъ насъ по пятамъ, угрожая иначе поджечь Москву (но Москва все-таки скоро загорѣлась)... Французы охотно на это согласились, и тѣмъ болѣе, что сами имѣли громадную потерю и нуждались въ отдыхѣ и времени. Мы же избѣжали такимъ образомъ совершенной гибели.

Догадайся Наполеонъ въ это время послать свою кавалерію, то нашъ арріергардъ былъ бы весь уничтоженъ. Императоръ французовъ тогда напрасно ожидалъ за Дорогомиловской заставой депутаціи отъ города.

Кутузовъ же, пройдя Москву, повернулъ на Калужскую дорогу, оставивъ въ сторонѣ Рязанскую, и защитилъ такимъ образомъ наши хлѣбородныя губерніи, не пострадавшія отъ непріятеля.

Къ утру мы были у деревни Тарутиной, гдѣ расположились лагеремъ; занявъ здѣсь хорошую позицію и укрѣпивъ ее, стали поджидать къ себѣ непріятеля.

Послѣ битвы подъ этой деревней стало ясно, что планъ Наполеона не удался и слѣдовало спѣшить во-свояси, пока еще оставались жалкіе остатки его непобѣдимой арміи.

Здѣсь французы потеряли до 4 тыс. убитыми и ранеными, до 40 орудій и весь обозъ.

Армія наша между тѣмъ стала усиливаться; наши партизаны, казаки, даже крестьяне, всюду били и ловили непріятельскихъ фуражировъ. Французская армія терпѣла во всемъ недостатокъ, и Наполеонъ долженъ былъ посылать на фуражировку не иначе какъ большіе отряды, съ орудіями. Число мародеровъ отъ этого не уменьшилось у непріятеля; ихъ брали въ плѣнъ, убивали, крестьяне даже зарывали пойманныхъ въ землю, иногда жгли и душили. Таково было ожесточеніе, особенно чернаго народа. Населеніе равнодушно смотрѣло на страданія себѣ подобныхъ, ибо видѣло въ непріятелѣ врага отечества и врага вѣры. Оно слыхало, что французы не щадили въ Москвѣ храмовъ Божіихъ, неистовствовали въ нихъ, почему мстило имъ какъ открыто, такъ и хитростью, заманивая къ себѣ въ околицу и лишая жизни. Война сдѣлалась народной. Врядъ ли кто изъ оставшихся въ живыхъ французовъ не содрогнется при своихъ воспоминаніяхъ и не перескажетъ соотечественникамъ всѣхъ пережитыхъ ужасовъ.

Между тѣмъ морозы увеличивались, почему жители южныхъ странъ страшно терпѣли отъ холода.

Кромѣ гвардіи, занявшей Кремль, французы расположились въ окрестностяхъ Москвы; въ городѣ же были еще и союзныя войска.

Удачное для насъ дѣло подъ деревней Тарутиной побудило Наполеона къ отступленію изъ Москвы, и непріятельскія войска на-

чали выходить по направленію къ Смоленску, но не по старой опустошенной дорогѣ, а въ обходъ Кутузова.

Французскія войска, бывшія въ Москвѣ, предусмотрительно набрали себѣ шубъ, салоповъ, теплыхъ шапокъ. Армія эта очевидно разлагалась и представляла странный видъ: иные сидѣли на крестьянскихъ лошадяхъ въ латахъ и бобровыхъ шапкахъ, съ обернутыми овчиною ногами; иные шли въ нагольныхъ тулупахъ и въ лаптяхъ, иной шествовалъ въ священнической ризѣ и гренадерской шапкѣ, тамъ какой-либо французъ ѣхалъ на испанской лошади, едва передвигая ноги, и въ гарнитуровой шубѣ или епанечкѣ.

Покинувшія Москву французскія войска и ихъ обозы преслѣдовались нашими казаками неотступно; ихъ назойливость была страшно тяжела и наносила большія потери какъ въ людяхъ, такъ и въ матеріальной части. На Можайской дорогѣ ими уничтоженъ былъ обозъ въ 350 фуръ, а послѣ Вяземскаго сраженія маршалъ Ней имѣлъ столкновенія только съ казаками. Они приводили въ паническій страхъ французовъ и забирали лишь то, что казалось получше. Много освобождено было ими своихъ соотечественниковъ. Партизанъ Платовъ уничтожилъ цѣлый отрядъ принца Евгенія, забравъ больше 60-ти орудій.

Удалившись однажды на фуражировку за 40 верстъ отъ лагеря, я едва не попался въ руки французскихъ бродягъ. Собравъ нѣсколько возовъ сѣна и овса, я проходилъ шагомъ черезъ большую деревню, направляясь къ своей ротѣ. Было уже часовъ одиннадцать вечера, когда я слѣзъ со своей лошади и перешелъ отдохнуть на возу съ сѣномъ; проѣзжая мимо одной избы, увидѣлъ въ ней огонекъ, чему очень обрадовался, т. к. могъ закурить тамъ свою трубку.

Подъѣхавъ туда, я замѣтилъ въ избѣ старуху, которая сначала страшно перепугалась, но затѣмъ, отворивъ окно, стала говорить, что въ деревню недавно пріѣхало много французовъ и чтобы я былъ осторожнѣе; получивъ огня для трубки и поблагодаривъ за все старуху, я приказалъ своему унтеръ-фурмейстру какъ можно скорѣй гнать лошадей.

Но это было напрасно, такъ какъ шаговъ черезъ пятьдесятъ насъ остановили поселяне, вооруженные чѣмъ попало; съ ними было нѣсколько казаковъ. Люди эти приняли насъ за непріятельскихъ фуражировъ и готовились встрѣтить по-своему. Вскорѣ, однако, дѣло выяснилось, и я благополучно направился дальше. Подъѣхавъ къ нашей цѣпи, былъ я остановленъ караульнымъ офицеромъ, т. к. не зналъ ни пароля, ни лозунга; хотя я и объяснилъ ему, что былъ въ отлучкѣ почти двое сутокъ и узнать пропуска мнѣ негдѣ было. Видя необходимость пропустить меня, онъ далъ

для предосторожности въ провожатые унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ.

Ночь была темная, мы только ощупью нашли свою дивизію, т. к. огни вездѣ были потушены и, какъ оказалось, по случаю пріѣзда къ главнокомандующему для переговоровъ о мирѣ французскаго генерала Лористона, посланнаго Наполеономъ. Вмѣсто мира, какъ оказалось потомъ, французамъ пришлось познакомиться съ нашими партизанами.

Въ теченіе трехнедѣльной нашей стоянки, было лишь одно авангардное дѣло, въ которомъ Милорадовичъ особенно показалъ свое военное искусство.

Старикъ Кутузовъ поджидалъ благопріятнаго времени и приказалъ Беннигсену въ одну темную и холодную ночь нечаянно напасть на корпусъ вице-короля итальянскаго. О такомъ намѣреніи мы ничего не зная, весело разговаривали за чаемъ, какъ вдругъ получаемъ приказаніе возможно скорѣе, безъ малѣйшаго шума, идти на соединеніе съ корпусомъ Багговута. Тишина была безпримѣрная, изрѣдка только побрякивали оковки на орудіяхъ или зарядныхъ ящикахъ; не слышно было даже шопота. Когда мы были въ половинѣ пути, получили распоряженіе остановиться и разложить на обоихъ флангахъ возможно больше огней; когда это было исполнено, ударили зорю, чѣмъ окончательно убѣдили французовъ, что предстоящую ночь мы намѣрены провести спокойно. Графъ Орловъ-Денисовъ съ нѣсколькими полками обскакалъ непріятельскій лагерь и вдругъ ударилъ, вмѣстѣ съ Багговутомъ, на спящихъ французовъ; артиллерія открыла сильный огонь.

Полусонные, полуодѣтые, бросились французы къ оружію, но было уже поздно...

Безпорядокъ и замѣшательство были такъ велики, что едва не былъ захваченъ въ плѣнъ самъ король, который спасся, бросивъ все, свою палатку, со всѣмъ, что въ ней было.

Нашему бригадному командиру досталась его соболья шуба; всѣ бумаги, деньги и гардеробъ попали въ руки нашихъ гренадеровъ. Военная добыча состояла изъ 21-го орудія, множества ружей, багажа и до 2-хъ тысячъ плѣнныхъ.

Къ сожалѣнію, въ семъ дѣлѣ мы потеряли мужественнаго генерала Багговута.

Такъ какъ русскіе не заключали мира, то французы выступили изъ Москвы, направившись по старой Калужской дорогѣ. Они потащили съ собою награбленную добычу и не могли скоро двигаться. По переходѣ ихъ на новую Калужскую дорогу, нашъ партизанъ Фигнеръ открываетъ это и сообщаетъ Кутузову, который поэтому

двинулся также къ Калугѣ. Французскій авангардъ занялъ Мало ярославецъ.

Одиннадцатаго октября мы оставили Тарутино, двѣнадцатаго числа, послѣ труднаго и скораго перехода пришли къ Малоярославцу.

Наша 1-я гренадерская дивизія поставлена была за стрѣлками 6-го корпуса, который весь участвовалъ въ дѣлахъ.

Недостатокъ мѣста не позволялъ развернуть колонны, и пришлось довольствоваться тѣмъ, что мы непрерывно подкрѣпляли свой корпусъ свѣжими силами.

Восемь разъ городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, но въ одиннадцатомъ часу вечера, усиливъ артиллерійскій огонь,—его зажгли, послѣ чего дали пѣхотѣ свободный проходъ, которая и выгнала наконецъ непріятеля, забравъ затѣмъ много плѣнныхъ. Намъ досталось также много съѣстныхъ и военныхъ запасовъ. Городъ оказался страшно разрушеннымъ; на улицахъ лежало множество убитыхъ и раненыхъ.

Кавалерія преслѣдовала непріятеля и отбила нѣсколько знаменъ и пушекъ.

Главнокомандующій сидѣлъ возлѣ моихъ орудій, отдавая приказанія. Беннигсенъ, подойдя къ князю Кутузову, предложилъ послать въ погоню еще два полка конницы. Главнокомандующій, замѣтя Елисаветградскій гусарскій полкъ, велѣлъ ему немедленно преслѣдовать непріятеля, но Беннигсенъ доложилъ, что полкъ этотъ почти всю кампанію находился въ арріергардѣ и потому имѣетъ большія потери; посланы были другіе полки.

14 октября французы начали отступленіе на Можайскъ, откуда шли уже старымъ своимъ опустошеннымъ путемъ; положеніе непріятельской арміи стало очень труднымъ, а все награбленное въ Москвѣ страшно затрудняло движеніе и усиливало безпорядокъ.

Наши войска преслѣдовали французовъ неотступно. Милорадовичъ шелъ сбоку, Платовъ съ тыла, партизанскіе отряды наскакивали всюду. Въ концѣ октября начались морозы, причинявшіе противнику потери, какъ въ людяхъ, такъ и въ лошадяхъ.

Послѣ этого сраженія армія наша форсированнымъ маршемъ пошла къ Красному, а дивизія, гдѣ я находился, стала въ авангардъ.

Французы не ожидали насъ, они начали уже устраиваться на зимнія квартиры.

5-го ноября въ 7 час. утра, нашъ авангардъ, состоявшій изъ 1-й гренадерской дивизіи и имѣвшій между баталіонами по два орудія, встрѣтилъ французовъ недалеко отъ моста, ведущаго къ

Красному; нашей бригадѣ приказано было стать противъ моста и всѣ выстрѣлы сосредоточить по непріятелю.

Трудно представить себѣ, какое смятеніе и разстройство причинили наши 36 орудій...

Императоръ французовъ принялъ тогда на себя личное командованіе; подъ нимъ убита была лошадь, переранило большинство его адъютантовъ... въ такомъ положеніи онъ долженъ былъ искать спасенія.

Казаки и уланы такъ привѣтливо встрѣтили французовъ, что нашимъ орудіямъ едва возможно было пробраться черезъ мостъ. Ужасъ царилъ кругомъ: тутъ трупы убитыхъ и раненыхъ, тамъ подбитыя орудія, взорванные ящики... все лежало кучами и надо было посылать впередъ ратниковъ, чтобы очистить дорогу.

Въ городѣ гренадеры наши находили непріятельскіе шалаши, прикрытые церковными иконами; они бросались изъ рядовъ и уносили ихъ обратно по церквамъ, набожно крестясь и негодуя.

Изъ этого непріятельскаго отряда взято около 6 тысячъ въ плѣнъ; масса убитыхъ мѣшала орудіямъ войти въ городъ, и мы принуждены были долго ожидать, пока очищались улицы.

Въ восемь часовъ вечера мы расположились передъ Смоленскомъ, ожидая колонну маршала Нея. Около 6-ти часовъ утра 6-го числа войска его показались на Смоленской дорогѣ.

Гренадеры всѣхъ 6-ти полковъ высланы были въ стрѣлки и заняли крутой, длинный оврагъ, идущій вдоль дороги; по сю сторону оврага, на возвышеніяхъ, расположилась наша артиллерія. Баталіоны укрылись передъ самымъ оврагомъ, за отлогостью высоты.

Едва непріятельская колонна приблизилась, какъ батарейная рота открыла огонь изъ всѣхъ орудій, пѣхотные стрѣлки били съ боковъ, а казаки и гусары, заѣхавъ въ тылъ, произвели страшное опустошеніе. Французы видѣли неизбѣжную свою гибель, но бросились отчаянно.

Лейбъ-гренадерскаго полка поручикъ Поричковъ, снявъ съ себя шипель и сюртукъ, оставшись только въ шерстяной жилеткѣ, взялъ отъ уральскаго унтеръ-офицера ружье и сумку, бросился съ охотниками гренадерскихъ полковъ въ оврагъ; онъ подкрѣпилъ такимъ образомъ ранѣе высланныхъ и дрался врукопашную; мы съ братомъ Василіемъ надѣли на передки и подъѣхали къ окраинѣ оврага; прапорщикъ Ильяшенко, роты подполковника Семенова, замѣтивъ наше положеніе, отдѣлился отъ своей части и присоединился къ намъ.

Мы били по орудіямъ непріятеля, старавшагося хоть сколько-

нибудь ослабить губительное дѣйствіе нашей артиллеріи; мы удачно подбили три орудія и взорвали непріятельскій ящикъ, въ то же время стрѣляя по колоннѣ, старавшейся прорваться къ Красному.

Непріятель массами устремился въ оврагъ. Милорадовичъ, замѣтивъ это, поставилъ конной роты два орудія на высотѣ, которыя картечью анфилировали вдоль оврага, нанося ужасъ и опустошеніе. Непріятелемъ непрерывно высылались свѣжія подкрѣпленія, но они лишь трупами своими наполняли оврагъ; по нимъ переходили подошедшія новыя части и напрасно бросались на наши орудія.

Не видя прикрытія, французы рѣшили взять нашу батарею, состоявшую тогда изъ девяти орудій; попытка оказалась неудачной.

Былъ моментъ, когда непріятельскій штабъ-офицеръ, перейдя оврагъ, уже бросился на прапорщика Ефремова, стоявшаго возлѣ орудій, но въ ту же минуту подошелъ Павловскій полкъ и штыками отразилъ врага.

Не видя успѣха, противникъ сталъ пробиваться всею своею массою на дорогу.

Подъ командою своего полковника, Павловскіе гренадеры обезсмертили себя многими подвигами; безъ страху бросались они на непріятеля въ штыки, залпами встрѣчавшаго ихъ; у оврага пало отъ залпа около 95 рядовыхъ, съ храбрымъ своимъ капитаномъ Барыбиномъ; это еще болѣе ожесточило Павловцевъ, и они шли въ рукопашный бой, били прикладами, эфесами и кулаками...

Въ такомъ положеніи мы не могли дѣйствовать орудіями и оставались свидѣтелями ужасныхъ сценъ на самомъ близкомъ разстояніи.

Екатеринославскій, потомъ Таврическій и С.-Петербугскіе полки штыками опрокидывали непріятеля, который пришелъ въ такое замѣшательство, что побросалъ свои ружья и ранцы.

Генералы ихъ напрасно подавали разительные примѣры храбрости.

Одинъ изъ нихъ изрубилъ около себя трехъ нашихъ гренадеръ, хотѣвшихъ взять его въ плѣнъ живымъ; только раненаго штыками взяли его и привели къ графу Строганову; онъ былъ уже сѣдъ и имѣлъ, повидимому, болѣе 60-ти лѣтъ; съ него сняли нагольный полушубокъ и разостлавъ посадили на немъ; предчувствуя свою послѣднюю минуту, онъ вынулъ часы и отдалъ Павловскаго полка солдату Домбровскому, который снималъ его съ лошади, потомъ взглянулъ вверхъ, сложилъ руки и умеръ... Почтенный старецъ! Кто видѣлъ прекрасную твою кончину? Враги твои. Соотечественники твои не донесутъ вѣсти домой, какъ ты умеръ съ оружіемъ въ рукахъ. Напрасно, думалось мнѣ, будутъ ожидать твоего воз-

вращенія дѣти и внуки... будутъ ли они знать геройскій конецъ твоей жизни?!

Въ началѣ ноября стало сильно морозить, люди и лошади падали массами, видны были цѣлыя вереницы отсталыхъ, кучки замерзавшихъ. Казаки Орлова, Давыдова и Сеславина взяли въ плѣнъ бригаду Ожеро. У принца Евгенія была отбита вся артиллерія. Весь путь непріятеля устланъ былъ брошеннымъ награбленнымъ добромъ. Только въ бѣгствѣ оставалось спасеніе... исчезло различіе въ чинахъ и не было повиновенія; войско обратилось въ голодную толпу оборванцевъ. Но вотъ остатки грозной арміи вошли вторично въ Смоленскъ и вмѣсто ожидаемыхъ жизненныхъ припасовъ тамъ нашли запустѣніе и тотъ же голодъ.

Подъ конецъ ноября Мюратъ сталъ во главѣ французской арміи, такъ какъ Наполеонъ уѣхалъ въ Парижъ; безъ него войска бѣжали въ полномъ разстройствѣ и гибли тысячами.

Два послѣднія сраженія рѣшили участь Россіи и, какъ можно видѣть изъ послѣдствій военныхъ дѣйствій 1812, 1813 и 1814 г., участь всей Европы. Россія! Слава сынамъ твоимъ: они своею грудью уничтожили непріятельскую полумилліонную армію. Нашими вѣрными союзниками была Вѣра и преданность Царю и Отечеству!

Въ 1813 году, пройдя Вильно, мы неожиданно получили приказаніе воротиться въ этотъ городъ.

Послѣ того, какъ прошли отступавшія французскія войска, Вильна была страшно грязна, по улицамъ валялись тысячи труповъ и больныхъ.

За городомъ, отъ гололедицы, погибла французская артиллерія, ящики съ деньгами и обозъ императора. Ихъ солдаты грабили, что только могли. Наши войска преслѣдовали врага за границу, въ Вильнѣ остались лишь наиболѣе пострадавшія части.

Мнѣ пришлось стать въ окрестностяхъ города, въ пустынномъ мѣстѣ, на меня легла обязанность еще и фуражировать. Удалось отыскать богатый приходъ и при немъ ксендза. На основаніи приказа по арміи, мы брали въ приходѣ, что намъ нужно было для продовольствія, и я даже помогалъ другимъ частямъ роты. Офицеры наши, вслѣдствіе жестокой зимы, трудовъ и нужды, почти всѣ занемогли. Изъ шестерыхъ осталось насъ двое. Скоро намъ приказали привести роту въ Вильно, гдѣ сдать всѣхъ наличныхъ людей и лошадей, для сформированія другой роты. Сначала я призадумался, какъ быть безъ денегъ, безъ платья, въ большомъ городѣ... Чѣмъ мы себя будемъ содержать? Какъ покажемся въ люди безъ сапоговъ, безъ платья?.. Солдатскій плащъ согрѣвалъ и украшалъ

наши закоптѣлыя отъ бивуачнаго огня лица... Но оказалось, что мы съ товарищемъ были сыты и веселы, передъ нами были вездѣ открыты двери. Чего же больше для насъ! Наконецъ надо было проститься со стариками, отслужившими со мною кампанію; досадно и обидно было сдавать ихъ въ 18-ю бригаду... Я не могъ съ сухими глазами разставаться съ тѣми, которые были со мною у орудій и дѣлили равную участь. Всѣ они были растроганы и обнимали меня на прощанье; солдатъ, стоявшій у моего орудія цѣлый годъ, по имени Гавриловъ, совершившій еще Итальянскій походъ, взялъ меня за руку и обнимая заплакалъ... Боже! Внуши каждому молодому офицеру то, чѣмъ пріобрѣтается любовь этихъ истинно усердныхъ, честныхъ и добрыхъ людей, прожившихъ почти всю жизнь свою въ дѣлахъ противъ враговъ отечества...

15-го мая 1813 года стали формировать новую роту, и я имѣлъ безпрерывныя порученія по обученію рекрутъ, пріемкѣ лошадей и аммуниціи.

Неожиданно получаю я предписаніе явиться къ полковнику Васильеву, который приказываетъ мнѣ отправиться въ г. Вологду, для принятія 160-ти лошадей.

Черезъ два часа, вмѣстѣ съ подпоручикомъ Лазаревымъ, пустился я въ путь; до Москвы намъ была одна дорога.

Суханинъ.

Встрѣчи и столкновенія [1]).

(В. И. Добровольскій.—М. М. Шершевскій.—Ф. Ѳ. Павленковъ).

В. И. Добровольскій.

Моя первая встрѣча и единственное столкновеніе съ извѣстнымъ нашимъ офтальмологомъ, В. И. Добровольскимъ, относятся къ концу 70-хъ годовъ. Я заѣхалъ къ нему для опредѣленія степени моей близорукости, и меня, помню, поразило, что въ пріемные часы я никого не засталъ. Это какъ-то странно противорѣчило установившейся за Добровольскимъ репутаціи выдающагося врача. Пріемъ у него на дому происходилъ два раза въ день: рано утромъ и въ послѣобѣденные часы. Я заѣхалъ послѣ обѣда, и когда онъ ко мнѣ вышелъ, я увидѣлъ передъ собою заспаннаго господина съ глазами, до того налитыми кровью, что я удивился, какъ врачъ можетъ доводить свои глаза до такого состоянія. Я впрочемъ вспомнилъ поговорку, что на сапожникѣ рѣдко бываютъ хорошіе сапоги, и успокоился на этомъ. Но меня тотчасъ же опять смутили нечистоплотные его пальцы, которыми онъ собирался раскрыть мнѣ глаза для лучшаго ихъ осмотра. Я невольно отшатнулся. Это видимо его раздражило. Но тутъ я вспомнилъ разсказъ, будто бы онъ, осмотрѣвъ какую-то даму и убѣдившись, что она нуждается въ пустой хирургической помощи, тотчасъ же взялъ со стола ножъ и, не говоря дурного слова, собирался ее рѣзнуть, и что дама отъ неожиданности упала въ обморокъ. Вспомнивъ этотъ разсказъ, я далъ себѣ слово воздержаться отъ обморока, что бы со мной ни продѣлалъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1912 г.

знаменитый окулистъ. Но то, что онъ продѣлалъ, было ужасно. Своими нечистоплотными пальцами онъ разберединлъ мнѣ глаза до того, что слезы у меня потекли ручьемъ. Не давъ мнѣ опомниться, онъ предложилъ мнѣ читать на разстояніи разныя слова и цифры. Я плохо видѣлъ, а онъ все сильнѣе негодовалъ на то, что я не могу прочесть тѣхъ словъ, которыя я, по его мнѣнію, долженъ былъ прочесть. По степени близорукости я могъ прочесть указываемыя имъ слова, но мнѣ мѣшали слезы. Наконецъ онъ раздражился до того, что, затопавъ ногами, крикнулъ: „Говорю вамъ, вы можете прочесть!“.

Тутъ я убѣдился, что мы этимъ путемъ не столкуемся, и сказалъ:

— Знаете что, профессоръ: я, правда, слышалъ, что вы... человѣкъ рѣзкій, но, что ваша рѣзкость принимаетъ такіе размѣры,— этому я никогда бы не повѣрилъ, если бы...

Добровольскій страшно сконфузился и сталъ быстро бормотать: „Кто вамъ это сказалъ, кто вамъ это сказалъ?“. Онъ очевидно самъ не зналъ, что говоритъ, ему хотѣлось только чѣмъ-нибудь загладить произведенное имъ тяжелое впечатлѣніе.

Визитъ мой окончился благополучно. Владиміръ Ивановичъ лечилъ меня потомъ много лѣтъ, и я не могу нахвалиться его вниманіемъ и даже его деликатностью, такъ что затрудняюсь объяснить случившіяся съ нимъ грубыя выходки, испортившія ему до того практику, что, несмотря на выдающіяся его заслуги, онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ газетнымъ объявленіямъ, чтобы напоминать о себѣ паціентамъ.

Грубость—явленіе нерѣдкое у нашихъ врачей—объяснялась у него, можетъ быть, отчасти его происхожденіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитаніемъ, отчасти его склонностью къ спиртнымъ напиткамъ, отчасти его болѣзненнымъ самолюбіемъ. Разсказываютъ, что ему на какомъ-то парадномъ обѣдѣ пришлось сидѣть рядомъ съ очень вліятельнымъ генералъ-адъютантомъ. Тотъ старался занять разговоромъ научную знаменитость, но Добровольскій отвѣчалъ такъ неохотно, что генералъ-адъютантъ не утерпѣлъ и спросилъ его, гдѣ онъ собственно воспитывался. Тутъ Добровольскій на весь столъ громко отчеканилъ: „Въ пажескомъ Его Величества корпусѣ“. Произошла неловкая сцена, которую генералъ-адъютантъ замялъ съ тактомъ свѣтскаго человѣка. Послѣ обѣда кто-то изъ свидѣтелей этой сцены обратился къ Добровольскому съ упрекомъ, зачѣмъ онъ себѣ вредитъ такими выходками. „Да что же, онъ, спрашиваетъ, — огрызнулся Добровольскій: — не видитъ, что-ли, что я семинаръ?“

Въ этомъ эпизодѣ сказался весь Добровольскій. Тутъ и сознаніе несомнѣнныхъ заслугъ, и пренебреженіе къ представителямъ правящихъ классовъ, и плохо скрываемая досада, что ему самому недоступно то, что тѣмъ какъ бы прирождено, и виновность въ томъ, въ чемъ онъ нисколько не виноватъ. Это настроеніе, свойственное многимъ семинаристамъ, въ связи съ нѣкоторыми явленіями нашей общественной жизни еще не нашло себѣ должной оцѣнки.

Какъ бы то ни было, внѣшняя грубость у Добровольскаго нисколько не исключала, какъ я лично убѣдился, таившуюся въ его душѣ мягкость и деликатность. Но во всякомъ случаѣ она мѣшала успѣхамъ его практики, которою онъ дорожилъ и которая ему не давалась, хотя преуспѣвали иногда врачи, не имѣвшіе и сотой доли его заслугъ. Его неудачливости въ этомъ отношеніи содѣйствовало и полное отсутствіе въ немъ шарлатанства. Какъ я ни осуждаю шарлатанство у врачей, я самъ чуть было не отшатнулся отъ Добровольскаго вслѣдствіе его необычайной искренности и простоты. Весь этотъ эпизодъ настолько характеренъ для нашихъ врачей, что его стоитъ разсказать.

У меня три раза въ жизни повторялось воспаленіе радужной оболочки. Уже послѣ второго приступа этой мучительной болѣзни, лишавшей меня каждый разъ возможности работать въ теченіе шести недѣль, я обратился къ Добровольскому съ настойчивой просьбой сказать мнѣ, чѣмъ она собственно вызывается, потому что нельзя же лечить болѣзни, не зная ея причины. Добровольскій отвѣтилъ мнѣ съ свойственной ему простотою, что онъ причины не знаетъ, но что въ учебникахъ говорятъ обыкновенно о травмѣ, сифилисѣ и ревматизмѣ. Ни той, ни другой болѣзни у меня не было, а вылечиться я непремѣнно хотѣлъ. Поэтому я бросилъ Добровольскаго и обратился къ другой знаменитости, которая мнѣ авторитетно заявила, что причина моей болѣзни ясна, какъ день, что у меня расширеніе сосудовъ, и что я долженъ обратиться къ врачу общихъ болѣзней, и рекомендовала мнѣ покойнаго Чудновскаго. Тотъ мнѣ прописалъ спорынью. Я исправно глоталъ этотъ ядъ, но черезъ годъ у меня иритисъ опять повторился. Тогда я рѣшилъ обратиться къ покойному Г. А. Донбергу. Онъ тоже мнѣ указалъ на ревматизмъ и сифилисъ, какъ на причины болѣзни, а на мое замѣчаніе, что у меня этихъ болѣзней никогда не было, возразилъ: „Почемъ вы знаете? Кто васъ грудью кормилъ? Мать? Нѣтъ, не мать. Значитъ, кормилица. Ну, а ее изслѣдовали? Нѣтъ. Значитъ, вы не знаете, была ли она здорова“. На это мнѣ оставалось, конечно, только отвѣтить, что я дѣйствительно не знаю,

былъ ли у меня сифилисъ. Но такъ какъ причина моей болѣзни все-таки оставалась неизвѣстной, то я рѣшился намекнуть на расширеніе сосудовъ.

— Гдѣ у васъ расширеніе сосудовъ? — спросилъ нетерпѣливо Донбергъ.

— Въ глазахъ,—отвѣтилъ я.

— Кто вамъ это сказалъ?

Я назвалъ знаменитость.

— Скажите ему отъ моего, Донберга, имени, что онъ по меньшей мѣрѣ дуракъ.

Я этого порученія, понятно, не исполнилъ, но причина моей болѣзни такъ и осталась пока невыясненной. Я вернулся къ Добровольскому и намекнулъ ему также на расширеніе сосудовъ. Онъ точно такъ же, какъ Донбергъ, спросилъ:

— Гдѣ? Въ животѣ?

— Нѣтъ, въ глазахъ,—отвѣтилъ я потупясь.

— То-то вамъ совѣстно стало отъ такой глупости,—не рѣшаетесь даже смотрѣть на меня.

Тѣмъ дѣло и кончилось, и я ничего не узналъ. Причина моей болѣзни раскрылась мнѣ только впослѣдствіи и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

М. М. Шершевскій.

У Михаила Марковича не было недостатка въ томъ, что совершенно отсутствовало у Владиміра Ивановича, и такъ какъ онъ къ тому же былъ искусный врачъ, то пользовался большимъ успѣхомъ. Въ діагнозѣ желудочной болѣзни, которая меня къ нему привела, онъ ошибся, прописавъ мнѣ водолеченіе. Директоръ водолечебницы, въ которую я хотѣлъ поступить, добросовѣстнѣйшій остзейскій нѣмецъ, рѣшительно отказался меня принять, заявивъ, что никакіе авторитеты міра его не убѣдятъ, что водолеченіе можетъ быть мнѣ полезно. Но я не ставлю этого въ вину Шершевскому,—всѣ мы подъ Господомъ Богомъ ходимъ. И не это меня въ немъ поразило, а то, что онъ хотѣлъ рѣшительно все дѣлать не такъ, какъ другіе врачи, а какъ-то особо: всѣ должны были чувствовать, что онъ врачъ особый, и что его никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ другими врачами.

Послѣ подробнаго и чрезвычайно добросовѣстнаго изслѣдованія, во время котораго онъ синимъ карандашомъ разрисовалъ мнѣ животъ и отчасти грудь причудливыми линіями по всѣмъ направленіямъ, онъ мнѣ заявилъ, что, читая мои литературныя произве-

денія, убѣдился, что мозгъ у меня дѣйствуетъ исправно, но что нервы и особенно нервы желудка у меня сумасшедшіе. Начавъ съ этого, онъ прочелъ мнѣ обстоятельную лекцію, не лишенную остроумія, въ которой онъ сравнилъ человѣческій организмъ съ государствомъ и доказывалъ, что, несмотря на вполнѣ логическую мысль правительства, т. е. мозга государства, вслѣдствіе неисправной дѣятельности тѣхъ или другихъ проводниковъ его воли, отдѣльныя части организма могутъ придти въ полное разстройство. Эта лекція продолжалась никакъ не менѣе получаса. Я ее выслушалъ съ полнымъ вниманіемъ; внимательно выслушалъ и предписанное мнѣ леченіе. Оно состояло въ прикладываніи къ затылку и подъ ложечку скульптурной глины, продаваемой въ Академіи Художествъ; затѣмъ надо было каждые полчаса съѣдать по бутерброду величиною въ серебряный рубль, съ чѣмъ мнѣ заблагоразсудится; кромѣ того, я долженъ былъ за обѣдомъ непремѣнно ѣсть вестфальскую ветчину, взятую изъ опредѣленной колбасной, помню, гдѣ-то на Пантелеймонской; наконецъ, чтобы возстановить должное повиновеніе проводниковъ волѣ центральнаго правительства, т. е. желудочныхъ нервовъ мозгу, я долженъ былъ принимать гидратъ-хлоралъ маленькими дозами. Все это мнѣ предстояло продѣлывать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, т. е. до лѣта, когда онъ мнѣ строго-на-строго велѣлъ заняться водолеченіемъ. Въ этихъ предписаніяхъ все было оригинально, за исключеніемъ водолеченія, которое на повѣрку оказалось совершенно ненужнымъ. Михаилъ Марковичъ въ этомъ пунктѣ себѣ измѣнилъ и за это поплатился докторской ошибкой.

Но, какъ бы то ни было, только отъ него, хотя онъ и не былъ окулистомъ, я наконецъ узналъ причину моей глазной болѣзни. Разсказывая ему исторію моей болѣзни, я между прочимъ упомянулъ, что у меня три раза было воспаленіе радужной оболочки, и что спеціалисты не могли опредѣлить причины этого часто повторявшагося недуга. На это Шершевскій улыбнулся и сообщилъ мнѣ слѣдующее интересное свое наблюденіе.

— Если бы я не былъ военнымъ врачомъ,—сказалъ онъ мнѣ:—я вамъ вѣроятно тоже сказалъ бы, что воспаленіе радужной оболочки вызывается травмой, ревматизмомъ или сифилисомъ. Но когда я былъ еще полковымъ врачомъ, эта болѣзнь встрѣчалась у меня въ полку довольно часто. Свидѣтельствовалъ, разспрашивалъ больныхъ,—не было ли сифилиса или ревматизма? Нѣтъ, сомнѣній быть не могло: болѣзнь вызывалась не этими причинами. Сталъ я внимательнѣе относиться къ дѣлу, и, представьте себѣ, оказалось, что воспаленіемъ радужной оболочки заболѣваютъ главнымъ обра-

зомъ лучшіе стрѣлки въ полку. Тутъ я понялъ, что дѣло не въ ревматизмѣ и не въ сифилисѣ, а въ напряженіи зрѣнія, тѣмъ болѣе, что заболѣвали солдатики всегда на правый глазъ. Но если это съ солдатиками возможно, то тѣмъ болѣе это возможно съ писателемъ. Небось вы глазами-то не мало дѣйствовали.

И такъ если бы я не зашелъ къ Шершевскому и если бы онъ не былъ человѣкомъ наблюдательнымъ и при томъ военнымъ врачомъ, то никто изъ врачей не открылъ бы мнѣ глаза на причину моей глазной болѣзни, о которой я впрочемъ самъ легко могъ бы догадаться, если бы былъ болѣе догадливъ. Правда и то: человѣкъ обыкновенно не замѣчаетъ, чего онъ замѣчать не хочетъ, а легко ли писателю увѣрить себя, что онъ вредитъ себѣ тѣмъ, что ему дороже всего на свѣтѣ?

Ф. Ѳ. Павленковъ.

Между издателями, съ которыми меня столкнула судьба, Павленковъ занимаетъ очень видное мѣсто, и я полагаю, что онъ заслуживаетъ гораздо большаго признанія, чѣмъ какое ему выпало на долю при жизни и послѣ смерти. Говоря это, я имѣю въ виду не читателя, отнесшагося къ нему сочувственно и помогшаго ему создать крупное издательское предпріятіе, а нашего брата писателя, который создаетъ имя человѣку, посвятившему всѣ свои силы просвѣщенію общества.

Покойный Флорентій Ѳедоровичъ былъ съ головы до ногъ человѣкъ дѣла. Для него онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ: и своимъ состояніемъ, котораго у него впрочемъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова и не было, потому что онъ признавалъ все имъ нажитое общественнымъ достояніемъ, и своимъ здоровьемъ, которое онъ, работая безъ устали, ничуть не щадилъ. Это была цѣльная натура, мужественная, прямая и честная, какъ подобаетъ ее имѣть воину, коимъ онъ былъ не только въ переносномъ смыслѣ, ведя храбро войну со своими многочисленными врагами, но и въ буквальномъ смыслѣ въ качествѣ офицера, вышедшаго въ отставку въ виду злоупотребленій, раскрытыхъ имъ въ той части, въ которой онъ служилъ. Но если онъ, такъ сказать, отрекся отъ арміи, то армія врядъ-ли отъ него отречется, цѣня тѣ военныя качества, которыя онъ съ такою полнотою воплощалъ въ себѣ.

Никто не заподозритъ меня въ пристрастіи къ Павленкову: онъ оплачивалъ мой трудъ не щедрѣе другихъ, а въ политическомъ отношеніи мы съ нимъ сильно расходились. Павленковъ былъ, какъ я сказалъ, весь преданъ дѣлу, преданъ до фанатизма; онъ даже,

какъ выяснилось въ одномъ спорѣ со мною, не допускалъ, чтобы фанатизмъ могъ быть признанъ явленіемъ отрицательнымъ. Внѣ дѣла онъ былъ человѣкъ какъ бы потерянный, не знавшій, куда идти, на что смотрѣть, о чемъ говорить, но когда онъ былъ занятъ своимъ любимымъ дѣломъ, онъ вдругъ изъ ничтожнаго на видъ человѣка выросталъ въ крупнаго общественнаго дѣятеля.

Мы съ нимъ были люди если не различныхъ лагерей, то люди различнаго міропониманія. Въ основныхъ цѣляхъ мы врядъ ли расходились; мы съ нимъ вѣрили въ свободу, горячо любили и родину, и просвѣщеніе. Но онъ вѣрилъ въ законность и плодотворность „протеста“ и потому шелъ рука объ руку съ такъ-наз. радикальнымъ лагеремъ; этому лагерю онъ служилъ по мѣрѣ силъ и средствъ, увѣренный, что именно онъ обновитъ и спасетъ Россію. Я этого мнѣнія не раздѣлялъ; однако совмѣстная работа съ нимъ была для меня возможна. Дѣло въ томъ, что Павленковъ смотрѣлъ немного шире на прогрессъ, чѣмъ его партія. Онъ думалъ, что если и далеко не всѣ, то многія дороги ведутъ въ Римъ, а не одна только, какъ думаетъ наша радикальная партія. Всѣ его симпатіи были на сторонѣ послѣдней; въ качествѣ сотрудниковъ люди этой партіи главнымъ образомъ и поддерживали его предпріятіе. Но въ то же время онъ понималъ, что многія хорошія книги, русскія и иностранныя, указывающія дорогу въ тотъ же Римъ, будутъ ими забракованы, а потому и дорожилъ другими сотрудниками. Въ его многочисленныхъ письмахъ ко мнѣ сохранились ясно-выраженныя опасенія, что дѣятельность его не будетъ вполнѣ успѣшна, если онъ всецѣло довѣрится радикальной партіи.

Мнѣ кажется, что, кромѣ этой основной причины, была еще другая, заставлявшая его быть на-сторожѣ. Уже въ 70-хъ и 80-хъ годахъ представители этой партіи выступали учителями позднѣйшихъ декадентовъ въ одномъ очень практическомъ дѣлѣ. Они артелью налегали на даннаго издателя и нещадно его эксплоатировали. Примѣровъ такого примѣненія артельнаго начала можно насчитать не мало, и до чего доходила эксплоатація издателей этими литературными артельщиками, показываетъ слѣдующій фактъ. Павленковъ какъ-то попросилъ меня написать для его біографической библіотеки жизнеописаніе Александра II. Я сперва сомнѣвался, принять ли эту по существу мнѣ весьма симпатичную работу въ виду небольшого объема, установленнаго для жизнеописаній его библіотеки, но когда онъ мнѣ заявилъ, что для Царя-Освободителя можно сдѣлать исключеніе и отвелъ мнѣ 12 убористыхъ листовъ, я согласился и взялъ подъ эту работу авансъ въ нѣсколько сотъ рублей. Обстоятельства однако сложились такъ, что я все-таки вы-

нужденъ былъ отказаться отъ нея. Какъ только это для меня выяснилось, я тотчасъ же съѣздилъ къ Павленкову, чтобы сообщить ему о своемъ рѣшеніи. Флорентій Ѳедоровичъ такъ смутился, что мнѣ стало его жаль, хотя я и не понималъ причины его смущенія. Вижу, онъ меня всячески уговариваетъ не отказываться отъ работы. Я ему называю лицъ, которыя могли бы съ успѣхомъ меня замѣнить. Нѣтъ, Флорентій Ѳедоровичъ не соглашается: по его мнѣнію, я именно тотъ человѣкъ, который безпристрастнѣе всего оцѣнитъ Царя-Освободителя. Тогда я, pour couper court, вынимаю бумажникъ, чтобы возвратить авансъ, но рука у меня опускается. Съ Флорентіемъ Ѳедоровичемъ происходитъ что-то неладное. Глаза его округляются, словно онъ чему-то несказанно удивляется, ротъ его также округляется, словно онъ хочетъ отъ изумленія протянуть безконечное: „о-о-о-о!“ Сдѣлавъ надъ собою усиліе, я наконецъ вынимаю изъ бумажника деньги и отсчитываю кредитки. Павленковъ внимательно слѣдитъ за движеніемъ моихъ рукъ, и когда я кончаю, приходитъ наконецъ въ себя и говоритъ: „А все-таки, Ростиславъ Ивановичъ, не отказывайтесь!“

Вопросъ, повидимому, былъ исчерпанъ, но причина изумленія Павленкова осталась для меня не вполнѣ еще выясненною. Слово „все-таки“ кое-что, правда, уясняло, но мнѣ интересно было въ точности узнать, вѣрна ли моя догадка. Я спросилъ:

— Развѣ, Флорентій Ѳедоровичъ, случаи возвращенія вамъ авансовъ такъ рѣдки?

Павленковъ въ отвѣтъ печально улыбнулся, развелъ руками и сказалъ:

— Это первый и вѣроятно единственный случай въ моей практикѣ. Другіе издатели, впрочемъ, можетъ быть счастливѣе...

Я уже упомянулъ, что Павленковъ здоровья своего не щадилъ. Когда я съ нимъ познакомился (это было въ 1890 г.), онъ былъ еще бодръ, но его по временамъ донималъ мучительный кашель. Онъ съѣздилъ въ Крымъ, попробовалъ тамъ отдохнуть, но, подчиняясь бившей въ немъ ключомъ энергіи, изъ Алушты взобрался пѣшкомъ на Чатыръ-Дагъ. Понятно, что и Крымъ ему при такихъ обстоятельствахъ пользы не приносилъ. Впрочемъ, онъ изъ экономіи себѣ экскурсій на югъ больше не позволялъ и довольствовался скромной дачей подъ Петербургомъ. Его кашель меня тревожилъ, и я ему настойчиво совѣтовалъ проводить по крайней мѣрѣ осень, если не всю зиму, гдѣ-нибудь на Ривьерѣ. Онъ сперва рѣшительно возсталъ противъ этой мысли, говоря, что дѣло этого не допускаетъ, да и средства не позволяютъ. Видя, что всѣ мои доводы остаются безъ результата, я его спросилъ, увѣренъ ли онъ, что его наслѣд-

ники поведутъ его дѣло, дѣло немаловажное, такъ же умѣло и любовно, какъ онъ самъ. Онъ возразилъ, но уже не такъ увѣренно: „Что за комплименты!“ Я не настаивалъ, полагая, что кашель доскажетъ ему то, чего я не досказалъ. И дѣйствительно въ слѣдующую осень онъ поѣхалъ въ Ниццу, а затѣмъ сталъ проводить тамъ и всю зиму, постоянно сѣтуя шутливо въ своихъ письмахъ ко мнѣ, что Ницца его въ гробъ уложитъ, потому что, когда его нѣтъ въ Петербургѣ, типографіи и корректора его изводятъ, а я себѣ думалъ, что послѣдніе не такъ опасны, какъ его недугъ, и радовался, что онъ живетъ въ Ниццѣ. Кажется, что зимы, проведенныя имъ въ Ниццѣ, благопріятно отражались на его здоровьѣ, потому что онъ оттуда всегда возвращался здоровѣе и бодрѣе. Но недугъ ужъ слишкомъ далеко зашелъ, и Павленкова въ 1900 г. не стало. Онъ прожилъ бы можетъ быть еще дольше, если бы экономія не заставляла его жить въ Ниццѣ въ помѣщеніи, мало соотвѣтствовавшемъ гигіеническимъ требованіямъ. Бѣдный Павленковъ! Живя для дѣла, онъ о себѣ забывалъ.

Русскій литераторъ, русскій читатель и русскій народъ не могутъ не хранить доброй памяти объ этомъ энергичномъ и предпріимчивомъ издателѣ, создавшемъ изъ ничего крупное просвѣтительное предпріятіе, распространившемъ десятки тысячъ экземпляровъ прекрасныхъ дешевыхъ книгъ и давшемъ средства для основанія многихъ народныхъ библіотекъ и для образованія довольно крупнаго капитала на пользу неимущей пишущей братіи. Такихъ энергичныхъ, умѣлыхъ и предпріимчивыхъ людей наша родина насчитываетъ не такъ ужъ много, чтобы имѣть право забыть Павленкова.

Р. Сементковскій.

Тайный другъ Пушкина.

После судебнаго процесса объ А. Ф. Леопольдовѣ, А. С. Пушкинѣ и др., описаннаго въ моей статьѣ „Преступный отрывокъ элегіи“ Андрей Шенье [1]), новгородская полиція разыскивала чиновника 10-го класса Александра Пушкина, „чтобы объявить ему резолюцію суда, но не нашла его въ тѣ дни, а установила, что онъ бываетъ въ Новгородѣ и останавливается въ домѣ купца Березина. Тамъ, по рѣшеніи дѣла, проживалъ и Леопольдовъ.

Извѣстно, что сыръ-боръ загорѣлся, благодаря отрывку, съ заглавіемъ „14-го декабря 1825 г.“, который былъ найденъ у Леопольдова. По его объясненію суду, отрывокъ этотъ есть нечто иное, какъ списокъ съ подлинника, даннаго прапорщикомъ Молчановымъ и возвращеннаго ему обратно чрезъ дворового помѣщицы Вадковской—Василія.

Однако на очной ставкѣ Молчановъ показалъ, что ничего онъ отъ Леопольдова не получалъ и никакого Василія не знаетъ; удостовѣрено также, что такого дворового человѣка у Вадковской нѣтъ.

Самъ поэтъ объяснилъ, что онъ не знаетъ, какимъ образомъ у него исчезъ злоключительный отрывокъ, запрещенный цензурой.

Настоящія обстоятельства о появленіи отрывка у Леопольдова по меньшей мѣрѣ странны.

Вѣдь не секретъ, что А. С. былъ мысленно на сторонѣ декабрь-

---

[1]) „Русск. Стар.“ августъ 1899 г.

скихъ событій, поэтому возможно, что онъ передалъ стихи Леопольдову, поставивъ загадкой содержаніе, а тотъ, недолго думая, взялъ да и озаглавилъ ихъ „14 декабря 1825 г.“. Когда же сталъ распространять и попалъ подъ судъ, то, цѣня и любя поэта, не пожелалъ вовлекать его въ уголовное дѣло.

Поэтъ останавливался въ Новгородѣ если не у самого Леопольдова, то въ одномъ и томъ же домѣ, съ очевидной цѣлью, чтобы имѣть свиданіе.

Несомнѣнно, между Пушкинымъ и Леопольдовымъ были отношенія и какія-то интимныя, но о нихъ нигдѣ и никакіе документы не свидѣтельствуютъ.

Такихъ людей, какъ Леопольдовъ, великій поэтъ уважалъ и сближался съ ними тѣсно. Это былъ молодой ученый, переводилъ съ французскаго и латинскаго серьезныя сочиненія, самъ писалъ въ періодическихъ изданіяхъ. Изъ собственныхъ его сочиненій слѣдуетъ отмѣтить: „Объ отношеніяхъ религіи къ разуму и разума къ религіи“, „Спасутся ли язычники?“, разсужденіе „о невозможности постепеннаго образованія въ цѣломъ родѣ человѣческомъ“, „Мысли на разсужденіе о духѣ древнихъ стихотворцевъ, ораторовъ и историковъ“, „О раздѣленіи церкви восточной и западной“.

Изъ переводовъ: „О правленіи“ (Галлеръ), „Жизнь Агриколы“ (Тацитъ), „О философіи“ (Бонвиля), „О нравахъ германцевъ“ (Тацитъ), „Слово въ Великій пятокъ“ (Дюрандъ), „Бесѣда Фенелона съ Рамзе о религіи“, „Теорія латинскаго слога“, „Исторія латинской словесности“, „Догматическое ученіе о Богѣ“ и много другихъ.

Леопольдовъ прекрасно окончилъ Московскій университетъ кандидатомъ словесныхъ наукъ. О своемъ происхожденіи, когда находился подъ судомъ, онъ писалъ: „я изъ духовнаго званія, сынъ дьячка Филиппа Петрова, имѣющаго жительство въ Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, въ селѣ Ртищевѣ, и отъ роду имѣю себѣ 27 лѣтъ [1])“.

Воспитываясь въ Пензенской семинаріи, Леопольдовъ имѣлъ, хотя грубый и недоброкачественный, но все-таки казенный коштъ. Бурса заботилась о немъ; кормила, обувала, одѣвала его. Другое дѣло въ университетѣ. Тутъ уже началась жизнь самостоятельная, приходилось изыскивать самому кусокъ хлѣба, создавалось тяжелое положеніе: учись и въ то же время заработывай на прожитіе. Оставался единственный исходъ давать уроки. Вскорѣ Леопольдовъ познакомился съ дворовымъ человѣкомъ помѣщика Гурьева—Брызгаловымъ, который ему понравился тѣмъ, что питалъ страстное

[1]) 27 октября 1827 г.

влеченіе къ чтенію и письму, чтобы впослѣдствіи постичь мудрость библіи и литературы. Объ этомъ знакомствѣ Брызгаловъ давалъ свѣдѣніе въ своемъ объясненіи [1]) слѣдственной комиссіи по дѣлу Леопольдова. „Кандидатъ Андрей Филиппычъ былъ вхожъ къ моимъ господамъ, гдѣ я съ нимъ и ознакомился; онъ училъ меня грамматикѣ и занимался со мною чтеніемъ обыкновенныхъ книгъ“.

Несмотря на помощь со стороны Брызгалова, которая была преимущественно вещевая, Леопольдовъ терпѣлъ большую нужду, сидѣлъ безъ сапогъ, табаку и пр. Это видно изъ его письма [2]) къ Брызгалову „Здравствуй“! Вотъ тебѣ даръ [3]) отъ меня. Даръ самъ въ себѣ не важенъ, мелоченъ, но усердіе велико. Библію—нельзя. Она всякій часъ самому необходима. Библія у меня тоже даръ отъ такого мѣста, гдѣ я получилъ многое и многое потерялъ. Даръ не дарятъ; помни это всегда. Въ домѣ у васъ есть библія, читай, не лѣнись. Что же еще сбаить тебѣ? Да—о часахъ, надежды нѣтъ, правду Давидъ говоритъ: не надѣйся на людей. И теперь не только не удовлетворяю себя покупкой необходимой сей вещи, но безъ чаю остаюсь. Вотъ еще горе—почти безъ *босоговъ* [4]). О, люди! люди! Увы, и табакъ-то весь. Братъ, помоги! Погибаю. Докажи, что не званіе рождаетъ добрыя чувствія, но благородное сердце. На 1-й день Рождества не приду поздравлять. Холодно. Сидя у печки, чуть не замерзаю. Какое у меня раздолье. Почти во всемъ этажѣ одинъ скитаюсь, какъ нощное привидѣніе. То-то горе, что табаку-то нѣтъ, а то бы блаженство, сидя въ теплѣ со схоластизмомъ“.

Во время прохожденія послѣднихъ курсовъ, Леопольдовъ пристроился на урокахъ у генеральши Вадковской и скоро поправилъ свои матеріальныя обстоятельства, даже сталъ помогать своимъ родителямъ. Въ показаніяхъ суду онъ говорилъ: „Мой отъѣздъ изъ Москвы въ домъ родителей былъ причиною, чтобы оказать имъ и семейству при бѣдности пособіе. Какъ обязанный отцу, хотя и бѣдному, жизнію и христіанскимъ воспитаніемъ, и сострадая о бѣдномъ его положеніи, въ жару сыновней любви, не могъ не поспѣшить къ нему отъѣздомъ изъ Москвы и тѣмъ исполнить обязанность естественную и христіанскую“.

Когда Леопольдовъ былъ на родинѣ, восторгался природой,

---

[1]) 25 мая 1827 г.

[2]) 1824 г.

[3]) Книга подъ заглавіемъ „Каліопа“.

[4]) Сапоговъ.

изучалъ помѣщиковъ, но тѣмъ не менѣе скучалъ по Москвѣ. И не мудрено. Въ древней столицѣ онъ проводилъ самые впечатлительные годы, встрѣчалъ тамъ развитое, ученое общество, сталкивался съ людьми простого класса, низшаго сословія, но жаждавшими грамоты и науки.

Онъ вполнѣ убѣдился, что лучше столицы нѣтъ больше такого сосуда, гдѣ бы можно было почерпать неизсякаемую пищу для ума и усовершенствованія. Поэтому небезъинтересно привести здѣсь его письмо отъ 27 августа 1826 г., посланное на имя Брызгалова: „Здравствуй!—кланяюсь тебѣ изъ родимой сторонушки, изъ-подъ родительскаго тихаго крова. Доѣхалъ я благополучно и весело. Родные мои мнѣ рады, такъ что не могутъ и выразить своей радости. Такъ-то я теперь поживаю весело, занимаюсь охотою, ѣмъ, или, лучше сказать, обжираюсь арбузами, ахъ, виноватъ—не арбузами, а нектаромъ, каковаго и на Олимпѣ греческихъ боговъ не было, гуляю, катаюсь верхомъ и пр. Ну, словомъ, живу какъ въ раю. Придетъ воскресный день, я на клиросѣ пою съ братомъ. Крестьяне смотрятъ уже на меня съ удивленіемъ; шинель моя пускаетъ пыль въ глаза и не мужикамъ, а штабсъ-капитанство... о! о! о!—и баить нечего.

„Всякій знакомый мнѣ говоритъ, что онъ читалъ обо мнѣ въ газетахъ, а мнѣ по сердцу масломъ. Былъ недавно у сестры, которая живетъ въ степи. Село изъ 15 домовъ, вокругъ дикая степь, впрочемъ, не пустыня. Мѣсто по климату рай. Все нѣжитъ и покоитъ человѣка; плоды, воздухъ—это рѣдкость; но все это какъ замѣтно прискучиваетъ, коль общество людей мало. Человѣкъ не созданъ быть звѣремъ; общество людей—вотъ родимая его сфера. У ней пожилъ я два дня и перевезъ ее къ роднымъ. Такъ въ мирномъ кругу людей я живу спокойно; но по временамъ вспоминаю о Москвѣ бѣлокаменной, переношусь мысленно и къ В.; помечтаю о ней на пчельникѣ, или въ лѣсу, или ѣздя по полямъ, да и только. Отъ скуки беру цѣпъ и косу въ руки. Но работникъ прямо говоритъ: полно, не умѣешь. Кругъ помѣщиковъ ничего не имѣетъ завиднаго, это служки царя небеснаго, погоняютъ на работу мужичковъ и только; нѣтъ образованности, слѣдовательно, ничего почти нѣтъ изящнаго и болѣе отъ нихъ разнятся кафтанами. Можно ли не жалѣть объ нихъ. Взявши ихъ классъ отдѣльно и приноровляясь къ просвѣщенному свѣту, невольно съ Тацитомъ воскликнешь: тутъ жизнь мерцаетъ. Ты ужъ обыкновенно тутъ мнѣ бы сказалъ: имъ развратъ малоизвѣстенъ, Богъ объ этомъ знаетъ, онъ будетъ и судить; но замѣчая жестокость къ крестьянамъ, скупость, сребролюбіе, невѣжество—невольно придетъ въ голову мысль, что все это

стоитъ чего-нибудь; въ своемъ родѣ зло и зло не малое. Ну, о деревнѣ довольно.

„У васъ въ Москвѣ, думаю, совершилось великое торжество. Минувшее воскресенье подняло всю столицу. Напиши мнѣ о коронаціи все, что можешь. Да что гармонируетъ ли дѣло Ф. Петровича? При полученіи сего письма вообрази обыкновенный мой комплиментъ—въ горбъ. Все надобно дѣлать своимъ чередомъ.

Такъ-то трясый и посыпаяй... Коряга, скребокъ".

Брызгалова привлекали по Леопольдовскому дѣлу, дѣлали у него обыскъ и нашли указанное письмо. Нѣкоторыя слова и выраженія показались слѣдственнымъ чиновникомъ темными и загадочными. Поэтому для разъясненія ихъ былъ спрошенъ самъ Леопольдовъ, который освѣтилъ все пустякомъ, нисколько къ дѣлу не относящимся и этимъ поставилъ вопрошавшихъ въ неловкое положеніе. Онъ говорилъ, что „штабсъ-капитанствомъ" называютъ въ университетѣ степень кандидата 10-го класса; выраженіе „гармонируетъ ли дѣло Ф. Петровича" обозначаетъ вопросъ: успѣшно ли ведетъ помѣщикъ Гурьевъ—господинъ Брызгалова, дѣло объ имѣніи въ Сенатѣ? „Комплиментъ въ горбъ" это говаривалъ Леопольдовъ, когда ударялъ слегка въ шутку по спинѣ Брызгалова. Слова „трясый и посыпаяй"—также шутка; Брызгалова называли козломъ, потому что онъ часто трясъ своей жиденькой, длинной бородкой; Леопольдовъ, бывая у Брызгалова, постоянно подшучивалъ надъ нимъ и за то, когда спрашивалъ табаку, получалъ отказъ; гнѣвъ Брызгалова смягчался лишь при одномъ условіи, если учитель его начиналъ говорить о чемъ-нибудь дѣльномъ; слѣдовало угощеніе табакомъ и Леопольдовъ восклицалъ съ восторгомъ: „тряхнетъ бородой и табакъ посыплется".

Заполучивъ университетскій аттестатъ, Леопольдовъ почему-то не остался въ Москвѣ, а покатилъ въ Петербургъ. Тамъ онъ поселился у нѣмки Пахманъ, гдѣ ранѣе проживалъ уже чиновникъ по строительной части Скотти.

Леопольдовъ очевидно ни уроковъ не искалъ, ни на службу не поступалъ, все что-то писалъ, но писалъ такое, что не давало ему денежныхъ средствъ. Это оказалось сразу, потому что онъ задолжалъ чиновнику и хозяйкѣ.

Наканунѣ Рождества 1826 г. пріѣхалъ фельдъегерь и взялъ съ собою Леопольдова. Куда его повезли, и за что онъ подвергся такой участи—Пахманъ и Скотти совершенно не знали; такъ и долгъ остался за нимъ.

28 декабря онъ былъ доставленъ въ Новгородъ и заключенъ въ тюрьму. Здѣсь въ уѣздномъ судѣ началось его политическое

дѣло. Леопольдовъ много разъ являлся предъ лицомъ судей, много разъ писалъ объясненія, потому что слѣдственной комиссіей были пущены въ ходъ всевозможныя ухищренія, чтобы добиться обвиненія несчастнаго. Всякій пустякъ, каждая мелочь порождали у судебной власти подозрѣніе, разроставшееся чуть ли не въ вѣское доказательство, и подсудимаго часто тревожили то устно, то письменно.

Онъ томился въ заключеніи и не разъ ходатайствовалъ о скорѣйшемъ окончаніи его дѣла.

Просьбы его къ мѣстнымъ властямъ оставались втунѣ, и судебное производство ползло по-прежнему, черепашьимъ шагомъ. Но какимъ-то образомъ эта волокита дошла до Николая I. Чрезъ начальника главнаго штаба министръ юстиціи получилъ повелѣніе Государя, чтобы производимое въ Новгородскомъ уѣздномъ судѣ дѣло о Леопольдовѣ, преданномъ суду за имѣніе возмутительныхъ стиховъ „окончено было безъ промедленія времени“.

Высочайшая воля, переходя разныя инстанціи, достигла Новгорода; тогда уже губернаторъ Денферъ и губернскій прокуроръ Мартовъ строго подчеркнули уѣздному суду, что „оный имѣетъ преимущество передъ другими дѣлами приступить къ разсмотрѣнію сего дѣла и рѣшить оное безъ очереди“, иначе всѣ послѣдствія отъ медленности должны будутъ лечь на отвѣтственность суда.

Спустя десять мѣсяцевъ, уѣздный судъ рѣшилъ дѣло о Леопольдовѣ, но оно еще поступило на ревизію въ уголовную палату. Тамъ его ревизовали четыре мѣсяца.

Уѣздный судъ очень уже поусердствовалъ и приговорилъ Леопольдова къ каторжнымъ работамъ; однако палата не согласилась съ подобнымъ рѣшеніемъ, вмѣнила ему въ наказаніе тюремное заключеніе и сверхъ этого приговорила „къ чувствительному аресту“ на девять мѣсяцевъ въ крѣпостяхъ.

Отсюда дѣло пошло въ Сенатъ, который обратилъ его къ исполненію указомъ отъ 27 августа 1828 г., а Государственный Совѣтъ опредѣлилъ освободить Леопольдова, но съ тѣмъ, чтобы начальство того учрежденія, гдѣ онъ будетъ служить, обращало особое вниманіе на его поведеніе.

Находясь въ Новгородѣ, Леопольдовъ пожелалъ поступить въ ту палату, которая еще не такъ давно приговорила его къ крѣпостному заключенію. Кажется, къ этому учрежденію у него должна была бы явиться антипатія, но почему это иначе случилось — трудно объяснить.

Небезъинтересно привести его прошеніе, поданное въ уголовную палату на Высочайшее имя.

„Происходя изъ духовнаго званія, я обучался въ Пензенской семинаріи, потомъ кончилъ академическій курсъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ по отдѣленію словесныхъ наукъ. По окончаніи онаго имѣлъ несчастіе подвергнуться по Высочайшему повелѣнію суду, но по рѣшительномъ окончаніи онаго, какъ видно изъ прилагаемаго при семъ даннаго мнѣ изъ вышесказаннаго университета аттестата, предоставлено право на службу Вашего Императорскаго Величества. Нынѣ я желаю поступить на службу въ штатъ Новгородской Палаты уголовнаго суда.

А по сему всепокорнѣйше и прошу, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было ей мое прошеніе принять и включить меня въ штатъ Новгородской Палаты уголовнаго суда.

Всемилостивѣйшій Государь!

Прошу Ваше Императорское Величество о семъ моемъ прошеніи учинить рѣшеніе. Октября 5 дня 1828. Къ поданію надлежитъ въ Новгородскую Палату уголовнаго суда. Сіе прошеніе составлялъ, набѣло переписывалъ и къ оному руку приложилъ я, самъ проситель, кандидатъ словесныхъ наукъ Андрей Леопольдовъ“.

Палатѣ хорошо былъ извѣстенъ Леопольдовъ, но тѣмъ не менѣе она вывела на справку, какъ онъ судился, и какое послѣдовало по дѣлу рѣшеніе; затѣмъ уже, въ концѣ справки стояло „приказали“. А приказали за надобностью „приказнослужителей“, просить губернское правленіе объ утвержденіи Леопольдова въ штатъ палаты.

Такимъ образомъ онъ былъ принятъ на службу съ предложеніемъ о приводѣ къ присягѣ и съ сообщеніемъ въ Правительствующій Сенатъ о производствѣ его въ 10-й классъ.

Опредѣленіе его состоялось 17 ноября, а 22 ноября онъ вновь подалъ прошеніе въ палату и просилъ производство по первому остановить, такъ какъ онъ нашелъ болѣе выгодное мѣсто.

Несмотря на то, что указанныя учрежденія помѣщались въ одномъ зданіи, переписка объ опредѣленіи ходила около двухъ мѣсяцевъ, и все это время Леопольдовъ занимался въ палатѣ, получая жалованья 40 р. въ мѣсяцъ.

На другой день послѣ подачи второго прошенія, Леопольдовъ получилъ обратно аттестатъ и скрылся изъ Новгорода.

Между тѣмъ, за его отсутствіемъ, въ Новгородскихъ учрежденіяхъ завязалась новая переписка: объ удержаніи съ него денегъ въ казну за чинъ коллежскаго секретаря и 59 р. 90 к. въ пользу Пахманъ и Скотти.

Впослѣдствіи выяснилось, что Леопольдовъ еще до полученія аттестата былъ удовлетворенъ жалованьемъ.

Куда исчезъ Леопольдовъ—полиція не знала, и поэтому дѣло предали забвенію.

Вдругъ въ 1834 г. Саратовская казенная палата обратилась въ Новгородскую уголовную за свѣдѣніями: „когда Леопольдовъ поступилъ въ оную на службу, былъ ли представленъ къ утвержденію въ чинѣ, когда уволенъ, и не былъ ли ему объявленъ чинъ“.

Оказалось, что онъ поступилъ тамошнимъ квартальнымъ надзирателемъ, прослужилъ около мѣсяца и пріобрѣлъ собственноручно составленный послужной списокъ, подписанный полиціймейстеромъ Прянишниковымъ.

Въ спискѣ, конечно, не значилось ни слова о томъ, что онъ служилъ ранѣе въ Новгородской уголовной палатѣ. Когда же Леопольдовъ изъ полиціи поступилъ въ Саратовскую казенную палату, то послѣдняя представила его къ чину. Вотъ тутъ-то и открылось его прежнее мѣстослуженіе. Герольдія увѣдомила, что Леопольдовъ Высочайшимъ указомъ произведенъ уже въ коллежскіе секретари, по представленію Новгородскаго губернскаго правленія, какъ служившій въ тамошней уголовной палатѣ.

Отвѣтъ былъ посланъ скоро. Небезъинтересно въ немъ одно мѣсто. Составитель отвѣта, сообщая общія свѣдѣнія по опредѣленію Леопольдова, упоминаетъ, что онъ „во время нахожденія на службѣ въ сей палатѣ, велъ себя хорошо и былъ усерденъ“, но слова эти кѣмъ-то зачеркнуты, кто-то не согласился съ мнѣніемъ писавшаго такой отзывъ.

Что заставляло Леопольдова мѣнять такъ часто мѣста и опредѣляться на низшія должности, неизвѣстно. Между тѣмъ въ ту пору люди съ высшимъ образованіемъ встрѣчались рѣдко, и Леопольдовъ могъ бы занять видное служебное положеніе. Вѣроятно, тогда люди, познавшіе мудрость высшихъ наукъ, считались вольнодумными, вредными. Ихъ излишняя прямота и честность мѣшали обычному движенію чиновничьяго механизма. Конечно, прежніе протоколисты, журналисты, ассесоры, предсѣдатели, избѣгали его, какъ свѣточа въ темныхъ дѣлахъ, стараясь унизить его на маленькой должности и еще лучше совсѣмъ сплавить изъ учрежденія.

Несомнѣнно, Леопольдовъ перенесъ не мало горя отъ своего кандидатства.

Дальнѣйшая судьба его покрыта мракомъ. По крайней мѣрѣ въ дѣлахъ Новгородскихъ архивовъ, кромѣ указанныхъ данныхъ, больше ничего нѣтъ. Также не имѣется никакихъ слѣдовъ о немъ и тамъ, гдѣ онъ проживалъ и встрѣчался съ поэтомъ Пушкинымъ, даже трудно установить его квартиру, по случаю неоднократныхъ ремонтовъ и передѣлокъ.

А. Г. Слезскинскій.

Императоръ Павелъ I и политическія судьбы Италіи.

Въ области внѣшней политики царствованіе Императора Павла I ознаменовалось тѣмъ, что Россія вступила въ такъ-называемую вторую коалицію европейскихъ державъ. Въ противовѣсъ Императрицѣ Екатеринѣ II, ея преемникъ не преслѣдовалъ никакихъ завоевательныхъ плановъ, не мечталъ о расширеніи территоріальныхъ границъ своей имперіи, а потому съ самаго начала объявилъ себя сторонникомъ европейскаго мира и нейтралитета Россіи по отношенію къ тѣмъ политическимъ комбинаціямъ въ Европѣ, которыя имѣли тенденцію такъ или иначе нарушить дипломатическое равновѣсіе и вызвать войну. Поэтому, Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, не замедлилъ заявить, что онъ считаетъ ошибочной враждебную политику Россіи къ Турціи, практиковавшуюся при Екатеринѣ, и стремится поддерживать съ Портой добрыя отношенія, дабы обезпечить миръ, прежде всего, со стороны „вѣкового врага“. Но соображенія совершенно постороннія, не дипломатическаго характера, быстро заставили Императора Павла перейти отъ этой миролюбивой внѣшней политики къ активному вмѣшательству въ дѣла европейскихъ государствъ и стать во главѣ боевого союза, включившаго помимо Россіи, Австрію, Англію, Турцію и Неаполитанское королевство.

Установившееся во Франціи, какъ говаривалъ Императоръ Павелъ I, „богомерзкое правительство“, вело въ Европѣ, главнымъ образомъ благодаря походамъ Наполеона, войны, настолько успѣшно, что

грозило полнымъ измѣненіемъ европейской географической карты и, кромѣ того, потрясеніемъ основъ стараго монархическаго порядка всюду, гдѣ только появлялась французская „революціонная“ армія. Павелъ I считалъ священнымъ дѣломъ изгнаніе изъ Европы французовъ и вслѣдствіе этого участіе его во второй коалиціи сразу выразилось въ очень рѣшительной формѣ: онъ не жалѣлъ своихъ военныхъ силъ, посылавшихся имъ на помощь дѣйствующимъ противъ Франціи австрійцамъ, и поставилъ во главѣ русской арміи Суворова. Средоточіемъ совмѣстныхъ дѣйствій второй коалиціи—была Италія. Здѣсь самымъ гибельнымъ образомъ отразилось вторженіе армій „богомерзкаго правительства“. Законные государи и даже правитель Церковной области лишались своихъ троновъ, государства разламывались на части и отдавались въ полное распоряженіе генераламъ директоріи. Но особенный страхъ Европѣ внушало то, что здѣсь, въ сѣверной и средней Италіи, французы нанесли смертельный ударъ габсбургскому владычеству и, казалось, что вслѣдъ за этимъ наступитъ развалъ и австрійской имперіи, что явилось бы, въ свою очередь, началомъ всеевропейскаго катаклизма. Такимъ образомъ, изгнаніе французовъ изъ Италіи, освобожденіе ея отъ желѣзныхъ рукъ „богомерзкаго правительства“ являлось какъ бы залогомъ для возстановленія въ Европѣ порядка, для каковой цѣли только и вступилъ Павелъ I во вторую коалицію. Но если, какъ мы указали выше, роль императора Павла I была весьма значительна въ предпринятой второй коалиціей борьбѣ противъ директоріи, то въ политическихъ судьбахъ Италіи, по крайней мѣрѣ въ 1799 г.; она была еще болѣе важна, была прямо таки рѣшающей. Объ этой сторонѣ дѣятельности Павла I, объ его непосредственномъ вмѣшательствѣ въ политическія судьбы Италіи, приведшемъ, какъ мы увидимъ ниже, къ рѣшенію русскаго царя созвать въ Петербургѣ особую конференцію европейскихъ державъ для возстановленія въ правахъ законныхъ италіанскихъ государей и обезпеченія имъ полной независимости — объ этомъ именно, мы до сихъ поръ имѣли слабое представленіе. Отсутствіе *полныхъ* документальныхъ данныхъ о сношеніяхъ въ эту эпоху Россіи съ италіанскими государствами являлось главнымъ препятствіемъ для всесторонняго освѣщенія дипломатическихъ проектовъ Павла, касающихся судебъ Италіи. Нынѣ же, благодаря опубликованію полностью архива маркиза де-Галло, уполномоченнаго неаполитанскаго двора, архива, содержащаго въ себѣ интересную переписку о его дипломатической миссіи въ Петербургѣ въ 1799 г., представляется возможнымъ восполнить наши свѣдѣнія о внѣшней

политикѣ Павла I вообще и объ его участіи въ устройствѣ политическихъ судебъ Италіи, въ частности [1]).

Когда французы, разгромивъ сѣверную и среднюю Италію и создавъ изъ австрійскихъ владѣній и части Церковной области, такъ называемую Цизальпинскую республику, двинулись на югъ, въ Неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ на тронѣ сидѣлъ отпрыскъ Бурбонской династіи, Фердинандъ IV, произошли потрясающія событія. При видѣ непріятеля, жители Неаполя, главнымъ образомъ демократическая часть, недовольные режимомъ бурбонскаго абсолютизма, открыто выразили свою радость предстоящей, вмѣстѣ съ французскимъ завоеваніемъ, смѣнѣ правительствъ и политической системы. Дворъ же, послѣ тщетныхъ попытокъ оказать сопротивленіе французамъ—съ одной стороны и усмирить пришедшихъ въ движеніе демократовъ—съ другой, поспѣшно перекочевалъ въ Сицилію, гдѣ въ Палермо было устроено мѣстопребываніе бѣжавшаго неаполитанскаго короля и его семьи. Здѣсь, на королевскомъ совѣтѣ рѣшено было немедленно прибѣгнуть къ помощи извнѣ, т. е. рѣшено было повести переговоры о совмѣстномъ выступленіи противъ французовъ Австріи и Англіи, съ которыми неаполитанское правительство уже заключило въ разное время сепаратныя соглашенія. О такомъ же соглашеніи съ Россіей неаполитанскій посолъ Серракапріола велъ уже переговоры въ Петербургѣ (договоръ былъ подписанъ 18 (29) декабря 1798). Такимъ образомъ, событія въ Неаполѣ, приведшія въ январѣ 1799 г. къ установленію тамъ французами Партенопейской республики, подготовили почву для образованія второй коалиціи. Но для достиженія этой цѣли понадобилось, раньше всего, наладить испортившіяся въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ 1798 г. отношенія между неаполитанскимъ правительствомъ и Австріей. Дѣло въ томъ, что когда неаполитанское правительство вело еще за свой страхъ и рискъ борьбу съ французами, и одно время ему удалось вытѣснить врага изъ предѣловъ неаполитанскаго королевства и проникнуть даже въ папскую область, а также и въ Римъ, въ Австріи это было учтено, какъ попытка Бурбонской династіи использовать моментъ замѣшательства и овладѣть наслѣдіемъ папы. Кромѣ того, обостренію австро-неаполитанскихъ отношеній содѣйствовалъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Тугутъ, который говорилъ, что аккредитованные при европейскихъ дворахъ послы неаполитанскаго короля „конспирируютъ“ противъ вѣнскаго правительства и всячески стараются подорвать къ нему

---

[1]) *Carlo di Somma.* Une mission diplomatique du marquis de Gallo à Saint-Petersbourg en 1799. Napoli, 1910.

довѣріе Европы. Чтобы положить конецъ этимъ натянутымъ отношеніямъ между Австріей и Неаполемъ, мѣшавшимъ быстрому и своевременному выступленію коалиціи противъ французовъ, неаполитанское правительство, или вѣрнѣе Марія-Каролина, ибо Фердинандъ IV не принималъ никакого участія въ дѣлахъ государства, а ими всецѣло управляла королева, отправила въ Вѣну со спеціальной дипломатической миссіей маркиза де-Галло.

Въ Вѣнѣ Галло скоро удалось „сгладить острые углы“ австро-неаполитанскихъ отношеній и даже добиться полнаго расположенія къ себѣ Императора Франца II и Императрицы. Но находясь при вѣнскомъ дворѣ, Галло проникъ въ тайну австрійской дипломатіи, и ему уже ясно представилась та цѣль, которая лежала въ основѣ участія Австріи во второй коалиціи. Австрійцы стремились не только сломить господство французовъ въ Европѣ, но и по-прежнему думали воцариться въ Италіи и заручиться согласіемъ на свободу дѣйствія здѣсь со стороны державъ, входившихъ во вторую коалицію. Реставрація австрійскаго владычества на Аппенинскомъ полуостровѣ послѣ изгнанія оттуда французовъ — съ такой мыслью носился австрійскій дворъ, противорѣчила политическимъ видамъ неаполитанскаго королевства, тогда игравшаго наиболѣе видную роль среди прочихъ италіанскихъ государствъ. И вотъ въ Вѣнѣ въ головѣ маркиза де-Галло созрѣваетъ совершенно новый планъ, о которомъ онъ немедленно сообщаетъ неаполитанскому первому министру Актону. Планъ этотъ заключается въ томъ, чтобы Австріи противопоставить Россію, чтобы навязать Императору Павлу роль главнаго устроителя политическихъ судебъ Италіи и раскрыть съ этой цѣлью передъ нимъ карты австрійской дипломатіи. Вообще, Галло съ каждымъ днемъ своего пребыванія въ Вѣнѣ убѣждается все больше въ опасныхъ послѣдствіяхъ для Италіи отъ участія Австріи въ коалиціи, если политическая роль вѣнскаго правительства не будетъ парализована какимъ-нибудь дипломатическимъ вольтъ-фасомъ.

„Я склоняюсь больше къ русскимъ, чѣмъ къ австрійцамъ, писалъ отъ 20 мая 1799 г. изъ Вѣны Галло своему правительству, такъ какъ послѣдніе скорѣе будутъ въ тягость, чѣмъ принесутъ пользу неаполитанскому королю“. И онъ надѣется на успѣхъ предпринимаемой имъ поѣздки съ этой дипломатической цѣлью въ Петербургъ по слѣдующимъ соображеніямъ: Россія, не заинтересованная въ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ въ Италіи, будетъ искренно стремиться къ удовлетворенію законныхъ требованій неаполитанскаго правительства, когда дѣло коснется устройства политическихъ судебъ италіанскихъ государствъ. Всякая же попытка Австріи,

путемъ новаго раздѣла Аппенинскаго полуострова, распространить еще больше здѣсь свое вліяніе, повлечетъ къ измѣненію европейскаго равновѣсія исключительно въ ея пользу, чего не можетъ допустить русскій Императоръ. Россія, въ силу давно уже сложившейся дипломатической коньюнктуры, не потерпитъ расширенія австрійскаго владычества, ибо въ противномъ случаѣ ей пришлось бы имѣть своимъ сосѣдомъ тогда едва-ли не самую сильную и величественную державу. А между тѣмъ, въ эпоху второй коалиціи, Россія была единственной державой, которая, по мнѣнію Галло, могла бы заставить Австрію идти у нея подъ кнутомъ. (La Russie est la seule puissance qui possède le moyen de faire marcher l'Autriche à la cravache). И логически развивая эту мысль, учитывая только реальные факторы европейскихъ дипломатическихъ отношеній, Галло приходитъ къ такому выводу. „Всякая новая политическая система—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ Актону,—которая будетъ введена въ Италію, будетъ зависѣть отъ воли Россіи, и вообще тонъ всему будетъ задавать только эта держава". Однако, развиваетъ дальше свой планъ Галло, не слѣдуетъ допустить, чтобы судьбы Италіи находились исключительно въ рукахъ русскаго царя. Это могло бы явиться искрой для новаго пожара въ Европѣ, ибо никакая держава не согласится на это. Поэтому, русскому царю необходимо будетъ сдѣлать кое-какія уступки, но никоимъ образомъ не устанавливать новаго равновѣсія такъ, чтобы это было въ пользу Австріи. Что же касается неаполитанскаго королевства, то для увеличенія ея престижа, для достиженія внѣшняго могущества, и чтобы она могла занять дѣйствительно выдающееся мѣсто среди остальныхъ италіанскихъ государствъ, король Фердинандъ IV, по совѣту Галло, долженъ непремѣнно требовать территоріальнаго расширенія своихъ владѣній.

Вотъ планъ, созрѣвшій у Галло, при болѣе близкихъ отношеніяхъ его съ австрійской дипломатіей. Онъ его тщательно скрываетъ отъ Тугута, которому сообщаетъ, что ѣдетъ въ Петербургъ съ единственной только цѣлью: просить царя продолжать оказывать Австріи помощь, дабы поскорѣе освободить Неаполь отъ французовъ. Тугутъ одобряетъ эту миссію и говоритъ Галло, что дѣятельное участіе Россіи въ этомъ дѣлѣ крайне необходимо, чтобы „сдѣлать внушительную диверсію и уничтожить якобинизмъ въ Италіи". Тугутъ обѣщаетъ даже сообщить объ этомъ Кобенцлю, который игралъ большую роль въ сближеніи Австріи и Россіи въ 1798 г., и будетъ просить его оказать поддержку миссіи Галло въ Петербургѣ. Галло, затѣмъ, получаетъ собственноручныя рекомендательныя письма отъ Франца II и отъ австрійской императрицы къ

Императору Павлу I и Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, — и уѣзжаетъ въ Россію.

Въ Петербургѣ Галло былъ принятъ весьма милостиво. На первой же аудіенціи неаполитанскаго уполномоченнаго у Павла I-го зашелъ разговоръ о международномъ положеніи и о тѣхъ мотивахъ, которые должны были способствовать болѣе активному вмѣшательству русскаго царя въ дѣла Италіи. Съ того момента, какъ Россія вступила въ союзныя отношенія съ Турціей—говорилъ Галло Императору Павлу — и получила возможность свободнаго прохода черезъ Дарданеллы, для нея весьма важно имѣть на Адріатическомъ морѣ вѣрнаго союзника. Таковымъ можетъ явиться неаполитанское королевство. Но для этого необходимо, чтобы послѣднее увеличило свою территорію, чтобы династія неаполитанскихъ Бурбоновъ могла получить преимущественное вліяніе въ Италіи и явилась бы достаточно сильнымъ противовѣсомъ другимъ державамъ, отъ которыхъ до сихъ поръ зависѣло равновѣсіе на Аппенинскомъ полуостровѣ. Царь сперва не догадался, что этотъ „противовѣсъ“, который Галло хотѣлъ создать при содѣйствіи Россіи въ Неаполѣ, направленъ противъ австрійскаго вліянія, и слова о территоріальномъ увеличеніи владѣній неаполитанскихъ Бурбоновъ его испугали.

— Какъ, вы хотите взять Римъ!—воскликнулъ Павелъ. Но Галло поспѣшилъ успокоить его относительно дальнѣйшей судьбы столицы Св. престола и сталъ доказывать, что неаполитанское правительство не думаетъ ни о какихъ посягательствахъ на владѣнія папы, а что рѣчь идетъ только о пріобрѣтеніи новыхъ *стратегическихъ* позицій, безъ которыхъ неаполитанское королевство останется попрежнему открытымъ для вторженія любой непріятельской силы. Съ этимъ Павелъ I-й согласился, но опять повторилъ, что онъ будетъ отстаивать всегда неприкосновенность папскихъ владѣній, ибо въ этомъ онъ видитъ „сохраненіе престижа католической вѣры, столь необходимаго монархамъ“. Кромѣ того, по мнѣнію Императора Павла, такая политика будетъ способствовать смягченію или даже полному прекращенію соперничества державъ.

По мѣрѣ того, какъ эта дипломатическая бесѣда переходила отъ частнаго вопроса къ общему, отъ русско-неаполитанскаго союза къ международному положенію вообще, Галло удалось остановить вниманіе царя на истинныхъ стремленіяхъ австрійской дипломатіи, т. е. прійти къ той главной цѣли, которая, по убѣжденію неаполитанскаго дипломата, должна была поставить на совершенно иную, болѣе благопріятную для судебъ Италіи, почву участіе Россіи во второй коалиціи. Но Галло подходилъ къ этой цѣли весьма осторожно, стараясь въ самомъ разговорѣ съ Павломъ I-мъ, принявшемъ вскорѣ

очень оживленный характеръ, уловить его подлинное отношеніе къ австрійской дипломатіи. Довольно прозрачными намеками Галло далъ понять Императору, что самое устройство политическихъ судебъ Италіи послѣ изгнанія изъ нея французовъ будетъ зависѣть отъ того или иного территоріальнаго перераспредѣленія на Аппенинскомъ полуостровѣ. „Я замѣтилъ Царю—пишетъ Галло въ своемъ конфиденціальномъ письмѣ къ Актону,—что Италія подверглась такой встряскѣ, такимъ измѣненіямъ (послѣ вторженія французовъ и изгнанія законныхъ государей), послѣ которыхъ становится невозможнымъ ввести все въ прежнюю норму. Надо предвидѣть, слѣдовательно, въ Италіи новыя измѣненія, которыя соотвѣтствовали бы уже планамъ державъ, вступившихъ во вторую коалицію, но стараться, чтобы послѣдствія этихъ новыхъ перемѣнъ не принесли бы пользы только этимъ державамъ“. Иными словами, Галло предупреждалъ Павла I-го о возможности раздѣла Италіи между Австріей и Англіей. Послѣдняя, надо замѣтить кстати, стремилась завладѣть нѣсколькими лучшими портами Италіи, которые необходимы были ей для упроченія своего господства на моряхъ.

Галло сообщаетъ далѣе, что, услышавъ эти слова, Императоръ Павелъ былъ положительно пораженъ (frappé de cette idée). Онъ какъ бы впервые понялъ все значеніе италіанскаго вопроса и тѣхъ послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ участія въ устройствѣ судебъ Италіи второй коалиціи, и по всему видно было, что раньше подобная мысль и не приходила въ голову Павла I-го. Подумавъ немного, царь далъ такой отвѣтъ. „Я хочу, чтобы мы (т. е. коалиція) вели войну только для подавленія революціи и для возстановленія каждаго монарха въ своихъ законныхъ владѣніяхъ. Я уже объ этомъ сообщилъ австрійскому императору (Францу II) и послалъ свои приказанія Суворову съ тѣмъ, чтобы онъ заставилъ всѣ, покоренные имъ народы присягнуть ихъ законнымъ властителямъ. И какъ только онъ овладѣетъ Туриномъ, онъ долженъ, согласно моимъ приказаніямъ, послать курьера за Сардинскимъ королемъ и возвратить его въ его постоянную резиденцію. Я не знаю, понравится ли такая тактика вѣнскому двору, но она входитъ въ мою систему, которая кажется мнѣ наилучшей, чтобы исключить всякій проектъ личнаго честолюбія и споръ между спутниками“. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ выяснилось, что Павелъ I признаетъ за Австріей права на владѣніе только Венеціей и венеціанскими областями, но не больше. Что же касается другихъ притязаній австрійскаго дома и въ частности прежняго возстановленія его въ Ломбардіи, то царь рѣшительно заявилъ свое несогласіе съ какимъ бы то ни было планомъ раздѣла этого послѣдняго государства. Однако Галло сталъ доказывать Павлу, что

сговориться съ Австріей по поводу Италіи не такъ легко, что вѣнское правительство будетъ добиваться гораздо большаго, чѣмъ владѣніе одной только Венеціей. „Хорошо—сказалъ Императоръ,—остановимся пока на этомъ и пусть нашъ разговоръ явится отправнымъ пунктомъ въ дальнѣйшемъ разрѣшеніи италіанскаго вопроса. Я охотно буду способствовать всѣмъ тѣмъ проектамъ, которые будутъ къ выгодѣ неаполитанскаго короля. Мы еще сговоримся и заключимъ конфиденціальныя соглашенія, касающіяся какъ интересовъ вашего короля, такъ и судебъ Италіи".

Эти заключительныя слова Павла I на первой аудіенціи, данной имъ Галло, явились началомъ новой дипломатической оріентировки, которой такъ добивался неаполитанскій посланецъ. Она вела къ ослабленію австрійскаго вліянія и къ самостоятельному возрожденію италіанскихъ государствъ подъ эгидой господства неаполитанскихъ Бурбоновъ. „Къ этимъ лучшимъ стремленіямъ, воодушевившимъ русскаго царя—доносилъ Галло неаполитанскому первому министру,—я добавлю только: нужно ковать желѣзо, пока горячо".

Между тѣмъ, дальнѣйшее пребываніе Галло въ Петербургѣ, его частыя посѣщенія царя, бесѣды съ министромъ Растопчинымъ—все это способствовало охлажденію австро-русскихъ отношеній. Императоръ Павелъ сталъ все менѣе довѣрять вѣнскому правительству, и стремленіе послѣдняго подчинить своему контролю дѣйствія Суворова положительно ожесточало царя. Ему уже ясны были причины разногласій въ дѣйствіяхъ русской и австрійской армій, сражавшихся за освобожденіе Италіи отъ французовъ и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, рѣшеніе Павла поставить преграды новому австрійскому господству на Аппенинскомъ полуостровѣ казалось непоколебимымъ. Въ концѣ концовъ его недружелюбное отношеніе къ Австріи дошло до того, что онъ принялъ чрезвычайно холодно эрцгерцога Іосифа, намѣстника въ Венгріи, пріѣхавшаго въ Петербургъ съ блестящей свитой въ качествѣ жениха Великой Княгини Александры Павловны. Въ томъ, что вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ Іосифомъ прибылъ въ Петербургъ и принцъ Виртембергскій, царь видѣлъ попытку вѣнскаго двора использовать чисто семейное торжество въ цѣляхъ политическихъ. Онъ заявилъ, что не хочетъ ни съ кѣмъ изъ нихъ встрѣчаться, чтобы не заводить разговоровъ на политическую тему и не втянуться въ новую интригу вѣнской дипломатіи. Графу Дитрихштейну приказано было устроить временную резиденцію высокихъ гостей въ Гатчинѣ, дабы держать ихъ подальше отъ петербургскихъ правительственныхъ круговъ и императорскаго двора. Въ то же самое время Павелъ I-й попросилъ Галло разработать подробный проектъ будущаго устройства Италіи,

въ связи съ отношеніемъ къ этому вопросу державъ второй коалиціи. Представивъ царю письменный докладъ и познакомивъ его болѣе подробно съ своимъ проектомъ *территоріальнаго* перераспредѣленія Италіи, Галло натолкнулъ Павла I-го на мысль созвать въ Петербургѣ конференцію изъ державъ, заключившихъ вторую коалицію, для окончательнаго рѣшенія италіанскаго вопроса.

Что же дѣлала въ это время австрійская дипломатія? Развѣдавъ, что Галло удалось склонить русскаго царя къ дипломатическому проекту, идущему въ разрѣзъ съ политическими цѣлями Австріи, вѣнскій дворъ сталъ „бросать палки въ колеса". Но при извѣстіи о проектѣ Императора Павла созвать спеціальную конференцію, съ цѣлью лишить навсегда прежняго политическаго вліянія Австрію въ италіанскихъ государствахъ, австрійская дипломатія серіозно заволновалась.

Въ сентябрѣ 1799 г. Актонъ пишетъ изъ Палермо неаполитанскому послу въ Петербургѣ, Серракапріолѣ, слѣдующее: „Я долженъ предупредить васъ, что вѣнскій дворъ проявилъ большую тревогу по поводу предположенія Павла I открыть въ Петербургѣ конференцію по италіанскимъ дѣламъ". Это заключеніе неаполитанское правительство вынесло на основаніи письма, полученнаго королемъ Фердинандомъ отъ императора Франца II. Послѣдній въ мягкой формѣ, въ которую, однако, были заключены угрозы дипломатическаго разрыва и объявленія Неаполю войны, просилъ Фердинанда приказать своимъ уполномоченнымъ въ Петербургѣ дѣйствовать солидарно съ представителями австрійскаго правительства. „Ибо то, что намъ предлагаютъ—писалъ Францъ II,—можетъ привести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ". Какія подозрѣнія вызвалъ въ Вѣнѣ неожиданный поворотъ въ австро-русскихъ отношеніяхъ, происшедшій благодаря дипломатической миссіи Галло въ Петербургѣ, можно судить по письму, написанному австрійской императрицей Маріей-Терезіей (жена Франца II) своей матери, неаполитанской королевѣ Маріи-Каролинѣ. „Я подозрѣваю—говорится въ этомъ письмѣ, написанномъ подъ давленіемъ австрійской дипломатіи,—что русскій императоръ хочетъ завладѣть однимъ изъ италіанскихъ государствъ, чтобы посадить тамъ на тронъ эрцгерцога Іосифа, въ честь женитьбы этого послѣдняго на его дочери, и я боюсь, что это будетъ сдѣлано за счетъ владѣній несчастнаго папы. Мой любезный супругъ для предупрежденія этого посылаетъ свои войска въ Римскія владѣнія съ тѣмъ, чтобы занять ихъ и управлять тамъ отъ имени Св. Престола"...

Получивъ извѣщеніе о перепискѣ между дворами неаполитанскимъ и австрійскимъ, Галло продолжалъ все же дѣйствовать въ прежнемъ

направленіи и главнымъ образомъ содѣйствовать скорѣйшему осуществленію проекта Павла I-го о созывѣ конференціи. Петербургское правительство все болѣе втягивалось въ итальянскія дѣла, но оно было какъ бы озадачено новой дипломатической оріентировкой, при которой старые корни габсбургскаго господства въ Италіи подрубались рукой некого другого, какъ ея союзника, императора Павла. „Какъ же мы все это устроимъ, чтобы можно было вырвать изъ рукъ Австріи всѣ ея итальянскія владѣнія?“—растерянно спрашивалъ у Галло графъ Растопчинъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ.—„Нѣтъ ничего легче—отвѣчалъ ему неаполитанскій дипломатъ.—Строго придерживаясь своего принципа, никого не раздражая, не дѣлая ничего неожиданнаго,—русское правительство можетъ увеличить свои войска въ Италіи. За остальное же я вамъ ручаюсь, тѣмъ болѣе, что одной частью римскаго государства мы уже владѣемъ, и скоро въ нашихъ рукахъ будетъ также и Анкона.“ Дипломатическій языкъ лакониченъ, но каждое слово дипломатіи имѣетъ всегда глубокое содержаніе. Какъ видно изъ приведеннаго только что разговора, вѣнскому правительству было отчего безпокоиться. Галло дѣйствительно повелъ дѣло въ Петербургѣ такъ, что если бы предполагаемой конференціи можно было навязать проектъ Павла объ устройствѣ итальянскихъ государствъ, то на развалинахъ австрійскаго владычества возродилось бы сильное русской поддержкой и самостоятельное Неаполитанское королевство, увеличенное территоріально и возвеличенное морально. Вопросъ вступалъ уже на почву политическаго соперничества Неаполя и Австріи, соперничества, предрѣшавшаго зарю итальянскаго объединенія подъ эгидой русско-неаполитанскаго союза. Въ этотъ моментъ, когда миссія Галло достигла успѣха, когда ему удалось при содѣйствіи царя раздвинуть рамки политическихъ стремленій второй коалиціи и вопросъ объ изгнаніи французовъ связать съ проблемой политической независимости отъ Австріи италіанскихъ городовъ, въ этотъ моментъ Неаполь бралъ на себя ту роль, которую много лѣтъ спустя игралъ Пьемонтъ въ объединеніи Италіи. А союзъ неаполитанскаго королевства съ Россіей долженъ былъ носить тотъ же характеръ, который въ 1859 г. имѣлъ союзъ Сардинскаго королевства съ Франціей. Но на этотъ разъ австрійская дипломатія одержала побѣду, и мы сейчасъ увидимъ, какимъ образомъ рушился этотъ замѣчательный планъ освобожденія Италіи отъ австрійской опеки, планъ, основанный на безкорыстномъ участіи Россіи во второй коалиціи и на „благородныхъ порывахъ“ Павла I.

Вѣнское правительство, получивъ извѣщеніе отъ царя о предполагаемомъ созывѣ въ Петербургѣ конференціи по италіанскимъ

дѣламъ, медлило своимъ отвѣтомъ. Придираясь къ тому, что при передачѣ въ Вѣнѣ этого извѣщенія русскимъ представителемъ Колычевымъ, не были выполнены надлежащія формальности (у Колычева не было вѣрительныхъ грамотъ), Францъ II думалъ подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ выиграть необходимое ему время, чтобы отправить новыя письма въ Палермо для болѣе рѣшительнаго воздѣйствія на неаполитанское правительство. Но не успѣла еще австрійская дипломатія предпринять новые шаги, чтобы разстроить планъ Павла I, какъ царь, раздраженный явнымъ уклоненіемъ отъ отвѣта на вопросъ о созывѣ конференціи, послалъ немедленно въ Вѣну нѣчто въ родѣ ультиматума. На этотъ разъ Императоръ Павелъ требовалъ, чтобы австрійское правительство заявило, какого оно мнѣнія о возстановленіи въ своихъ правахъ Сардинскаго короля и относительно проекта политической и государственной реорганизаніи Италіи. Кромѣ того, царь заявилъ самымъ категорическимъ образомъ, что онъ отказывается отъ сепаратнаго соглашенія съ Австріей по дѣламъ Италіи, неоднократно ему предложеннаго вѣнскимъ правительствомъ, и что онъ по-прежнему настаиваетъ на созывѣ конференціи.

Въ теченіе того времени, когда инцидентъ съ уклоненіемъ отъ отвѣта австрійскаго правительства долженъ былъ такъ или иначе разрѣшиться, по оплошности Растопчина, въ Палермо, гдѣ все еще продолжалъ пребывать неаполитанскій дворъ, произошло дипломатическое замѣшательство, сразу разрушивъ весь планъ Павла, подготовленный большими усиліями Галло и очень удачно поведенной имъ дипломатической игрой. Случилось это такимъ образомъ. Держа постоянно русскаго посла въ Лондонѣ, графа Воронцова, въ курсѣ тѣхъ переговоровъ, которые велись въ Петербургѣ маркизомъ де-Галло, такъ какъ это было существенно въ цѣляхъ подготовки англійскаго правительства къ новымъ политическимъ перемѣнамъ въ Италіи, Растопчинъ сообщилъ послѣ одной изъ своихъ бесѣдъ съ Галло, шутя, что послѣдній пріѣхалъ въ Россію „съ идеями Цезаря: раздѣлить весь міръ“. Какимъ-то образомъ эта не то шутка, не то злая иронія стала извѣстна неаполитанскому послу въ Лондонѣ, который, придавъ ей чрезвычайно важное дипломатическое значеніе, немедленно сообщилъ объ этомъ своему правительству. Въ Палермо, гдѣ неаполитанскій дворъ находился подъ угрозами Австріи: разорвать съ нимъ сношенія и даже объявить войну, чрезвычайно встревожились.

Неаполитанское правительство рѣшило, что смѣлые замыслы Галло въ дѣйствительности увлекаютъ его въ какую-то дипломатическую трясину, изъ которой ему не удастся выйти безъ тяже-

лыхъ потерь и непріятностей. Не будь оно столь трусливо, имѣй оно смѣлость дѣйствовать не только за кулисами международныхъ отношеній, но, въ случаѣ необходимости, и открыто,—оно, конечно, иначе оцѣнило бы крылатую фразу Растопчина, тѣмъ болѣе, что истиннымъ вершителемъ политическихъ судебъ Италіи въ это время являлся уже Императоръ Павелъ, намѣревавшійся, какъ показываютъ опубликованные Carlo di Somma документы, съузить до ничтожныхъ предѣловъ вліяніе Австріи на Аппенинскомъ полуостровѣ. Но вмѣсто того, чтобы продолжать поддерживать идею Павла о созывѣ конференціи по италіанскимъ дѣламъ, неаполитанскій король Фердинандъ рѣшилъ сразу оборвать нить налаженнаго съ такимъ трудомъ дѣла. Онъ послалъ царю письмо, въ которомъ писалъ, что его взгляды на политическія судьбы Италіи совершенно противоположны проектамъ Галло, который, къ тому же, не получилъ на эту миссію спеціальныхъ полномочій отъ него, А между тѣмъ изъ содержанія письма ясно видно, что ни Фердинандъ, ни его министръ Актонъ не поняли истиннаго положенія вещей и той благопріятной политической конъюнктуры, которая сложилась для Неаполя благодаря поѣздкѣ Галло въ Петербургъ. Ибо, въ сущности король Фердинандъ хотѣлъ того же самаго, что и Галло, т. е. возстановленія въ своихъ законныхъ правахъ бывшихъ до французскаго нашествія италіанскихъ правителей и устраненія посторонняго вліянія, подразумѣвая подъ этимъ, прежде всего, вліяніе Австріи. Пунктомъ же дѣйствительныхъ разногласій явился какъ будто-бы вопросъ о территоріальной компенсанціи державъ, участвующихъ въ войнѣ за освобожденіе Италіи отъ французовъ. Но и тутъ оказалось полное непониманіе неаполитанскимъ правительствомъ элементарнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики и установившейся практики международнаго права. Понимая отлично, что война второй коалиціи должна будетъ закончиться тѣмъ, что участвующія въ ней державы потребуютъ для себя той или иной компенсаціи, Галло стремился устроить такимъ образомъ, чтобы такой исходъ войны противъ французовъ не отразился на политической независимости Италіи. Вѣдь опасеніе, что Австрія и теперь пожелаетъ распространить свое господство на всю Италію, основывалось на томъ, что Англія за свое участіе во второй коалиціи требовала присоединенія къ себѣ нѣкоторыхъ территорій въ южной Африкѣ и въ Америкѣ, а Россія за то же участіе—примиренія австрійской дипломатіи съ вторымъ раздѣломъ Польши, который, какъ извѣстно, былъ совершенъ въ пользу русскаго и прусскаго государствъ. Отсюда вытекало какъ бы естественное заключеніе, что Италія явится объектомъ компенсаціи для Австріи. И вотъ почему проектъ Павла билъ по самому больному

мѣсту австрійской дипломатіи, такъ какъ, беря на себя иниціативу устроителя италіанскихъ государствъ, царь этимъ самымъ становился помѣхой для Австріи, жаждавшей полной свободы дѣйствія въ Италіи. Но какъ бы тамъ ни было, а вопросъ о компенсаціяхъ былъ понятъ Фердинандомъ IV совершенно въ превратномъ смыслѣ. Ему казалось, что Галло примѣнилъ этотъ дипломатическій терминъ въ смыслѣ возможности раздѣла сферъ политическаго вліянія въ Италіи между тремя державами: Россіей, Англіей и Австріей.

Послѣ полученія письма отъ неаполитанскаго короля, въ которомъ Галло было выказано полное недовѣріе, Императору Павлу ничего другого не оставалось дѣлать, какъ пріостановить свои подготовительныя работы для созыва конференціи по италіанскимъ дѣламъ. Какъ разъ къ этому времени образовавшаяся при русскомъ дворѣ, какъ Галло говоритъ, національная партія стала выказывать свое неудовольствіе тѣмъ, что Павелъ запутался въ италіанскихъ дѣлахъ, совершенно чуждыхъ русской политикѣ. Она требовала отозванія съ театра военныхъ дѣйствій Суворова и выступленія Россіи изъ второй коалиціи. Павелъ долго не соглашался съ взглядами противниковъ русскаго вмѣшательства въ италіанскія дѣла и благодаря только вышеописанному недоразумѣнію съ дипломатической миссіей Галло, онъ, со свойственными ему рѣзкостью и поспѣшностью, перемѣнилъ направленіе своей внѣшней политики и выступилъ въ октябрѣ 1799 г. изъ коалиціи. Какъ извѣстно, царь написалъ императору Францу письмо, гдѣ упрекалъ Австрію въ томъ, что свои чисто эгоистическіе интересы она ставитъ превыше всего, превыше даже того общаго дѣла, ради котораго составилась вторая коалиція. Но неудача миссіи Галло только подвинула впередъ успѣхъ закулисныхъ интригъ австрійской дипломатіи. Австрія успѣла снова стать твердой пятой въ Италіи и на этотъ разъ надолго, до второй половины XIX ст. Уѣзжая изъ Петербурга, Галло продолжалъ твердить: „Этотъ дворъ (австрійскій) приведетъ къ европейскому разгрому“. Въ этихъ словахъ заключалось много правды. Если Австрія не привела своимъ поведеніемъ къ разгрому Европы въ буквальномъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ она является истинной виновницей многихъ неудачныхъ событій, повліявшихъ на судьбы европейскихъ государствъ въ послѣдующія эпохи.

Самая важная въ историческомъ смыслѣ сторона дипломатической миссіи Галло заключалась въ его попыткѣ поставить Италію послѣ изгнанія французовъ на собственныя ноги, открыть ей дорогу къ независимости. Участіе же въ этомъ дѣлѣ Императора Павла рисуетъ его внѣшнюю политику только съ выгодной стороны. Если

же затѣя эта не удалась, то въ этомъ виновата больше всего династія неаполитанскихъ Бурбоновъ, запутавшаяся въ интригахъ, трусливая и неспособная къ творческой дѣятельности. Въ 1799 г. для нея представлялся случай возвыситься, но въ послѣднюю минуту, испугавшись австрійскихъ угрозъ, она отступила отъ всѣхъ своихъ позицій. Спустя много лѣтъ эту роль, роль избавительницы Италіи отъ австрійскаго ига, взяло на себя Сардинское королевство. Пьемонтъ не только освободилъ Италію, но пошелъ еще дальше, онъ объединилъ ее.

Н. Борецкій-Бергфельдъ.

Къ закрытію масонскихъ ложъ въ Россіи.

Въ послѣдніе годы жизни своей Императоръ Александръ I перемѣнился. По замѣчанію князя Петра Андреевича Вяземскаго [1]), онъ сдѣлался недовѣрчивымъ и крайне подозрительнымъ.

Постоянно задумчивый и раздражительный, Государь сталъ неузнаваемъ.

Послѣ годичнаго почти отсутствія изъ Россіи, проведеннаго за границей, — 24 мая 1821 года онъ возвратился въ Царское Село. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ князь Васильчиковъ, съ нетерпѣніемъ ждалъ этого возвращенія; у него накопилось не малое количество дѣлъ, которыя не могли быть разсмотрѣны и получить движеніе безъ личнаго доклада ихъ Императору.

Между ними, особенно важнымъ, какъ для докладчика, такъ и для Государя, были свѣдѣнія о тайныхъ обществахъ и доносъ о лицахъ, въ нихъ замѣшанныхъ, полученные въ отсутствіе Императора. Сообщить усталому и разстроенному Государю объ этомъ было очень непріятно и больно Илларіону Васильевичу.

Изложивъ и передавъ на усмотрѣніе Его Величества накопившіеся въ его отсутствіе дѣла и вопросы, Васильчиковъ рѣшился наконецъ сообщить полученныя и собранныя имъ свѣдѣнія о тай-

---

[1]) Вяземскій Петръ Андреевичъ, извѣстный поэтъ и критикъ, былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, членъ Государственнаго Совѣта. Родился 12 іюля 1792 года, скончался 10 ноября 1878 года.

ныхъ обществахъ, незамѣтно разроставшихся въ государствѣ и угрожавшихъ его спокойствію.

Государь молча выслушалъ этотъ тревожный докладъ и глубоко задумался. Потомъ печально сказалъ по-французски:

— Mon cher Vasillczykow! Vous savez que j'ai partagé et encouragé ses illusions et ses erreurs.—(Дорогой Васильчиковъ, вы, который находитесь на моей службѣ съ начала моего царствованія, вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія). Потомъ послѣ нѣкотораго молчанія прибавилъ: Ce n'est pas à moi á sevir. „Не мнѣ подобаетъ карать".

И онъ не приказалъ и не принялъ какихъ-нибудь мѣръ противъ того, чему самъ поклонялся и раздѣлялъ такіе же взгляды по своемъ вступленіи на престолъ. Взгляды, осуществленія которыхъ когда-то самъ желалъ.

Въ это же время Государю представлена была извѣстная записка начальника штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютанта графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, въ которой съ необыкновенной вѣрностью и точностью описаны были всѣ тайныя общества въ Россіи и даже поименованы главнѣйшія лица, въ нихъ участвовавшія, и ихъ характеристика. Впослѣдствіи, уже по вступленіи на престолъ Императора Николая I, эта записка, оставшаяся нетронутой и найденная въ столѣ, между бумагъ покойнаго Государя Александра I, въ кабинетѣ его въ Царскомъ Селѣ, послужила къ раскрытію заговора и ареста лицъ, въ немъ участвовавшихъ, а также и къ открытію организованныхъ ими тайныхъ обществъ. Благодаря этой запискѣ Бенкендорфъ поставленъ былъ во главѣ III-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи и назначенъ шефомъ жандармовъ.

Записка эта начиналась такъ:

„Въ 1814 году, когда русскія войска вступили въ Парижъ, множество офицеровъ принято было въ масоны и свели связи съ приверженцами разныхъ тайныхъ обществъ. Послѣдствіемъ сего было, что они напитались гибельнымъ духомъ партій, привыкли болтать то, чего не понимаютъ, и, изъ слѣпого подражанія, получили не наклонность, но лучше сказать, страсть заводить подобныя общества у себя. Нѣкоторые изъ оныхъ не имѣли въ виду никакой опредѣленной цѣли, другіе, напротивъ того, мечтали лишь о политикѣ и о томъ, какъ возымѣть вліяніе на правительство. Явная цѣль сихъ мнимыхъ свободномыслящихъ, точнѣе, своевольномыслящихъ, было введеніе конституціи или собственно такого образа правленія, подъ которымъ своеволіе ничѣмъ не было бы удерживаемо, а пылкимъ страстямъ, неограниченному честолюбію, желанію блистать предоставлена была бы полная воля..." и т. д.

Государь не могъ согласиться съ изложенными взглядами, и хотя реакціонное направленіе правительства онъ находилъ необходимымъ, но оно не по душѣ ему было, и записка Бенкендорфа осталась на столѣ его безъ движенія.

Отвлеченный необыкновенными внѣшними событіями, во всей Европѣ совершавшимися, въ которыя силою необходимости вовлечена была и Россія, вынужденная играть въ нихъ главенствующую роль, Императоръ какъ бы откладывалъ годъ за годомъ заботы о внутреннемъ устроеніи государства, полагаясь на близкихъ и преданныхъ ему лицъ. Но къ несчастію лица эти совсѣмъ не понимали ни идей, ни плановъ и желаній, какіе царили въ намѣреніяхъ великаго Государя. Они преслѣдовали узкія, меркантильныя цѣли, стояли на сторонѣ грубой и безпощадной реакціи, не вникая въ нарождавшіяся стремленія лучшихъ людей своего времени и вели государственную жизнь къ полному разложенію и косности, вызывая насильственное сопротивленіе. Такіе дѣятели, какъ Магницкій, Аракчеевъ или Шишковъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ Государя, въ невѣдѣніи и невѣжествѣ своемъ еще способствовали увеличенію смуты и разлада правительства съ обществомъ. Народъ былъ ни при чемъ, народъ стоялъ въ сторонѣ въ темной, безпросвѣтной мглѣ невѣжества и порабощенія.

Шильдеръ говоритъ: (Алекс. I т. IV гл. VII стр. 216):

„Случалось, что иной разъ Императоръ Александръ еще высказывалъ убѣжденіе, что слѣдуетъ подумать о внутреннемъ управленіи Россіи, что необходимо принять мѣры, для уврачеванія зла...“ и пр.

И эта забота о горячо любимомъ имъ народѣ и о государственномъ благѣ не давала ему покоя и толкала въ отчаяніе.

Осматривая въ 1824 году, въ Пензѣ, 2-й пѣхотный корпусъ, Государь, хотя и остался особенно доволенъ маневрами, но былъ печаленъ и имѣлъ очень усталый и грустный видъ. Губернаторъ Ѳ. П. Лубяновскій [1]), пораженный видомъ Государя, не въ силахъ былъ удержаться и высказалъ это.

— Имперія сѣтуетъ о Вашемъ Величествѣ и скорбитъ, что не изволите беречь себя!..

— Хочешь сказать, что я усталъ? возразилъ Государь... Славы для Россіи довольно, больше не нужно; ошибется, кто больше пожелаетъ. Но когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая

---

[1]) Лубяновскій Ѳедоръ Петровичъ, потомъ сенаторъ и дѣйств. тайный совѣтникъ, род. 9 авг. 1777 г., умеръ 3 февр. 1869 г.

гиря. Отъ этого устаю... (Воспом. Лубяновскаго. Мос. 1872 г. стр. 297).

Не находя поддержки въ окружающихъ и потерявъ твердую почву въ устроеніи внутренней жизни государства, при требованіи дѣйствій совершенно противныхъ всѣмъ благимъ стремленіямъ, взглядамъ и убѣжденіямъ Государя, онъ вдался въ мистицизмъ и религіозность и въ нихъ искалъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые, какъ онъ и выразился — лежали десятипудовой гирей на душѣ его.

Еще въ 1818 году онъ говорилъ Софьѣ Ивановнѣ Соллогубъ [1]): — Возносясь духомъ къ Богу, я отрѣшаюсь отъ всѣхъ земныхъ наслажденій, призывая къ себѣ на помощь религію, я пріобрѣлъ это спокойствіе, этотъ миръ душевный, которые не промѣняю ни на какія блаженства здѣшняго міра (Рус. Арх. 1867, стр. 1037—1043, изъ семейнаго архива).

Религіозное настроеніе Императора Александра I значительно усилилось въ послѣдніе годы жизни его.

И вотъ на этой-то почвѣ, то чего не достигли доклады Васильчикова и записка Бенкендорфа, совершилъ, въ одно посѣщеніе Государя, архимандритъ Фотій.

Эта страстно преданная религіи личность, преданная до фанатизма, обаятельно дѣйствовала на окружающихъ. С.-Петербургскій митрополитъ Серафимъ былъ поклонникомъ и приверженцемъ Фотія, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Александръ Николаевичъ Голицынъ также увлекался Фотіемъ, представлялъ его Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ... Человѣкъ очень умный, Фотій какъ бы провидѣлъ всѣ тѣ несчастія и бѣды, какія причинятъ Россіи всякія масонскія ложи и тайныя общества. Онъ чувствовалъ пагубный растлѣвающій вредъ ихъ, незамѣтно подрывавшій духъ православія въ средѣ интеллигенціи, внѣдрявшій индифферентизмъ и открывавшій широкій просторъ сектантству и отступничеству.

Въ масонствѣ примѣшались іезуиты, нѣсколько русскихъ изъ знатныхъ родовъ, приняли католичество.

Во всякомъ случаѣ Фотій является личностью не дюжинной; обладая настойчивостью и твердостію взглядовъ, онъ весь поглощенъ былъ религіознымъ духомъ и только религіи отводилъ мѣсто

---

[1]) Графиня С. Ив. Соллогубъ, род. 1792 г., ум. 1854 г., женщина умная и образованная, урожденная Васильчикова, она была замужемъ за графомъ Александромъ Ивановичемъ Соллогубъ, отцомъ извѣстнаго писателя

въ жизни человѣка, отрицая все остальное. Онъ глубоко скорбѣлъ объ упадкѣ религіозности въ Россіи и объ обширномъ распространеніи анти-православныхъ обществъ, какъ Библейскаго, и сильномъ развитіи масонства и учрежденіи масонскихъ ложъ, которымъ покровительствовали сами администраторы и лица высокопоставленныя.

Фотія обыкновенно порицаютъ, величая и неучемъ, и бездарнымъ фанатикомъ, но при нѣсколько болѣе безпристрастномъ отношеніи къ нему увидимъ въ немъ поборника православія, обличителя и борца противъ разроставшагося индифферентизма, невѣрія и масонства, подрывавшихъ основы русской государственности и православія.

Извѣстность о немъ, какъ проповѣдникѣ и строгомъ ревнителѣ вѣры, распространилась быстро и дошла до царской фамиліи и самого Государя, который пожелалъ его видѣть.

Очень естественно, что такая восторженная и экзальтированная личность, какъ Фотій, произвела на Императора страшное впечатлѣніе и потрясла его болѣзненную и измученную душу.

Аудіенцію у Императора устроилъ министръ Александръ Николаевичъ Голицынъ и онъ же, а равно и митрополитъ Санктъ-Петербургскій Серафимъ, передъ поѣздкой Фотія во дворецъ, долго бесѣдовали съ нимъ и давали указанія, что говорить и какъ вести себя съ Государемъ.

Но Фотій, по собственному разсказу объ этомъ свиданіи съ Императоромъ Александромъ I, преслѣдовалъ свои, давно намѣченныя цѣли, имѣя въ виду достигнуть задуманнаго имъ ниспроверженія масонства въ Россіи.

Іюня 5-го 1822 года, онъ въ экипажѣ Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской прибылъ въ Зимній дворецъ, гдѣ его ожидалъ Государь. Разсказъ о свиданіи, хотя и краткій, чрезвычайно интересенъ и характеренъ, какъ для изображенія самого Фотія, такъ и того состоянія душевнаго, въ какомъ находился тогда Александръ I и какъ онъ былъ увлеченъ и потрясенъ бесѣдою съ архимандритомъ.

Умалчивая о многомъ, Фотій передаетъ только суть своей бесѣды: „Я говорилъ о Святой церкви, вѣрѣ, о спасеніи души, зря въ лицо Царю прямо“.... О тайныхъ обществахъ и масонахъ онъ прибавляетъ только кратко: „Противу тайныхъ враговъ, тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно открыто запретить и поступать!“ — Очевидно, что онъ много, горячо и убѣдительно говорилъ Государю объ этомъ предметѣ, но опасался передать болѣе подробно свои представленія въ разсказѣ. Это можно заключить и изъ того, что Государь такъ былъ удрученъ бесѣдою, что когда Фотій поднялся, чтобы уходить, „Царь палъ на колѣна и просилъ

возложить на главу его руки, простить и разрѣшить... И по семъ знаменовавъ главу Цареву и лице, руки мои отнялъ, Царь же поклонился мнѣ въ ноги, сталъ на колѣнахъ; всталъ отъ земли, принялъ благословеніе, цѣловалъ десницу мою, просилъ въ молитвѣ поминать, не забывать, благословеніе посылать и проводилъ самъ меня изъ дверей". (См. въ жур. „Вѣс. Евр." 1878 г. № 11 и 12, статья Миропольскаго: „Фотій Спасскій, архимандритъ Юрьевскій").

Результатъ свиданія Фотія съ Императоромъ Александромъ I не заставилъ себя ждать. Почти вслѣдъ за симъ, августа 1-го 1822 года, послѣдовалъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ Виктора Павловича Кочубей Высочайшій рескриптъ, которымъ повелѣвалось запретить всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то масонскія ложи или другія закрыть и т. д.

Что Государь обѣщалъ Фотію уничтожить масонство—можно видѣть изъ того, что въ этотъ же день, 1-го августа, когда въ Петропавловскомъ соборѣ совершалось торжественное богослуженіе, и митрополитъ Серафимъ возлагалъ на Фотія даръ Императора,—наперсный алмазный крестъ, Государь прислалъ нарочнаго поздравить Фотія и передать ему: *„что указъ о запрещеніи масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ нынѣ же имъ изданъ"*.

„Фотій радовался вельми, не о наградѣ—крестомъ себя, но о томъ, что сіи всѣ вредныя заведенія, опасныя для церкви и государства, послѣ запрещенія вскорѣ ослабѣютъ въ своихъ дѣйствіяхъ и замыслахъ и путь ихъ съ шумомъ погибнетъ, яко нечестивыхъ (ibid., 44)".

Удивляются, что повелѣніе Государя не имѣло видимаго результата (Шильдеръ, т. IV), что они продолжали существовать и разразились грозой 14 декабря 1825 года. Но вѣдь это и указываетъ, что Фотій представлялъ вредъ ихъ Александру I только со стороны религіозной, не касаясь политики и заговоровъ, грозящихъ спокойствію Имперіи. Поэтому-то повелѣніе Государя не сопровождается никакими репрессаліями, никакими карами и отвѣтственностью за участіе въ такихъ обществахъ и ограничивалось оно только воспрещеніемъ ихъ существованія и обязательствомъ лицъ, къ такимъ обществамъ принадлежащихъ, оставить ихъ, отрѣчься отъ участія въ нихъ и обѣщать впредь въ таковыя не вступать и не участвовать.

Закрытіе совершилось и огорчило многихъ, видѣвшихъ въ нихъ невинное препровожденіе времени, нѣчто вродѣ клубовъ. Въ рукописныхъ запискахъ Михайловскаго-Данилевскаго, выдержки изъ которыхъ приводитъ Шильдеръ въ исторіи Императора Александра I

(т. IV гл. IX, стр. 252), приведенъ интересный взглядъ тогдашнихъ представителей высшаго общества на сущность масонства.

„Масонство въ Россіи (говоритъ онъ) не имѣло, сколько мнѣ извѣстно, другой цѣли, кромѣ благотворенія и пріятнаго препровожденія времени. Съ закрытіемъ ложъ мы лишаемся единственныхъ мѣстъ, гдѣ собирались не для карточной игры. Мы еще такъ не свѣдущи въ предметахъ, касающихся до политики, что правительству нельзя опасаться, чтобы бесѣды и разговоры объ нихъ могли сдѣлаться цѣлью масонскихъ ложъ. Знатные люди у насъ рѣдко были масонами; по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ нихъ не посѣщалъ масонскихъ ложъ, обыкновенно наполненныхъ людьми средняго состоянія, офицерами, гражданскими чиновниками, художниками, весьма рѣдко купцами, а болѣе всѣхъ литераторами. Въ ложѣ „Избраннаго Михаила“ я находилъ отличнѣйшихъ людей, напримѣръ *Ѳедора Глинку*, извѣстнаго столькими прекрасными своими сочиненіями, сколько и добродѣтелями; *Греча*, остроумнаго издателя перваго въ Россіи журнала по части изящныхъ искусствъ; *графа Толстого*, прославившагося лѣпными работами; *Доброхотова*, лучшаго рѣзчика на камнѣ; *Рикорда*, одного изъ превосходныхъ нашихъ мореплавателей, и другихъ почтенныхъ людей“...

„Не отвѣчаю однако же, чтобы между масонскими ложами не происходило злоупотребленій, но никакое человѣческое учрежденіе не существуетъ безъ недостатковъ. Сказываютъ, что въ нѣкоторыхъ ложахъ увлекаются умствованіями о мистикѣ и т. д.“...

Позднѣйшія событія доказали, насколько ошибался Михайловскій-Данилевскій въ своихъ заключеніяхъ, прибавляетъ Шильдеръ.

Для полноты этого изложенія приводимъ содержаніе рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея.

Высочайше повелѣвалось запретить всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то масонскія ложи или другія закрыть и учрежденіе ихъ впредь не дозволять; всѣхъ членовъ сихъ обществъ обязать, что они впредь никакихъ масонскихъ и другихъ тайныхъ обществъ составлять не будутъ и потребовавъ отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ объявленія, не принадлежатъ ли они къ такимъ обществамъ, взять съ нихъ подписки, что они впредь принадлежать уже къ нимъ не будутъ; если же кто таковаго обязательства дать не пожелаетъ, тотъ не долженъ остаться на службѣ...

Получивши Высочайшій рескриптъ, Викторъ Павловичъ Кочубей тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи его въ исполненіе. По всѣмъ учрежденіямъ столицъ и имперіи разосланы были копіи рескрипта съ предложеніемъ отобрать, по приложеннымъ тремъ

образцамъ, подписки отъ служащихъ чиновъ и иныхъ особъ и списки лицъ, составленные по этимъ подпискамъ, представить въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ для доклада Его Величеству.

Какъ образецъ канцелярскаго приведенія въ исполненіе Высочайшей воли излагаемъ переписку министра съ гофъ-интендантской конторой.

Августа 5-го 1822 года за № 497, Кочубей писалъ гофмаршалу, управляющему конторой и кавалеру барону Альбедилю:

„Милостивый Государь мой Баронъ
Петръ Романовичъ!

„Рескриптомъ, на имя мое въ 1-й день сего августа даннымъ, Его Императорскому Величеству угодно было повелѣть привести въ дѣйствіе мѣры, принятыя касательно воспрещенія ложъ масонскихъ и другихъ тайныхъ обществъ въ имперіи, и въ слѣдствіе коихъ по ст. 3 и 4 во всѣхъ министерствахъ и другихъ гражданскихъ начальствахъ чиновники, въ оныхъ служащіе въ обѣихъ столицахъ, обязаны дать подписки, что они ни къ какимъ ложамъ масонскимъ или другимъ тайнымъ обществамъ не принадлежатъ, или что они, принадлежа къ онымъ, впредь ни къ какимъ обществамъ сего рода принадлежать ни внутри, ни внѣ государства не будутъ“.

„На основаніи распоряженія сего, я, по Высочайшему повелѣнію, честь имѣю препроводить у сего къ Вамъ, Милостивый Государь мой—формы упомянутыхъ подписокъ съ тѣмъ, чтобъ онѣ взяты были отъ всѣхъ чиновниковъ, подъ начальствомъ Вашего Превосходительства служащихъ“.

„Его Величеству угодно было при томъ повелѣть: 1) чтобъ подписки сіи хранились въ томъ вѣдомствѣ, отъ коего чиновники зависятъ, 2) чтобъ по отобраніи оныхъ составленъ былъ изъ нихъ списокъ чиновниковъ съ раздѣленіемъ тѣхъ, кои принадлежали къ тайнымъ обществамъ и тѣхъ, кои въ оныя не поступали, и чтобы списки сіи доставлены были въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, для совокупнаго представленія оныхъ Его Величеству, 3) чтобы впредь, когда будутъ принимаемы въ службу или опредѣляемы къ должностямъ чиновники, обязаны они были подпиской № 3-й у сего приложенною и чтобы таковая подписка хранилась при прошеніяхъ ими поданныхъ или при послужныхъ спискахъ. О таковой Высочайшей волѣ, я по повелѣнію Государя Императора честь имѣю Вашему Превосходительству сообщить“.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ, честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Графъ Кочубей“.

Подписка № 1. Я нижеподписавшійся объявляю, что я принадлежалъ къ ложѣ братьевъ масоновъ, именуемой NN, состоящей въ N (имя города) или такому-то другому тайному обществу и что на основаніи послѣдовавшаго нынѣ Высочайшаго повелѣнія, обязываюсь я отнынѣ впредь ни сей ложѣ, ни къ какимъ другимъ ложамъ или тайнымъ обществамъ, какъ въ имперіи, такъ и внѣ ея находиться могущимъ не принадлежать и никакихъ сношеній съ ними не имѣть.

Подписка № 2. Мы нижеподписавшіеся объявляемъ, что мы не принадлежимъ ни къ какимъ ложамъ масонскимъ или инымъ тайнымъ обществамъ, внутри имперіи или внѣ ея существовать могущимъ и что мы и впредь принадлежать къ онымъ не будемъ.

Подписка № 3. Я нижеподписавшійся симъ объявляю, что я ни къ какой масонской ложѣ и ни къ какому тайному обществу ни внутри имперіи, ни внѣ оной не принадлежу. (Общ. Арх. М-ва Двора, оп. 145, дѣло 180).

Получивши 6 августа это сообщеніе, гофъ-маршалъ Альбедиль торопился его исполнить и уже 8 августа писалъ въ подвѣдомственныя ему учрежденія за № 213 объ отобраніи подписокъ и доставленіи къ нему списковъ чиновниковъ. (Общ. Арх. М-ва Двора, оп. 74, карт. 4121, дѣло 94).

Между прочимъ и гофъ-интендантская контора, получивъ предложеніе своего начальника, повѣстками отъ 24 августа пригласила всѣхъ своихъ служащихъ въ контору, для отобраніи отъ нихъ требуемыхъ Высочайшимъ рескриптомъ обязательствъ.

„Ниже писаннымъ Г.г. Смотрителямъ, Комисарамъ, Архитекторамъ и прочимъ чиновникамъ, а также Гофъ-Фурьерамъ и Садовымъ мастерамъ, симъ повѣщается быть непремѣнно завтрашнаго числа въ Контору и о бытіи на семъ росписаться (ibid., стр. 6-я)".

На слѣдующій день всѣ служащіе въ числѣ 75 человѣкъ явились и подписались подъ роспискою по формѣ № 1. Управляющій конторою баронъ Альбедиль прислалъ отъ себя такую же подписку на особомъ листѣ. На общей же росписались два члена конторы: дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Клементій Расихинъ и полковникъ и кавалеръ Эйхенъ.

Затѣмъ дали подписки три совѣтника, въ числѣ ихъ сынъ извѣстнаго партизана 1812 г. Александра Сеславина, умершаго въ 1858 г. Ѳедоръ Сеславинъ, два секретаря и разные чины въ числѣ шестидесяти одного. Медикъ-хирургъ Богданъ Ганъ и три архитектора, въ числѣ ихъ Луизъ Шарлемань, и наконецъ пять придворнослужителей.

Изъ всѣхъ служащихъ въ гофъ-интендантской конторѣ только

одно лицо оказалось причастнымъ масонству и то давно уже оставившимъ его. Титулярный совѣтникъ Иванъ Любимовъ сынъ Коліандеръ написалъ: „Я ниже подписавшійся объявляю, что я принадлежалъ къ ложѣ братьевъ Масоновъ именуемой Елизаветы и Добродѣтели, состоящей въ Санктъ-Петербургѣ и назадъ тому десять лѣтъ отъ участія отказался"... и т. д. (ibid., стр. 10).

Подлинныя подписки эти оставлены при дѣлахъ гофъ-интендантской конторы, а составленные по нимъ списки, 12 октября 1822 г. за № 4758, представлены барону Альбедилю (ibid., стр. 17).

Какъ видно было выше, министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ представить Его Величеству, при докладѣ объ исполненіи воли Его, списки чиновъ и служащихъ по отношеніямъ ихъ къ масонскимъ обществамъ и другимъ тайнымъ обществамъ. Очевидно, что Государь интересовался докладомъ и внимательно отнесся къ нему; тщательно разсмотрѣвъ представленныя ему подписки, онъ остался недоволенъ формою за № 3 и приказалъ измѣнить ее, дополнивъ, для вновь поступающихъ на службу чиновъ обязательствомъ: „и впредь не принадлежать ни къ какимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ".

По этому поводу, уже годъ спустя, министръ баронъ Кампенгаузенъ 14 августа 1823 года за № 577 писалъ гофъ-маршалу Альбедилю:

„Милостивый Государь мой
Баронъ Петръ Романовичъ!

Государь Императоръ, найдя, что подписки, отбираемыя отъ чиновниковъ, въ службу вступающихъ о неучаствованіи въ масонскихъ ложахъ и тайныхъ обществахъ, не согласны съ силою Высочайшаго о предметѣ семъ повелѣнія, указать соизволилъ, чтобы въ формѣ подписокъ, подъ № 3-мъ опредѣленной, брать отъ чиновниковъ вступающихъ въ службу, включено было равномѣрно обязательство и впредь не принадлежать ни къ какимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ, какъ то именно повелѣно въ 5-мъ пунктѣ Высочайшаго о предметѣ семъ Рескрипта, въ 1-й день августа прошлаго года на имя графа Кочубея послѣдовавшаго.

„Сообщая о сей Его Императорскаго Величества волѣ Вашему Превосходительству, къ должному со стороны Вашей исполненію, я считаю долгомъ препроводить у сего новую форму подписокъ, кои слѣдуетъ брать отъ вступающихъ въ службу чиновниковъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Баронъ Кампенгаузенъ". (Общ. Арх. М-ва Двора, оп. 145/569 дѣло 180).

Между тѣмъ событія шли ускореннымъ темпомъ къ трагической развязкѣ. Императоръ Александръ I скончался 19 ноября 1825 года. При восшествіи на престолъ Николая I произошло нѣкоторое замѣшательство относительно престолонаслѣдія. Императоръ Николай Павловичъ присягнулъ на вѣрность цесаревичу Константину Павловичу въ Петербургѣ, а цесаревичъ Константинъ, въ это же время, присягнулъ Николаю Павловичу въ Варшавѣ. Этимъ-то замѣшательствомъ и воспользовались общества Сѣверное и Южное, о замыслахъ которыхъ Иванъ Васильевичъ Шервудъ [1]) лично донесъ Императору Александру I іюля 17 1825 года въ Каменноостровскомъ дворцѣ, куда привезенъ былъ генераломъ Клейнмихелемъ [2]).

И вотъ, совсѣмъ неожиданно [3]) декабря 14-го 1825 г. разразилась въ Петербургѣ страшная катастрофа, которую правительство, смущенное и растерявшееся двойной присягой двухъ братьевъ Государей, не успѣло и не сумѣло ни предотвратить, ни предупредить, хотя держало въ рукахъ, благодаря доносу Шервуда, почти всѣ нити заговора.

Какъ извѣстно, Императоръ Николай I-й при этомъ чуть чуть не поплатился жизнію за свою безотвѣтную отвагу; Одинъ офицеръ, изъ числа союзниковъ, рѣшилъ убить Государя и съ этой, цѣлію положивъ въ карманы по заряженному пистолету, помѣстился на Адмиралтейскомъ бульварѣ; Государь проходилъ мимо него нѣсколько разъ, даже обращался за какой-то справкой, но у офицера этого не хватило духа поднять руку на своего Монарха и измѣнически совершить цареубійство [4]),

---

[1]) *Шервудъ* Иванъ Васильевичъ, англичанинъ, родился въ Кентѣ въ 1798 г. Отецъ его былъ приглашенъ въ Россію механикомъ въ 1800 г. Въ 1819 г. Шервудъ поступилъ рядовымъ въ 3-й Украинскій уланскій полкъ и случайно открылъ заговоръ.

[2]) *Клейнмихель* графъ Петръ Андреевичъ, начальникъ Главнаго Штаба, а потомъ въ царствованіе Николая I министръ путей сообщенія до 1856 г. Род. 1793 г., ум. 3 февраля 1869 г.

[3]) Сами участники говорили, что 14 декабря не было бы, если бы Петербургской администраціей приняты были мѣры или манифестъ о престолонаслѣдіи былъ бы объявленъ заблаговременно. Обвиняютъ въ этомъ и генералъ-губернатора Милорадовича.

[4]) См. Соч. барона Корфа; „Восшествіе на престолъ Императора Николая I“. Составлено оно было по желанію Государя Александра II, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, и хранилось у него въ рукописи, потомъ напечатано въ очень ограниченномъ количествѣ, только для лицъ приближенныхъ. Уже по восшествіи на престолъ Александра II разрѣшено было ее обнародовать.

Молодой Государь такъ потрясенъ былъ смутой, омрачившей первые дни его царствованія, что рѣшился на крайнія и небывалыя мѣры во все продолжительное время управленія государствомъ, брата его Александра I-го. Пять человѣкъ казнены позорной смертью, черезъ повѣшеніе, а болѣе ста человѣкъ поплатились каторгой и ссылкой (привлечено было слѣдственной комиссіей 121 человѣкъ). Все дѣло велъ Высочайше учрежденный комитетъ, для изысканія злоумышленныхъ обществъ, а судъ и приговоры къ наказаніямъ вынесъ верховный судъ.

Помимо дѣйствій этого комитета, къ занятіямъ котораго Государь относился очень ревниво, и кромѣ всѣхъ жестокихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ противу мятежныхъ лицъ, Николай I-й нашелъ необходимымъ повторить еще разъ обязательства подпиской всѣхъ служащихъ чиновъ въ Имперіи, отречься отъ тайныхъ обществъ, отречься отъ сношенія съ ними и удостовѣрить правительство въ своей благонадежности.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ это время членъ государственнаго совѣта престарѣлый Василій Сергѣевичъ Ланской [1]). Апрѣля 21-го 1826 года и воспослѣдовалъ на имя его Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Василій Сергѣевичъ! Изъ дѣлъ комитета, учрежденнаго для изысканія о злоумышленномъ обществѣ, усматривается между прочимъ, что небольшое число злоумышленниковъ противъ спокойствія государства, составивъ тайныя подъ разными наименованіями общества, старались привлечь въ оныя людей благомыслящихъ, обольщая ихъ ложными видами благонамѣренности своихъ обществъ, имѣвшихъ будто-бы единственною цѣлію распространеніе просвѣщенія, правилъ нравственности, человѣколюбія и проч., дабы впослѣдствіи уже, удостовѣрившись въ образѣ мыслей сихъ новыхъ членовъ, открыть истинное намѣреніе свое тѣмъ изъ нихъ, коихъ злоумышленники сочтутъ способными принять участіе въ пагубномъ ихъ предпріятіи. Хотя изысканіе комитета обнаруживаетъ, что изъ сихъ завлеченныхъ врагами общаго спокойствія людей многіе, при самомъ принятіи ихъ въ общества, оставили оныя, а другіе остались еще чле-

---

[1]) На мѣсто Кочубея, удалившагося въ отпускъ, назначенъ былъ 28 іюня 1823 года, другъ Аракчеева, государственный контролеръ Бальтазаръ Бальтазаровичъ Кампенгаузенъ. Онъ былъ очень любимъ Государемъ, но спустя два мѣсяца сильно расшибся отъ опрокинувшейся кареты; слабый, худощавый, онъ вскорѣ и скончался отъ ушибовъ. На мѣсто его и назначенъ 29 августа дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта Ланской, род. 1762 г., ум. 1831 г.

нами, не постигая тайныхъ цѣлей обществъ, но когда вслѣдствіе состоявшагося 21 августа 1822 года Высочайшаго рескрипта на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ въ государствѣ, требуемы были обязательства отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ болѣе принадлежать не будутъ, съ измѣненіемъ въ тѣхъ обязательствахъ, къ какой именно масонской ложѣ или къ какому другому тайному обществу кто изъ нихъ принадлежалъ; *тогда ни одинъ изъ членовъ, состоявшихъ прежде въ вышеписанныхъ обстоятельствахъ, не объявилъ о томъ, въ выданномъ отъ него обязательствѣ* и многіе вѣроятно тогда заключали, что они уже отстали отъ обществъ или принадлежали онымъ безъ особенныхъ клятвъ, по одному обѣщанію.

Таковое неисполненіе Высочайшей блаженной памяти Государя Императора воли, имѣя видъ умышленнаго сокрытія обществъ, должно бы подвергнуть строгому взысканію, но желая употребить мѣры строгости, въ самыхъ только необходимыхъ случаяхъ, и уменьшить число преступниковъ, сколько священная обязанность попеченія объ общемъ благѣ сіе позволитъ, я повелѣваю вамъ истребовать по всему государству вновь обязательства отъ всѣхъ, находящихся въ службѣ и отставныхъ чиновниковъ и не служащихъ дворянъ, въ томъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, впредь принадлежать не будутъ, и если кто прежде къ какому-либо изъ нихъ когда бы то ни было принадлежалъ, то съ подробнымъ объясненіемъ въ обязательствѣ его подъ какимъ названіемъ оно существовало, какая была цѣль его, и какія мѣры предполагаемо было употреблять, для достиженія той цѣли.

„При требованіи сихъ обязательствъ, объявить всѣмъ, что не только члены тайныхъ обществъ, принятые въ оныя въ учрежденныхъ ложахъ, думахъ, управахъ и проч. по обязательствамъ черезъ клятву или честное слово и посѣщавшіе общества или знавшіе объ нихъ, но и всѣ безъ изъятія, тѣ, кои сдѣлались соучастниками оныхъ тайныхъ обществъ; безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ, чрезъ разговоры при встрѣчѣ внѣ ложъ, думъ, управъ или знали о сихъ обществахъ, объяснить о томъ при дачѣ подписокъ чистосердечно, со всею откровенностію, и что сокрытіе того, послѣ сего оказаннаго мною снисхожденія подвергнетъ ихъ строжайшему наказанію, какъ государственныхъ преступниковъ“.

„О исполненіи сей воли моей вы не оставите сдѣлать надлежащихъ распоряженій. На подлинномъ написано собственной Его

Императорскаго Величества рукою Николай. С.-Петербургъ 1826 г. Апрѣля 21 дня (Общ. Арх. М-ва Двора оп. 74/81 д. 114).

Переписка и процедура отобранія обязательствъ прошла по всей Имперіи съ формальностями по образцу, который изложенъ былъ выше, при исполненіи Высочайшаго рескрипта отъ 1 августа 1822 г. съ тою только разницею, что теперь обязательства не оставлялись при дѣлахъ учрежденія, а въ подлинникахъ доставлялись министру Ланскому, для доклада Государю.

Въ виду туманности обѣщаемаго милосердія и вмѣстѣ съ тѣмъ угрозы въ страшной уголовной отвѣтственности за умолчаніе не только о причастности къ какому нибудь-обществу, но даже въ знаніи о нихъ изъ частныхъ разговоровъ, отвѣтственности, какъ за государственное преступленіе заставило многихъ и многихъ содрогнуться и волей неволей раскрыть свои тайники и указать на связи съ масонствомъ.

Въ остальномъ, точно такъ же министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской писалъ 25 апрѣля 1826 года за № 866-мъ гофмаршалу Альбедилю (и конечно по тому же самому шаблону и всѣмъ другимъ главноначальствующимъ, какъ видно изъ цитируемаго дѣла Общ. Арх. Мин. Двора по оп. 74/81 д. № 114).

Управляющему Гофъ-Интендантской Конторой, о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго рескрипта. Точно такъ же отъ барона Альбедиля получено предложеніе объ отобраніи обязательствъ и также 10 мая 1826 г. служащіе чиновники Конторы собрались и дали подписку:

„Выслушавъ Имянной Высочайшій рескриптъ, послѣдовавшій на имя Г. Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 21 апрѣля сего года, по долгу чести и присяги дали слѣдующую подписку:

„Обязываюсь въ томъ, что ни къ какимъ тайнымъ обществамъ подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали, впредь принадлежать не буду и прежде сего не принадлежалъ, въ противномъ случаѣ за несправедливое показаніе и обязательство подвергаюсь отвѣтственности по законамъ (ibid., стр. 8-я)".

Обязательство это подписали членъ присутствія конторы дѣйств. статскій совѣтникъ князь Сергѣй Голицынъ, три совѣтника, два бухгалтера, два секретаря, пятьдесятъ одинъ чиновникъ, главный архитекторъ Людвикъ Шарлемань и два архитектора: Плазовъ и Висконти. Но три лица оказались причастными обществамъ; одинъ изъ нихъ, поименованный въ 1822 году, казначей титулярный совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Любимовичъ Коліандеръ, изложившій теперь свое обязательство такъ:

„Обязуюсь въ томъ, что ни къ какимъ тайнымъ обществамъ,

подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали, впредь принадлежать не буду. Въ 1811-мъ же году былъ я приглашенъ въ общество масонской ложи подъ названіемъ „*Елизаветы и Добродѣтели*“, въ коей состоялъ до 1814 года, и въ семъ году добровольно вовсе оставилъ оную ложу и болѣе ни въ какихъ обществахъ никогда не участвовалъ. Касательно же до цѣли масоновъ сей ложи, то признаюсь чистосердечно, что совершенныхъ понятій о томъ не имѣю, а полагаю по Аллегорическимъ Гирофлигамъ (гіероглифамъ) и символамъ, изображающимъ систему, нравственность должна быть цѣлію Добродѣтели, мѣра же, посредствомъ коей достигали оной, были деньги, которыя въ каждое собраніе собирались, въ нарочито сдѣланную кружку и всякой членъ жертвовалъ по состоянію, сіи же деньги были раздаваемы по строгому разсмотрѣнію всѣхъ членовъ бѣднымъ. Впрочемъ не участвовавъ въ высшихъ степеняхъ, я болѣе ничего не знаю. Въ удостовѣреніе чего за несправедливое показаніе и обязательство подвергаюсь отвѣтственности по законамъ“.

Потомъ присутствующій въ конторѣ баронъ Ѳедоръ Ренне уклончиво писалъ.

...„Въ 1817 году же былъ я принятъ въ общество масонской ложи, каковое названіе оная ложа имѣла, въ которую принятъ былъ не помню. Цѣль моя была образованіе и улучиваніе сердца и души, что и дѣйствительно нашелъ, потому что при каждомъ собраніи шла рѣчь о чистой моравій, (морали) одобрѣнія сердца и человѣколюбіе и добрость для бѣдныхъ, въ прочемъ я уже прежде сего отказался отъ вышесказаннаго общества въ предь принадлежать, въ чемъ обязываюсь и подвергаюсь строгому взысканію“.

И наконецъ „медико-хирургъ“ докторъ Богданъ Ганъ, не указавшій въ подпискѣ 1822 года своего участія въ масонствѣ, теперь сообщилъ что:

„Въ 1819 году былъ я принятъ въ Кронштатѣ въ мазонской ложе, какъ ее называли не упомню, всякой въ городѣ зналъ дни собраній и большую часть общества, цѣль моя была образованіе и улучиваніе сердца и души—и дѣйствительно я не ошибся, потому что при каждіи собраніи шла рѣчь о чистой морали, одобрѣніе сердца, о человѣколюбіи и о щедрости для бѣдныхъ. Въ 1820 году, я изъ Кронштата сюда въ С.-П.-бургъ переѣхалъ жить и съ того времени я не былъ въ ложѣ и не имѣлъ ни какую переписку съ масонами, что касалось до масонства, а про другихъ тайныхъ обществахъ я никогда ни чего не видалъ и не слыхалъ (ibid. стр. 13 и 14)“.

Конечно, никто поднять на себя руку не хотѣлъ, а поэтому несмотря на боязнь, внушаемую страшнымъ рескриптомъ, чиновниковъ, причастныхъ къ тайнымъ обществамъ, оказалось не много, но все-таки нашлись такіе, какъ медико-хирургъ Ганъ, умолчавшіе въ 1822 году и теперь признававшіе свое участіе въ масонствѣ. И благодаря такимъ своимъ требованіямъ правительство получило отъ подчиненныхъ ему лицъ клятвенное обѣщаніе ни въ какихъ тайныхъ обществахъ не участвовать и сношеній съ ними не имѣть.

А-ндръ Ал-чъ Лебедевъ.

Самодержавіе Царевны Софьи Алексѣевны, по неизданнымъ документамъ.

(Изъ переписки, возбужденной графомъ Панинымъ [1]).

(Окончаніе).

Л. 116. Выписано изъ книги статейнаго списка Посольскихъ польскихъ дѣлъ № 134.

7194/1686 года апрѣля 27 д. по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ были у ихъ великихъ государей (по полученіи публичной отпускной аудіенціи) приватнымъ обычаемъ безъ чиновъ въ вечерни въ хоромехъ каменныхъ полскіе великіе и полномочные послы Крыштофъ Гримултовскій, воевода Познанскій съ товарищи, и великіе государи жаловали ихъ пословъ къ своей государской рукѣ и потчивали ихъ великіе государи изъ своихъ рукъ кубками съ питьемъ, потомъ, пожаловавъ ихъ къ рукѣ, изволили приказывать къ королю поздравленіе; а послы, бывъ у руки, уступили ис комнаты въ Крестовую, великіе же государи изволили итти въ свои государскіе хоромы.

А въ ту комнату изволила притти великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна и сѣсть въ креслахъ въ шубѣ собольей осиновой да въ треухѣ.

И звалъ изъ крестовой къ великой государынѣ пословъ ближней бояринъ и оберегатель князь Василей Васильевичъ Голицынъ.

А какъ послы пришли:

И великая государыня пожаловала пословъ къ рукѣ и приказала думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву спросить о здоровьѣ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1912 г.

А потомъ изволила говорить, что они великіе государи постановленной вѣчной миръ изволятъ содержать крѣпко безъ нарушенія, также бы и государь ихъ его королевское величество держалъ по тому жъ безъ нарушенія и при ихъ царскаго величества послехъ тотъ вѣчной миръ подтвердилъ.

Да изволила пословъ жаловать питьемъ, подавала кубки.

И послы были у великой государыни у руки в другорядъ и отпущены.

А королевскихъ дворянъ подчивалъ въ крестовой и въ передней думной дворянинъ Кирило Аристарховичъ Яковлевъ и дворцовые дьяки.

Да во время жъ Посолскаго бытія были съ послы передъ великими государи и у руки ихъ государской и благовѣрной государыни царевны дворянъ 5 человѣкъ.

Л. 118. Выписано изъ книги статейнаго списка Посольскихъ польскихъ дѣлъ № 134.

Въ 7194/1686 мъ году апрѣля въ 28 день великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи челомъ ударилъ полской великой и полномочной посолъ Мырцыянъ Александръ князь Огинской, канцлеръ великой Великаго княжства Литовскаго, корѣту съ шестью возники и съ шоры.

И та корѣта отослана изъ государственнаго посольскаго приказу въ Конюшенной приказъ.

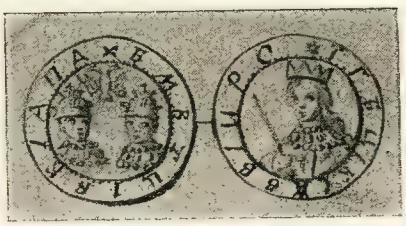
И въ Конюшенномъ приказѣ та корѣта и возники приняты, описаны и цѣнены.

А по описи та корѣта съ лица рѣзная, золоченая, по золоту писаны люди и травы разными красками въ ней подбито небо и стороны и двери бархатомъ червьчетымъ, травчетымъ по золотой землѣ, мѣста въ той корѣте здѣланы того жъ бархату, въ окнахъ и въ дверяхъ и впереди стекла хрустальные, станъ и колеса окованы желѣзомъ.

Возники 6 лошадей буланыхъ.

Шестерыхъ шоръ съ муштуками телятинные черные, на кровляхъ плащи мѣдные, рѣзные золоченные съ кольцами, въ тѣхъ плащахъ въ срединахъ прибиваны плащи серебряные, на кровлехъ же и по всѣмъ шорамъ набиваны плащи мѣдные болшіе золоченные и биты гвозди двухъ статей, одни продолговаты, а другіе репейчетые золоченые, у муштуковъ вочелкахъ по морху да по двѣ кисти шелковыхъ з золотомъ, возжи телятинные черные, седлишко немецкое.

А по оцѣнкѣ коретныхъ и рѣзного дѣла мастеровъ и золотарей



Точный рисунокъ червоннаго съ изображеніемъ Государей Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и Царевны Софіи Алексѣевны. 1686—1690.

и кутазниковъ и обойщиковъ и оковщиковъ и шлейныхъ мастеровъ и ветошного и стеколного рядовъ торговыхъ людей и Московской конской площадки барышниковъ цѣна той корѣтѣ 550 рублевъ.

Возникамъ 250 рублевъ.

Шорамъ съ муштуками 200 рублевъ.

Всего 1000 рублевъ.

Л. 120. Выписано изъ книги Статейнаго списка Посольскихъ французскихъ дѣлъ № 6.

7193/1685 декабря въ 27 день великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы и сестра ихъ великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна указали со обвѣщеніемъ своего великихъ государей государствованія и для иныхъ дѣлъ послать ко французскому королю въ посланникахъ столника Семена Ерофѣева сына Алмазова да дьяка Семена Иполитова, великихъ государей указъ о томъ записать приказалъ бояринъ князь Василей Васильевичъ Голицынъ.

Л. 121. Выписано изъ книги о намѣстничествахъ № 19.

7193/1685 генваря въ 26 день великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы и сестра ихъ великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна указали по именному своему великихъ государей указу во всякихъ Посольскихъ и отвѣтныхъ письмахъ и въ пересыльныхъ листахъ и въ грамотахъ и въ отпискахъ изъ городовъ и въ указѣхъ и во всякихъ дѣлехъ боярина князя Василья Васильевича писать по сему: царственные болшіе печати и государственныхъ великихъ Посольскихъ дѣлъ оберегатель, ближней бояринъ и намѣстникъ Новгородцкой князь Василей Васильевичъ Голицынъ.

Л. 12/2 Копія съ жалованной на вотчины грамоты. № 134.

Выписана изъ книги статейнаго списка Посольскихъ польскихъ дѣлъ № 134.

Бога въ трехъ присносіятельныхъ ипостасѣхъ единосущнаго, пребезначалного, благъ всѣхъ виновнаго Свѣтодавца, имъ же вся быша, человѣческому роду миръ дарующаго милостью, и сіе благодѣяніе повсюду извѣствуя, мы пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, Московскіе, Кіевскіе, Владимерскіе, Новгородскіе, цари Казанскіе, цари Астраханскіе, цари Сибирскіе, государи Псковскіе и великіе князи Смоленскіе, Тверскіе,

Югорскіе, Пермскіе, Вятцкіе, Болгарскіе и иныхъ, государи и великіе князи, Новгорода Низовскіе земли, Черниговскіе, Резанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлоозерскіе, Удорскіе, Обдорскіе, Кондинскіе и всеа Сѣверныя страны повелители и государи Иверскіе земли Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель Восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичи и дѣдичи и наслѣдники и государи и облаадатели, по своему царскому милосердому призрѣнію и осмотрѣнію пожаловали и пр. и пр.

На подлинной обрасцовой таковой грамотѣ помѣта думного дьяка Емельяна Украинцова такова:

194-го іюля въ 21 день великіе государи и великая государыня благовѣрная царевна, сей обрасцовой жалованной грамоты слушавъ въ своемъ государскомъ походѣ въ селѣ Коломенскомъ, указали и бояре приговорили такову грамоту напечатать и пр.

Л. 123. Выписано изъ книги статейнаго списка посолскихъ полскихъ дѣлъ № 132.

7193/1685 года августа въ день въ 18 данномъ наказѣ столнику Ѳедору Алексѣевичу Головину, посыланному въ Глуховъ къ Малороссійскому гетману Ивану Самойловичу между протчимъ написано:

Да какъ гетманъ, принявъ великихъ государей грамоту, спроситъ про ихъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и благовѣрные государыни царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны здоровье, и столнику Ѳедору Алексѣевичу говорить: какъ онъ посланъ отъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, и великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, ихъ царское величество и сестра ихъ государева, великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна на своихъ государскихъ великихъ и преславныхъ престолехъ Россійскаго царствія милостію Всемогущаго Бога пребываютъ въ добромъ здоровье.

Л. 124. Выписка изъ книги Статейнаго списка посольскихъ Французскихъ и Испанскихъ дѣлъ № 9.

7195/1687-го года генваря въ 30 день въ наказѣ данномъ отправленнымъ во Францію и въ Гишпанію Россійскимъ посломъ князю Якову Федоровичу Долгорукову съ товарыщи написано:

Буде королевскіе думные люди учнутъ ихъ великихъословъ спрашивать о лѣтехъ и о возрастехъ великихъ государей царей и

великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ:

И великимъ и полномочнымъ посламъ говорить:

Великіе государи наши цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, ихъ царское величество великій государь нашъ царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ всея великіе и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ въ двадцать лѣтъ, и великій государь нашъ царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ въ пятнатцать лѣтъ, а дородствомъ и разумомъ и красотою и милосердымъ нравомъ и всѣми благими годностми Всемогущій Богъ украсилъ великихъ государей нашихъ, ихъ Царское величество хваламъ достойныхъ паче всѣхъ людей и ко всѣмъ людямъ подданнымъ своимъ и къ иноземцомъ ихъ царское величество милостивы, всѣхъ своею государскою милостію призираютъ и по своему государскому разсмотрѣнію чести даруютъ, комуждо по достоинству, и всѣхъ изобилствуютъ и никтоже, видя ихъ царское лице, печаленъ отходитъ, и за помощію Всемогущаго Бога великіе государи наши, ихъ царское величество по тому своему государскому бодро-опасному разуму содержатъ въ своемъ государскомъ правленіи и оборонѣ многіе свои государства и земли, а съ ними, великими государи *соцарствуетъ* сестра ихъ великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы.

Точной рисунокъ червоннаго съ изображеніемъ государей царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и царевны Софіи Алексѣевны между 1686 и 1690 годами.

Л. 125. Выписано изъ книгъ статейнаго списка Посольскихъ польскихъ дѣлъ № 142.

198-го (1689) сентября въ 19 день по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ былъ въ государственномъ посольскомъ приказѣ у думного дьяка у Емельяна Игнатьевича Украинцова съ товарыщи королевского величества польской резидентъ Юрья Домникъ Довмонтъ на розговорѣ.

И вшедъ въ приказъ, витався и поздравя говорилъ: вѣдомо-де ему, что нѣкоторые люди умышляли великихъ государей, ихъ царского величества надъ здравіемъ измѣною своею злое дѣло, и милостію Божіею та ихъ измѣна, какъ онъ слышитъ, обличена, а ихъ царского величества здравіе та-жъ Божія милость охранила, и за такое милосердіе Божіе воздаетъ онъ хвалу Ему, сотворшему дивное такое дѣло, а великимъ государемъ, ихъ царскому величеству

именемъ государя своего, его королевского величества поздравляетъ и желаетъ имъ государемъ многолѣтного здравія и счастливаго со учиненнымъ новымъ дѣломъ правленія, притомъ проситъ, дабы ихъ царского величества милость къ нему его королевскаго величества резиденту была неотмѣнна.

А онъ бы ихъ царского величества думной дьякъ въ дѣлахъ обоихъ великихъ государей былъ къ нему резиденту пріятенъ.

И думной дьякъ резиденту говорилъ, какимъ милосердіемъ Божіимъ, ихъ царского величества здравіе охранилось, и какъ сила его святая враговъ и измѣнниковъ обличила и какимъ поведеніемъ то дѣло совершилось, и измѣнники къ тому дѣлу приличные по злымъ своимъ дѣломъ казнь воспріяли, и то не тайно есть никому, за которое милосердіе Божіе всего государства всякихъ чиновъ люди хвалу воздаютъ, что такое великое дѣло обличилось, и измѣнники сыскалися безо всякаго кроворозлитія, а великихъ государей милость къ нему резиденту въ отмѣнности не будетъ; также и онъ думной дьякъ по ихъ царского величества указу о дѣлахъ государскихъ говорити съ нимъ, когда что прилучится, будетъ.

Л. 126. Выписано изъ копіи въ Канцелярію Правительствующаго Сената изъ Канцеляріи Сенатскаго Правленія, посланнаго изъ Москвы въ С. Петербургъ сего текущаго 1716 апрѣля 9 дня.

Во 198-мъ (1689) году сентября въ 9 день великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы указали у князь Василья и у сына ево князь Алексѣя Голицыныхъ честь ихъ боярство отнять за то, какъ они великіе государи изволили содержать прародительскій престолъ, а сестра ихъ великихъ государей великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексіевна безъ великихъ государей совѣту во всякое самодержавіе вступала, а они князь Василей и князь Алексѣй угождая и доброхотствуя сестрѣ ихъ великихъ государей, о всякихъ лѣлехъ мимо ихъ великихъ государей докладывали, а имъ великимъ государемъ о тѣхъ дѣлехъ было неизвѣстно и во всякихъ дѣлехъ сестру ихъ великихъ государей писали обще съ ними великими государи, и послали они князь Василей и князь Алексѣй въ Малороссійскіе городы ихъ великихъ государей грамоты и въ книгахъ имя сестры ихъ великихъ государей великіе государыни, благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексіевны велѣли печатать обще съ ними великими государи безъ ихъ великихъ государей указу, также и въ приказехъ во всякихъ дѣлехъ велѣли писать сестру ихъ великихъ государей обще-жъ съ ними великими государи и о томъ изъ посольского приказу въ розрядъ прислали память.

Подлинныя грамоты, приложенныя М. Г. Собакинымъ.

Нашего Царского Величества подданному низового войска запорожскаго кошевому атоману Ѳедору Ивановичу и всему будучему при тебѣ поспольству.

Божіею милостію отъ пресветлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ Государей Царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича и великіе Государыни благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ и многихъ Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и Государей и облаадателей Нашего Царского величества подданному низового войска запорожского кошевому атаману Ѳедору Ивановичю и всему при тебѣ будучему поспольству наше Царского Величества милостивое слово.

Въ нынешнемъ во РЧЄ году октября въ 3 день къ намъ великимъ Государемъ къ нашему Царскому Величеству писалъ подданной нашъ войска запорожского обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Самойловичъ. И прислалъ съ посланцы вашими съ казакомъ съ Матвѣемъ стоварыщи съ шестью человѣки двухъ человѣкъ турчанъ взятыхъ подъ городкомъ турскимъ Казыкерменемъ, которыхъ прислали къ нему подданному нашему вы кошевой атаманъ и все войско низовое, съ нимъ же Матвѣемъ стоварыщи. А что тѣ взятые турчаня въ роспросе сказали, и намъ великимъ Государемъ нашему Царскому величеству о томъ извѣстно, и мы великіе Государи наше Царское Величество тебя кошевого атамана и все войско низовое запорожское за вашу службу и за присланіе тѣхъ взятыхъ турчанъ, жалуемъ милостиво похваляемъ, и вамъ бы кошевому атаману и всему посольству и впредь совѣтуя з генераломъ нашимъ и воеводою з Григорьемъ Ивановичемъ Касаговымъ чинити надъ непріятели воинской промыслъ сколько всемилосердый Господь Богъ помощи подастъ по прежнему нашему великихъ Государей нашего Царскаго величества указу а гонцовъ нашихъ подъячего Микиту Алексѣева, и Ивана Лисицу со всѣми при нихъ будучими неволниками, по писму казыкерменскаго бѣя вамъ кошевому и всему поспольству принять и совѣтуя съ вышепомянутымъ генераломъ нашимъ и воеводою доправадить до Батурина со всѣмижъ при нихъ будучими невольниками и пожитки в цѣлости и о томъ бы вамъ кошевому атаману и всему поспольству порадѣть чтобъ однолично тѣхъ нашихъ гонцовъ и невольниковъ при нихъ обрѣтающихся принять исъ турскихъ городковъ, безъ замедлѣнія, а что у васъ

впредь о воинскомъ промыслу учнетца дѣлать и вамъ бы о томъ къ намъ великимъ Государемъ къ нашему Царскому величеству, и къ подданному нашему къ гетману Ивану Самойловичю писать, а посланцовъ вашихъ Матвѣя Пущаненка съ товарыщи, пожаловавъ нашимъ великихъ Государей нашего Царского Величества жалованьемъ указали къ вамъ отпустить. Данъ Государствия Нашего во дворѣ въ царствующемъ велицемъ граде Москвѣ, лѣта отъ созданія мира ЗРЧЄ-го мѣсяца октября КГ дня Государствованія нашего Є году № 25.

Подлинная челобитная митрополита Гедеона.

Божіею милостію пресвѣтлымъ благочестивымъ Государемъ Царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и пресвѣтлой благочестивой соцарствующей купно Государынѣ Царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцемъ и инныхъ многихъ Государствъ и земель восточныхъ западныхъ и сѣверныхъ... наслѣдникомъ Государемъ и обладателемъ.

Вашему Царскому... величеству Божіею милостью пресвѣтлымъ благочестивымъ Государемъ Царемъ и великимъ княземъ Іоану Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и пресвѣтлой благочестивой соцарствующей купно Государынѣ Царевнѣ и великой княжны Софіи Алексѣевны всея великія малыя и бѣлыя Россіи Самодержцемъ и инныхъ многихъ Государствъ и земель восточныхъ западныхъ и севѣрныхъ отчичемъ и дѣдичемъ Государемъ Наслѣдникомъ и обладателемъ Вашему Царскому пресвѣтлому Величеству всегдашный богомолецъ и нижайшій... великія и малыя Россіи. Смиренный митрополитъ Гедеонъ къ поднозію престола вашего Царского пресвѣтлого... припадающе челомъ біетъ.

Пребогатымъ вашего Царского пресвѣтлаго величества на моей худости благодѣяніямъ... достойно благодарити не имамъ толико силы ибо суть сія безчисленныя. Яко же стремленіе въ одное рѣкъ быстро движущихся послѣдствующее по себѣ влечетъ теченіе, тако премилостивое благодѣяніе вашего Царского пресвѣтлого величества а мое окаянство едино нераздѣльно изливается. Въ прошломъ году отъ воплощенія Бога Слова ЗХПС между иными множайшими добродѣйствы вы великіе Государѣ... Софѣйскихъ жаловали жита четвертей сто изъ житницъ своихъ Государскихъ Кіевскихъ, соли пудовъ двѣсть братіи чернцомъ... недостойнымъ богомольцемъ на рясы сто рублевъ к сему на расходы домовніе вмѣсто

ста пудъ меду пятдесятъ рублевъ велѣли давати изъ государскихъ своихъ приходовъ казни Кіевскія. Тіемъ всѣмъ благодарно... Софѣйскихъ питаючыся доселѣ, усердно молитъ всѣхъ Богодателя Бога да по премногимъ щедротамъ своимъ хлѣбной ради милосты... питъ царствующія вашего Царского пресвѣтлого величества... врагомъ Креста Христова одолѣти великодержавное... Царского пресвѣтлого величества возмогло бы скипетро. Ради медовныя милости... Вашего Царского пресвѣтлого величества Государство великимъ свышше подаемымъ благополучіемъ въ премногое да наслаждается долгоденствіе, паче же долговременномъ въ мирѣ семъ Царствованіи сладчайшаго зрѣнія лица Господня да насыщается сота. Дерзаю паки къ милостивому вашего Царского пресвѣтлого величества благодѣянію прибѣгше смиренно молити о таковое жалованье на нынѣшный годъ SXIIS. Яко оддоенное отроча... тако и азъ поздѣ иноя не... надежды самъ... себѣ... и монастыря Свято Софѣйскаго препитанія. Токмо на всещед... Царского пресвѣтлого величества милость... святыя Софіи Ме... Кіевской въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова SXIIД мѣсяца дня.

Смиренный... мѣтрополитъ Кіевской...

Сообщила Е. Лермонтова.

16 мая 1858 года, Н. К—ну [1]).

1.

Мы скоро съ тобою напьемся
И впредь ужъ не пить намъ съ тобой...
И, можетъ, потомъ мы сойдемся,
Но ты уже будешь иной...

2.

Но нѣтъ, я не вѣрю: ты вѣчно
Останешься съ бодрой душой,
И, встрѣтясь мы снова сердечно
На брудершафтъ выпьемъ съ тобой!..

3.

Не тронетъ насъ время лихое,
А если невзгоды найдутъ,—
Мы выпьемъ тогда *за былое*,
За нѣсколько свѣтлыхъ минутъ.

Сообщилъ В.

[1]) Вѣроятно—Николаю Степановичу Курочкину (1830—1884 г.), извѣстному беллетристу, публицисту и поэту.

Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова.

XIII. И. А. Гончаровъ—сотрудникъ газетъ [1]).

Въ своихъ воспоминаніяхъ объ И. А. Гончаровѣ Викторъ Русаковъ указалъ, между прочимъ, на присутствіе въ газетѣ „Голосъ“ за семидесятые годы анонимныхъ статей И. А. Гончарова [2]). Эти воспоминанія вызвали тогда у Гончарова досаду, о которой и свидѣтельствуетъ одно не дошедшее до насъ письмо къ Н. С. Лѣскову. Письмо это, по свидѣтельству Н. С. Лѣскова, противорѣчитъ сообщеніямъ Виктора Русакова: 1) о нѣкоторой близости Ивана Александровича къ одной книгопродавческой фирмѣ; 2) о составленіи имъ библіографическихъ статеекъ и замѣтокъ для одной извѣстной газеты; 3) объ интимныхъ бесѣдахъ его съ однимъ извѣстнымъ литераторомъ. „Иванъ Александровичъ, разсказываетъ Н. С. Лѣсковъ, былъ возмущенъ этимъ и называлъ воспоминаніе „выдумкою“ и хотѣлъ его опровергать, но потомъ отдумалъ это, „чтобы никому не досаждать“, при чемъ разыгралась еще и другая черта характера покойника—его мнительность... Онъ сталъ думать: „А что, если они еще заведутъ со мною споръ?! Пожалуй еще подберутъ какихъ-нибудь свидѣтелей, которые станутъ утверждать на ихъ сторону!... Извольте тогда съ ними вѣдаться!“ [3]).

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, 1911, кн. 10, стр. 34—62 и кн. 12, стр. 491—499.

[2]) „Новь“, 1888, т. XX кн. 7, стр. 138, статья Виктора Русакова.

[3]) „Сѣверный Вѣстникъ“, 1892, кн. 6, стр. 155 — 157, статья Н. С. Лѣскова.

Къ счастью Иванъ Александровичъ не рѣшился на попытку опроверженія. Дѣло было бы нелегкое, по крайней мѣрѣ что касается указанія Русакова на „библіографическія статейки и замѣтки для одной извѣстной газеты". Всякій споръ о существованіи таковыхъ принадлежащихъ перу И. А. Гончарова прекращается признаніемъ самого автора, заключающимся въ восемнадцати нижеприведенныхъ письмахъ или отрывкахъ писемъ къ А. А. Краевскому [1]). Благодаря этимъ письмамъ, не только habemus reum confitentem, но мы можемъ еще составить въ точности списокъ статей, которыя были помѣщены Гончаровымъ въ „Голосѣ", хотя, конечно, нельзя ручаться, что этотъ списокъ полонъ, ибо А. А. Краевскій могъ, несмотря на свою аккуратность, не хранить нѣкоторыхъ изъ писемъ, которыми препровождались статьи Гончарова, или же Гончаровъ могъ самъ лично передать свои рукописи въ собственныя руки А. А. Краевскому.

Литературныя достоинства этихъ статей, по правдѣ сказать, весьма незначительны и, въ большинствѣ случаевъ, даже совсѣмъ ничтожны. Поэтому считаемъ лишнимъ приводить ихъ всѣ цѣликомъ или хотя бы длинныя цитаты изъ нихъ. Достаточно указать лишь на главныя темы затронутыя авторомъ и выдѣлить изъ его замѣтокъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя фразы или даже слова, чтобы доставить читателю цѣнныя психологическія данныя для характеристики Гончарова. Тотъ Гончаровъ, котораго мы видимъ здѣсь скрыто выступающимъ въ качествѣ газетнаго сотрудника—это будничный Гончаровъ съ нѣкоторыми его будничными интересами и заботами. Онъ возмущается всякимъ нарушеніемъ порядка и, такъ сказать, комфорта улицъ, проклинаетъ извозчиковъ, мчащихся какъ вихрь по улицамъ столицы, и преслѣдуетъ письмами въ редакцію бродячихъ собакъ, кусающихъ прохожихъ. Онъ, здѣсь, убѣжденный гражданинъ Петербурга, типичный бюргеръ, постоянно озабоченный всяческими матеріальными невзгодами городской жизни, неослабленно, хотя съ ироническимъ видомъ и будто шутя, отзывающійся на нихъ и, въ то же время, съ упорнымъ безразличіемъ относящійся ко всему тому, что выходитъ изъ круга его мелкихъ интересовъ.

„Большинства читателей, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ [2]), не коснется близко ни итальянская конвенція, ни посланіе папы, ни

---

[1]) Эти письма входятъ въ собраніе писемъ А. А. Краевскаго, пожертвованное въ Императорскую Публичную Библіотеку В. А. Бильбасовымъ.

[2]) „Голосъ", 1-го января 1865 г., № 1, стр. 3.

поползновенія Пруссіи на Шлезвигъ-Голштейнъ: это займетъ любознательность скромнаго меньшинства, заставитъ потолковать о событіяхъ, но покойно и равнодушно — тогда какъ рѣдкій читатель въ вседневной жизни не встрѣтитъ такого явленія въ „петербургскихъ отмѣткахъ“ [1]), которое лично его порадуетъ или опечалитъ, или, наконецъ, наведетъ на полезную, практическую мысль объ удобствѣ, улучшеніи его житья-бытья, объ устраненіи безпорядка и т. п.“.

Нельзя не узнать въ авторѣ этихъ строкъ путешественника, „плававшаго по казенной надобности“ [2]), который, по жестокому выраженію одного изъ критиковъ пятидесятыхъ годовъ, „объѣхавъ вокругъ свѣта, не вышелъ ни на минуту изъ той атмосферы, которую носилъ съ собой Гоголевъ Петрушка“ [3]).

26-го октября [1861].

Мнѣ и на будущій годъ хочется получать „С[анктъ-]П[етербургскія] Вѣдомости“, которыя однѣ только и читаю, но хочу получать не даромъ. Погодите, я опять изберу себѣ одинъ постоянный предметъ и буду его преслѣдовать энергически, пока достигну цѣли. Такъ фельетонами достигнута цѣль объ ограниченіи собакъ, достигну, можетъ быть, и того, что будутъ посыпать тротуары пескомъ [4]).

А тамъ опять изберу другую достойную цѣль: надо съ пользой тратить жизнь.

Я былъ у Васъ, но Васъ не было дома: Вы, кажется, какъ я слышалъ, сидѣли въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Выпустили ли Васъ наконецъ? Очень жаль, если нѣтъ: пожалуй, пропадетъ фельетонъ *Возвращеніе домой* [5]). Онъ преглупый, но цѣль, съ которою писалъ, какъ Вы увидите, полезная.

Обсудите, пожалуй, хорошенько, можно ли его печатать. Дѣло, происходящее въ немъ, случилось 11-го сентября, а мы печатаемъ теперь.

Не поздно ли, и послужитъ ли онъ къ чему-нибудь теперь! А печатать его такъ, не стоитъ, ибо онъ ни общей идеи, ни фельe-

---

[1]) Обычное названіе одного изъ отдѣловъ газеты „Голоса“.

[2]) „Да я и не путешествовалъ, а плавалъ *по казенной надобности*“, признался Гончаровъ въ статьѣ „Черезъ двадцать лѣтъ“. См. „Полное собраніе сочиненій“, изд. Маркса, Спб., 1899, т. VII, стр. 255.

[3]) „The Bell. Колоколъ“, № 6, december 1, 1857, стр. 49.

[4]) Гончаровъ намекаетъ очевидно здѣсь на прежніе оставшіеся намъ неизвѣстными фельетоны его же пера „объ ограниченіи собакъ“ и о необходимости „посыпать тротуары пескомъ“.

[5]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

тоннаго и никакого изящества не совмѣщаетъ въ себѣ. Поэтому, пробѣжавъ, потрудитесь бросить подъ столъ, а напечатайте въ такомъ случаѣ, когда сочтете очень нужнымъ и важнымъ, такъ чтобъ увидя его напечатаннымъ, я могъ бы сейчасъ возгордиться.

До свиданія. Вашъ И. Гончаровъ.

Фельетонъ „Возвращеніе домой“, подписанный псевдонимомъ „Ро“, былъ напечатанъ въ номерѣ 242 „Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостей“ отъ 1-го ноября 1861 г., стр. 2—3, подъ заимствованнымъ у Грибоѣдова эпиграфомъ: „И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“. Онъ представляетъ собой только довольно милую болтовню о возвращеніи автора изъ-за границы въ Россію черезъ Вержболово. Нельзя не поразиться чувствомъ слегка наивнаго оптимизма, которымъ онъ весь проникнутъ.

„Рядъ наслажденій, доставляемыхъ путешествіемъ, пишетъ между прочимъ авторъ, замыкается однимъ изъ нихъ, чуть ли не лучшимъ: это наслажденіемъ воротиться домой. Кому не милы первая встрѣча и обмѣнъ мыслей и словъ съ дружескими лицами. Домашнія стѣны глядятъ на васъ привѣтливѣе, кресла и постель мягче—„Ну, пошелъ же, погоняй!“ Такъ думалъ я, а со мной, конечно, и всѣ мои спутники, ѣхавшіе, 10-го сентября, изъ Берлина въ Петербургъ и спѣшившіе, какъ перелетныя птицы, на зиму въ тепло, изъ сырыхъ, нетопленныхъ заграничныхъ комнатъ въ топленныя. Меня даже не очень пугалъ трехдневный безостановочный переѣздъ до Петербурга. Приближаясь къ дому, человѣкъ становится мягокъ, уступчивъ, способенъ на пожертвованія. Скупой перестаетъ торговаться, желчный хладнокровно вынесетъ придирчивость чиновника и невѣжливость кондуктора. Всѣ полны одной мысли—о близости дома. И я уже равнодушно отмахивалъ отъ себя дымъ нѣмецкихъ сигаръ въ вагонахъ, даже снисходительно выслушалъ, всю ночь, плачъ ребенка въ одномъ изъ нихъ, и мужественно выносилъ жосткую ветчину и соленое масло на нѣмецкихъ станціяхъ...“

До чего доходитъ оптимизмъ возвращающагося домой путешественника, видно, между прочимъ, по его слѣдующимъ строкамъ:

„Здѣсь [т. е. въ Вержболовѣ] ждала насъ русская желѣзная дорога и русская таможня. Послѣдняя сдѣлала быстро и прекрасно свое дѣло. Чиновники здѣсь (да, кажется, теперь, какъ слышно, и въ другихъ русскихъ таможняхъ) понимаютъ, что они не только органы правительства, но и друзья публики. Служа интересамъ казны, они способствуютъ и удобствамъ общества. Они исполнительны въ своемъ дѣлѣ, безъ придирокъ, и притомъ уже не позволяютъ себѣ диктаторскаго тона въ обращеніи съ публикой, какъ бывало...“

8-го февраля [1862].

Вотъ и еще подарокъ: благоволите, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, тиснуть фельетончикъ въ „С.-П[етербургскихъ] Вѣдомостяхъ“, объ этихъ изданіяхъ [1]) — и если можно, не откладывая далеко. Вѣдь *Обломовъ* [2]) нѣкоторымъ образомъ и Ваше чадо: Вы его вывели въ свѣтъ, погладьте по головкѣ и теперь, чтобы его всѣ старались залучить къ себѣ, а папенькѣ-то его какая бы радость!.. Не забудьте ужъ и *Исторію* [2]) мою: если не за что другое, то отрекомендуйте публикѣ хоть за красоту: посмотрите, какіе оба нарядные!

Надѣюсь на Вашу добродѣтель вообще и на любезность ко мнѣ въ особенности [3]), остаюсь всегда

Вашъ И. Гончаровъ.

14-го января 1864 г.

Ну, дотащилъ я возъ; дѣлайте, что хотите съ прилагаемымъ листомъ. То ли дѣло объ извощикахъ писать? Возвращаю прибавленіе къ Инвалиду и телеграмму: зачѣмъ ее помѣщать? Я о ней только упомянулъ: всѣ такія телеграммы одинаковы. Если бы у Васъ по близости случился бы А. Д. Галаховъ [4]), онъ бы, можетъ быть, что-нибудь прибавилъ или измѣнилъ отчеркнутое у меня мѣсто синимъ карандашемъ о значеніи университетскаго образованія. Онъ истый и коренной москвичъ и сказалъ бы что-нибудь чювствительнѣе [5]) и во всякомъ случаѣ умнѣе меня о москов[скомъ] университетѣ.

Ну, будетъ—надоѣло. До свиданія.

Вашъ И. Гончаровъ.

Если Вы найдете, что написанное не годится по тону или содержанію или по чему иному, то измѣняйте, прибавляйте и убавляйте или совсѣмъ уничтожьте ad libitum, мнѣ это—ничего.

---

[1]) Гончаровъ присылаетъ А. А. Краевскому, какъ подарокъ, третье изданіе „Обыкновенной Исторіи“ и второе изданіе „Обломова“, которыя появились въ 1862 г. (типогр. Морского Министерства).

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Согласно желанію, выраженному Гончаровымъ, въ литературномъ фельетонѣ Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостей 2-го марта 1862 г. (№ 46, стр. 1), безъ подписи автора, было посвящено нѣсколько десятковъ строкъ „Обыкновенной Исторіи“ и „Обломову“.

[4]) Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ, занимавшій тогда каѳедру русской словесности въ Академіи Генеральнаго Штаба.

[5]) Такъ въ подлинникѣ: *чювствительнье*.

14 янв[аря] 1864.

Сейчасъ мнѣ знакомый, не бывшій на обѣдѣ, сказалъ, что объ этомъ будетъ моя статья въ газетахъ. Мнѣ это не совсѣмъ пріятно: ждутъ статьи, а напишешь вздоръ; только смѣхъ одинъ. Нельзя ли не печатать этихъ пустяковъ. Вы лучше меня напишите; или если уже мои строки (надѣюсь, приведенныя въ должный порядокъ) будутъ напечатаны, *то пожалуйста безъ всякихъ подписей и начальныхъ буквъ* [1]). Лучше бы показать Галахову: вѣдь онъ профессоръ и москвичъ, онъ выправилъ бы какъ слѣдуетъ, или написалъ бы свое [2]).

Вашъ И. Гончаровъ.

Это второе письмо отъ 14 января 1864 г. было написано, повидимому, нѣсколько часовъ спустя послѣ перваго. Въ немъ обнаруживаются постоянная боязнь Гончарова слишкомъ обратить на себя вниманіе и до болѣзненности развитое авторское самолюбіе. Статья подъ заглавіемъ „Обѣдъ бывшихъ студентовъ московскаго университета“ и безъ подписи автора была напечатана въ газетѣ „Голосъ“, № 15 (15-го января 1864 г.), стр. 3. Она представляетъ собою отчетъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ Гончаровымъ съ этого обѣда, и несмотря на нѣкоторую шаблонность формы полныхъ искренней теплоты и сердечности. Читатель найдетъ въ ней подтвержденіе тѣхъ чувствъ любви и благодарности къ университету, которыя такъ и высказываются на каждой страницѣ его университетскихъ воспоминаній, опубликованныхъ впослѣдствіи въ „Вѣстникѣ Европы“ (1887, кн. 4).

„Не скромное ли, писалъ, между прочимъ, авторъ статьи, если можно такъ выразиться, но справедливое чувство гордости, что университеты вообще и московскій, по старшинству и многочисленности питомцевъ, въ особенности, честно и достойно исполняютъ свое высокое и благородное назначеніе? Честь быть обязану образованіемъ университету—вотъ какая мысль, какое сознаніе стоитъ выше воспоминаній молодости и студенческихъ годовъ, и эта-то мысль и это воспоминаніе, независимо отъ воспоминаній товарищества, разглаживаютъ морщины стариковъ и кладутъ

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Бывшіе студенты Московскаго университета собрались, 12-го января 1864 г., праздновать день его учрежденія въ отелѣ Демута. И. А. Гончаровъ при своемъ письмѣ къ А. А. Краевскому препроводилъ статью объ этомъ празднованіи. См. предыдущее письмо отъ того же дня, т. е. отъ 14-го января 1864 г.

глубокую важную черту на лица юношей въ этихъ собраніяхъ. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать прекрасную будущность университетамъ; но надо быть очень неблагодарнымъ, чтобы забыть прошедшее и не признать заслуги ихъ передъ Россіей. Общество знаетъ и цѣнитъ эти заслуги, и память объ университетахъ не умерла бы никогда на Руси, если бы у нихъ не было даже ничего впереди. Откуда же эта симпатія въ обществѣ къ университетамъ и къ питомцамъ ихъ, какъ не отъ того благороднаго сознанія, что университетское образованіе было прочнѣйшимъ основаніемъ и цементомъ въ зданіи русской мысли, науки, литературы, общественной жизни? Скептики, можетъ быть, съ улыбкой укажутъ на уклоненія, колебанія, недоразумѣнія въ исторіи университетовъ и университетскаго юношества; назовутъ темныя минуты, случаи... Но въ какой исторіи ихъ нѣтъ? Да, это минуты и случаи, заслуживающіе только улыбки! Но вѣдь университеты наши юны, какъ и все наше государство, какъ и все общество; они зрѣютъ и укрѣпляются наравнѣ съ прочими элементами и силами русской жизни. Пусть же не указываютъ лукаво на трудныя минуты и печальные случаи, забывая многіе и многіе ясные и плодотворные годы!...“

17 февр[аля 1864].

Посылаю Вамъ еще импровизацію о собакахъ, вылившуюся у меня вчера при чтеніи фельетона „Голоса“ [1]: не найдете ли Вы возможнымъ напечатать ее въ числѣ *Петерб[ургскихъ] замѣтокъ* [2] завтра или послѣ завтра. А если не угодно, то бросьте подъ столъ. Я вѣдь пишу не изъ славы, а изъ ревности къ общему благу—и потому еще, что боюсь собакъ. А такъ какъ Дума приглашаетъ къ разсмотрѣнію своихъ проектовъ, то вотъ и мое мнѣніе [3].

---

[1]) Фельетонъ „Голоса“ 16-го февраля 1864 г., на который намекаетъ Гончаровъ, носитъ общее заглавіе „Вседневная жизнь“ и, между многими другими, подзаглавіе „Кое-что о собакахъ новорожденныхъ“. Авторъ обсуждаетъ въ немъ, между прочимъ, вопросъ о необходимости налога на собакъ.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Статья Гончарова появилась въ „Голосѣ“ 19-го февраля 1864 года, № 50, стр. 3. Приводимъ ее здѣсь цѣликомъ, какъ характеризующую Гончарова въ качествѣ обывателя и при томъ обывателя-петербуржца, раздражительнаго, брюзгливаго, страдающаго постоянно отъ разныхъ мелкихъ непріятностей столичной жизни.

„Милостивый государь! къ напечатанному Вами разбору проектовъ петербургской городской думы о собакахъ, позвольте мнѣ сказать только заключеніе объ этихъ проектахъ вообще. Проекты эти такъ сложны, такъ

Это, полагаю, послѣднее мое мнѣніе о собакахъ. Затѣмъ надѣюсь перейти къ общественнымъ нуждамъ: такъ какъ у меня и у нѣкоторыхъ моихъ сверстниковъ (можетъ быть, и у Васъ тоже) къ старости моча одолѣваетъ и часто приходится всенародно, на улицахъ, обнаруживать человѣческую немочь.

Вашъ И. Гончаровъ.

подробны, что почти заранѣе можно имъ предсказать неуспѣхъ. Чего тутъ нѣтъ: и бюро, и особые чиновники, и книги, и даже упомянуто о способѣ освѣщенія собачьихъ бюро; словомъ, есть все, чтобы запутать дѣло и загромоздить его неудобоисполнимыми формальностями. Прежде сложной и мелочной системы, отъ которой, по нашему характеру, скоро устали бы и блюстители ея, и сама публика, можно бы попробовать употребить два, три простые пріема — сначала къ уменьшенію числа собакъ, потомъ уже къ предупрежденію опасностей отъ тѣхъ изъ нихъ, которыя останутся.

„Въ публикѣ жалуются, и весьма основательно, на множество уличныхъ собакъ, живущихъ по дворамъ, у кучеровъ, дворниковъ, а также около рынковъ и т. п. мѣстъ, и никому, такъ сказать, непринадлежащихъ, потому что, если у нихъ и есть хозяева—дворники, кучера, водовозы и т. п. личности, то, за недосугомъ, они за собаками не смотрятъ. Эти собаки бѣгаютъ свободно по улицамъ, площадямъ, собираются кучами, безпокоятъ прохожихъ, особенно ночью; отъ нихъ вся и бѣда, и испугъ женщинъ и дѣтей, и опасности въ случаѣ бѣшенства. У породистой собаки непремѣнно есть хозяинъ, который за ней смотритъ, одну не пускаетъ и, слѣдовательно, отъ нея рѣдко можно ожидать опасности. Поэтому, на уличныхъ и дворовыхъ собакъ, кажется, прежде всего и слѣдовало бы обратить вниманіе, т. е. сократить или перевести ихъ, и затѣмъ уже не дозволять никому держать собакъ на дворѣ не на привязи, а выбѣгающихъ на улицу, или бѣгающихъ по волѣ, безъ хозяина, немедленно ловить.

„Потомъ всѣхъ хозяевъ породистыхъ собакъ обязать водить ихъ съ собою по улицѣ не иначе, какъ на сворѣ.

„Какъ достигнуть этого, налогомъ ли на собакъ, или какимъ-нибудь полицейскимъ распоряженіемъ—не знаемъ, но смѣемъ увѣрить, что настойчивымъ исполненіемъ этихъ простыхъ мѣръ прекратились бы разомъ всѣ жалобы, относящіяся, повторяемъ, единственно къ простымъ уличнымъ и дворовымъ собакамъ, которыя во множествѣ бѣгаютъ по улицамъ и на глазахъ полицейскихъ служителей часто собираются кучами, лаютъ и бросаются на прохожихъ.

„Что касается до намордниковъ, то эта мѣра, конечно, хорошая, но едва ли еще она возможна у насъ. Предписать ее, разумѣется, можно, и даже завести чиновниковъ-наблюдателей можно, и даже штрафныя книги, даже бюро съ освѣщеніемъ, но на дѣлѣ эта мѣра окажется неудобоисполнимою. Сколько жалобъ, ропота, ссоръ возникнетъ на каждомъ шагу! Прежде всего всѣ владѣтели и владѣтельницы мелкихъ, комнатныхъ собакъ возопіютъ, и справедливо, противъ намордниковъ, которые, правду сказать, по росту этихъ собаченокъ, почти и невозможно будетъ надѣвать на нихъ.

„Далѣе, если хозяева большихъ породистыхъ собакъ и будутъ водить ихъ въ намордникѣ по улицамъ, то трудно, даже просто нельзя обязать ихъ дѣлать то же и по дворамъ; а на дворахъ въ Петербургѣ всегда тол-

19-го февраля 1864 г.

Вчера одинъ близкій пріятель здѣшнихъ англичанъ сказалъ мнѣ, что они готовятъ торжество въ годовщину Шекспира (кажется, 23 апрѣля), и что оно будетъ имѣть даже оффиціальный характеръ, потому что за это горячо взялся лордъ Непиръ [1]). Отъ меня онъ поѣхалъ къ Тургеневу и Боткину: не знаю, выйдетъ ли что-нибудь изъ этого. Во всякомъ случаѣ странно будетъ русскимъ пройти этотъ день молчаніемъ, особенно театру. Такъ какъ Вы болѣе или менѣе прикосновенны къ театру, то не возбудите ли тамъ этотъ вопросъ, а между тѣмъ не хотите ли напечатать гдѣ-нибудь въ мелкихъ извѣстіяхъ entrefilets прилагаемую замѣтку и выпустить бы ее въ пятницу или не далѣе субботы?

До свиданія.

Вашъ Гончаровъ.

Отъ собакъ-то да къ Шекспиру!

Прилагаемая къ письму Гончарова замѣтка была напечатана въ „Голосѣ“, 21-го февраля 1864 г., № 52, стр. 2. Она гласитъ слѣдующее: „Въ Англіи, какъ извѣстно, готовятся большія торжества для ознаменованія *трехсотой годовщины дня рожденія Шекспира*. День этотъ—11-е (23-е) апрѣля нынѣшняго года.

„Носится слухъ, что живущіе въ Петербургѣ англичане также намѣрены почтить (не знаемъ еще, какимъ образомъ) память своего великаго соотечественника. Но это торжество, по преимуществу, конечно, составляющее обязанность англійскаго народа, должно быть также торжествомъ всего образованнаго міра. Русское общество, не смотря на позднее свое развитіе, не смотря на молодость своей литературы и театра, успѣло, однако же, заявить въ замѣчательной

пится много народу, слѣдовательно, опасность отъ укушенія все-таки не отвратится.

„Не лучше ли, поэтому, какъ сказано выше, удовольствоваться пока требованіемъ, чтобы ни одна собака, ни большая, ни маленькая, ни дворная, ни породистая, не появлялась на улицѣ одна, безъ хозяина, и не на сворѣ? Каждый хозяинъ, конечно, знаетъ свою собаку, и если она кусается, то онъ, разумѣется, на привязи всегда удержитъ ее отъ этого.

„Если бы это правило соблюдать настойчиво и строго, и затѣмъ особенно еще настойчивѣе и строже забирать всѣхъ вольныхъ, т. е. свободно, безъ хозяина, бѣгающихъ собакъ, то публика была бы удовлетворена въ значительной степени, и жалобы на безпокойство и опасности отъ собакъ поступили бы въ число исключеній“.

[1]) Lord Francis Napier, тогдашній англійскій посланникъ въ Петербургѣ.

степени вѣрное пониманіе Шекспира и глубокое, живое сочувствіе къ его генію, и даже опередило въ этомъ, напримѣръ, хоть французовъ, отличавшихся постояннымъ равнодушіемъ, чтобъ не сказать больше, къ великому драматургу.

„Напоминая о предстоящей годовщинѣ дня рожденія Шекспира, прибавимъ, что день этотъ не за горами, и что-бъ если наши театры и литература вознамѣрились ознаменовать этотъ день какимъ-нибудь торжествомъ, то времени для приготовленія остается немного.

„Говорятъ, что здѣшніе англичане рѣшились день торжества перенести на нашъ стиль (т. е. на 23-е апрѣля, на четвергъ святой недѣли), такъ какъ, по ихъ стилю, онъ бы пришелся въ субботу на 6-й недѣлѣ великаго поста“.

[1864 г.].

Такъ какъ я поступаю, кажется, въ число постоянныхъ Вашихъ сотрудниковъ, то не худо, если бъ Вы, Андрей Александровичъ, положили мнѣ какое-либо жалованье: и какое разнообразіе: извощики, собаки, музыка, вотъ будутъ въ слѣдующій разъ общественные ..... наконецъ Шекспиръ! Это отъ того такое разнообразіе, что „ничто человѣческое мнѣ не чуждо“.

Вотъ еще замѣтка въ entrefilets. Тургеневъ привезъ и издалъ здѣсь написанную госпожею Віардо музыку на русскія слова Пушкина, Фета и самого Тургенева, всего 12 романсовъ, которые конечно произведутъ шумъ, какъ потому, что музыка, говорятъ, восхитительная, такъ и потому, что она писана Віардо-ю.

Нельзя ли помѣстить это завтра, а то такъ ужъ во вторникъ.

Сверхъ того Тургеневъ проситъ, нельзя ли дать ихъ подробно разобрать Вашему музыкальному критику, какому-то Л. П. На сей конецъ онъ Вамъ сегодня же хотѣлъ прислать экземпляръ всѣхъ этихъ романсовъ [1]).

До свиданія!

Вашъ И. Гончаровъ.

---

[1]) Извѣстно по другимъ источникамъ, насколько Тургеневъ заботился объ успѣхѣ романсовъ г-жи Полины Віардо. См. напримѣръ письма къ И. П. Борисову отъ 24-го сентября 1867 г. („Щукинскій Сборникъ“, вып. 8, Москва, 1909, стр. 384—385) и къ П. В. Анненкову отъ 19-го января 1869 г. („Русское Обозрѣніе“, 1894 года, кн. 3, стр. 20—21). Любезное отношеніе Гончарова къ нему въ такомъ дѣлѣ должно было несомнѣнно способствовать къ примиренію обоихъ бывшихъ друзей, о которомъ свидѣтельствуетъ письмо Тургенева къ Гончарову, помѣченное 14-мъ (26-мъ) марта 1864 г., Paris, rue de Rivoli, 210 (письмо опубликованное А. Н. Гончаровымъ въ „Русской Старинѣ“ 1892 г., т. LXXV,

Замѣтка Гончарова появилась въ „Голосѣ“ 23-го февраля—6 марта 1864 года № 54 стр. 2. Она гласитъ слѣдующее:

Музыка госпожи Віардо на русскія стихотворенія.

„Для любителей пѣнія сообщаемъ интересную новость.—Въ музыкальныхъ магазинахъ только что поступили въ продажу двѣнадцать русскихъ стихотвореній, положенныхъ на музыку госпожею Віардо. Слышавшіе исполненіе этой музыки увѣряютъ, что талантъ нѣкогда любимой пѣвицы блистательно возрождается въ композиціи. Мы надѣемся отдать подробный отчетъ объ этихъ романсахъ, а теперь только скажемъ, что стихотворенія принадлежатъ Пушкину, Фету и Тургеневу: къ нотамъ приложенъ также и нѣмецкій переводъ романсовъ, принадлежащій извѣстному современному поэту, Ф. Боденштету.

Комнатное пѣніе—это особый мірокъ, имѣющій въ общественной жизни огромное значеніе, независимо отъ общаго большаго музыкальнаго міра. Музыкальные дилетанты съ робостью посягаютъ на исполненіе арій изъ большихъ оперъ, боясь на каждомъ шагу невыгоднаго сравненія съ пѣвцами итальянской труппы, романсъ большею частію легче, доступнѣе для исполненія, и по этому, если онъ удаченъ, долго удерживается въ музыкальномъ репертуарѣ гостиныхъ. Еще и теперь поются нѣкоторые романсы Глинки, Варламова, Титова и другихъ; въ послѣднее время, за исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ, и то не важныхъ романсовъ, нѣтъ почти ничего, что могло бы удовлетворить въ этомъ отношеніи даже невзыскательнаго любителя пѣнія.

Поэтому, если справедливы слухи о достоинствѣ композиціи госпожи Віардо, она дѣлаетъ неожиданный и богатый подарокъ русскому обществу: вдругъ двѣнадцать романсовъ, которые найдутъ, конечно, почетное мѣсто на всѣхъ фортепьяно, и притомъ надолго“.

21-го февраля 1864 г.

Что касается до Шекспира, то мысль о праздникѣ ему производитъ свое дѣйствіе; кажется, въ литературномъ фондѣ будетъ чрезвычайное засѣданіе комитета, чтобы рѣшить, что дѣлать. А будетъ ли что-нибудь въ театрѣ? Я бы предложилъ англичанамъ

стр. 532, и перепечатанное въ статьѣ М. Ѳ. Супанскаго въ „Вѣстникѣ Европы“ 1908 г., кн. 12, стр. 460): „Благодарю Васъ за помѣщеніе статеечки въ „Голосѣ“, писалъ Тургеневъ Гончарову; будьте такъ добры, не забудьте и „Сѣверной Почты“; а если это сдѣлано, примите мое спасибо“.

выписать Ольриджа [1]) на этотъ день и дать спектакль любителей съ нимъ, благо онъ гдѣ-то въ Твери или Калугѣ.

4-го мая 1864 г.

Нельзя ли напечатать прилагаемое возраженіе о собакахъ, вѣроятно послѣднее вообще и передъ моимъ отъѣздомъ за границу въ особенности [2])?

---

[1]) Ольриджъ или Ольдриджъ (Ira Frederik Aldridge), родившійся въ Сѣверной Америкѣ негръ, былъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія всемірно извѣстнымъ трагикомъ, игравшимъ то въ Лондонѣ, то въ Берлинѣ, то въ Стокгольмѣ, то въ Петербургѣ главныя роли драмъ Шекспира. О характеристикѣ его таланта и о его громадномъ успѣхѣ на петербургской сценѣ, см. напримѣръ восторженные отзывы французскаго писателя Тэофиля Готье въ его воспоминаніяхъ о Россіи (Voyage en Russie, par Théophile Gauthier, Paris, 1867, изд. Charpentier, т. I, гл. XII).

[2]) Возраженіе Гончарова „на проектъ о мѣрахъ противъ бродящихъ по улицамъ собакъ, помѣщенный въ „фельетонѣ“ „Голоса“ № 121, было напечатано въ „Голосѣ“ 6-го мая 1864, № 124, стр. 3.

„Въ воскресномъ нумерѣ „Голоса“ въ фельетонѣ опять жалобы на бродящихъ по улицамъ собакъ—и справедливыя жалобы, и опять толки о средствахъ противъ этого, если не зла, конечно, къ счастію рѣдко случающагося, при укушеніи, то безпокойства и безпокойства безпрестаннаго отъ страха женщинъ, дѣтей, отъ отвратительныхъ сценъ, происходящихъ среди многолюдныхъ улицъ, и проч., и проч., о чемъ много разъ говорено въ газетахъ. А между тѣмъ стаи собакъ бѣгаютъ однѣ по улицамъ, собираются у рынковъ, на площадяхъ, часто лаютъ и бросаются на прохожихъ; дворники, кучера сидятъ въ обществѣ двухъ-трехъ собакъ у воротъ—и мѣръ никакихъ не принимается, вѣроятно потому, что мѣры эти трудны, неудобоисполнимы. Но вотъ кто-то, въ приведенномъ № „Голоса“, нашелъ средство устроить дѣло скоро и просто и предлагаетъ — шесть пунктовъ. Первое—процессъ собиранія налога, второе—наблюденіе, чтобъ ни одна собака безъ намордника не бѣгала на дворѣ и на улицѣ, третье—забираніе, избіеніе собакъ и штрафъ, четвертое, пятое и шестое — завѣдываніе сборами съ собакъ, рѣшеніе особою комиссіею споровъ между сборщиками и хозяевами собакъ и, наконецъ, внушеніе дворникамъ о вредѣ укушенія бѣшеными собаками!

„Будто это просто? Вѣдь это потребовало бы ни болѣе, ни менѣе, какъ организаціи особаго вѣдомства, да наряженіе цѣлаго отряда людей для наблюденія, не выбѣжала ли какая-нибудь собака безъ намордника, не только на улицу, даже на дворъ и т. д. и т. д.?

„Не проще ли, по крайней мѣрѣ на первый разъ, возложить на полицейскихъ же служителей неуклонно забирать попадающихся имъ на каждомъ шагу и бѣгающихъ безъ хозяевъ собакъ по улицамъ, площадямъ и рынкамъ, собакъ, повидимому, никому не принадлежащихъ, кучами иногда лежащихъ у церковныхъ оградъ, у стѣнъ зданій, около скверовъ, рынковъ и т. п.? Если построже употребить эту мѣру, то, кажется, бродящія собаки быстро исчезнутъ съ лица петербургскихъ улицъ, и, пожалуй, за выпускъ

Хотѣлъ бы я еще похвалить одну помаду, которая препятствуетъ мнѣ быть такимъ сѣдымъ, какъ Вы, и такимъ плѣшивымъ, какъ Водовозовъ [1]), если Вы его знаете, или какъ Барклай де Толли, но этотъ подвигъ я полагаю свершить, вернувшись изъ-за границы, гдѣ обдумаю его основательно.

До свиданія!

Вашъ И. Гончаровъ.

30 декабря [1866 г.].

Чтобы не даромъ получать „*Голосъ*“ [2]) и въ будущемъ году (а я хочу получать его, ибо съ удовольствіемъ только его и читаю), препровождаю къ Вамъ сейчасъ начертанный мной идеалъ Петербурга (для „*Петербургскихъ Отмѣтокъ*“ [2]): если не годится, Вы бросьте его, а „*Голосъ*“ [2]) все-таки присылайте, ибо нужно же цѣнить и доброе намѣреніе, нужды нѣтъ, что исполненіе не удачно. Писалъ я въ торопяхъ и посылаю черновую; обдѣлать некогда, да и боль въ вискахъ (тикъ) не даетъ покоя. Но вѣдь у Васъ есть мастера: дополните и исправьте сами, если есть время.

собаки, одной, безъ присмотра, если на нее кто-нибудь изъявитъ требованіе, кромѣ отобранія самой собаки, наложить еще штрафъ, положимъ, въ рубль серебромъ, какъ наложенъ теперь за куреніе сигаръ на улицѣ? Главное зло, т. е. множество бродящихъ по улицамъ собакъ, сейчасъ же устранится, ибо всякій, кто дорожитъ своей собакой, зная, что если она выбѣжитъ одна, то ее заберутъ, какъ, бывало, дѣлывала полиція, лѣтъ 10, 15 назадъ, конечно, посмотритъ за ней и не пуститъ безъ себя или безъ надежнаго человѣка.

„Проектъ, предложенный въ шести пунктахъ, конечно, не дуренъ, еслибъ онъ могъ быть приведенъ буквально въ исполненіе: но мы боимся, что онъ встрѣтитъ множество затрудненій, споровъ, непріятныхъ столкновеній по поводу хоть бы забиранія и избіенія породистыхъ собакъ, при трудности наблюденія за собакой, чтобы она на минуту не выскочила на дворъ безъ намордника. Да и самые намордники, въ глазахъ многихъ хозяевъ, будутъ равняться запрещенію имѣть собакъ, особенно маленькихъ комнатныхъ Жужу, Ами и прочихъ баловней „прекраснаго пола“, безвредныхъ, и потому не имѣющихъ надобности ни въ какомъ намордникѣ. Если ужъ непремѣнно нужно простереть мѣры предосторожности и на породистыхъ, особенно комнатныхъ мелкихъ собакъ, то довольно было бы, кажется, обязать хозяевъ и хозяекъ ихъ не выводить этихъ собакъ на улицу безъ снурка, подъ опасеніемъ наложенія рублеваго штрафа“.

[1]) Василій Ивановичъ Водовозовъ, преподаватель словесности въ 1-ой Петербургской гимназіи, авторъ „Новой русской литературы“ (Спб., 1866), „Словесности въ образцахъ и разборахъ“ (Спб., 1868) и особенно „Очерковъ изъ русской исторіи XVIII вѣка, съ приложеніемъ очерковъ изъ древнерусской жизни и изъ исторіи до-петровскаго переходнаго времени“ (Спб., 1882). О немъ см. „В. И. Водовозовъ“ В. И. Семевскаго (Спб., 1888).

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Кажется, если эта статья обдѣлается какъ слѣдуетъ, ее бы кстати было помѣстить въ самый Новый Годъ, въ видѣ введенія, такъ сказать, въ отдѣлъ „*Петербургскихъ Отмѣтокъ*“ [1]) на 1865-й годъ. Впрочемъ какъ пожелаете, такъ и сдѣлайте, и повторяю, если не годится, то бросьте.

Желаю Вамъ счастливаго Новаго Года и остаюсь всегда

Вашъ И. Гончаровъ.

Статья Гончарова была помѣщена въ первомъ номерѣ „Голоса“ за 1865 (1-го января 1865 г.), № 1, стр. 3, съ слѣдующей запиской редакціи: „Мы получили, на новый годъ, отъ „одного изъ нашихъ читателей“ статейку, съ требованіемъ помѣстить ее непремѣнно въ первомъ номерѣ газеты на 1865 годъ, какъ введеніе къ будущимъ „Петербургскимъ отмѣткамъ“. Исполняемъ его желаніе“. Статья гласитъ слѣдующее:

„Я, нижеподписавшійся читатель, очень доволенъ вашими „Петербургскими Отмѣтками“, какъ, вѣроятно, довольна и большая часть читателей, за исключеніемъ, можетъ быть, тѣхъ, на кого въ „Отмѣткахъ“ падаютъ упреки въ нерадѣніи къ общественной пользѣ. Этотъ отдѣлъ въ газетѣ, постоянно, изо дня въ день, слѣдящій за движеніемъ и, большею частью, за неправильностями и ошибками внѣшней, публичной, почти, такъ сказать уличной жизни со всѣми ея мелкими отправленіями, оказываетъ обществу не маловажную, въ своемъ родѣ услугу. Это не faits divers, выхватывающія только необыкновенныя явленія: въ цѣломъ годѣ подобныхъ замѣтокъ почти каждый читатель найдетъ свой собственный интересъ, который онъ раздѣляетъ и которому долженъ содѣйствовать. Большинства читателей не коснется близко ни итальянская конвенція, ни посланіе папы, ни поползновенія Пруссіи на Шлезвигъ-Голштейнъ: это займетъ любознательность скромнаго меньшинства, заставитъ потолковать о событіяхъ, но покойно и равнодушно—тогда какъ рѣдкій читатель во вседневной жизни не встрѣтитъ такого явленія въ „Петербургскихъ Отмѣткахъ“, которое лично его обрадуетъ или опечалитъ, или, наконецъ, наведетъ на полезную, практическую мысль объ удобствѣ, улучшеніи его житья-бытья, объ устраненіи безпорядка и т. п. Словомъ „Отмѣтки“—отдѣлъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, поучительный. Я, читатель, отнюдь не принимаю этихъ многочисленныхъ практическихъ замѣтокъ обо всемъ (полагаю, что и другіе тоже) только за намѣреніе доводить до свѣдѣнія тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, о разныхъ нарушеніяхъ полицей-

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

скаго порядка, о совершающихся на улицахъ и въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ безобразіяхъ и проч.; это, кажется мнѣ, только одна изъ цѣлей „Отмѣтокъ“, и притомъ не главная. Городскія власти получаютъ донесенія своимъ путемъ и рѣдко нуждаются въ пособіи печатнаго органа. Нѣтъ, цѣль „Отмѣтокъ“, какъ и вообще цѣль гласности—доводить о явленіяхъ, нуждахъ, интересахъ общественной жизни до всеобщаго свѣдѣнія, съ цѣлью будить общее стремленіе къ лучшему порядку. Не знаю, какъ дѣлается у васъ въ газетѣ, но мнѣ кажется, что въ отдѣлѣ городскихъ отмѣтокъ не должно быть одного особаго сотрудника, составителя замѣтокъ: всѣ, въ свою очередь, обязаны быть авторами вкладчиками этого отдѣла; всякій конечно найдетъ чему поучить и чему поучиться въ дѣлѣ общественнаго порядка; редакція газеты обязана только заниматься сортировкою сообщаемыхъ извѣстій. И годъ, два такихъ общихъ наблюденій надъ событіями, годъ, два заявленій общественныхъ нуждъ, указаній на улучшенія разъяснятъ и обработаютъ не мало вопросовъ городской жизни и могутъ, конечно, служить важнымъ пособіемъ для тѣхъ „кому о томъ вѣдать надлежитъ“.

„На это, можетъ быть, возразятъ, что вотъ годъ прошелъ, въ отдѣлѣ „Отмѣтокъ“ внесено много указаній на безпорядки, заявлено много желаній объ удобствахъ публики, а между тѣмъ все идетъ по-прежнему, никто и ухомъ не ведетъ. Рысаки все еще мчатся и иногда давятъ прохожихъ; извощики безобразничаютъ; пьяные бранью и крикомъ наполняютъ улицы и приводятъ въ ужасъ женщинъ; собаки стаями носятся по улицамъ и площадямъ; воры продолжаютъ прокрадываться въ дома, а воришки въ карманы честныхъ людей; городовые съ тою же апатіей, не слушаясь и не суетясь, созерцаютъ эти городскія треволненія—и слѣдовательно, немногое измѣнилось противъ прежняго.

„На это можно возразить, во-первыхъ, что годъ или два невелика сумма времени, и едва-ли даже ея достаточно не только чтобъ расшевелить заботливость шестисот-тысячнаго населенія о его собственной пользѣ, но даже мало этого времени и для того, чтобъ разрозненныя понятія объ этой пользѣ привести въ одно общее сознаніе; во-вторыхъ, если вода долбитъ камень, то не надо отчаяваться въ безнадежности дворниковъ, городовыхъ, извощиковъ, не говоря уже о домохозяевахъ и другихъ, менѣе каменныхъ натурахъ, для которыхъ слово не все будетъ падать на каменистую почву.

„Не будемъ щадить словъ, наблюденій, замѣчаній, какъ бы мелки и неважны ни казались поводы къ тому; не устанемъ по-

вторять даже одно и то же по нѣсколько разъ, и я увѣренъ, кончится тѣмъ, что мы пробьемъ камень и пройдетъ лѣтъ пятокъ, много десятокъ—мы и не узнаемъ нашего Петербурга и будемъ гордиться имъ, какъ французы Парижемъ, англичане Лондономъ.

„Какая перспектива въ будущемъ! Позволю себѣ помечтать, на сколько это возможно въ отдѣлѣ „Петербургскихъ Отмѣтокъ".

„Петербургъ—идеально чистый, идеально тихій (не въ смыслѣ сонный—тихій), блещущій изяществомъ и манящій къ себѣ иностранцевъ удобствами.

„Мостовая, напримѣръ, представляетъ не какое-то дырявое рѣшето съ провалами, горбами, грудами валяющихся другъ на другѣ камней, а вся изъ плитъ, какая давно къ лицу Петербургу. На площадяхъ лѣтомъ нѣтъ кучъ пыли, которая при малѣйшемъ вѣтрѣ носится облаками. Въ домахъ дворникъ, какъ парижскій portier, безсмѣнно присутствуетъ на своемъ постѣ у воротъ, и при томъ, безъ двухъ, трехъ собакъ около себя, и не даетъ блуждать посѣтителямъ, а съ ними вмѣстѣ и ворамъ, по пустыннымъ и неосвѣщеннымъ лѣстницамъ, а въ кварталъ съ паспортами, и за водой, и въ лавочку будетъ отлучаться не онъ, а другой и, такимъ образомъ, домъ не будетъ предаваться изволенію судьбы. Точно также другая личность, или даже многія личности, можетъ быть и не принадлежащія къ тому или другому дому, а зависящія отъ городской думы или подобнаго учрежденія, будутъ мести улицы, скрести тротуары и зимой (непремѣнно) посыпать ихъ пескомъ. Пьяные лишатся навсегда привилегіи выносить безнаказанно свое безобразіе на улицу и показывать его всенародно, оскорбляя дикими, неистовыми воплями и отвратительною бранью зрѣніе и слухъ трезваго общества; состраданіе къ пьянымъ—этотъ откупной сентиментализмъ,—уже старая добродѣтель—не будетъ имѣть мѣста, и появленіе пьянаго на улицѣ, а тѣмъ болѣе съ нарушеніемъ приличія, будетъ чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ. Извощики съ порожними дрожками и санями не будутъ сонно ползать взадъ и впередъ по улицамъ, мѣшая быстро-ѣдущимъ экипажамъ, и тѣмъ затрудняя циркуляцію ѣзды, а иногда подавая поводъ къ несчастнымъ случаямъ; не будутъ также они бросаться, каждый съ своего мѣста, крутя возжей надъ головою, когда ихъ кликнетъ сѣдокъ, и скакать къ нему, сломя голову, не замѣчая прохожихъ, какой-нибудь старухи, ребенка—а будутъ стоять въ извѣстныхъ указанныхъ мѣстахъ и ждать терпѣливо сѣдоковъ. Думаешь, что и число извощиковъ поуменьшится, что такъ называемыхъ пролетокъ и гитаръ не будетъ вовсе, а замѣнятъ ихъ общественныя кареты и коляски. Собаки не только не будутъ сно-

вать взадъ и впередъ стаями по улицамъ, толпиться кучами у воротъ, на дворахъ, но ни одна собака не появится на улицѣ безъ своры и безъ хозяина, и лишнія собаки всѣ изчезнутъ, а если и выбѣжитъ на улицу одна изъ нихъ, то ее сейчасъ же уберутъ, а съ хозяина взыщутъ штрафъ. И все это непремѣнно и не упустительно, ибо только при непремѣнности и неупустительности исполненія установленій и возможенъ тотъ идеалъ наружнаго городскаго порядка, который мы чертимъ смѣлой и увѣренной рукой.

„Сколькими мелкими, пріятными удобствами оживится и улучшится наружный видъ нашихъ улицъ! Не будетъ, напримѣръ, на каждомъ шагу, грязныхъ угловъ и уголковъ у воротъ и стѣнъ домовъ: такіе уголки скроются отъ глазъ маленькими павиліонами — будками, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ... Черезъ каналы (какъ недавно кто-то основательно подалъ голосъ въ „Петербургскихъ Отмѣткахъ“, спасибо ему!) во многихъ мѣстахъ перекинутся красивые пѣшеходные мостики. Не будетъ также надобности (такъ какъ пьяныхъ станутъ убирать съ улицъ) загораживать входы въ магазины желѣзными рѣшетками, значительно уменьшающими во многихъ мѣстахъ тротуары. Будутъ чистить зимой снѣгъ со ступеней не только Аничкова, но и Харламова даже Кокушкина мостовъ, такъ что пѣшеходы въ состояніи будутъ ходить по самымъ этимъ ступенямъ, а не посрединѣ моста: тутъ же кстати будутъ очищать сходы и съѣзды на каналы, и поправятъ сдвинутыя еще наводненіемъ 1824 года съ своихъ мѣстъ тротуарныя плиты на каналахъ. Нечего и говорить, что казенные дома и общественныя зданія, отличающіяся теперь замѣчательною небрежностью, будутъ подавать примѣръ чистоты, тщательнаго порядка какъ въ наружномъ, такъ и во внутреннемъ содержаніи и т. д., и т. д. Самый юный и самый пылкій юноша, даже только что вставшій со школьной скамьи, обладающій первыми рысаками въ городѣ, проникнутый сознаніемъ общественной безопасности, посовѣстится, какъ какъ бы ни была обольстительна женщина, за которою онъ погонится не только по Невскому Проспекту, но и по другимъ, малопроѣзжимъ улицамъ, скакать сломя голову и давить прохожихъ. Онъ даже, не краснѣя, не допуститъ и мысли, что блюститель порядка — только унтеръ-офицеръ, и потому остановить его не посмѣетъ!“.

„Можно было бы продолжать заявленіе этихъ желаній—но если нѣтъ предѣла имъ, то есть предѣлы статьѣ, и потому мы здѣсь кончимъ, желая, чтобъ съ новымъ годомъ, или въ новомъ году осуществилась хоть не большая доля ихъ. Вѣдь это не мечты же въ самомъ дѣлѣ, а наши вопіющія нужды, удовлетворенія

которыхъ мы должны ожидать другъ отъ друга, отъ самихъ себя!

„Власти въ этихъ дѣлахъ посредники, помощники, и отнюдь не начинатели; во всемъ этомъ иниціатива предоставлена публикѣ. Если она нуждается въ лучшемъ порядкѣ, она же должна сама проникнуться любовью къ нему, первый шагъ къ этому—сознаніе въ ошибкахъ и недостаткахъ, второй—въ строгомъ исполненіи нѣкоторыхъ условій порядка. Прежде всего виноваты мы сами, т. е. публика же, что выпускаемъ пьяныхъ на улицы, не бережемъ входы въ дома, допускаемъ нечистоту и проч., и проч.

„Сдѣлаемъ же что-нибудь сами, посмотримъ за собой, а потомъ уже будемъ желать, чтобъ блюстителей порядка было побольше, чтобъ власть ихъ была дѣйствительнѣе и сильнѣе, чтобъ знакъ или слово съ ихъ стороны, по примѣру англійскихъ полисменовъ [1]), оказывали магическую силу на провинившагося и чтобъ ихъ поддерживало съ своей стороны и само общество".

Одинъ изъ читателей.

2-го марта 1865 г.

Конечно я долженъ, наравнѣ съ другими изъ пишущей братіи, участвовать въ праздникѣ Ломоносову [1]) и потому готовъ быть и на обсужденіи программы и на обѣдѣ—и если не буду, только въ случаѣ болѣзни, о чемъ и имѣю честь Вамъ доложить.

Я въ одно изъ воскресеній былъ у Васъ, но швейцаръ меня и въ двери не пустилъ, сказавши, что Вы даже не можете *сидѣть* [2]).

До свиданія.

Вашъ И. Гончаровъ.

9 марта 1865 г.

Вотъ не хотите ли, Андрей Александровичъ, помѣстить прилагаемую *Петерб[ургскую] отмѣтку* [3]) (опять о собакахъ, опять о пти-

---

[1]) Ср. то, что пишетъ Гончаровъ въ „Фрегатѣ Паллада" о своихъ наблюденіяхъ надъ англійскими порядками: „Съ любопытствомъ смотрю, какъ столкнутся двѣ кухарки. съ корзинами на плечахъ, какъ несется нескончаемая двойная, тройная цѣпь экипажей, подобно рѣкѣ, какъ изъ нея съ неподражаемою ловкостью вывернется одинъ экипажъ и сольется съ другою нитью, или какъ вся эта цѣпь мгновенно онѣмѣетъ, лишь только *полисменъ* съ тротуара подниметъ руку" (Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, изд. Маркса, Спб., 1899, т. V, стр. 49, „Фрегатъ Паллада", т. I, гл. I).

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.—Рѣчь идетъ въ этомъ письмѣ о столѣтнемъ юбилеѣ со дня смерти М. В. Ломоносова (4-ое апрѣля 1765 г.).

[3]) „Петербургская отмѣтка" Гончарова о собакахъ, о птицахъ и о грязи была напечатана въ № 70 „Голоса" за 1865 г. (11-го марта), стр. 3. „Те-

цахъ и еще о грязи)? Если Вамъ покажется, что Вы уже довольно говорили объ этомъ обо всемъ, или почему-нибудь другому не будетъ годиться, то разорвите и бросьте. А если захотите помѣстить, то

перь о собакахъ. Онѣ продолжаютъ наполнять улицы, дворы, площади и часто безпокоятъ прохожихъ и проѣзжихъ, пугаютъ женщинъ, дѣтей (это мы не устанемъ повторять на зло критиканамъ). Иногда, впереди экипажа несется бульдогъ и пугаетъ встрѣчныхъ; въ другой разъ, водовоза, ѣдущаго съ бочкой, сопровождаетъ одна, двѣ собаки, которыя рыщутъ взадъ и впередъ по тротуарамъ, по улицѣ, лаютъ на прохожихъ, стараются хватать за морды лошадей, а хозяинъ ихъ еще наускиваетъ, свиститъ. Вотъ надъ чѣмъ надо шутить: этого нигдѣ нѣтъ; никто не станетъ терпѣть безпокойство отъ того, что другому вздумается поохотиться съ собаками по улицамъ большаго города. А вотъ это уже заслуживаетъ не шутки, когда, на дняхъ, двѣ дѣвочки, лѣтъ четырехъ и пяти, въ виду всей улицы, съ отчаяннымъ крикомъ и слезами, едва-едва успѣли убѣжать отъ гнавшейся за ними съ лаемъ собаки и скрыться на паперти церкви. Народъ, т. е. нѣсколько мужиковъ и солдатъ, смѣялись и тоже шутили надъ дѣвочками, и дѣвочкамъ этимъ можетъ-быть не поздоровилось отъ испуга и криковъ. Скоро ли, хотя одно вѣрное средство изъ многихъ, давно обѣщанныхъ, положитъ конецъ этому нетерпимому ни въ какомъ благоустроенномъ городѣ размноженію собакъ и всѣмъ безобразнымъ безпокойнымъ явленіямъ, отъ нихъ происходящимъ?

„Самымъ дѣйствительнымъ способомъ была бы, кажется, пошлина. Съ наложеніемъ ея, сразу исчезли бы съ улицъ и дворовъ всѣ лишнія, т. е. бездомныя, никому не принадлежащія собаки, или принадлежащія хозяевамъ, которымъ, по образу жизни ихъ, трудно наблюдать, чтобъ онѣ не бѣгали вездѣ однѣ, напримѣръ, дворникамъ, кучерамъ и проч. Въ намордники что-то не вѣрится: непремѣнно стали бы поддѣлывать такіе, которые имѣли бы установленную форму, а между тѣмъ не стѣсняли бы собаку и не мѣшали бы ей лаять и кусаться.

„Жалобы на безпокойство отъ собакъ настойчиво повторяются со всѣхъ сторонъ, и „Петербургскія отмѣтки“ служатъ только настойчивымъ выраженіемъ этихъ жалобъ.

— Съ наступленіемъ (можетъ-быть, судя по морозамъ на дворѣ, еще отдаленнымъ), весны, напомнимъ публикѣ, что скоро появятся обычные спекуляторы, промышляющіе свободою птицъ. По улицамъ и по дворамъ пойдутъ ходить мужики съ клѣтками, въ которыхъ натискано множество маленькихъ крошекъ, съ связанными крыльями, еле-живыхъ, которыхъ продавцы жалобнымъ голосомъ предлагаютъ выпустить на волю. Это варварская спекуляція, по большей части птицы уже заморены, не въ состояніи летать и достаются въ жертву кошкамъ или околѣваютъ гдѣ-нибудь въ кустахъ. Хоть бы продавцы, при выпускѣ птицъ, не забывали, по крайней мѣрѣ, развязывать имъ крылья. Напоминая объ этомъ жестокомъ обращеніи съ маленькими, невинными тварями, мы, правду сказать, не имѣемъ въ виду никакого практическаго средства помѣшать злу. Образумить продавцевъ, убѣдить не только не ловить для продажи на волю птицъ, но хоть бы даже не набивать ихъ биткомъ въ клѣтку, не связывать имъ крылья — надежды нѣтъ; рекомендовать не покупать ихъ спекулян-

напечатайте не въ видѣ письма отъ читателя, какъ Вы это дѣлали прежде, а прямо отъ самой редакціи, тѣмъ болѣе что тутъ защищается *Голосъ* [1]) противъ новой газеты.

Еще вотъ что: не забудьте въ торжество Ломоносову включить *Павла Никитича Меншикова* [2]), изъявившаго желаніе участвовать, и въ свое время дать ему знать о времени и мѣстѣ и проч.

Да вотъ онъ что говоритъ: что на Святой недѣлѣ панихидъ не служатъ, развѣ только случится настоящій покойникъ, котораго по неволѣ приходится хоронить, а что *во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ* [1]) происходитъ общее по всей Россіи поминовеніе усопшихъ: такъ не будетъ ли отнесено празднество на этотъ день?

А гдѣ будутъ праздновать, всего бы приличнѣе въ залахъ Академіи: давали же тамъ юбилей князю Вяземскому; а если не тамъ, то нельзя ли въ залахъ Публичной Библіотеки? Это мнѣ такъ на умъ взбрело и я передаю Вамъ, на всякій случай, къ свѣдѣнію.

Вашъ
И. Гончаровъ.

А. А. Мазонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

товъ—тоже безполезно; слѣдовательно, остается, по заявленію, передъ общественнымъ вниманіемъ, самого факта, ждать, что сама публика взглянетъ пристальнѣе на это мелкое явленіе, замѣтитъ безполезное варварство продавцевъ и перестанетъ поощрять ихъ промыселъ.

„Не можемъ не выразить надежду, что, съ предстоящей въ скоромъ времени распутицей, съ непроходимой грязью и лужами, сдѣлано будетъ что-нибудь въ пользу пѣшеходовъ, т. е. по главнымъ улицамъ будутъ прочищены тропинки, которыя позволяли бы пѣшимъ кое-какъ пробираться съ одной стороны улицы на другую, не теряя галошъ и не уходя по колѣни въ грязь. Желать этого—значитъ желать не прихоти, а необходимаго удобства“.

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.—О Павлѣ Никитичѣ Меншиковѣ см. „Записки и дневникъ“ А. В. Никитенки, т. II. Спб., 1905, стр. 354 (6-го января 1868 г.): „Обѣдалъ у Павла Никитича Меншикова. Раза два въ годъ онъ даетъ своимъ пріятелямъ лукулловскіе обѣды. Для меня это, какъ говорится, кормъ не въ коня, но я не могъ уклониться отъ безгранично ласковаго, радушнаго приглашенія“.

Николай Михайловичъ Пржевальскій [1]).

Третье путешествіе въ Центральной Азіи.

Въ двадцатыхъ числахъ мая 1878 года Н. М. Пржевальскій прибылъ уже въ Петербургъ. Всѣ доктора, къ которымъ онъ обращался, находили, что болѣзнь его происходила, главнымъ образомъ, отъ нервнаго разстройства, вызваннаго общимъ утомленіемъ организма. Наилучшее лекарство, говорили они, купанье и жизнь въ деревнѣ, „чему я очень радъ, прибавилъ Николай Михайловичъ. Изъ Питера проѣду прямо въ Отрадное, не останавливаясь въ Смоленскѣ“...

Отдыхая въ деревнѣ, онъ былъ порадованъ вниманіемъ Запада: Парижское Географическое общество прислало Николаю Михайловичу золотую медаль, назначенную за прошлую экспедицію, а изъ Германіи извѣщали его о присужденіи ему Берлинскимъ Географическимъ обществомъ большой золотой медали имени Гумбольдта. Медаль эта была учреждена обществомъ по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея, и первый, кто удостоился ее получить, былъ Н. М. Пржевальскій за совокупность его ученыхъ изслѣдованій въ Центральной Азіи. Впослѣдствіи, предсѣдатель общества, Н. Г. Нахтигаль, въ письмѣ къ нашему путешественнику, между прочимъ, писалъ:... „Вы отправились на совершеніе новыхъ подвиговъ и во время продолжительнаго и опаснаго путешествія собрали свѣжіе лавры, раньше чѣмъ мы успѣли вплести скромный нашъ листокъ въ вашъ славный вѣнецъ“...

[1]) См. „Русск. Стар.“ февраль 1912 г.

„Моя брошюра о Лобъ-норѣ, сообщалъ Николай Михайловичъ Пыльцову, встрѣчена чрезвычайно сочувственно за границею. Уже переведена на нѣмецкій и англійскій языки, со всевозможными меня восхваленіями. Первый томъ моей Монголіи, переведенный на англійскій языкъ, продается въ Питерѣ за 24 рубля. Расходы по изданію въ Лондонѣ всѣ окупились, и мнѣ прислали еще изъ Лондона 190 рублей—половину чистой прибыли, до сихъ поръ полученной.—У насъ же второго тома раскуплено только сорокъ экземпляровъ".

Деревенское приволье значительно возстановило силы Николая Михайловича, но къ сожалѣнію лѣто того года было холоднымъ и дождливымъ. Несмотря на то онъ ежедневно купался или обливался холодною водою, охотился и, какъ говорилъ, безусловно ничѣмъ не занимался — думалъ одну только думу, о путешествіи, и составлялъ проектъ экспедиціи въ Тибетъ.

Къ удовольствію Н. М. Пржевальскаго попытки англичанъ проникнуть въ Тибетъ изъ Индіи не увѣнчались успѣхомъ. Остъ-индское геодезическое бюро посылало лишь пундитовъ — обученныхъ географіи и съемкѣ индусовъ, чтобы получить общія свѣдѣнія объ этой недоступной странѣ. Тибетъ держался совершенно обособленно и зависимость его отъ китайскаго правительства выражалась одними подарками, посылаемыми изъ Лхасы въ Пекинъ.

„Между тѣмъ, писалъ Пржевальскій, духовное владычество Далай-ламы, не уступая по силѣ средневѣковой власти папъ, широко раскидывается по всей внутренней, восточной и южной Азіи. На поклоненіе своему духовному владыкѣ, даже болѣе—воплощенному божеству, ежегодно стекаются въ Лхасу многія тысячи пилигримовъ изъ холодныхъ пустынь Монголіи и изъ жаркихъ странъ Индо-Китая. У далай-ламскаго престола сталкиваются люди чуждые другъ другу по происхожденію и языку, по нравамъ и образу жизни. Общее для нихъ только одно—религія; но эта пружина, какъ учитъ исторія, достаточно сильна бываетъ для того, чтобы двинуть массы даже на историческій подвигъ. Правда, кроткій буддизмъ едва ли способенъ сдѣлать то, что сдѣлало магометанство, но все-таки въ опытныхъ и талантливыхъ рукахъ духовная власть, располагающая 250-ю милліонами послѣдователей, составляетъ силу страшную. Въ сближеніи съ этою силою Россія можетъ найти для себя немаловажныя выгоды. Обстоятельства намъ вполнѣ благопріятствуютъ: изолированный Тибетъ пока еще не имѣетъ друзей; русское имя въ самой глубинѣ Азіи пользуется симпатіею; наконецъ, вблизи

нашей границы и подъ большимъ нашимъ вліяніемъ находится городъ Ургa, священный для буддистовъ и въ особенности для монголовъ. Эти послѣдніе душою ненавидятъ китайцевъ и подобное настроеніе трехъ милліоновъ номадовъ, при случаѣ, можетъ также пригодиться въ нашу пользу".

Тибетъ вообще представлялъ громадный научный интересъ, такъ какъ былъ совершенно неизвѣстенъ въ географическомъ, естественномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Вотъ почему Н. М. Пржевальскій сосредоточилъ все свое вниманіе на Тибетѣ, и осенью того же года представилъ въ Географическое общество проектъ тибетской экспедиціи съ наличнымъ персоналомъ въ двѣнадцать человѣкъ и съ расходомъ на два года,—двадцать восемь тысячъ рублей. Въ эту цифру не включались: прогоны, содержаніе по службѣ и такъ называемые непредвидѣнные расходы. „Считаю также долгомъ оговорить, писалъ Пржевальскій, что въ общій разсчетъ включены только обыкновенные подарки, какъ-то: часы, ружья, револьверы, зеркала и т. п. Если же правительство желаетъ послать Далай-ламѣ, его сподручнику Бань-чэн-эрдени, равно и китайскому резиденту въ Лхасѣ, какія либо цѣнныя вещи, то ихъ покупка должна быть произведена изъ особыхъ средствъ"...

Окончательное утвержденіе экспедиціи зависѣло отъ возвращенія Государя изъ Крыма, но въ принципѣ она была уже предрѣшена. „Нельзя не признать, писалъ при этомъ предсѣдатель географическаго общества Великій Князь, что однимъ изъ главныхъ дѣятелей нашего времени на поприщѣ изученія Центральной Азіи является полковникъ Пржевальскій. Его научныя заслуги высоко оцѣнены всѣми русскими учеными учрежденіями, увѣнчаны рядомъ самыхъ почетныхъ наградъ на Западѣ и, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ всякаго поощренія и поддержки со стороны правительства".

Собираясь въ новое путешествіе, Николай Михайловичъ старался пріискать себѣ второго сотрудника, что было очень не легко. Спутникъ долженъ быть истиннымъ помощникомъ, близкимъ другомъ, и если человѣкъ не соединяетъ въ себѣ такихъ качествъ, то, конечно, не годится для экспедиціи, гдѣ „каждый лишній человѣкъ, говоритъ Пржевальскій, становится обузою, въ особенности, если онъ не удовлетворяетъ вполнѣ требованіямъ экспедиціи. Въ длинномъ ряду этихъ требованій, далеко не на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ нравственныя, или вѣрнѣе, сердечныя качества. Сварливый, злой человѣкъ будетъ неминуемо великимъ несчастіемъ въ экспедиціонномъ отрядѣ, гдѣ должны царить дружба и братство, рядомъ съ безусловнымъ подчиненіемъ руководителю дѣла".

Долго Пржевальскій колебался, кого взять—желающихъ являлось много, военныхъ и статскихъ, и, наконецъ, остановился на товарищѣ Эклона по гимназіи, прапорщикѣ Новочеркасскаго полка Всеволодѣ Ивановичѣ Роборовскомъ. При первомъ же знакомствѣ, послѣ нѣсколькихъ словъ, Николай Михайловичъ нашелъ въ немъ спутника вполнѣ подходящаго. „Человѣкъ весьма толковый, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, порядочно рисуетъ и знаетъ съемку, характера хорошаго, здоровья отличнаго". Пржевальскій тотчасъ же донесъ о своемъ избраніи главному штабу, и 14 декабря (1878 г.) послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на командированіе полковника Пржевальскаго, прапорщиковъ Эклона и Роборовскаго, четырехъ казаковъ и трехъ солдатъ, въ Тибетъ на два года.

Отправляясь въ Тибетъ, Николай Михайловичъ сознавалъ всю трудность и сложность предпринимаемой задачи. Тибетъ—это страна, ревниво оберегаемая китайцами отъ всякаго вторженія иностранцевъ, а въ особенности европейцевъ, и китайское правительство не охотно допускаетъ въ него путешественниковъ. Въ предыдущей статьѣ мы упоминали о препятствіяхъ, чинимыхъ китайскими министрами при первомъ извѣстіи о приближеніи Пржевальскаго къ Тибету, теперь же въ рукахъ его были новыя свѣдѣнія, свидѣтельствовавшія, что и въ предстоявшемъ путешествіи будетъ не легче. „Населеніе Тибета, говорили китайскіе министры, издавна и постоянно не желаетъ видѣть въ своей странѣ чужеземцевъ и держится этой мысли твердо, не поддаваясь никакимъ убѣжденіямъ".

Полагаясь только на свое счастіе, Николай Михайловичъ, двадцатаго января 1879 года, выѣхалъ изъ Петербурга, а двадцать седьмого февраля уже прибылъ въ Зайсанъ. „Особыхъ приключеній дорогой не было, писалъ онъ, только донимали насъ сильные морозы. Въ Оренбургѣ, Омскѣ и Семипалатинскѣ останавливались по нѣсколько дней.—Въ Зайсанѣ я засталъ Коломейцева [1]), которому Н. А. Сѣверцовъ до сихъ поръ не высылалъ ни копейки денегъ. Бѣдный Коломейцевъ былъ кругомъ въ долгу. Я взялъ его съ собою въ экспедицію...

„Глубокій снѣгъ, выпавшій въ нынѣшнемъ году, въ Зайсанской степи не растаялъ еще до сихъ поръ, и это обстоятельство затормозило наше выступленіе въ путь. Впрочемъ, въ настоящее время снѣгу не много, такъ что, дня черезъ три или четыре, мы, вѣроятно, уйдемъ изъ Зайсана.

---

[1]) Отставной унтеръ-офицеръ л.-гв. Преображенскаго полка, сопутствовавшій Н. А. Сѣверцова по Туркестану и Г. Н. Потанина по сѣверо-западной Монголіи.

„Теперь птицы дѣлаются двумя препараторами, Эклономъ и Коломейцовымъ. Въ Зайсанѣ сдѣлали около тридцати пяти штукъ—все мелочь. Хорошихъ экземпляровъ достать здѣсь негдѣ по близости, а ѣхать въ даль, въ горы, мѣшаетъ снѣгъ".

Персоналъ экспедиціи, включая сюда и проводника, опредѣлился въ четырнадцать человѣкъ. На случай представленія китайскимъ властямъ, везлись мундиры для офицеровъ, а нижнимъ чинамъ были сшиты изъ плиса русскіе костюмы. Каждый изъ членовъ экспедиціи имѣлъ винтовку за плечами и два револьвера у сѣдла... „Умѣнье хорошо стрѣлять, говоритъ Н. М. Пржевальскій, стояло вопросомъ первостепенной важности—это была гарантія нашей безопасности, въ глубинѣ азіатскихъ пустынь, наилучшій изъ всѣхъ китайскихъ паспортовъ. Не будь мы отлично вооружены, мы никогда не проникли бы ни во внутрь Тибета, ни на верховье Желтой рѣки. Мы не могли бы идти на проломъ, не спрашивая позволенія или, лучше сказать, не слушая китайскихъ стращаній и запрещеній. И если бы наша маленькая кучка не уподоблялась ощетинившемуся ежу, который можетъ наколоть лапы и большому звѣрю, то китайцы нашли бы тысячи случаевъ затормозить намъ путь, или, быть можетъ, даже истребить насъ подкупленными разбойниками. Изъ опыта многолѣтнихъ путешествій въ Центральной Азіи мною вынесено то практическое убѣжденіе, что путешественнику въ этихъ дикихъ странахъ, среди здѣшняго дикаго населенія, равно необходимо для успѣха дѣла: деньги въ карманѣ и оружіе въ рукахъ, съ умѣлымъ приложеніемъ къ тому и другому повелительнаго обращенія съ туземцами".

Съ разгорѣвшейся весенней зарей, 21-го марта 1879 года, караванъ былъ готовъ къ выступленію. Длинною вереницею вытянулись верблюды, привязанные другъ къ другу и раздѣленные на три эшелона. Впереди и поодаль слѣдовалъ верхомъ Пржевальскій съ однимъ казакомъ и проводникомъ... Въ арьергардѣ ѣхалъ полный молодыхъ силъ прапорщикъ Роборовскій. Выйдя изъ города и вытянувшись по дорогѣ, караванъ остановился. Николай Михайловичъ внимательно объѣхалъ его и приказалъ двигаться—путешествіе началось.

Китайская граница проходитъ невдалекѣ, а тамъ и бассейнъ Урунгу, по долинѣ которой во многихъ мѣстахъ вблизи воды тѣснились привѣтливыя рощи, прикрывавшія бивуакъ экспедиціи. Рыбы въ Урунгу было такое обиліе, что представлялась возможность имѣть ее ежедневно въ видѣ отличной ухи, а иногда и жаркого. „Впрочемъ, прибавляетъ Н. М. Пржевальскій, подобная постная

пища мало пригодна для волчьяго аппетита, какимъ всѣ мы обладали во время путешествія. Баранина, обыкновенно вареная, составляетъ здѣсь незамѣнимую пищу, которая при томъ имѣетъ то великое достоинство, что никогда не надоѣдаетъ, подобно, напримѣръ, разной дичи или мясу рогатаго скота.

„Путешествіе наше идетъ весьма благополучно и всѣ мы здоровы. Даже зудъ, которымъ я страдалъ, почти совсѣмъ прошелъ, чему я очень и очень радъ. Было бы здоровье, да счастье, тогда дѣло будетъ сдѣлано... Нужды пока еще не терпимъ никакой—изъ Зайсана взяли много запасовъ. Иногда въ торжественные дни, послѣ хорошей охоты, на Святой и т. п., услаждаемся варенъемъ изъ Отраднаго и наливкою изъ Смоленска. За караваномъ гонимъ небольшое стадо барановъ и въ три дня съѣдаемъ двухъ. Теперь же ѣдимъ кабанятину. .... Я ничего не знаю, что дѣлается въ Европѣ, и вѣроятно не буду знать до возвращенія изъ путешествія. Ко мнѣ можно теперь писать только черезъ Ургу, на имя Я. П. Шишмарева, да и то письмо получится не ранѣе какъ черезъ годъ...“

Распрощавшись съ долиною Урунгу, путешественники направились поперекъ Джунгарской пустыни, стараясь ее осилить какъ можно скорѣе... Дни проходили главнымъ образомъ въ движеніи каравана. Пржевальскій зорко слѣдилъ въ пути за всякаго рода явленіями, производя въ то же время маршрутно-глазомѣрную съемку и занося наблюденія въ карманную книжку... Потомъ, на мѣстѣ, все переводилось и записывалось куда слѣдуетъ. Изъ походнаго порядка въ бивуачный, караванъ, обыкновенно, переходилъ очень быстро, такъ какъ всѣ участники экспедиціи, не исключая и офицеровъ, принимали энергичное участіе въ этомъ дѣлѣ, за которымъ, потомъ, слѣдовала трапеза.

— Едва ли, говоритъ Николай Михайловичъ, какой-либо гастрономъ ѣстъ съ такимъ аппетитомъ разныя тонкости европейской кухни, съ какимъ мы теперь принимаемся за питье кирпичнаго чая и за ѣду дзамбы, съ масломъ, а за неимѣніемъ его—съ бараньимъ саломъ. Правда, послѣднее, будучи растоплено, издаетъ противный запахъ сальныхъ свѣчей, но путешественнику въ азіатскихъ пустыняхъ необходимо оставить дома всякую брезгливость, иначе лучше не путешествовать. Цивилизованный комфортъ, даже при большихъ матеріальныхъ средствахъ, здѣсь не возможенъ; никакія деньги не перемѣнятъ соленой воды на прѣсную, не уберегутъ отъ жаровъ, морозовъ и пыльныхъ бурь. Въ самомъ себѣ долженъ искать путешественникъ силъ для борьбы со всѣми этими невзгодами, а не стараться избавиться отъ нихъ разными палліативными мѣрами...“

Подкрѣпившись и отдохнувъ въ то же время, каждый принимается за свое дѣло. Члены экспедиціи, являясь главными исполнителями научной части задачи, объединяются взглядомъ и руководствомъ начальника; за ними слѣдуютъ препараторы—собиратели коллекцій и переводчики. На долю низшихъ чиновъ взваливается тяжелое бремя—регулированіе вьюковъ и несеніе сложной повседневной службы до ночныхъ дежурствъ включительно... Время бѣжитъ очень быстро; едва потухнетъ вечерняя заря, — на землю спускается ночь. Я, какъ сейчасъ, живо представляю себѣ пустыню—сѣроватую, монотонную, однообразную,—и возлѣ небольшого ключа или колодца бивуакъ экспедиціи. Двѣ палатки стоятъ невдалекѣ другъ отъ друга; между ними помѣщается вьючный багажъ, возлѣ котораго спятъ казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка барановъ; нѣсколько въ сторонѣ наарканены верховыя лошади. Утомившись днемъ, всѣ отдыхаютъ. Только изрѣдка всхрапнетъ лошадь, тяжело вздохнетъ верблюдъ, или забредитъ сонный человѣкъ... Въ сухой прозрачной атмосферѣ ярко, словно алмазы, мерцаютъ безчисленныя звѣзды, созвѣздія ярко бросаются въ глаза; млечный путь отливаетъ фосфористымъ свѣтомъ; тамъ и сямъ промелькнетъ по небу падучая звѣзда и исчезнетъ безслѣдно... А кругомъ дикая, необъятная пустыня. Ни одинъ звукъ не нарушаетъ тамъ ночной тишины. Словно въ этихъ сыпучихъ пескахъ и въ этихъ безграничныхъ равнинахъ нѣтъ ни одного живого существа...

Оазисъ Хами—стратегическій пунктъ, узелъ дорогъ, которыя ведутъ въ Джунгарію и Восточный Туркестанъ съ одной стороны и въ Собственный Китай—съ другой. Китайцы оцѣнили его должнымъ образомъ и всегда, послѣ разгромовъ, возстановляли не только цитадель, но и общую часть города; земледѣльцы же широко расплываются по окраинамъ оазиса. Въ торговомъ отношеніи Хами играетъ также не маловажную роль.

Придя въ этотъ оазисъ, Пржевальскій разбилъ свой бивуакъ въ полутора верстахъ отъ города, на небольшой лужайкѣ, по которой протекалъ горный ручеекъ. Вступленіе экспедиціи въ Хами отмѣчено было китайскими офицерами, привѣтствовавшими русскихъ путешественниковъ отъ имени командующаго войсками и военнаго губернатора—цинъ-цай'я. Вечеромъ Николай Михайловичъ отправился верхомъ въ городъ, съ визитомъ къ цинъ-цай'ю. На дворѣ губернаторскаго дома были выстроены солдаты со знаменами; губернаторъ встрѣтилъ путешественника на открытомъ воздухѣ и проводилъ его въ пріемную-гостиную, гдѣ былъ предложенъ чай и

сласти. Хозяинъ разспрашивалъ гостя о здоровьи, благополучіи въ пути, пунктѣ дальнѣйшаго слѣдованія и о количественномъ составѣ экспедиціи; затѣмъ цинъ-цай предложилъ нѣсколько вопросовъ о Европѣ, въ чемъ обнаруживалъ свое полное невѣжество...

На слѣдующій день губернаторъ отдалъ визитъ и пригласилъ офицеровъ экспедиціи обѣдать на свою загородную дачу. „На парадный обѣдъ, пишетъ Николай Михайловичъ, приглашены также были высшіе мѣстные офицеры и чиновники, такъ что набралось всего человѣкъ тридцать. Офицеры младшихъ чиновъ прислуживали и подавали кушанья. Обѣдъ состоялъ изъ шестидесяти блюдъ, все во вкусѣ китайскомъ. Баранина и свинина, а также чеснокъ и кунжутное масло играли важную роль; кромѣ того подавались и различныя тонкости китайской кухни, какъ-то: морская капуста, трепанги, гнѣзда ласточки-саланганы, плавники акулы, креветы и т. п. Обѣдъ начался сластями, окончился варенымъ рисомъ. Каждое кушанье необходимо было хотя отвѣдать, да и этого было достаточно, чтобы произвести такой винегретъ, отъ котораго даже наши, ко всему привычные желудки были разстроены во весь слѣдующій день.

Неумѣнье русскихъ ѣсть палочками смѣшило китайцевъ, которые больше и больше привыкали къ своимъ гостямъ и впослѣдствіи часто навѣщали ихъ лагерь. Иногда они позволяли себѣ и неприличіе, подговариваясь къ той или другой вещи, чтобы ее подарили русскіе. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, показалъ полную безтактность и самъ губернаторъ, возвративъ обратно посланный ему Николаемъ Михайловичемъ въ подарокъ револьверъ, прося замѣнить его двухствольнымъ ружьемъ. Разгнѣванный Пржевальскій отправилъ прежній револьверъ, присовокупивъ къ нему несессеръ съ серебрянымъ приборомъ, послѣ чего дружба снова возстановилась. Цинъ-цай устроилъ другой обѣдъ, попроще—блюдъ въ сорокъ и просилъ показать ему стрѣльбу экспедиціоннаго отряда. „Въ самый короткій срокъ, говоритъ Николай Михайловичъ, было нами выпущено около двухсотъ пуль, мишенями для которыхъ служили глиняные бугорки въ степи. Въ виду отличнаго результата стрѣльбы, цинъ-цай съ улыбкою сказалъ: „какъ намъ съ русскими воевать; эти двѣнадцать человѣкъ разгонятъ тысячу нашихъ солдатъ“. Въ отвѣтъ на такой комплиментъ я возразилъ, что намъ воевать не-изъ-за-чего, и что Россія еще никогда не вела войны съ Китаемъ. Но чтобы довершить впечатлѣніе, я взялъ дробовикъ и началъ стрѣлять въ летъ стрижей и воробьевъ. Похваламъ и просьбамъ пострѣлять еще не было конца. Когда же напуганныя птички улетѣли, пришлось, уступая общему желанію, разбивать

подброшенныя куриныя яйца, по одному и по два разомъ, двойнымъ выстрѣломъ. Жаль было попусту тратить заряды, которыхъ здѣсь нигдѣ уже нельзя достать; но репутація хорошаго стрѣлка весьма много мнѣ помогала во всѣ прежнія путешествія. Это искусство производитъ на азіатцевъ чарующее впечатлѣніе".

Познакомившись, на сколько было возможно, съ городомъ, войсками, экспедиція оставила Хами и продолжала двигаться къ югу, глубже и глубже внѣдряясь въ пустыню, которая на третій-четвертый день явилась во всемъ своемъ ужасающемъ величіи: ни растительности, ни животныхъ, ни даже ящерицъ и насѣкомыхъ... По дорогѣ безпрестанно валялись кости лошадей, муловъ, верблюдовъ. Надъ раскаленною днемъ почвою висѣла мутная, словно дымомъ наполненная, атмосфера; вѣтерокъ не колыхалъ воздуха, не давалъ прохлады. Только часто пробѣгали горячіе вихри и далеко уносили крутящіеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонамъ путника игралъ обманчивый миражъ. Если же его не было, то и тогда сильно нагрѣтый нижній слой воздуха волновался и дрожалъ, безпрестанно измѣняя очертаніе отдаленныхъ предметовъ. Жара днемъ стояла невыносимая — почва накалялась до 62,5° С. Солнце жгло отъ восхода до заката; переходы приходилось дѣлать или ночью или самымъ раннимъ утромъ.

Съ полнымъ душевнымъ удовлетвореніемъ путешественники наконецъ вступили съ караваномъ въ оазисъ Са-чжоу, но только мѣстные китайцы оказались не столь любезными и предупредительными, какъ хамійскіе: въ Са-чжоу отказали дать проводника въ Тибетъ, отговариваясь неимѣніемъ людей, знающихъ путь, и что къ югу отъ Са-чжоу, сообщалось изъ Пекина, нѣтъ „*человѣческихъ слѣдовъ и некуда вести*".—Если, добавляли китайскіе министры Бюцову, послѣ заявленія объ этомъ путешественнику, полковнику Пржевальскому, онъ все-таки пожелаетъ отправиться впередъ, то власти не могутъ быть привлечены къ какой-либо отвѣтственности.

Н. М. Пржевальскій пошелъ и безъ проводниковъ изучилъ прилежащій къ Са-чжоу средній Нань-Шань, превосходно проживъ первыя двѣ недѣли при ключѣ „Благодатномъ" и почти столько же въ альпійской горной области, одного изъ лежащихъ къ югу горныхъ хребтовъ. Съ той и другой стоянки экспедиціей былъ предпринятъ рядъ экскурсій въ окрестности. Въ Нань-Шанѣ Пржевальскій открылъ два могучихъ альпійскихъ хребта, названныхъ имъ именами великихъ географовъ — Гумбольдта и Риттера. Стоя на

одномъ изъ многочисленныхъ ледниковъ хребта Гумбольдта, Пржевальскій восторженно говоритъ: „Никогда еще до сихъ поръ я не поднимался такъ высоко—17.100 футовъ надъ моремъ, никогда въ жизни не оглядывалъ такого обширнаго горизонта. Дивная панорама горъ, освѣщенныхъ солнцемъ, разстилалась подъ ногами. Весь поглощаешься созерцаніемъ величественной картины. Легко, свободно сердцу на этой выси, на этихъ ступеняхъ, ведущихъ къ небу, лицомъ къ лицу съ грандіозною природою, вдали отъ всей суеты и скверны житейской. Хоть на минуты становишься дѣйствительно духовнымъ существомъ, отрываешься отъ обыденныхъ, мелочныхъ помысловъ и стремленій“...

Такимъ образомъ лучшую часть лѣта путешественники съ успѣхомъ провели въ тѣхъ самыхъ горахъ, которыя протянулись къ востоку до Желтой рѣки, а къ западу—мимо Лобъ-нора къ Хатану и Памиру, образуя собою гигантскую ограду всего тибетскаго нагорья съ сѣверной стороны. Лишь на пути къ Курлыкъ-Цайдаму, въ южныхъ отпрыскахъ Нань-Шаня, въ урочищѣ Сыртынъ, случилось очень памятное событіе, едва не окончившееся гибелью одного изъ участниковъ экспедиціи — унтеръ-офицера Егорова. Во время преслѣдованія на охотѣ дикаго яка, Егоровъ заблудился въ горахъ и пропалъ безслѣдно. Всѣ попытки отыскать его въ теченіе пяти дней оставались напрасными. Посланные въ разныя стороны казаки, объѣздивъ верстъ по сотнѣ въ окружности, вернулись ни съ чѣмъ.— „Участь несчастнаго, пишетъ Н. М. Пржевальскій, теперь, повидимому, была разъяснена: его погибель казалась несомнѣнною, тѣмъ болѣе, что прошло уже пять сутокъ съ тѣхъ поръ, какъ Егоровъ потерялся. Тяжелымъ камнемъ легло на сердце каждаго изъ насъ столь неожиданное горе. И еще сильнѣе чувствовалось оно при мысли, что погибъ совершенно безцѣльно и безвинно одинъ изъ членовъ той дружной семьи, каковою могъ назваться нашъ экспедиціонный отрядъ.

„На завтра, пятаго августа, мы покинули роковое мѣсто и направились къ западу по высокой долинѣ, которая залегла между главнымъ и окрайнимъ хребтами. Пройдя верстъ двадцать пять, встрѣтили ключъ, отдохнули на немъ часа два, а затѣмъ пошли опять, съ цѣлью уйти въ этотъ день какъ можно дальше. Караванъ шелъ въ обычномъ порядкѣ, всѣ ѣхали молча въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Спустя около часа послѣ того, какъ мы вышли съ привала, казакъ Иринчиновъ, по обыкновенію ѣхавшій въ главѣ перваго эшелона, замѣтилъ своими зоркими глазами, что вдали, вправо отъ насъ, кто-то спускается съ горъ по направленію

нашего каравана. Сначала мы подумали, что это какой-нибудь звѣрь, но вслѣдъ затѣмъ я разсмотрѣлъ въ бинокль, что то былъ человѣкъ и никто иной, какъ нашъ, считавшійся уже въ мертвыхъ, Егоровъ. Мигомъ г. Эклонъ и одинъ изъ казаковъ поскакали къ нему, и черезъ полчаса Егоровъ былъ возлѣ нашей кучки, въ которой въ эту минуту почти всѣ плакали отъ волненія и радости..."

Егоровъ стоялъ на колѣняхъ и молча молилъ о прощеніи.....

„Страшно перемѣнился за эти дни нашъ несчастный товарищъ, едва державшійся на ногахъ. Лицо у него было исхудалое и почти черное, глаза воспаленные, губы и носъ распухшіе, покрытые болячками, волоса всклокоченные, взглядъ какой-то дикій. Съ подобною наружностью гармонировалъ и костюмъ, или, вѣрнѣе сказать, остатки того костюма, въ которомъ Егоровъ отправился на охоту. Одна злосчастная рубашка прикрывала теперь наготу; фуражки и панталонъ не имѣлось; ноги же были обернуты въ изорванныя тряпки.

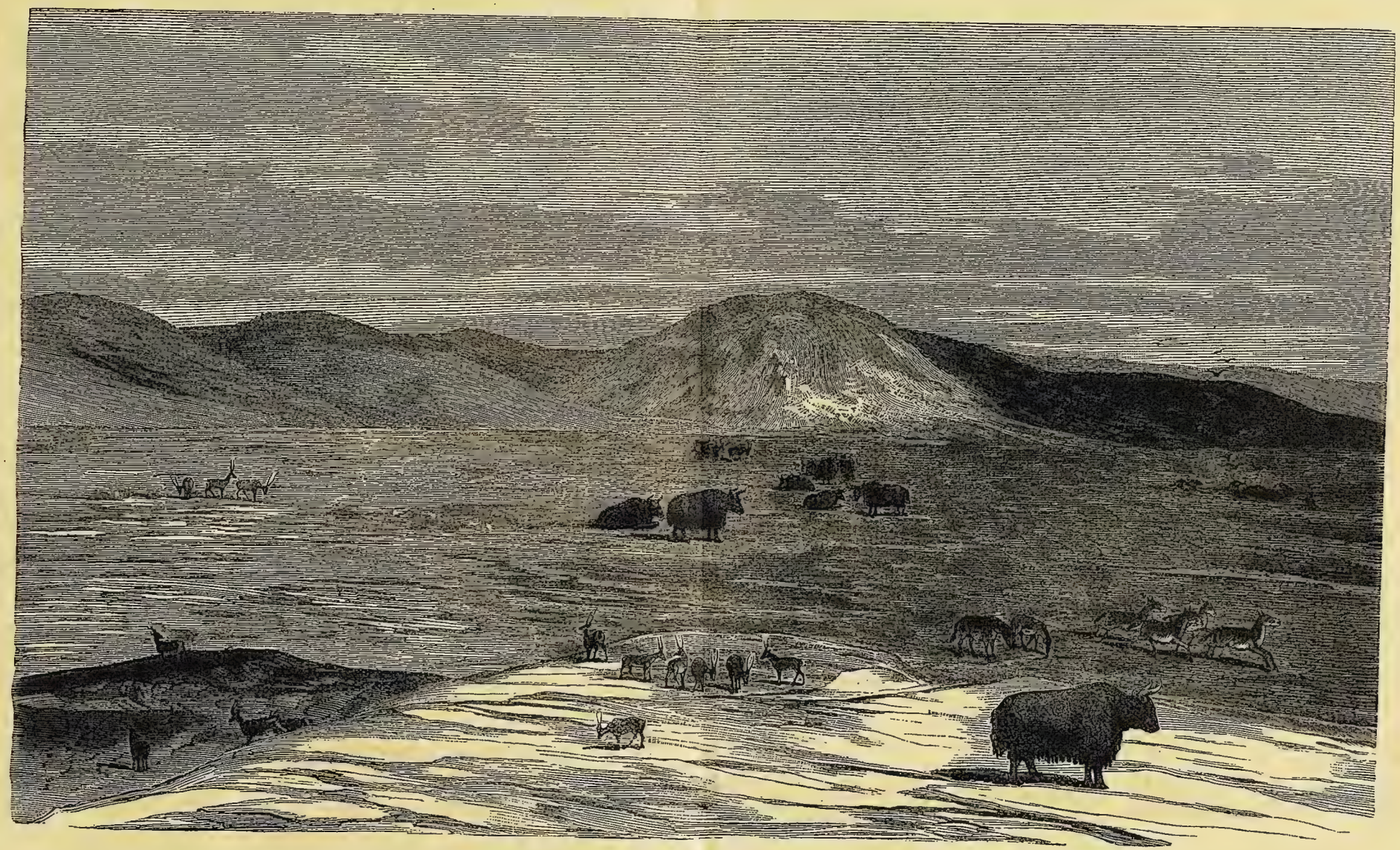
„Тотчасъ мы дали Егорову немного водки для возбужденія силъ, наскоро одѣли, обули въ войлочные сапоги и, посадивъ на верблюда, пошли далѣе. Черезъ три версты встрѣтился ключъ, на которомъ мы разбили свой бивакъ. Здѣсь напоили Егорова чаемъ и покормили немного бараньимъ супомъ. Затѣмъ обмыли теплою водою израненыя ноги и приложили на нихъ корпію, намоченную въ растворѣ арники, изъ нашей походной аптеки; наконецъ больному дано было пять гранъ хины и онъ уложенъ спать. Немного отдохнувъ, Егоровъ вкратцѣ разсказалъ намъ о своей пропажѣ слѣдующее.

„Когда, тридцатаго іюля, онъ разошелся въ горахъ съ казакомъ Калмынинымъ и пошелъ по слѣду раненаго яка, то вскорѣ отыскалъ этого звѣря, выстрѣлилъ по немъ и ранилъ еще. Якъ пустился на уходъ... Егоровъ за нимъ и слѣдилъ звѣря до самой темноты; затѣмъ повернулъ домой, но ошибся и пошелъ въ иную сторону. Между тѣмъ наступила холодная и вѣтреная ночь. Всю ее, напролетъ, шелъ Егоровъ и когда настало утро, то очутился далеко отъ горъ въ Сыртынской равнинѣ. Видя, что зашелъ не туда, Егоровъ повернулъ обратно къ горамъ, но, придя въ нихъ, никакъ не могъ обознать мѣстность; тѣмъ болѣе, что, какъ на зло, цѣлыхъ трое сутокъ въ воздухѣ стояла густая пыль. Егоровъ рѣшился идти на угадъ и направился къ западу (вмѣсто сѣвера, какъ слѣдовало бы) поперекъ южныхъ отроговъ окрайняго хребта. Здѣсь блуждалъ онъ трое сутокъ и все это время ничего не ѣлъ, только жевалъ кислые листья ревеня и часто пилъ воду. „Ѣсть нисколько не хотѣлось", говорилъ Егоровъ, „бѣгалъ по горамъ легко, какъ звѣрь, и даже мало уставалъ".

„Между тѣмъ плохіе самодѣльные чирки износились въ двое сутокъ; Егоровъ остался босымъ. Тогда онъ разорвалъ свои парусинные панталоны, обвернулъ ими ноги и обвязалъ изрѣзаннымъ на тонкія пластинки пояснымъ ремнемъ. Но подобная обувь, конечно, весьма мало защищала отъ острыхъ камней, и вскорѣ обѣ пятки Егорова покрылись ранами. А между тѣмъ ходить и ходить было необходимо — въ этомъ только и заключалась возможность спасенія. Застрѣливши изъ винтовки зайца, Егоровъ содралъ съ него шкуру и подложилъ эту шкуру, вмѣстѣ съ клочками случайно найденной бараньей шерсти, подъ свои израненныя, обернутыя въ тряпки, ноги. Болѣли онѣ сильно, въ особенности по утрамъ, послѣ ночи. Невозможно даже было тогда встать, такъ что Егоровъ выбиралъ себѣ ночное логовище на скатѣ горы для того, чтобы утромъ ползти сначала на четверенькахъ „размять свои ноги“, какъ онъ наивно выражался. Не менѣе мѵки приносили и ночные морозы, доходившіе въ горахъ по крайней мѣрѣ до десяти градусовъ, да еще иногда и съ вѣтромъ. Забравшись гдѣ-нибудь подъ большой камень, Егоровъ съ вечера разводилъ огонь, добывая его посредствомъ выстрѣла холостымъ патрономъ, въ который вкладывалъ, вмѣсто ваты или трута, оторванный кусокъ фуражки. При выстрѣлѣ этотъ кусокъ загорался, потомъ тлѣлъ, и Егоровъ раздувалъ огонь, собирая для него пометъ дикихъ яковъ. Но поддерживать огонь всю ночь было не возможно— одолѣвали усталость и дремота. Вотъ тутъ-то и начинались, вдобавокъ къ страданіямъ израненныхъ ногъ, новыя муки отъ холода. Чтобы не замерзнуть совершенно, Егоровъ ухитрялся туго набивать себѣ за пазуху и вокругъ спины сухого помета дикихъ яковъ и, свернувшись клубкомъ, тревожно, страдальчески засыпалъ... Въ это время пропотѣвшая днемъ рубашка обыкновенно примерзала къ наложенному помету; за то по крайней мѣрѣ не касалась своею ледяною корою голаго тѣла.

„На четвертыя сутки своего блужданія Егоровъ почувствовалъ сильную усталость и голодъ. Послѣдній былъ еще зломъ наименьшимъ, такъ какъ въ горахъ водились зайцы и уллары. По экземпляру того и другого застрѣлилъ Егоровъ и съѣлъ сырою часть уллара; зайца же, также сырого, носилъ съ собою и ѣлъ по маленькому кусочку, когда сильно пересыхало горло.

„Въ это время Егоровъ блуждалъ возлѣ тропинки, которая ведетъ изъ Сыртына въ Са-чжоу. Нѣсколько разъ пускался онъ въ безводную степь, но мучимый жаждою, снова возвращался въ горы. Здѣсь, на пятыя сутки своего блужданія, Егоровъ встрѣтилъ небольшое стадо коровъ, принадлежавшихъ несомнѣнно кочевавшимъ гдѣ-либо по близости монголамъ; но пастуховъ при коровахъ не



Животная жизнь въ Сѣверномъ Тибетѣ.

оказалось. Вѣроятно, они издали замѣтили незнакомаго, страннаго человѣка и спрятались въ горахъ. Конечно, Егорову слѣдовало застрѣлить одну изъ коровъ, добыть такимъ образомъ себѣ мяса, а кожею обвернуть израненныя ноги. Однако онъ не рѣшился на это; хотѣлъ только взять отъ коровъ молока, но и тутъ неудача—коровы оказались недойными.

„Оставивъ въ покоѣ этихъ соблазнительныхъ коровъ, Егоровъ побрелъ опять по горамъ и переночевалъ здѣсь шестую по счету ночь. Между тѣмъ силы замѣтно убывали... Еще день—другой такихъ страданій, и несчастный погибъ бы отъ истощенія. Онъ самъ уже чувствовалъ это, но рѣшилъ ходить до послѣдней возможности; затѣмъ собирался вымыть гдѣ-нибудь въ ключѣ свою рубашку и въ ней умереть. Но судьба судила иначе... Егоровъ случайно встрѣтилъ нашъ караванъ и былъ спасенъ.

„И какъ не говорить мнѣ о своемъ удивительномъ счастьи! Опоздай мы днемъ выхода съ роковой стоянки, или выступи днемъ позже, наконецъ пройди часомъ ранѣе или позднѣе по той долинѣ, гдѣ встрѣтили Егорова—несчастный, конечно, погибъ бы навѣрное. Положимъ, каждый изъ насъ въ томъ былъ бы неповиненъ, но все-таки о подобной безцѣльной жертвѣ мы никогда не могли бы вспомнить безъ содраганія, и случай этотъ навсегда остался бы темнымъ пятномъ въ исторіи нашихъ путешествій“...

При заботливомъ уходѣ Егоровъ сталъ быстро поправляться; къ общей радости у него не сдѣлалось ни горячки, ни лихорадки; только сильно болѣли ноги, на которыя по-прежнему прикладывалась корпія, намоченная въ растворъ арники. Черезъ два дня Егоровъ уже могъ, хотя съ трудомъ, сидѣть на верблюдѣ, и экспедиція направилась въ дальнѣйшій путь—къ югу, поперекъ Цайдамской равнины, въ ставку монгольскаго князька Цзунъ-цзасака, каковой благополучно и достигла въ первыхъ числахъ сентября...

Съ приходомъ въ Южный Цайдамъ, Николай Михайловичъ вступилъ на большую тибетскую дорогу, ведущую изъ Пекина и Урги въ Лхасу... Въ Цайдамѣ всѣ караваны отдыхаютъ, запасаются продовольствіемъ и только потомъ слѣдуютъ дальше. Цзунъ-цзасакъ, старый знакомый Пржевальскаго, встрѣтилъ экспедицію не особенно радушно и съ первыхъ же дней сталъ кривить душою. Ясно было, что и сюда проникло предписаніе китайскихъ властей не содѣйствовать проходу экспедиціи въ Тибетъ, наоборотъ—всѣми силами

тормозить, чтобы принудить ее къ возврату. Лишь категорическое и настойчивое требованіе Пржевальскимъ проводника и заявленіе, если его не будетъ, то самъ князь поведетъ экспедицію въ Тибетъ, сдѣлало свое дѣло...

„И дѣйствительно исполню свою угрозу, прибавлялъ Николай Михайловичъ въ письмѣ къ Кояндеру. Я такъ взволнованъ подобнымъ отказомъ, что трудно вамъ передать... Мѣра моего терпѣнія уже кончилась. Нужно при томъ сказать, что этотъ самый князекъ былъ нашимъ пріятелемъ въ 1873 году. ...Ради Бога, нельзя ли понудить пекинскія власти къ болѣе откровенному образу дѣйствій. Пусть онѣ или окончательно запретятъ мнѣ путешествовать въ ихъ владѣніяхъ, или кончатъ свои происки. Въ особенности важно устранить недоразумѣніе въ Лхасѣ, иначе Тибетъ не будетъ нами изслѣдованъ. О, если бы удалось изслѣдовать хотя часть Тибета!“...

Съ восходомъ солнца, двѣнадцатаго сентября, экспедиція радостно снялась лагеремъ и направилась въ завѣтный Тибетъ...

Теперь начался второй періодъ путешествія болѣе интересный, какъ по своему характеру впереди лежавшихъ мѣстностей, такъ и по ихъ совершенной неизвѣстности. „Грандіозная природа Азіи проявляющаяся то въ видѣ безконечныхъ лѣсовъ и тундръ Сибири, то безводныхъ пустынь Гоби, то громадныхъ горныхъ хребтовъ внутри материка и тысячеверстныхъ рѣкъ, стекающихъ отсюда во всѣ стороны,—ознаменовала себя тѣмъ же духомъ подавляющей массивности и въ обширномъ нагорьѣ, наполняющемъ южную половину центральной части этого континента и извѣстномъ подъ именемъ *Тибета*. Рѣзко ограниченная со всѣхъ сторонъ первостепенными горными хребтами, названная страна представляетъ собою, въ формѣ неправильной трапеціи, грандіозную, нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ въ такихъ размѣрахъ неповторяющуюся, столовидную массу, поднятую надъ уровнемъ моря, за исключеніемъ лишь немногихъ окраинъ, на страшную высоту отъ 13—15.000 футовъ. И на этомъ гигантскомъ пьедесталѣ громоздятся, сверхъ того, обширные горные хребты, правда относительно невысокіе внутри страны, но за то на ея окраинахъ развивающіеся самыми могучими формами дикихъ альповъ. Словно стерегутъ здѣсь эти великаны трудно доступный міръ заоблачныхъ нагорій, непривѣтливыхъ для человѣка по своей природѣ и климату и въ большей части еще совершенно невѣдомыхъ для науки“...

Вдоль многочисленныхъ рѣкъ и долинъ Тибета процвѣтаютъ богатѣйшія пастбища, по которымъ привольно пасутся дикія млекопитающія.

„Встрѣчая по пути, иногда въ продолженіе цѣлаго дня, пишетъ Н. М. Пржевальскій, сотенныя стада яковъ, хулановъ и множество антилопъ, какъ-то не вѣрится, чтобы то могли быть дикія животныя, которыя при томъ обыкновенно довѣрчиво подпускаютъ къ себѣ человѣка, еще не зная въ немъ самаго злого врага своего. Невольно переносишься мыслію въ далекія первобытныя времена, когда подобную картину можно было встрѣтить и въ другихъ странахъ земного шара. А теперь только дикія пустыни Тибета, да немногія иныя мѣстности нашей планеты пока еще уберегли неповинныхъ животныхъ отъ безпощаднаго уничтоженія ихъ человѣкомъ... Да, его вѣяніе страшнѣе и истребительнѣе всяческихъ невзгодъ природы. Ни холода и бури, ни скудный кормъ, ни разрѣженный воздухъ, ни сравнительное обиліе хищниковъ на плоскогорьѣ сѣв. Тибета— ничто это, конечно, далеко не можетъ сравниться съ тою роковою гибелью, которую несутъ для дикихъ созданій прогрессивно выростающая культура и такъ называемая цивилизація рода человѣческаго. Равновѣсіе природы нарушается, искусство замѣняетъ творчество и со временемъ, какъ говоритъ Уэллесъ, быть можетъ только одинъ океанъ въ своихъ недоступныхъ нѣдрахъ останется дѣвственнымъ и непокорнымъ человѣку“...

Изъ всѣхъ звѣрей, водящихся на нагорьи Тибета, больше другихъ вниманіе путешественниковъ сосредоточивалось на огромныхъ дикихъ якахъ, бродившихъ въ одиночку или по нѣсколько штукъ вмѣстѣ. „Вотъ за этими-то старыми яками, иногда послѣ раны бросающимися на стрѣлка, пишетъ Пржевальскій, мы и охотились съ постояннымъ увлеченіемъ. Интересъ борьбы и до извѣстной степени опасность невольно разжигали охотничью страсть и манили прибавить еще нѣсколько сильныхъ ощущеній къ тѣмъ многоразличнымъ впечатлѣніямъ, которыми такъ богата жизнь каждаго путешественника вообще, а странствователя по пустынямъ Центральной Азіи въ особенности. Помимо охотъ въ одиночку, съ подхода, практиковавшихся на дневкахъ, или по приходѣ на мѣсто бивуака, во время самаго пути съ караваномъ мы частенько охотились за яками, обыкновенно съ помощью двухъ нашихъ собакъ, тѣхъ самыхъ, которыя отправились съ нами изъ Зайсана и до сихъ поръ путешествовали благополучно. Несмотря на свою непородистость, собаки эти отлично напрактиковались для охоты за звѣрьми. Тонкость пониманія дѣла у нашихъ псовъ доходила даже до того, что они умѣли различать по звуку выстрѣлъ дробового ружья по птицѣ и винтовки по звѣрю. Въ первомъ случаѣ собаки, всегда слѣдовавшія въ хвостѣ

каравана, настораживали уши и спокойно шли далѣе. Но лишь только раздавался отрывистый, словно щелкнувшій орѣхъ, выстрѣлъ берданки или начиналась учащенная пальба изъ тѣхъ же берданокъ, псы въ одно мгновеніе выносились впередъ и во весь духъ пускались за убѣгавшими звѣрями, изъ которыхъ нерѣдко ловили раненыхъ, въ особенности антилопъ. Хулановъ преслѣдовать далеко не любили, такъ какъ по опыту знали, что звѣрь этотъ весьма выносливъ на рану и если только не убитъ на повалъ, то уходитъ далеко. За то, когда встрѣчались старые самцы яки, собаки усердствовали, сколько было силъ и умѣнья. Замѣтивъ звѣря часто еще издали, наши псы выбѣгали немного въ сторону отъ каравана и ждали или выстрѣла, или сигнала къ нападенію. Въ томъ и другомъ случаѣ пускались во весь махъ и быстро догоняли тяжелаго яка, хватали его за хвость и за боковыя лохмы волосъ, или съ лаемъ забѣгали впередъ, вообще всѣми силами старались остановить звѣря. Такъ обыкновенно и случалось. Испуганный и пустившійся на уходъ, но теперь разсвирѣпѣвшій, якъ останавливается. Съ поднятымъ кверху хвостомъ и наклоненными рогами, онъ бросается то на одну, то на другую изъ надоѣдливыхъ собакъ, которыя, конечно, легко увертываются отъ ударовъ грузнаго звѣря. Тѣмъ временемъ охотникъ спѣшитъ къ добычѣ. Еще издалека раздаются нѣсколько нетерпѣливыхъ выстрѣловъ, заставляющихъ яка броситься снова на уходъ, но собаки скоро опять его останавливаютъ. Тогда запыхавшійся охотникъ подбѣгаетъ къ звѣрю въ мѣру близкаго выстрѣла. Дрожащими отъ усталости и ажитаціи руками, онъ ставитъ, или какъ въ Сибири говорятъ, „бросаетъ“ на сошки свою винтовку, самъ припадаетъ къ ней и начинаетъ палить въ яка. Послѣдній обыкновенно выноситъ десятокъ и болѣе пуль, прежде чѣмъ будетъ убитъ. Однако иногда, получивъ два—три удара, разъярившійся якъ бросается уже не отъ охотника, а прямо къ нему, но всегда дѣйствуетъ нерѣшительно, что, конечно, губитъ звѣря и спасаетъ стрѣлка. Ринувшись съ мѣста въ сторону охотника, дикій якъ самъ какъ будто пугается своей смѣлости, пробѣгаетъ двадцать—тридцать, много полсотни, шаговъ и останавливается въ нерѣшимости. Стрѣлокъ не дремлетъ и пускаетъ въ звѣря пулю за пулею изъ своей скорострѣлки. Словно въ мишень бьютъ мелкія малокалиберныя пули, но все-таки еще не могутъ одолѣть могучаго яка. Послѣдній, какъ ни въ чемъ не бывало, постоявъ нѣсколько секундъ въ своей любимой боевой позѣ, т. е. съ опущенною головою и поднятымъ вертикально хвостомъ, снова бросается къ охотнику, но, пробѣжавъ немного, или опять останавливается, или займется собаками, неперестающими теребить звѣря. Между тѣмъ

стрѣлокъ начинаетъ расходовать уже другой десятокъ патроновъ, а якъ видимо слабѣетъ отъ полученныхъ ранъ. Движенія звѣря становятся менѣе порывистыми, гордая поза дѣлается смиренною, поднятый къ верху хвостъ опускается, голова никнетъ, туловище вздрагиваетъ... Еще нѣсколько мгновеній предсмертной агоніи—и могучее животное падаетъ на землю. Собаки, пока ихъ не отгонятъ, все еще продолжаютъ теребить уже мертваго яка... Отъ убитаго звѣря мы брали, обыкновенно, лохматый его хвостъ, иногда кусокъ мяса или шкуры; остальное бросали въ добычу волкамъ, воронамъ и грифамъ. Хищники эти въ Тибетѣ такъ наповажены, что всегда зорко слѣдятъ за охотникомъ и обыкновенно пользуются результатами его охоты.

„Преслѣдуемый безъ собакъ, раненый якъ лишь изрѣдка бросается на охотника и опять-таки дѣйствуетъ крайне глупо, нерѣшительно. Въ нынѣшнее путешествіе по Тибету мнѣ только однажды случилось испытать серьезное нападеніе этого звѣря. Дѣло происходило въ горахъ Думбуре, на обратномъ пути нашемъ изъ Тибета во время дневки, устроенной наканунѣ новаго 1880 года Какъ обыкновенно на дневкахъ, утромъ мы отправились, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, въ сосѣднія бивуаку горы поохотиться за звѣрями, главнымъ образомъ за бѣлогрудыми аргали. Не давалось также спуску волкамъ, кярсамъ и старымъ якамъ; но хуланы, равно какъ антилопы, оронго и ада, въ то время намъ уже такъ надоѣли, что на нихъ почти не обращалось вниманія. Долго бродилъ я по горамъ, но нигдѣ не встрѣтилъ ни аргали, ни кярсы или волка, шкуры которыхъ нужны были для коллекціи. Всюду попадались только хуланы и антилопы, да изрѣдка на мото-ширикахъ [1]), паслись дикіе яки. Такъ прошло время до полудня, и я забрался верстъ за десять отъ своего стойбища. Отдохнувъ немного, я повернулъ назадъ другою окраиною горъ и здѣсь, въ одной изъ долинъ, встрѣтилъ нѣсколько старыхъ яковъ. Звѣри подпустили къ себѣ шаговъ на двѣсти и, выпустивъ съ десятокъ пуль по одному изъ нихъ, я, наконецъ, его убилъ. Затѣмъ, обойдя поспѣшно вокругъ горы, черезъ которую направились остальные яки, я опять встрѣтилъ ихъ и началъ палить. Не помню уже, за которымъ выстрѣломъ одинъ изъ этихъ яковъ сначала пріостановился, потомъ упалъ и покатился внизъ по крутому снѣжному скату горы. Такъ звѣрь катился шаговъ сто, или даже болѣе; затѣмъ остался лежать почти недвижимымъ. Но лишь только я началъ подходить, якъ вскочилъ и быстро побѣжалъ по долинѣ. Я послалъ ему въ догонку пулю, но

[1]) Мото-ширикъ—тибетская осока (Kobresia thibetica).

напрасно. Тогда я вернулся къ ранѣе убитому яку, осмотрѣлъ его, и такъ какъ до бивуака было далеко, да при томъ шкура звѣря мѣстами оказалась попорченною во время дракъ въ періодъ течки, то я отрѣзалъ только хвостъ и заткнулъ его себѣ сзади за поясной ремень. Затѣмъ направился къ бивуаку, какъ разъ по той долинѣ, по которой убѣжалъ сильно раненый якъ. Послѣдній не могъ уйти далеко и залегъ на равнинѣ. Подпустивъ меня шаговъ на сто двадцать, звѣрь всталъ и сначала шагомъ, а потомъ рысью бросился прямо ко мнѣ. Въ это время у меня осталось только два патрона. Первымъ изъ нихъ я ударилъ яка шаговъ на семьдесятъ; вторымъ—шаговъ на пятьдесятъ. Однако, звѣрь не повалился отъ этихъ новыхъ пуль, но, пробѣжавъ еще шаговъ десять или двадцать, остановился противъ меня, съ наклоненными рогами и поднятымъ кверху хвостомъ, которымъ безпрестанно помахивалъ. Ружье мое въ это время было пусто, а разсвирѣпѣвшій якъ стоялъ такъ близко, что можно было различить не только небольшіе его глаза, но даже видѣть, какъ краснѣли раны на груди и капала кровь изъ морды. Сильно испугался я въ ту минуту... Дѣйствительно, будь якъ поумнѣе и рѣшительнѣе—онъ убилъ бы меня навѣрняка, такъ какъ на ровной степной долинѣ спрятаться было негдѣ, да и некогда. На крайній случай я поспѣшно вынулъ изъ-за спины заткнутый туда яковый хвостъ и повернулъ свою берданку ложею впередъ, разсчитывая, при окончательномъ нападеніи звѣря, бросить ему въ глаза мохнатый хвостъ, а затѣмъ ударить со всего размаха винтовкою по головѣ—но что могъ сдѣлать подобный ударъ гигантскому черепу, который не пробиваетъ наискось попавшая штуцерная пуля! Минуту или двѣ, мы оба, т. е. якъ и я, оставались неподвижны, звѣрь только помахивалъ хвостомъ, но не измѣнялъ своей позы и не подвигался впередъ; затѣмъ опустилъ хвостъ и приподнялъ голову—знакъ, что раздраженное состояніе начало успокаиваться. Тогда я рѣшилъ отступать и, пригнувшись къ землѣ, поползъ прочь, не спуская глазъ съ звѣря. Шаговъ черезъ шестьдесятъ я выпрямился и пошелъ быстрѣе; якъ же продолжалъ стоять на прежнемъ мѣстѣ и только поворачивалъ головою по мѣрѣ того, какъ я дѣлалъ круговой обходъ по узкой долинѣ. Лишь удалившись шаговъ на двѣсти отъ звѣря, я вздохнулъ свободнѣе и быстро направился къ своему бивуаку, давши мысленно клятву всегда брать съ собою на звѣриную охоту въ Тибетѣ запасную пачку патроновъ. Мѣдныя гильзы послѣднихъ, въ достаточномъ количествѣ разбросанныя нами по горамъ и долинамъ сѣв. Тибета, много лѣтъ еще будутъ напоминать туземцамъ, случайною находкою, о томъ, что здѣсь нѣкогда путешествовали и охотились европейцы“.

По мѣрѣ проникновенія экспедиціи въ глубь „завѣтной“ страны и по мѣрѣ приближенія зимы, тибетское нагорье давало себя чувствовать, въ особенности разрѣженный воздухъ, въ конецъ обезсиливающій организмъ. Въ ночь на третье октября выпалъ снѣгъ на пол-фута, а на слѣдующій день еще на столько же. Снѣгъ въ Тибетѣ имѣетъ ту особенность, что при ясномъ солнцѣ блеститъ нестерпимо и почти не даетъ возможности смотрѣть вдаль. Караванныя животныя не могли отыскать себѣ корма, и голодныя они съѣли другъ на другѣ нѣсколько вьючныхъ сѣделъ, набитыхъ соломою. Первая снѣжная вьюга причинила смертельный холодъ. Такимъ образомъ начало пути по Тибету обѣщало мало хорошаго; къ тому же проводникъ не зналъ дороги и съ большимъ трудомъ оріентировался. „Трудно будетъ—говорилъ начальникъ экспедиціи,—но все-таки пойдемъ впередъ до послѣдней возможности. Если снѣгъ пролежитъ еще недѣлю и продлятся сильные морозы, то и наши верблюды начнутъ дохнуть. Впрочемъ, вѣроятно, эти холода случайные и впереди будетъ тепло... Вчера на проталинахъ было много ящерицъ, при томъ медвѣди еще не залегли въ зимнюю спячку. Ни того, ни другого не было бы, если бы теперь наступила зима настоящая“.

Караванъ двинулся въ путь. Отъ невыносимаго блеска снѣга скоро заболѣли глаза не только у всѣхъ членовъ экспедиціи, но и у животныхъ, не исключая барановъ, которыхъ гнали за собою какъ продовольствіе.... „Одинъ изъ этихъ барановъ,—пишетъ Николай Михайловичъ,—вскорѣ совершенно ослѣпъ, такъ что мы принуждены были его зарѣзать безъ нужды въ мясѣ. Воспаленные глаза верблюдовъ пришлось промывать крѣпкимъ настоемъ чая и спринцовать свинцовою примочкою. Тѣ же лекарства служили и для насъ. Синія очки, которыя я надѣлъ, мало помогали, такъ какъ отраженный снѣгомъ свѣтъ попадалъ въ глаза съ боковъ; необходимы были очки съ боковыми сѣтками, но ихъ не оказалось“. Въ довершеніе всѣхъ невзгодъ, проводникъ сознался, что заблудился, и требовалъ вернуться на вчерашнюю стоянку. Разсерженный Пржевальскій прогналъ проводника, а самъ остался одинъ со своими спутниками въ пустынѣ сѣвернаго Тибета... На сотни верстъ вокругъ не было ни одного жилья, не было ни одной души человѣческой, стоялъ только караванъ небольшой горсти русскихъ смѣльчаковъ, окруженныхъ дикою суровою природою...

Какъ и въ Нань-Шанѣ, такъ и теперь, отыскивать дорогу приходилось собственными разъѣздами. Всюду валялись людскіе черепа и кости караванныхъ животныхъ, напоминавшихъ о трудной борьбѣ человѣка съ грандіозною природою. На переходахъ, даже неболь-

шихъ, участники экспедиціи сильно уставали, такъ какъ помимо вьюченія и развьюченія верблюдовъ, дорогою имѣли на себѣ ружья, патронташи и проч., всего чуть не по полупуду тяжести. При томъ, часто приходилось идти пѣшкомъ, въ особенности при холодѣ и бурѣ, когда верхомъ на лошади или верблюдѣ просидѣть долго невозможно... Въ такихъ случахъ для пьющихъ великую услугу оказывала бы рюмка водки, но путешественники на этотъ счетъ имѣли въ наличности всего лишь четыре бутылки коньяку, который берегли на всякій случай.

Едва-едва на восьмыя сутки бивуакъ былъ разбитъ близъ перевала Танъ-ла, на абсолютной высотѣ 16.700 футовъ. Справа и слѣва поднимались снѣговыя цѣпи горъ, командующія вершины которыхъ достигаютъ 19—20.000 футовъ надъ моремъ. На перевалѣ Пржевальскій и его спутники произвели залпъ изъ берданокъ и трижды прокричали ура! Природа была побѣждена силою общей идеи, взлелѣянной еще на родинѣ...

День перехода экспедиціи черезъ вершину Танъ-ла, седьмого ноября 1879 года, былъ ознаменованъ нападеніемъ тибетцевъ-граевъ. Въ ожиданіи хорошей добычи разбойники давно слѣдили за караваномъ и, наконецъ, подъ предлогомъ продажи масла, партіей въ пятнадцать человѣкъ, проникли въ лагерь и завязали ссору. Одинъ грай обнажилъ саблю, другой кинулся съ копьемъ на переводчика Абдула, а нѣсколько другихъ—на казаковъ. Все это было дѣломъ одной минуты, и Пржевальскій не хотѣлъ вѣрить во что-либо серьезное, пока не послѣдовали выстрѣлы съ противной стороны и не полетѣли, мѣтко бросаемые изъ пращей, камни... Тамъ и сямъ изъ-за сосѣднихъ скалъ раздавались выстрѣлы граевъ. Пржевальскій съ отрядомъ открылъ огонь, и послѣ перваго залпа разбойники бросились на уходъ, потерявъ четырехъ человѣкъ убитыми и нѣсколькихъ ранеными.

Въ ожиданіи вторичнаго нападенія, бивуакъ экспедиціи былъ перенесенъ на болѣе открытое мѣсто и къ ночи принялъ видъ маленькаго укрѣпленія. На часахъ стояли двое казаковъ, а всѣ прочіе спали не раздѣваясь въ объятіяхъ съ ружьемъ. Въ теченіе всей ночи слышались крики въ ближайшихъ аулахъ: повидимому, путешественникамъ готовилось мщеніе.

Раннимъ утромъ караванъ готовъ къ выступленію; три эшелона были поставлены рядомъ другъ съ другомъ. „Впереди ихъ,—пишетъ Николай Михайловичъ,—собрались всѣ мы кучею, съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами у пояса; въ сумкѣ у каждаго

находилось по сто патроновъ; около четырехъ тысячъ тѣхъ же патроновъ везлись на вьюкахъ. Въ такомъ боевомъ порядкѣ двинулись мы впередъ къ ущелью, которое лежало по пути недалеко впереди насъ. Еграи заняли это ущелье конною партіею, стоявшею при входѣ, и нѣсколькими стрѣлками, усѣвшимися съ фитильными ружьями на скалахъ; другая конная партія расположилась на скатѣ горы прямо противъ нашей ночевки; наконецъ, третья собралась немного сзади, вѣроятно для того, чтобы атаковать насъ съ тыла, или можетъ быть задержать наше отступленіе".

Едва караванъ тронулся съ мѣста, еграи заволновались, пришли въ движеніе и огласили воздухъ дикими криками... Средняя кучка разбойниковъ двигалась параллельно каравану и когда приблизилась къ нему на разстояніе семисотъ шаговъ, Пржевальскій открылъ огонь. „Сократить еще разстояніе,—говоритъ онъ—не было разсчета, такъ какъ еграи, на своихъ отличныхъ коняхъ, въ нѣсколько мгновеній могли прискакать къ намъ и нашъ главный шансъ—дальнобойныя, скорострѣльныя ружья не могли быть пущены въ дѣло какъ слѣдуетъ". Нѣсколько залповъ по ближней партіи, а затѣмъ и по отдаленной, сдѣлали свое дѣло—еграи очистили дорогу и разбѣжались въ стороны. Караванъ благополучно миновалъ ущелье, вышелъ на равнину и пріютился лагеремъ въ долинѣ рѣчки Санъ-чю.

Между тѣмъ исторія на Танъ-ла быстро облетѣла окрестности, и впереди лежащіе населенные пункты пришли въ смятеніе. Русскіе идутъ сюда затѣмъ, кричали защитники Далай-ламы, чтобы уничтожить нашу вѣру; мы ихъ ни за что не пустимъ; пусть они сначала перебьютъ всѣхъ насъ, а затѣмъ войдутъ въ нашъ городъ. Тибетцы выставили посты отъ деревни Напчу до Танъ-ла и запретили мѣстнымъ жителямъ, подъ страхомъ казни, вступать съ русскими въ какія бы то ни было сношенія и даже продавать имъ продукты.

На содѣйствіе китайскаго резидента въ Лхасѣ разсчитывать было нечего, потому что и пекинскіе министры дѣйствовали недоброжелательно и въ душѣ были очень рады, если бы Пржевальскому не удалось проникнуть въ столицу Тибета. Китайскіе министры препроводили нашему повѣренному въ дѣлахъ, Кояндеру, копію съ донесенія высшихъ сы-чуаньскихъ властей, которыя писали, что несмотря на горячее ихъ желаніе оказать содѣйствіе венгерскому графу Зечени, въ его путешествіи въ Тибетѣ, онѣ не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ тибетскіе тангуты выставили своихъ солдатъ

для удержанія путешественника. Защитники тибетскаго духовнаго престола говорили, что они рѣшились ни въ какомъ случаѣ не впускать къ себѣ иностранцевъ, и если графъ Зечени рѣшился вступить въ предѣлы Тибета, то доставленіе головы его будетъ сочтено подвигомъ, въ поощреніе котораго обѣщанъ былъ цѣнный призъ. Опасаясь, чтобы того же не произошло и съ Н. М. Пржевальскимъ, китайскіе министры торопились предварить о томъ нашего повѣреннаго въ Пекинѣ и сложить съ себя всякую отвѣтственность.

— Всѣ эти соображенія, отвѣчалъ Кояндеръ китайскимъ министрамъ, а также и извѣстная осторожность и энергія нашего путешественника полковника Пржевальскаго не оставляютъ во мнѣ сомнѣнія въ томъ, что онъ благополучно прослѣдовалъ черезъ пустыни сѣвернаго Тибета и достигъ мѣстностей, гдѣ начинается осѣдлое населеніе, и гдѣ властямъ почтеннаго государства не можетъ представиться затруднительнымъ оказывать ему должную защиту и покровительство. Я увѣренъ, что власти невѣрно поняли переданный имъ слухъ, который, если бы онъ оказался справедливымъ, конечно, побудилъ бы ихъ немедленно же принять надлежащія мѣры противъ бунтовщиковъ. Иначе можно было бы подумать, что Тибетъ страна совершенно независимая, и тогда характеръ отношеній къ ней, ея сосѣдей, несомнѣнно измѣнился бы.

Не желая признать Тибета независимымъ, министры увѣряли, что они получили коллективное письмо отъ ламъ, просившихъ не разрѣшать иностранцамъ входъ въ Тибетъ. Ничего не подозрѣвая о перепискѣ и пререканіяхъ вообще по поводу русской экспедиціи, Пржевальскій шелъ смѣло впередъ...

Съ приближеніемъ каравана къ деревнѣ Напчу, навстрѣчу были высланы двое тибетскихъ чиновниковъ, съ конвоемъ, съ цѣлью разузнать, кто такіе путешественники и зачѣмъ идутъ? Чиновники держали себя очень вѣжливо и вошли въ юрту только по приглашенію. „Я объяснилъ,— говоритъ Николай Михайловичъ,—что всѣ мы русскіе, и идемъ въ Тибетъ за тѣмъ, чтобы посмотрѣть эту неизвѣстную для насъ страну, узнать, какіе живутъ въ ней люди, какіе водятся звѣри, птицы, какая здѣсь растительность и т. д.; словомъ, цѣль наша исключительно научная. На это тибетцы отвѣтили, что русскіе еще никогда не были въ Лхасѣ, что сюда съ сѣвера приходятъ только монголы, тангуты, да сининскіе торговцы, и что правительство тибетское рѣшило не пускать насъ далѣе. Я показалъ свой пекинскій паспортъ и заявилъ, что самовольно мы никогда бы не пошли въ Тибетъ, если бы не имѣли на то дозволенія китайскаго государя, что, слѣдова-

тельно, не пускать насъ далѣе не имѣютъ никакого права и что мы низачто не вернемся безъ окончательнаго разъясненія этого дѣла". Отвѣтъ могъ быть полученъ только изъ Лхасы, и чиновники просили начальника экспедиціи обождать недѣли двѣ, прежде нежели желаніе его будетъ исполнено. Обстоятельства заставили согласиться Пржевальскаго, и онъ отдалъ распоряженіе перенести бивуакъ къ ручью Ніеръ-чунгу, вытекающему изъ подошвы горы Бумза.

Подобная невольная остановка, послѣ тридцати-дневныхъ переходовъ безъ дневокъ, необходима была и для отдыха. Пользуясь ею, всѣ члены экспедиціи вымылись, выбрились и стали немного походить на европейцевъ. Одежда и обувь, равно походныя принадлежности поизносились, поистрепались, требовалось во всемъ этомъ обстоятельное ремонтированіе. „Трудное теперь переживаемъ мы время, говоритъ Николай Михайловичъ. Тягостная неизвѣстность впереди на счетъ посѣщенія Лхасы, огромная—16.000 футовъ—абсолютная высота, холода, бури, ночное одинадцати-часовое лежаніе на грязныхъ войлокахъ и часто безъ сна—все это вмѣстѣ донимаетъ насъ. Хорошо еще, что у меня есть работа—писаніе о Тибетѣ, иначе не зналъ бы что дѣлать отъ скуки. На охоту ходить некуда—звѣрей нѣтъ, птицы же все однѣ и тѣ же".

Прошло шестнадцать сутокъ, прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ, и все это время Пржевальскій былъ въ тревожномъ состояніи. Онъ сознавалъ, что караванъ его запертъ: спереди—въ деревнѣ Напчу, было собрано до тысячи солдатъ и милиціи, а сзади—на Танъ-ла, несомнѣнно егран поджидали возвращенія. Отвѣтъ же гласилъ слѣдующее: *по постановленію важныхъ сановниковъ Тибета, рѣшено не пропускать русскихъ въ Лхасу.* На слѣдующій день вслѣдъ за письменнымъ отвѣтомъ явился тибетскій посланникъ, который остановился въ одной изъ двухъ палатокъ, поставленныхъ недалеко отъ русскаго бивуака для него и для свиты. Переодѣвшись въ богатую соболью шубу, посланникъ пришелъ на бивуакъ въ сопровожденіи намѣстниковъ трехъ большихъ монастырей и представителей тринадцати аймаковъ собственно далай-ламскихъ владѣній. Послѣ обычныхъ привѣтствій, посланникъ спросилъ: съ кѣмъ онъ имѣетъ честь видѣться—съ русскими или англичанами? Получивъ надлежащій отвѣтъ, онъ началъ говорить, что русскіе никогда не были въ Лхасѣ, что они иной вѣры, и что правители Тибета и Далай-лама не желаютъ пустить ихъ къ себѣ.

„На это я отвѣчалъ, говоритъ Пржевальскій, что хотя мы и разной вѣры, но Богъ одинъ для всѣхъ людей; что по закону

божескому, странниковъ, кто бы они ни были, слѣдуетъ радушно принимать, а не прогонять; что мы идемъ безъ всякихъ дурныхъ намѣреній, собственно посмотрѣть Тибетъ и изучить его научно; что, наконецъ, насъ всего тринадцать человѣкъ, слѣдовательно, мы никоимъ образомъ не можемъ быть опасны". Посланникъ, повторивъ свои доводы, самымъ унизительнымъ образомъ умолялъ не ходить далѣе и обѣщалъ уплатить всѣ расходы по путешествію, если только русскіе согласятся повернуть назадъ. Отвергнувъ вопросъ объ уплатѣ денежныхъ издержекъ, какъ недостойный русской чести, Пржевальскій объявилъ, что онъ возвратится, но просилъ выдать ему бумагу съ объясненіемъ причинъ, почему его не пустили въ столицу Далай-Ламы. Послѣ совѣщаній между собою посольство заявило, что, не будучи уполномочено, не можетъ дать такой бумаги.—Завтра утромъ мы выступаемъ, сказалъ тогда Пржевальскій; если будетъ доставлена требуемая бумага, то пойдемъ назадъ, если же нѣтъ, то двинемся къ Лхасѣ.

Послѣ новыхъ совѣщаній посланникъ заявилъ, что онъ готовъ дать такую бумагу, но для составленія ея ему необходимо вернуться къ своему стану, расположенному верстахъ въ десяти отъ русскаго бивуака.—Тамъ, добавилъ посланникъ, *мы* будемъ вмѣстѣ редактировать объясненія на счетъ отказа въ пропускѣ васъ въ Лхасу, и если за это впослѣдствіи будутъ рубить намъ головы, то пусть уже рубятъ всѣмъ.

— Я путешествую много лѣтъ, отвѣчалъ Николай Михайловичъ, но нигдѣ еще не встрѣчалъ такихъ дурныхъ и негостепріимныхъ людей, каковы тибетцы; рано или поздно къ нимъ все-таки придутъ европейцы и заставятъ пустить себя силою... Отвѣта на это *пророческое* нравоученіе не послѣдовало, а на слѣдующій день была доставлена требуемая бумага, въ которой приводились тѣ же причины, которыя объяснялъ посланникъ при первомъ свиданіи.

Итакъ, не дойдя всего двухсотъ пятидесяти верстъ до столицы Тибета, Пржевальскій долженъ былъ повернуть назадъ. „Трудно описать, говоритъ онъ въ письмѣ къ Кояндеру, съ какимъ грустнымъ чувствомъ повернулъ я въ обратный путь! Но видно такая моя судьба! Пусть другой, болѣе счастливый путешественникъ, докончитъ не докончennое мною въ Азіи. Съ моей же стороны сдѣлано все, что возможно было сдѣлать"...

Пржевальскій самъ разсчитывалъ на лучшее будущее, а теперь рѣшилъ йдти въ Цайдамъ и посвятить весну и лѣто изслѣдованію Желтой рѣки, гдѣ, какъ извѣстно, не бывали еще европейцы. Пока вьючили караванъ, тибетскіе чиновники съ особеннымъ вниманіемъ

разсматривали оружіе; потомъ любезно распрощались съ русскими и какъ бы не вѣря, что они пойдутъ назадъ, стоя группою, слѣдили за караваномъ до тѣхъ поръ, пока онъ ни скрылся за ближайшими горами.

Обратное слѣдованіе было сопряжено съ еще большими трудностями, нежели передній путь, такъ какъ наступала глубокая зима. „Необходимо было спѣшить, пишетъ Николай Михайловичъ, ибо наши верблюды слабѣли съ каждымъ днемъ, а запасы провизіи истощались, за исключеніемъ одного мяса, котораго можно было добыть охотою сколько угодно. Въ рождественскій сочельникъ выяснилось, что у насъ дзамбы только сто семь фунтовъ; между тѣмъ впереди путь еще далекій. Поэтому съ завтрашняго дня казакамъ будетъ выдаваться только по полфунта въ день на каждаго. Соли тоже мало. Казаки ѣдятъ какъ фараоновы коровы. Вообще они звѣри, а не люди, но съ такими только и возможно путешествіе въ здѣшнихъ странахъ. Нужно, чтобы казакъ былъ звѣрь, но на уздѣ. Солдаты—тѣ гораздо лучше, нравственнѣе и вообще благороднѣе. Съ ними и обращаться можно по-человѣчески; съ казаками же должна быть строгость неумолимая...

„Сегодня день Рождества. Достали и ѣли презервированную рыбу (треску) и земляничное варенье. Казакамъ было дано немного сахару и по три сигары изъ подарочныхъ“.

Новый 1880-й годъ Пржевальскій встрѣтилъ, какъ то было замѣчено выше, въ горахъ Думбуре, въ царствѣ дикой природы Тибета, среди звѣрей: яковъ, хулановъ, антилопъ „и вдали-дальней отъ всего цивилизованнаго міра. Притомъ, записалъ онъ въ дневникѣ, сегодня ровно половина (по времени) нашего путешествія: десять мѣсяцевъ тому назадъ, мы пріѣхали въ Зайсанъ; десять же мѣсяцевъ остается, по вѣроятному разсчету, до возвращенія нашего въ Кяхту. Дай Богъ, чтобы и наступающая вторая половина путешествія прошла такъ же благополучно и продуктивно для науки, какъ первая. Тогда со спокойною совѣстью, какъ и теперь, я оглянусь назадъ, зная, что еще одинъ годъ своей жизни прожилъ не даромъ... Ради новаго года казакамъ дано было по полуимперіалу. Сами мы ѣли варенье и фрукты въ сахарѣ, которые предназначались для Далай-ламы, но, по счастью, не попали къ этому.....“

Отпраздновавъ новый годъ, путешественники черезъ хребетъ Гурбунайджи спустились на рѣку Найджинъ-голъ. Здѣсь роздана была казакамъ послѣдняя порція дзамбы; рису, съ которымъ варился супъ, осталось также лишь нѣсколько горстей. „Назадъ на

Тибетъ, говоритъ Пржевальскій, страшно было даже посмотрѣть: тамъ постоянно стояли теперь тучи и, вѣроятно, бушевала непогода. Мы сами хотя счастливо вынесли эти трудности, но чувствовали себя истомленными и не добромъ поминали тибетскія пустыни. Здѣсь же, на Найджинъ-голѣ, было довольно тепло, хотя изрѣдка моросилъ снѣгъ—остатокъ тибетскихъ бурановъ. Этотъ снѣгъ покрывалъ окрестныя горы бѣлою пеленою; но на долинѣ рѣки быстро растаивалъ. Теперь оказалось возможнымъ снять и лишнее теплое одѣяніе, безъ котораго ходить и ѣздить верхомъ было несравненно удобнѣе, въ особенности при безпрестанныхъ слѣзаніяхъ съ коня, для дѣланія засѣчекъ буссолью".

Тридцать перваго января караванъ прибылъ въ Цайдамъ, гдѣ оказалось еще теплѣе, но гдѣ Пржевальскій съ неудовольствіемъ узналъ, что оставленный имъ пакетъ не былъ отправленъ въ Пекинъ, какъ онъ просилъ, а возвращенъ ему. Привыкшее получать періодически отъ Николая Михайловича извѣстіе о его путешествіи, Пекинское посольство, на этотъ разъ, въ теченіе полугода не имѣло о немъ никакихъ свѣдѣній и считало его погибшимъ въ пустыняхъ Тибета. „Участь экспедиціи полковника Пржевальскаго, писалъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ министерству, внушаетъ мнѣ серьезное безпокойство. Третьяго дня англійскій посланникъ передалъ мнѣ, что по полученнымъ имъ изъ Сы-чуани извѣстіямъ, тамъ ходятъ слухи, будто партія иностранцевъ, направившаяся въ Лхасу съ сѣвера, встрѣчаетъ такія же затрудненія, какъ графъ Зечени на востокѣ. Въ тотъ же день министры сообщили мнѣ донесенія имъ сининскаго губернатора и сы-чуаньскихъ властей, извѣщающихъ, что о Пржевальскомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и что, въ виду пустынности проходимыхъ мѣстъ, китайскія власти не могутъ быть отвѣтственными за случайности. Что означаютъ эти донесенія? простую ли предосторожность, принимаемую властями на всякій случай, или же желаніе приготовить меня къ болѣе тревожнымъ и непріятнымъ вѣстямъ,—опредѣлить трудно".

Эти извѣстія произвели тогда въ Петербургѣ тяжелое впечатлѣніе: всѣ единогласно утверждали о гибели Николая Михайловича, какъ о фактѣ совершившемся, нѣкоторые кружки молились въ Казанскомъ соборѣ за упокой душъ путешественниковъ и крайне сожалѣли, въ особенности о начальникѣ экспедиціи, какъ о безвременно погибшемъ... „Недавно, сказано было въ „Историческомъ Вѣстникѣ", черезъ иностранную, конечно, печать мы съ прискорбіемъ узнали, что въ австрійскихъ газетахъ, черезъ посредство путешествующаго по внутреннему Китаю мадьярскаго графа Зечени,

стали говорить, будто нашъ соотечественникъ ограбленъ, убитъ. Утѣшаетъ лишь то, что наша пекинская миссія ничего о гибели Пржевальскаго не знаетъ... Ливингстона искали, Пайера искали, Норденшельда искали, а Пржевальскаго никто искать и не думаетъ. Стоило бы однако позаботиться о его судьбѣ, въ особенности въ тотъ моментъ, когда Китай становится прямо въ враждебныя отношенія къ Россіи...“

Наконецъ, въ февралѣ было получено успокоительное свѣдѣніе о томъ, что не только Пржевальскій, но и всѣ остальные члены экспедиціи живы и здоровы. Скоро пришло извѣстіе и отъ самого Николая Михайловича, съ предположеніемъ о дальнѣйшемъ путешествіи къ истокамъ Желтой рѣки.

Въ сравнительно короткій срокъ, обновленный караванъ перенесъ экспедицію въ западное сосѣдство города Донгэра, откуда, на-легкѣ, Пржевальскій отправился въ Сининъ для свиданія съ мѣстнымъ губернаторомъ. Свиданіе было очень парадное и происходило въ ямынѣ—присутственномъ мѣстѣ, въ воротахъ котораго были выстроены солдаты со знаменами. „Несмотря на довольно холодный день, говоритъ Пржевальскій, всѣ присутствующіе помѣщались въ открытой фанзѣ; на дворѣ ея набилось народу видимо-невидимо. Когда всѣ власти собрались и пріѣхалъ самъ губернаторъ, мнѣ дали знать, что насъ ожидаютъ. Я поѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи прапорщика Роборовскаго, переводчика и двухъ казаковъ; на улицахъ впереди, сзади и по бокамъ насъ, тѣснилась огромная толпа народа, вплоть до самыхъ воротъ ямыня, гдѣ мы слѣзли съ лошадей и вошли во дворъ. Пройдя черезъ этотъ дворъ, мы очутились во второмъ отдѣленіи внутренней ограды и здѣсь встрѣтились съ цинъ-цай'емъ. Послѣдній вѣжливо, но весьма холодно, раскланялся съ нами и пригласилъ насъ въ фанзу, назначенную для пріема. Здѣсь губернаторъ усѣлся посрединѣ, прямо противъ входа, и пригласилъ меня сѣсть рядомъ съ собою; прочія же власти, и вмѣстѣ съ ними г. Роборовскій размѣстились возлѣ боковыхъ стѣнъ той же фанзы; переводчикъ Абдулъ стоялъ возлѣ насъ; казаки остались на заднемъ дворѣ“.

Прежде всего цинъ-цай спросилъ, куда Пржевальскій намѣренъ идти далѣе?

— Нынѣшнею весною, отвѣчалъ начальникъ экспедиціи, мы пойдемъ на верховье Желтой рѣки и пробудемъ тамъ мѣсяца три или четыре, смотря по тому, какъ много найдется научной работы.

— Не пущу туда, живо возразилъ цинъ-цай, я имѣю предписаніе изъ Пекина какъ можно скорѣе выпроводить васъ отсюда и

предлагаю вамъ идти въ Алашà. При этомъ амбань пристально смотрѣлъ на Николая Михайловича, какъ бы желая видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на него такой категорическій отвѣтъ.

— На Желтую рѣку, отвѣчалъ съ улыбкою Пржевальскій, мы пойдемъ и безъ позволенія.

— Знаете ли, началъ цинъ-цай послѣ нѣкотораго молчанія и какъ бы желая испугать собесѣдника, на верховьи Желтой рѣки живутъ разбойники—тангуты, которые, какъ мнѣ хорошо извѣстно, собираются умертвить всѣхъ васъ, въ отмщеніе за побитіе егравъ въ Тибетѣ. Тангуты народъ храбрый, можно даже сказать отчаянный. Я самъ никакъ не могу съ ними справиться, несмотря на то, что у меня много солдатъ, и всѣ они воины отличные. Если не вѣрите мнѣ, спросите у другихъ здѣшнихъ чиновниковъ. Присутствовавшіе при аудіенціи китайцы стали почтительно кивать головами и бормотать, а одинъ изъ нихъ всталъ и доложилъ цинъ-цай'ю, что на Хуанъ-хэ живутъ даже людоѣды.

— Намъ необходимо идти на Хуанъ-хэ, говорилъ Пржевальскій, и мы пойдемъ туда даже безъ проводника, какъ то не разъ уже дѣлали. Тогда цинъ-цай сталъ упрашивать, чтобы экспедиція ограничила свое пребываніе на Желтой рѣкѣ пятью—шестью днями; чтобы Николай Михайловичъ далъ ему расписку въ томъ, что предполагаемое путешествіе беретъ на свой рискъ.—Дать требуемую расписку я охотно согласился, пишетъ Пржевальскій, тѣмъ болѣе, что этимъ мы избавлялись отъ китайскаго конвоя, который былъ бы великою обузою, а при дѣйствительной опасности ни отъ чего бы не защитилъ; наоборотъ, всего вѣроятнѣе, самъ бы сталъ подъ нашу защиту...

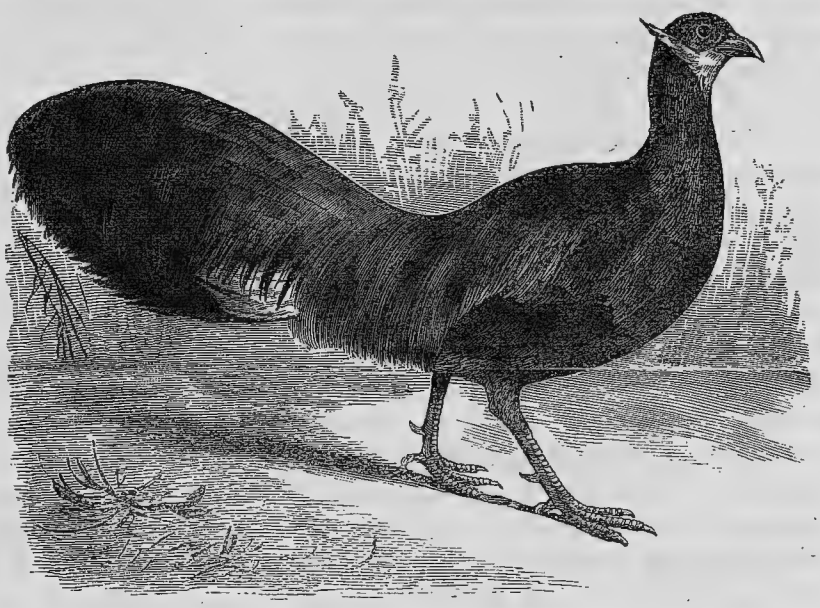
Черезъ три дня Николай Михайловичъ оставилъ Сининъ, закупивъ продовольствіе и муловъ, необходимыхъ для слѣдованія въ лѣсныя горы, а также устроивъ свои коллекціи, чтобы не тащить ихъ съ собою на Желтую рѣку... Весеннее теплое солнышко и голубое небо манили въ объятія горной природы... По возвращеніи Пржевальскаго въ лагерь, экспедиція вскорѣ снялась караваномъ и радостно двинулась въ дальнѣйшій путь, пересѣкая холмы, съ южнаго склона которыхъ увидѣла давно желанную Хуанъ-хэ, „широкою лентою извивавшуюся въ темной каймѣ кустарныхъ зарослей и обставленную гигантскими обрывами на противоположномъ берегу“. Еще нѣсколько часовъ, и Пржевальскій съ своими спутниками любовался высокими пѣнистыми волнами этой могучей рѣки, грозно катившей свои студеныя воды съ высокаго нагорья Тибета. Вверхъ и внизъ по долинѣ темнѣли корридоры отвѣсныхъ береговъ, изрѣзывающихъ

всю мѣстность и скрывающихъ самую рѣку отъ непривычнаго человѣка.

„Идешь по луговому плато, говоритъ Николай Михайловичъ, совершенно гладкому, какъ вдругъ подъ самыми ногами раскрывается страшная пропасть, по дну которой обыкновенно течетъ рѣчка, обросшая лиственными деревьями; густые кустарники зачастую покрываютъ болѣе пологія мѣста боковыхъ обрывовъ. Въ подобныя пропасти ведутъ тропинки, проложенныя сифанями. Помучились мы, въ особенности наши животныя, не мало, переходя одно за другимъ такія изрѣзанныя ущелья. Къ неудобствамъ движенія присоединялось еще и враждебное настроеніе мѣстныхъ жителей...“

Въ глубокомъ, тепломъ ущельи Бага-горги путешественники успѣшно поохотились за ушастыми фазанами—Crossoptilon auritum, изящныя хвостовыя перья которыхъ, какъ извѣстно, идутъ на украшеніе форменныхъ шляпъ китайскихъ чиновниковъ. „Въ особенности сильно запечатлѣлась въ моей памяти, пишетъ Николай Михайловичъ, одна изъ подобныхъ охотъ на той же Бага-горги. Мы отправились передъ вечеромъ вчетверомъ, верхомъ, версты за четыре отъ своего стойбища, взяли съ собою войлоки и одѣяла для ночевки, чайникъ для варки чая и кусокъ баранины на жаркое, словомъ, снарядились съ извѣстнымъ комфортомъ. Передъ закатомъ солнца добрались до мѣста охоты и, оставивъ лошадей съ казакомъ Телешевымъ на полянкѣ, невдалекѣ отъ ручья, пошли въ ближайшіе кустарники караулить ушастыхъ фазановъ на ихъ ночевкахъ. Выбрали для этого большія, въ разсыпную стоящія, ели, подъ которыми имѣлись несомнѣнные признаки частаго здѣсь пребыванія описываемыхъ птицъ. Усѣлись и ждемъ. Солнце опустилось за горы и мало-по-малу птицы начали думать о ночлегѣ. Стая голубыхъ сорокъ прилетѣла къ ключику близъ нашихъ елей, покопошилась нѣсколько минутъ на землѣ и, съ своимъ обычнымъ трещаньемъ, отправилась въ густой кустарникъ. Большіе дрозды—Merula Kessleri одинъ за другимъ начали прилетать съ разныхъ сторонъ на тѣ же ели, гонялись здѣсь другъ за другомъ, съ чоканіемъ и трещаніемъ перелетали съ одного дерева на другое, или лазили по густымъ вѣткамъ; между тѣмъ одинъ изъ тѣхъ же дроздовъ громко пѣлъ на вершинѣ дерева. Голосъ этого дрозда много походитъ на голосъ дрозда пѣвчаго. Невольно вспомнились мнѣ теперь наши весенніе вечера, въ которые, бывало, на родинѣ, я слушалъ пѣніе птицъ, стоя на тягѣ вальдшнеповъ въ лѣсу. И мысль моя далеко унеслась по пространству и по времени... Чѣмъ болѣе

надвигались сумерки, тѣмъ неугомоннѣе становились дрозды, наконецъ стихли всѣ разомъ; смолкли и мелкія пташки; стало все тихо кругомъ, словно въ лѣсу не было ни одного живого существа... Луна поднялась на востокѣ горизонта; вечерняя заря догорала на западѣ—и мы, не дождавшись фазановъ, спустились къ своему бивуаку. Здѣсь горѣлъ огонь, казакъ сварилъ чай и зажарилъ на вертелѣ баранину. Мы поужинали съ прекраснымъ аппетитомъ; затѣмъ, на мшистой почвѣ разостлали войлоки, сѣдла положили въ изголовья и



Ушастый фазанъ (Crossoptilon auritum).

легли спать. Но не спалось мнѣ! Великолѣпно хороша была тихая весенняя ночь. Луна свѣтила такъ ярко, что можно было читать; вокругъ чернѣлъ лѣсъ; впереди и позади насъ, словно гигантскія стѣны, высились отвѣсные обрывы ущелья, по дну котораго съ шумомъ бѣжалъ ручей. Рѣдко выпадали намъ, во время путешествія, подобныя ночовки—и тѣмъ сильнѣе чувствовалось наслажденіе въ данную минуту. То была радость тихая, успокоивающая, какую можно встрѣтить только среди матери-природы...

„Наконецъ дремота одолѣла, и я заснулъ, но въ теченіе ночи просыпался нѣсколько разъ. Все также было тихо и спокойно кругомъ, лишь журчалъ внизу ручей, да изрѣдка фыркали привязанныя лошади. Взглянешь на луну—та стоитъ еще высоко, слѣдо-

вательно, до утра еще не близко; перевернешься на другой бокъ, плотнѣе закутаешься въ мѣховое одѣяло и опять забудешься сладкимъ сномъ. Къ утру похолодѣло; луна ушла за горы и, наконецъ, чуть замѣтная полоска свѣта забѣлѣла на востокѣ. Пора вставать и идти въ засадки. Казакъ всталъ еще раньше и опять вскипятилъ чай. Быстро сброшены были теплыя одѣяла, надѣто охотничье платье и замерзшіе, но у огня теперь отогрѣтые, сапоги. Затѣмъ мы проглотили по чашкѣ горячаго чая и отправились въ засадки, боясь не упустить дорогое время. Но оно еще не наступило, все еще спало въ лѣсу—и мы не опоздали занять свои мѣста. Вотъ хрипло прозвучала сифаньская куропатка, и послышалось трещанье голубыхъ сорокъ. Вслѣдъ за тѣмъ раздался громкій крикъ ушастаго фазана, въ отвѣтъ которому закричали другія пары изъ разныхъ уголковъ лѣсныхъ ущелій... Радостно забилось сердце охотника... Надежда на желанную добычу замѣнила всѣ другіе помыслы и мечты; только минуты ожиданія казались теперь слишкомъ долгими.

„Между тѣмъ уже порядочно разсвѣло, и голоса проснувшихся птицъ быстро огласили лѣсъ: слышался громкій свистъ хый-ла-по, чоканіе дроздовъ, писк синицъ и завирушекъ; но ушастые фазаны кричали лишь изрѣдка, тихо подвигаясь изъ лѣса на поляны. Наконецъ, вдали отъ меня мелькнула эта птица—то два самца дрались между собою. Затѣмъ прокричала и выбѣжала на дальній обрывъ новая пара—опять таки внѣ моего выстрѣла. Досада и чуть не отчаяніе начали овладѣвать мною; тѣмъ болѣе, что со стороны товарищей уже раздался выстрѣлъ, конечно по ушастому фазану. Нѣсколько разъ меня подзадоривало встать изъ засадки и идти искать фазановъ на удачу по лѣсу; но я рѣшился выдержать искушеніе до конца, несмотря на то, что достаточно продрогъ на утреннемъ морозѣ. Настойчивость эта была, наконецъ, вознаграждена. Послѣ того, какъ уже взошло солнце, пара ушастыхъ фазановъ показалась изъ кустовъ шагахъ въ сорока отъ моей засадки. Красивыя птицы шли мѣрнымъ шагомъ, не подозрѣвая вовсе опасности. Первымъ выстрѣломъ я убилъ самца, вторымъ ранилъ самку, которая однако успѣла убѣжать и скрыться въ ближайшемъ лѣсу. Затѣмъ съ своею добычею я отправился къ мѣсту ночлега, гдѣ товарищи, убившіе также одного фазана, уже дожидались меня съ осѣдланными лошадьми“...

...Съ первыхъ лѣтъ знакомства и дружбы съ Н. М. Пржевальскимъ, я уже проникся сознаніемъ, что человѣкъ въ тѣсномъ общеніи съ природой дѣлается лучшимъ. Своимъ обаяніемъ природа захватываетъ человѣка и дольше сохраняетъ въ немъ чистоту, цѣль-

ность и чуткость души. Среди природы человѣкъ легче дышетъ, шире мыслитъ, глубже чувствуетъ, чище любитъ... Пржевальскій особенно любилъ и особенно понималъ душу природы и ея волшебную красоту... Въ городахъ онъ бывалъ нервный, раздражительный, среди же природы—нѣжный, обаятельный. Только Николай Михайловичъ умѣлъ говорить языкомъ природы, только съ его устъ слетали такія слова: „Чарующее впечатлѣніе производитъ эта красивая птичка, Grandala coelicolor, сидящая словно цвѣтокъ на лугу, или порхающая по скаламъ. Иногда даже жалко стрѣлять въ милое, довѣрчивое созданіе. И всякій разъ, убивши голубого чеккана, сначала нѣсколько минутъ полюбуешься имъ, а потомъ уже спрячешь въ свою сумку... Не мало оригинальности придаетъ подобной охотѣ сама мѣстность [1]). Приходится лазить или сидѣть на высотѣ въ 13—14.000 футовъ, нерѣдко въ облакахъ, иногда даже выше ихъ. Во всѣ стороны раскрывается далекій, необъятный горизонтъ; смотришь вдаль и не насмотришься вдоволь“...

Тѣмъ временемъ намѣченный для изслѣдованія районъ въ амдоской альпійской области былъ посѣщенъ экспедиціей, и Н. М. Пржевальскій повернулъ къ родному сѣверу, держа путь черезъ Кукуноръ и Гань-су, въ Алашà... „Шестого іюня, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, распрощались мы съ Куку-номъ вѣроятно уже навсегда. Передъ отходомъ я нѣсколько минутъ пристально глядѣлъ на красивое озеро, стараясь живѣе запечатлѣть въ памяти его панораму. Да, навѣрное въ будущемъ не одинъ разъ вспомню я о счастливыхъ годахъ своей страннической жизни. Много въ ней перенесено было невзгодъ, но много испытано и наслажденій, много пережито такихъ минутъ, которыя не забудутся до гроба“...

Еще болѣе трогательно прощается Николай Михайловичъ съ горами Гань-су, среди которыхъ темной змѣей извивается и сердито клокочетъ пѣнистыми брызгами его любимецъ—гордый красавецъ Тэтунгъ... „На самомъ перевалѣ, говоритъ онъ, въ ожиданіи прихода отставшаго немного каравана, я нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на великолѣпную панораму горъ. Оба хребта—на южной и на сѣверной сторонѣ Тэтунга—раскидывались передо мною и убѣгали вдаль къ западу, теряясь въ легкомъ синеватомъ туманѣ наполнявшемъ воздухъ.

---

[1]) Охота на голубыхъ чеккановъ (Grandala coelicolor) производилась въ горахъ Джахаръ—все въ той же альпійской области, которая прилегала къ Желтой рѣкѣ.

„Справа, невдалекѣ, стояла скалистая вершина Гаджура, не окутанная противъ обыкновенія облаками. Внизу, подъ самыми моими ногами темнѣло глубокое ущелье и множество другихъ ущелій большихъ и малыхъ, близкихъ и далекихъ бороздили горы и извивались въ различныхъ направленіяхъ. Насколько хваталъ глазъ, все было перепутано, изломано, исковеркано. На общемъ зеленомъ фонѣ горъ, тамъ и сямъ выдѣлялись болѣе темныя площади лѣсовъ и кустарниковъ или голыя желтовато-сѣрыя скалы.

„Любовался глазъ, радовалось сердце. Но въ то же время грустное чувство охватывало душу, при мысли, что скоро придется разстаться со всѣми этими прелестями.

„Сколько разъ я былъ счастливъ, сидя одинокимъ на высокихъ горныхъ вершинахъ! Сколько разъ завидывалъ пролетавшему въ это время мимо меня грифу, который можетъ подняться еще выше и созерцать панорамы еще болѣе величественныя...

„Лучшимъ дѣлается человѣкъ въ такія минуты. Словно, поднявшись въ высь, онъ отрѣшается отъ своихъ мелкихъ помысловъ и страстей. Могу сказать, кто не бывалъ въ высокихъ горахъ, тотъ не знаетъ грандіозныхъ красотъ природы!..“

Спустились въ долину, и обстановка рѣзко измѣнилась: взамѣнъ пріятной прохлады горъ, экспедиція встрѣтила сильную жару и чрезвычайную сухость атмосферы. Раскаленная днемъ почва горячо дышала до слѣдующаго утра, а тамъ опять багровымъ дискомъ показывалось дневное свѣтило и быстро накаляло все, что хотя немного успѣвало остынуть въ теченіе ночи, Въ первый день, пришедшая съ запада сильная буря, наполнившая воздухъ тучами удушливой пыли, была словно привѣтомъ пустыни...

Побуждаемые внутреннимъ чувствомъ путешественники не испытывали теперь особенной усталости и, смѣнивъ въ Алашà своихъ вьючныхъ муловъ на верблюдовъ, ходко изо-дня въ-день, подвигались къ Ургѣ; къ тому же близилась осень,— самое лучшее время года для прохожденія пустыни Гоби. И она была, дѣйствительно, скоро и благополучно пройдена. Только послѣдній переходъ къ Ургѣ тянулся невыносимо долго, и нетерпѣніе скорѣе придти на мѣсто съ каждымъ часомъ усиливалось: „Наконецъ, пишетъ Николай Михайловичъ, съ послѣдняго перевала, передъ нами раскрылась широкая долина рѣки Толы, а въ глубинѣ этой долины, на бѣломъ фонѣ недавно выпавшаго снѣга, чернѣлся грязною безобразною кучею священный монгольскій городъ Урга. Еще два часа черепашьей ходьбы—и вдали замелькало красивое зданіе нашего кон-

сульства. Тутъ же и быстрая Тола струила свою свѣтлую, еще не замерзшую воду; справа на горѣ Ханъ-ула чернѣлъ густой нетронутый лѣсъ. Обстановка пустыни круто измѣнилась. Попадали мы словно въ иной міръ. Близился конецъ девятнадцати-мѣсячнымъ трудамъ и многоразличнымъ невзгодамъ. Родное, европейское, чувствовалось уже недалеко. Грязные монголы, встрѣчавшіеся по пути, казались теперь еще противнѣе... Нетерпѣніе наше росло съ каждымъ шагомъ; ежеминутно подгонялись усталыя лошади и верблюды... Но вотъ мы, наконецъ, и въ воротахъ знакомаго дома, видимъ родныя лица, слышимъ родную рѣчь... Радушная встрѣча соотечественниковъ, обоюдные разспросы, письма отъ друзей и родныхъ, теплая комната, взамѣнъ грязной холодной юрты, разнообразныя яства, чистое бѣлье и платье—все это сразу на столько обновило насъ, что прошлое, даже весьма недавнее, казалось грезами обманчиваго сна...

„Бури грозны миновали,
Выплылъ на берегъ пловецъ,
Но ему вѣдь не сказали,
Что всѣмъ бурямъ ужъ конецъ“...

Теперь Н. М. Пржевальскій всею душою стремился въ Петербургъ, котораго, однако, достигъ только седьмого января (1881 года), такъ какъ ѣзда на почтовыхъ до Оренбурга и остановки въ главныхъ городахъ для встрѣчъ и лекцій заняли не мало времени. Петербургъ, въ свою очередь, также жаждалъ видѣть Пржевальскаго... Вечеромъ четырнадцатаго января состоялось чрезвычайное торжественное собраніе Императорскаго русскаго географическаго общества, назначенное для привѣтствованія путешественника и происходившее въ концертной залѣ дворца великой княгини Екатерины Михаиловны. Публика допускалась избранная и исключительно по билетамъ.

Въ восемь часовъ двадцать минутъ, на эстраду, гдѣ за особымъ столомъ находились члены совѣта географическаго общества, взошелъ великій князь Константинъ Николаевичъ, въ сопровожденіи П. П. Семенова и Н. М. Пржевальскаго. Когда послѣдній подошелъ къ столу, зала огласилась взрывомъ рукоплесканій. На каѳедру вошелъ П. П. Семеновъ и въ краткой рѣчи оцѣнилъ заслуги Пржевальскаго.

— Въ послѣднемъ своемъ собраніи, сказалъ онъ по окончаніи рѣчи и обращаясь къ Николаю Михайловичу, русское географиче-

ское общество избрало Н. М. Пржевальскаго въ свои почетные члены, и я имѣю честь передать вамъ дипломъ на это почетное званіе. Горячія рукоплесканія и крики „браво, браво, Пржевальскій“ прекратились только тогда, когда гласный думы М. И. Семевскій—основатель и первый редакторъ журнала „Русской Старины“—сообщилъ, что сегодня же, четырнадцатаго января, дума избрала Пржевальскаго въ почетные граждане города С.-Петербурга и постановила помѣстить портретъ его въ одной изъ залъ думы.

Послѣ этого, при новыхъ аплодисментахъ, на каѳедрѣ появился самъ виновникъ торжества и въ сжатомъ, но чрезвычайно интересномъ очеркѣ познакомилъ присутствующихъ съ своимъ двухлѣтнимъ странствованіемъ въ азіатскихъ пустыняхъ. Особенное впечатлѣніе произвелъ разсказъ объ унтеръ-офицерѣ Егоровѣ, пропадавшемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней и случайно найденномъ. Зала огласилась громомъ рукоплесканій, когда Пржевальскій ввелъ на каѳедру самого Егорова. „Съ такими молодцами, сказалъ Николай Михайловичъ, мнѣ не казалась трудна моя задача. Противъ насъ была сила физическая,—у насъ была сила нравственная, и мы побѣдили“..

П. Козловъ.

Императоръ Александръ II и Франція въ 1870 г.

Въ вышедшемъ недавно XV томѣ „Исторіи либеральной Имперіи“—Эмиля Оливье, бывшаго главы французскаго кабинета въ эпоху франко-прусской войны, нѣсколько страницъ посвящено вопросу о положеніи, занятомъ въ ту пору по отношеніи къ Франціи Императоромъ Александромъ II, и выясненію тѣхъ послѣдствій, какія это имѣло для обѣихъ воюющихъ державъ.

Зная антагонизмъ, существовавшій между южно-германскими государствами и Пруссіей, Наполеонъ III разсчитывалъ не только на нейтралитетъ, но даже на союзъ этихъ государствъ; но онъ жестоко въ этомъ ошибся.

„Что сдѣлалось съ этими тупоголовыми нѣмцами, что это они вздумали связаться съ прусской сволочью?“, воскликнулъ французскій посланникъ въ Карлсруэ, графъ Мосбургъ, при извѣстіи о томъ, что Баварія объявила Франціи войну.

„Императоръ Наполеонъ искренне желалъ добра баварскому королю и намѣревался расширить его владѣнія“ [1]).

Въ этихъ словахъ отразилось впечатлѣніе, которое произвело на Французскій кабинетъ неожиданное рѣшеніе южной Германіи.

Убѣдясь, что война, подъ вліяніемъ сложившихся обстоятельствъ, быстро пріобрѣла въ Германіи характеръ національной борьбы и

---

[1]) Политическая исторія новѣйшаго времени. Проф. В. Мюллера, СПБ. 1872, стр. 246.

объединила подъ знаменами Пруссіи всю Германію, французское правительство увидѣло себя вынужденнымъ искать союзниковъ.

Оно обратило свои взоры къ тремъ державамъ: къ Австріи, гдѣ въ высшихъ сферахъ еще не улеглось чувство горечи за пораженіе, нанесенное Пруссіей въ 1866, къ Италіи, монарха которой, казалось, можно было склонить на все уступкою Церковной области, и наконецъ къ маленькой Даніи, не переставшей сожалѣть о потерѣ Шлезвигъ-Голштейна.

Вначалѣ Италія и Австрія подали нѣкоторую надежду, и графъ Бейстъ началъ даже дѣйствовать въ интересахъ Франціи, съ цѣлью возможно скораго возстановленія мира, съ сохраненіемъ цѣлости французской и прусской территоріи, но его доброжелательныя намѣренія встрѣтили рѣшительное противодѣйствіе со стороны Россіи и были ею парализованы.

Изо всѣхъ европейскихъ правительствъ только одно русское правительство искренно не желало вредить Германіи и съ самаго начала войны объявило, что „оно будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ до тѣхъ поръ, пока его соблюдаютъ другія державы, но въ случаѣ, если бы которая-нибудь изъ нихъ приняла сторону Франціи, она—Россія, тотчасъ же сдѣлается союзницей Пруссіи“.

Рѣшеніе это было результатомъ личныхъ чувствъ и настроеній самого императора, такъ какъ общественное мнѣніе Россіи относилось къ Пруссіи не особенно симпатично, смотрѣло непріязненно на ея значеніе, и это настроеніе опредѣлялось все яснѣе по мѣрѣ того, какъ развертывались событія; государь же помимо родственныхъ узъ и личной дружбы, связывавшихъ его съ королемъ Вильгельмомъ, не забылъ образа дѣйствій Франціи и Пруссіи въ 1863 году; это опредѣлило его отношеніе къ обѣимъ державамъ въ 1870 г., и никакія старанія французскаго посла въ Петербургѣ, генерала Флери, лично пользовавшагося расположеніемъ Императора Александра II, не могли повліять на политику русскаго кабинета въ смыслѣ благопріятнаго для Франціи вмѣшательства въ конфликтъ.

„Какъ только произошелъ окончательный разрывъ между Франціей и Пруссіей, король прусскій поручилъ состоявшему при немъ русскому офицеру отвезти царю конфиденціальное письмо, въ которомъ, взывая къ его дружескимъ чувствамъ, просилъ его защитить его и не допустить вмѣшательства Австріи. „Царь, говоритъ Оливье, полный уваженія къ памяти отца, болѣе повиновался чувству, нежели руководствовался соображеніями политики, и не поддавался никакимъ вліяніямъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ повиновался велѣ-

ніямъ своего сердца. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Онъ безъ всякаго колебанія и съ полной готовностью обѣщалъ королю свое содѣйствіе. Вильгельмъ, въ письмѣ отъ 19 іюля 1870 г., сообщилъ королевѣ радостную вѣсть, что „Россія объявила не только доброжелательный нейтралитетъ, но дала возможность предусматривать и большее".

„Это обязательство Царя по отношенію къ своему дядѣ не вытекало изъ какого-нибудь договора, заключеннаго между ними, но было скрѣплено единственно словомъ Государя, и вслѣдствіе этого было еще болѣе обязательнымъ".

Это признавалъ самъ Бисмаркъ. „Нѣмцы много говорятъ о благодарности къ Россіи, писалъ онъ въ своихъ запискахъ, а между тѣмъ они знаютъ, что если бы Россія руководствовалась въ 1870 г. чувствами всего русскаго народа, то войска русскаго царя выступили бы противъ Германіи и только личныя симпатіи русскаго царя заставили взять верхъ противоположной политики. Германія всегда пользовалась дружескимъ расположеніемъ Александра II, а не русскаго народа, который со времени войны Пруссіи со Шлезвигомъ не раздѣлялъ въ этомъ случаѣ взгляда своего Императора. Во время войны 1870 г., въ газетахъ, бывшихъ выразительницами взглядовъ русскаго народа, говорилось, что противоестественный союзъ съ Пруссіей будетъ не продолжителенъ".

Императоръ не скрывалъ своего рѣшенія и особенно поспѣшилъ довести о немъ до свѣдѣнія заинтересованныхъ державъ, Франціи и Австріи.

Въ объявленіи о нейтралитетѣ, опубликованномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", говорилось, что „Императоръ твердо рѣшилъ соблюдать строгій нейтралитетъ по отношенію къ обѣимъ воюющимъ державамъ до тѣхъ поръ, пока интересы Россіи не будутъ затронуты случайностями войны" и что „императорскій кабинетъ готовъ оказать самое искреннее содѣйствіе всякой попыткѣ, которая будетъ сдѣлана съ цѣлью ограничить предѣлы военныхъ операцій, сократить ихъ продолжительность и возвратить Европѣ блага міра".

„Французскому посланнику Флери Императоръ сказалъ, что онъ ничего не возразитъ противъ союза Франціи съ Италіей, находя вполнѣ естественнымъ, чтобы итальянская армія взяла тотъ же путь черезъ Альпы, чтобы придти на помощь Франціи, какой взяли французскія войска, идя на помощь Италіи".

Это ни къ чему не обязывало, такъ какъ Царь подтвердилъ въ то же время, что онъ воспротивится, съ оружіемъ въ рукахъ, про-

тивъ союза Австріи съ Франціей, а ему было хорошо извѣстно, что Италія обусловила свою помощь содѣйствіемъ Австріи.

Повѣренный въ дѣлахъ Россіи въ Парижѣ, Окуневъ, сообщилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Грамону о резолюціи Царя.

„Если Австрія сдѣлаетъ приготовленія, сказалъ Царь, Россія начнетъ свои. Въ Петербургѣ будутъ дѣлать то, что въ Вѣнѣ. Если австро-венгерская кавалерія будетъ на военной ногѣ, то же самое будетъ съ русской кавалеріей, если артиллерія будетъ готова къ военнымъ дѣйствіямъ, русская также. Словомъ, если Австрія станетъ на путь вооруженнаго нейтралитета, Россія сдѣлаетъ то же, и наконецъ если Австрія, какъ союзница Франціи, начнетъ кампанію противъ Пруссіи, то Россія начнетъ кампанію, какъ союзница Пруссіи, противъ Австріи. Французскому правительству выгоднѣе не только отказаться отъ всякаго участія Австріи, но использовать свое вліяніе въ Вѣнѣ въ томъ смыслѣ, чтобы прекратить вооруженія и военныя приготовленія. Взамѣнъ этого Россія обѣщаетъ хранить строгій нейтралитетъ“.

Предупредивъ такимъ образомъ Францію, Царь поспѣшилъ предостеречь и Австрію. Онъ призвалъ къ себѣ австрійскаго посланника Хотека и сказалъ ему: „Я желаю остаться совершенно непричастнымъ начинающейся войнѣ, я намѣренъ соблюдать строгій *невооруженный* нейтралитетъ. Я останусь въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не будутъ затронуты прямые интересы Россіи. Прямымъ интересомъ Россіи я называю польскій вопросъ, съ которымъ я не могу мириться. Съ момента, когда вы примете вооруженную и угрожающую позицію, она подымется, и я, поневолѣ, долженъ буду перейти къ вооруженному нейтралитету и направить мои вооруженныя силы противъ вашей границы. Это положеніе можетъ стать самой опасной наклонной плоскостью. Несмотря на увѣренія генерала Флери, что Франція не коснется польскаго вопроса, я получилъ свѣдѣнія, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этихъ провинціяхъ встрепенулись. Я думаю, что эти французскія заявленія еще неизвѣстны и, хотя я принялъ ихъ съ благодарностью, но я не вполнѣ имъ довѣряю. Я просилъ васъ зайти ко мнѣ, чтобы вы могли слышать все это отъ меня лично и передать императору мою убѣдительную просьбу, съ которой я къ нему обращаюсь при вашемъ посредничествѣ, поступать аналогично со мною. Еще разъ благодарю императора за добрыя увѣренія, которыя были доставлены мнѣ въ Варшавѣ и которыя не изгладились изъ моей памяти. Скажите вашему августѣйшему монарху, что настоящій моментъ и настоящія обстоятельства еще живѣе

заставляютъ меня желать, чтобы мы были добрыми сосѣдями и откровенными друзьями, такъ какъ мы одинаково безкорыстно готовы воздержаться отъ войны, одинаково желаемъ скорѣйшаго возстановленія мира и одинаково желаемъ по возможности ограничить продолжительность этой войны и уменьшить ея напряженность. Предостерегаю васъ противъ подстрекательствъ Франціи, которая захочетъ вовлечь васъ въ эту войну; у меня есть причины думать это. Правда, вы находитесь лицомъ къ лицу съ Пруссіей, которой вы хотите если не отомстить, то противъ которой вы питаете, во всякомъ случаѣ, злобу, чувство, совершенно естественное. Однако, по моему мнѣнію, Австріи въ настоящій моментъ было бы неполитично поддаться чувству мести".

Хотекъ замѣтилъ, что при томъ въ высокой степени національномъ характерѣ, какой война принимаетъ въ Германіи, можно опасаться, что въ случаѣ пораженія французовъ, Пруссія сдѣлается опасной притягательной силой для всѣхъ странъ, нѣмецкое населеніе коихъ будетъ тяготѣть отнынѣ къ Берлину. Императоръ Александръ понялъ, повидимому, эту опасность, угрожавшую ему самому въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Возвысивъ голосъ, онъ сказалъ съ горячностью:

„Вотъ сторона вопроса, о которой я радъ поговорить съ вами непосредственно. Скажите вашему монарху, что моимъ словомъ честнаго человѣка, отъ имени короля прусскаго я гарантирую безопасность австрійской монархіи. Надѣюсь, моему слову будетъ придана цѣна, которой оно, кажется, заслуживаетъ. Рѣшивъ поговорить съ вами въ томъ смыслѣ, какъ вы только что слышали, я написалъ королю прусскому, что я объявлю это вамъ отъ своего и отъ его имени. Я не ожидалъ опроверженія съ его стороны. Что касается меня, вы имѣете мое слово до тѣхъ поръ, пока вашъ нейтралитетъ останется невооруженнымъ, и пока вы не будете сконцентрировывать своихъ войскъ. Надѣюсь, что ваша подозрительность по отношенію Пруссіи будетъ разсѣяна моимъ заявленіемъ и тѣми гарантіями, какія онѣ вамъ даютъ. Постараемся сами сохранить миръ и вернуть его Европѣ при нашихъ совмѣстныхъ стараніяхъ. Если вамъ понадобится для чего бы то ни было видѣть меня, я приму васъ съ удовольствіемъ во всякое время, ибо мы переживаемъ серьезную эпоху и каждому дню довлѣетъ злоба его. Что касается меня, я не увеличу свои войска ни однимъ солдатомъ, ни одной лошадью, увѣряю васъ. Обычное сосредоточеніе войскъ въ Варшавѣ, кое-какія незначительныя мѣры внутренней безопасности, вотъ и все, что будетъ сдѣлано. Попросите императора отъ моего имени сдѣлать то же".

Затѣмъ, въ разговорѣ о южной Германіи, Государь высказалъ мысль (которую посланникъ нашелъ парадоксальной), что такъ какъ эти страны приняли сторону сѣверной Германіи, то даже въ случаѣ успѣха Пруссіи онѣ могутъ достигнуть болѣе сноснаго существованія, чѣмъ до войны, и присовокупилъ:

„Если императоръ австрійскій и я, дѣйствуя въ согласіи, заявили бы громко (какъ я намѣренъ сдѣлать это со своей стороны) наше мнѣніе объ этомъ вопросѣ, то мы всегда нашли бы средство заставить выслушать себя, даже побѣдоносную Пруссіею. Что касается меня, я стоялъ бы за то, чтобы предоставить протекторатъ надъ южной Германіей Австріи, и я для этой комбинаціи имѣю въ рукахъ согласіе императора Наполеона. Повторите все сказаное мнѣ вамъ въ Вѣнѣ, у меня нѣтъ отъ васъ секретовъ, сдѣлайте это скорѣе“.

Помимо оффиціальныхъ извѣщеній о намѣреніяхъ Россіи, которыя французскій кабинетъ получалъ отъ своихъ посланниковъ въ Петербургѣ и Вѣнѣ, Наполеонъ III былъ освѣдомленъ о намѣреніяхъ Царя другимъ, довольно оригинальнымъ путемъ. Эмиль Оливье разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ слѣдующее:

„Въ Мецъ, дня за два до пріѣзда туда Императора, пріѣхала пожилая дама, которая выразила желаніе быть принятой фельдмаршаломъ Базеномъ; она передала ему визитную карточку, на которой было написано: „Графиня Вороничъ де Паэнца“.

Принятая адъютантомъ фельдмаршала, поручикомъ Базеномъ, она разсказала ему слѣдующее:

„Возвращаясь изъ Россіи, куда она ѣздила просить Императора Александра о помилованіи ея зятя, высланнаго въ Пермь, она остановилась проѣздомъ на станціи Гиссенъ. Въ тотъ моментъ, когда она пріотворила дверь, чтобы выйти изъ станціоннаго зала, она увидала русскаго Императора и короля Пруссіи, бесѣдовавшихъ, прогуливаясь подъ руку по аллеѣ передъ станціей.

Монархи разговаривали громко, и она услыхала, какъ русскій Императоръ говорилъ:

„Я особенно хотѣлъ бы, чтобы никто не вмѣшивался въ вашу ссору. Я велѣлъ сказать, чтобы Австрія держала себя спокойно, и что ежели она мобилизуетъ хотя бы одного человѣка, моя польская армія вступитъ въ Галицію. Вообще же, она не тронется съ мѣста. Венгрія не присоединится къ Австріи для отомщенія; никто не вмѣшается, вы уладите ваше дѣло между собою.

„Я увѣренъ въ вашей побѣдѣ; пора этому случайному монарху (ce Souverain d'aventure) получить урокъ“.

Король разсыпался въ благодарности:

„Я меньшаго и не ждалъ отъ твоего расположенія... я полагаюсь на мою армію... положеніе было невыносимое“ и т. д.

Черезъ день поручикъ Базенъ былъ принятъ императоромъ Наполеономъ III, разсказалъ ему подробно объ этомъ свиданіи, извиняясь за рѣзкость выраженія, которое ему приходилось употребить.

„Это не важно“, сказалъ императоръ.

Онъ выслушалъ внимательно Базена, поблагодарилъ его и сказалъ:

„Это возможно... но мало вѣроятно... интересы Австріи такъ очевидны... чтобы вступить въ Галицію и захватить чужую территорію, нужны иныя причины. Между ними нѣтъ союза“.

Немедленно послѣ этого разговора, поручикъ Базенъ телеграфировалъ префекту полиціи города Парижа, спрашивая его, можно ли довѣрять г-жѣ Вороничъ де Поэнца, проживающей на улицѣ Фонтэнъ. Въ тотъ же вечеръ, часовъ около одиннадцати, изъ полицейской префектуры былъ полученъ отвѣтъ, что означенная особа—личность весьма почтенная, находится въ путешествіи и пользуется большимъ уваженіемъ.

Итакъ, говоритъ Оливье, не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно желанія Царя. „Когда наша страсть къ Польшѣ смѣнилась страстью къ Россіи, и мысль о союзѣ съ нею сдѣлалась популярной во Франціи, мы были готовы забыть объ этой измѣнѣ любви, которая въ то время еще не народилась, и когда Нигра, въ своемъ дипломатическомъ этюдѣ, вспомнилъ о томъ, какъ Россія предупредила Вѣну и Парижъ, что если Австрія обнажитъ мечъ въ пользу Франціи, то Россія станетъ на сторону Пруссіи, его упрекали за то, что онъ хотѣлъ по злобѣ разстроить франко-русскій союзъ, и ни одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ не согласился напечатать его статью.

„Этотъ дипломатическій этюдъ, какъ писалъ Нигра Оливье, былъ предварительно представленъ для прочтенія Гирсу, въ то время министру иностранныхъ дѣлъ въ Россіи, которому онъ объявилъ, что готовъ отказаться отъ обнародованія его, если министръ найдетъ, что это можетъ быть непріятно русскому правительству, или не соотвѣтствуетъ его видамъ.

И этотъ государственный человѣкъ, возвращая мнѣ рукопись, которая была имъ представлена на усмотрѣніе Императора, писалъ мнѣ, что онъ не видитъ къ обнародованію этой статьи никакого неудобства съ точки зрѣнія русской политики. Факты, относящіеся къ войнѣ 1870 г., принадлежатъ исторіи и положеніе, занятое въ то время императорскимъ правительствомъ, настолько оправдывалось тогдашними обстоятельствами, что оно не могло быть ложно истолковано“.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчаковъ былъ настроенъ къ Франціи, вообще говоря, благожелательнѣе, нежели Императоръ Александръ, но этотъ разъ, по словамъ Эмиля Оливье, онъ относился къ ней враждебнѣе.

Въ бытность свою въ Вильдбадѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1870 г., онъ не соблюдалъ нейтралитета, предписаннаго ему монархомъ и, по словамъ королевы Ольги Николаевны, старался сдѣлать Франціи какъ можно больше зла. Онъ склонялъ Варнбюлера присоединить вюртембергскія войска къ прусскимъ, а во время пребыванія въ Штутгардтѣ, 26 іюля, убѣждалъ итальянскаго министра Грѐппи отговорить свое правительство заключить союзъ съ Франціей.

„Онъ (Горчаковъ) не скрывалъ отъ меня, говоритъ графъ Грѐппи [1]), своего раздраженія по поводу образа дѣйствій Франціи. Онъ хотѣлъ, чтобы нейтральныя державы поспѣшили поблагодарить Пруссію за усилія, сдѣланныя ею, съ цѣлью избѣжать войны. Онъ надѣялся также, что война не будетъ продолжительна, хотя считалъ, что миръ можетъ быть заключенъ не прежде, чѣмъ одна изъ сторонъ одержитъ блестящую побѣду. Онъ радовался тому, что Италія объявила себя нейтральной, но онъ предпочелъ бы, чтобы она не вооружалась противъ Австріи. Онъ говорилъ, что для Италіи настало снова время доказать, что она причисляетъ себя къ числу великихъ державъ, не поддаваясь просьбамъ Франціи, которая хочетъ привлечь ее на свою сторону“.

Что касается Бейста, то онъ находилъ втайнѣ желательнымъ угрожающее положеніе, занятое Россіей, такъ какъ это давало ему возможность скрыть свое собственное бездѣйствіе.

Меттернихъ находилъ, что Грамонъ отнесся ко всему случившемуся слишкомъ спокойно и полагалъ, что онъ поддался иллюзіямъ, подъ впечатлѣніемъ оптимистическихъ донесеній генерала Флери, котораго, по его мнѣнію, въ Петербургѣ „провели, какъ новичка“.

Въ сущности, Флери нисколько не заблуждался относительно истиннаго положенія дѣлъ и прекрасно чувствовалъ, что Императоръ Александръ былъ настроенъ къ Франціи враждебно; онъ боялся даже, что если представится случай, то это недоброжелательное отношеніе могло побудить Царя къ активному выступленію противъ Франціи, и настаивалъ на томъ, чтобы герцогъ Грамонъ отказался отъ всякой попытки совмѣстныхъ выступленій съ Австріей.

„Австрія, при ея стѣсненномъ денежномъ положеніи и неоконченномъ вооруженіи, вынужденная вести борьбу съ внутренними

[1]) Une coulisse du théâtre de la guerre 1870, стр. 9.

осложненіями, не въ состояніи справиться съ какимъ-нибудь непредвидѣннымъ потрясеніемъ, писалъ онъ своему шефу 1 августа 1870 г., исходъ войны неизбѣжно будетъ для нея роковымъ: война расчленитъ ее, а наши интересы требуютъ, чтобы она существовала; нейтралитетъ же спасетъ ее".

Грамонъ, не придавая значенія этому совѣту, продолжалъ домогаться союза съ Австріей. Тогда между тѣмъ, что говорилъ французскій посланникъ въ Петербургѣ, и словами французскаго министра иностранныхъ дѣлъ появилось разногласіе. встревожившее русскій кабинетъ. Весманъ, замѣщавшій временно князя Горчакова въ конфиденціальной депешѣ, напомнилъ еще разъ самымъ рѣшительнымъ образомъ твердую волю царя.

„Герцогъ Грамонъ высказывается гораздо яснѣе, нежели французскій посланникъ, писалъ онъ. Онъ хочетъ встрѣтить поддержку со стороны Австріи въ военной демонстраціи, которая сосредоточила бы на границѣ Богеміи стотысячный корпусъ, что стѣснило бы дѣйствія Пруссіи. Итакъ, мы далеки отъ полнаго, невооруженнаго нейтралитета, каковой проповѣдуетъ намъ генералъ Флери... Становясь на эту почву, герцогъ Грамонъ очевидно сдѣлаетъ невозможнымъ наше полное невмѣшательство въ эту войну, которое мы хотѣли бы соблюдать и которое французское правительство видимо само хотѣло бы, чтобы мы соблюдали. Поэтому, м. г., по повелѣнію императора я долженъ настаивать на соображеніяхъ, высказанныхъ мною въ моемъ предъидущемъ письмѣ. Полный нейтралитетъ Австріи *является непремѣннымъ условіемъ нашего собственнаго нейтралитета* и остается въ нашихъ глазахъ единственнымъ средствомъ устранить случайности, которыя помѣшали бы осуществленію нашихъ предположеній. Это единственное средство локализировать войну, помѣшать, чтобы она привела на поле сраженія новыхъ сражающихся, *избавила бы насъ отъ обязанности принять въ ней участіе и особенно не дала бы намъ очутиться, для самообороны въ рядахъ противниковъ Франціи и ея союзниковъ*. Самое энергичное воздѣйствіе Тюильрійскаго кабинета кажется намъ необходимымъ, чтобы утвердить Вѣнскій дворъ въ рѣшимости воздержаться отъ всякаго участія въ войнѣ, къ чему графъ Бейстъ повидимому можетъ соблазниться. Мы продолжаемъ настаивать на его содѣйствіи въ этихъ видахъ общаго блага и льстимъ себя надеждою, что герцогъ Грамонъ увидитъ въ этомъ обстоятельствѣ, какую цѣну мы придаемъ поддержанію добрыхъ отношеній съ Франціей, которымъ размѣры настоящаго кризиса придаютъ повидимому болѣе цѣнности, чѣмъ когда-либо„.

Это было писано 24 іюля, а 29 числа Бейтстъ сообщилъ Гра-

мону черезъ Меттерниха докладъ, препровожденный ему Хотекомъ, въ коемъ такъ ясно была выражена воля Царя. Несмотря на это герцогъ Грамонъ продолжалъ добиваться союза съ Австріей.

„Содѣйствіе Россіи, говорилъ онъ, было бы слабо, нерѣшительно и убыточно; ея притязанія на Востокѣ и ея явная враждебность къ намъ стоили бы намъ помощи турецкой арміи и симпатій Англіи, которая становится на сторожѣ всякій разъ, какъ дѣлается посягательство на неприкосновенность турецкой имперіи". Онъ предписалъ Флери занять царя просьбою доставить Франціи въ свою очередь нейтралитетъ южно-германскихъ государствъ; Грамонъ не придавалъ этому предложенію серьезнаго значенія и видѣлъ въ немъ лишь средство дать Австріи время окончить безпрепятственно свои вооруженія.

Въ то время, какъ шли оффиціальные переговоры, и кабинеты обмѣнивались депешами, была сдѣлана таинственная попытка повліять на Россію, о которой разсказываетъ Эмиль Оливье. Хотя она не имѣла сколько-нибудь значительныхъ послѣдствій, но она настолько курьезна, что разсказать объ ней съ его словъ будетъ небезъинтересно.

Нѣкто Юлій Клячко, чиновникъ австрійской службы, по происхожденію полякъ, долгое время жившій во Франціи, пріобрѣлъ тамъ извѣстность своими литературными работами и одно время сотрудничалъ въ редакціи Revue des deux Mondes, гдѣ съ нимъ познакомился Бейстъ и предложилъ ему мѣсто въ своемъ министерствѣ, полагая найти въ немъ искуснаго редактора и блестящаго сотрудника. Клячко принялъ предложеніе вступить въ святая святыхъ австрійской бюрократіи, сразу занялъ въ ней одно изъ первыхъ мѣстъ, работалъ непосредственно съ самимъ министромъ и былъ однимъ изъ его ближайшихъ совѣтниковъ.

31 іюля 1870 г. Меттернихъ, по его желанію, представилъ его императрицѣ Евгеніи. Во время этой аудіенціи, Клячко особенно старался поставить на видъ, что его поѣздка въ Парижъ не имѣла политическаго характера: что у него была своя собственная цѣль, что онъ былъ поглощенъ одной мыслью, и что то другое было его личнымъ дѣломъ.

„Конечно, присовокупилъ Клячко, оно и не можетъ быть иначе, ибо то, что я сообщу вашему величеству, не есть какой-либо проектъ, или предложеніе, это не болѣе какъ *мечта*, но эта мечта преслѣдуетъ меня; иной разъ мнѣ кажется, что я вижу ея осуществленіе въ велѣніяхъ судьбы. Нынѣшнее положеніе австро-венгерской монархіи есть фикція. Дуализмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ, есть переходное состояніе—даже его творцы не вѣрятъ въ

его прочность. Австрійская монархія, естественно, должна эволюціонировать до тѣхъ поръ, пока она не придетъ къ тому, что составляющія ее народности займутъ пропорціональное, если не одинаковое мѣсто въ монархіи. Начало положено въ Венгріи, такъ какъ венгерцы были лучше другихъ готовы къ сопротивленію. Имъ дали даже слишкомъ много, но не могутъ же нѣмцы и венгерцы раздѣлить между собою монархію, и стать во главѣ прочихъ народовъ монархіи, которые, вмѣстѣ взятые, сильнѣе ихъ. Начинающаяся нынѣ война повлечетъ за собою естественно измѣненіе территоріальныхъ условій; представится благопріятный случай утвердить австрійскую монархію на прочной базѣ.

„Самое естественное для нея государственное устройство—была бы конфедерація государствъ, которыя сохранили бы каждое свои нравы и обычаи и были бы связаны взаимно узами тѣмъ болѣе прочными, что они дали бы этимъ странамъ неоцѣнимыя преимущества, не заставляя ихъ поступаться своей національностью. Само провидѣніе какъ бы уготовило пути для осуществленія этого великаго дѣла. Предположимъ, что одинъ изъ этихъ герцоговъ будетъ вице-королемъ Венгріи, другой будетъ въ Мюнхенѣ, третій въ Львовѣ вице-королемъ Галиціи; палатинатъ и смежныя съ нимъ провинціи отойдутъ къ Франціи, Познань отойдетъ къ Россіи и съ той и съ другой стороны между Вѣной и Петербургомъ установится прочное и полное согласіе по польскому вопросу.

„Можно себѣ представить ближайшія послѣдствія этой перемѣны. Во-первыхъ прекратится взаимное недовѣріе между Россіей и Австріей, поддерживаемое теперешнимъ положеніемъ польскихъ провинцій. Обѣ державы не будутъ долѣе соперницами, а сдѣлаются союзницами и примкнутъ къ великимъ реформамъ, починъ которымъ дастъ Франція. Война прекратится въ самомъ началѣ, ибо что можетъ сдѣлать Пруссія противъ Франціи, Россіи, Австріи и Италіи? Австрійская монархія, упрочившись, сдѣлается неизмѣнной союзницей Франціи, и это будетъ гарантіей мира. Если все это мечта, то мечта столь прекрасная, что я поспѣшилъ изложить ее вашему величеству. Какъ вы видите, все зависитъ отъ согласія и содѣйствія русскаго императора. Это самое главное и самое трудное. Кто могъ бы открыть передъ нимъ эти новые горизонты? Кто могъ бы разъяснить ему серьезныя выгоды, какія Россія извлекла бы изъ аннексіи, осуществленной при этихъ условіяхъ и въ этомъ духѣ? Этого не могъ бы сдѣлать никто въ Вѣнѣ, или по крайней мѣрѣ никто прибывшій изъ Вѣны“.

Императрица, увѣренная въ томъ, что Клячко былъ подосланъ Бейстомъ съ порученіемъ вывѣдать намѣренія Наполеона и его

правительства, не связывая себя никакими обѣщаніями, передала Грамону все слышанное, прося его не говорить объ этомъ никому, даже членамъ кабинета и передать Клячко черезъ Меттерниха, чтобы онъ явился на слѣдующій день въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Онъ явился къ назначенному часу и хотя былъ сдержаннѣе и осторожнѣе, нежели въ Сенъ-Клу, тѣмъ не менѣе онъ придалъ своимъ мечтаніямъ болѣе реальную форму.

Грамонъ счелъ долгомъ довести все слышанное до свѣдѣнія Эмиля Оливье.

„Я отвѣчалъ ему, пишетъ Оливье, что мнѣ надоѣли эти происки, происходящіе у меня за спиною, и что при первомъ же подобномъ случаѣ, я подаю въ отставку. Тогда Грамонъ испросилъ у императрицы Евгеніи позволеніе явиться къ ней со мною, и мы отправились вмѣстѣ въ Сенъ-Клу. Императрица передала мнѣ все подробно и предложила возложить на графа Бреда частное порученіе, въ родѣ того, какое было возложено на Клячко. Гр. Бреда, служилъ нѣкогда по дипломатической части и въ то время былъ уже въ отставкѣ; онъ былъ лично извѣстенъ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ. Императрица полагала, что всего удобнѣе было бы получить доступъ къ царю, не возбуждая его опасеній черезъ великаго князя Константина Николаевича, „тѣмъ болѣе, сказала она, что при немъ можно произнести слово Польша, не пугая его“.

Предполагалось, что гр. Бреда поѣдетъ въ Россію какъ частное лицо, безъ оффиціальнаго порученія, безъ полномочій и писемъ.

„Онъ долженъ былъ повидать генерала Флери, словесно передать ему подробности таинственнаго предложенія и просить его не вмѣшиваться въ дѣло до полученія дальнѣйшихъ приказаній. Позднѣе Флери долженъ былъ найти случай повѣдать „мечты“ великому князю и дѣйствовать въ зависимости отъ того, какъ будетъ принятъ его разсказъ и какое онъ произведетъ впечатлѣніе.

„Если бы оказалось, что онъ встрѣтитъ благосклонный пріемъ, то Бреда долженъ былъ испросить у Императора аудіенцію. Надлежало ли ему придать своей миссіи оффиціальный характеръ—это ему предоставлялось рѣшить на мѣстѣ, въ Петербургѣ.

„Прежде нежели принять окончательное рѣшеніе, Императрица Евгенія сочла однако благоразумнымъ узнать о шагѣ, сдѣланномъ Клячко, мнѣніе Бейста. Австрійскій министръ отвѣтилъ, что на Клячко не было возложено никакой миссіи, что онъ говорилъ лично отъ себя. Бейстъ „любитъ и цѣнитъ Клячко, но онъ немного фантазеръ и его планы бываютъ часто неособенно практичны [1])“.

---

[1]) Письмо къ Грамону Ла-Туръ д'Оверня отъ 5 августа 1870 г.

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Когда всѣ старанія привлечь на свою сторону Россію и Австрію окончились неудачею, французское правительство сдѣлало попытку заручиться содѣйствіемъ маленькой Даніи, куда былъ посланъ для переговоровъ герцогъ Кадоръ. Но и тутъ преданность Царя своему дядѣ помѣшала Франціи заключить союзъ.

Данія, въ силу своего географическаго положенія, не могла рѣшиться дѣйствовать одна, не бывъ обезпечена въ томъ, что въ случаѣ нападенія своей могущественной сосѣдки—Пруссіи, она встрѣтитъ въ комъ-либо поддержку.

Датскій народъ въ то время еще не забылъ о потерѣ Шлезвигъ-Голштейна и былъ на сторонѣ Франціи, полагая, что въ случаѣ ея побѣды Данія получитъ обратно провинціи, отнятыя у нея Пруссіей въ 1864 г., и не смотря на это датскій король Христіанъ былъ сторонникъ Пруссіи.

Еще въ сентябрѣ 1862 г., въ то время, когда король былъ еще наслѣднымъ принцемъ, французскій посланникъ въ Даніи Дотезакъ писалъ объ немъ:

„Какъ это ни покажется странно и изумительно, но въ случаѣ войны Франціи съ Пруссіей, принцъ Христіанъ навѣрно будетъ на сторонѣ Пруссіи“.

Предсказаніе сбылось.

Какъ только король узналъ, что Франція намѣревалась послать свои суда въ Балтійское море, и для подготовки соглашенія съ Даніей послала въ Копенгагенъ чрезвычайнымъ посломъ герцога Кадора, онъ повѣрилъ свои опасенія и тревоги русскому посланнику въ Копенгагенѣ Моренгейму съ просьбою просить у Царя и Горчакова ихъ покровительства противъ попытокъ Франціи.

Моренгеймъ телеграфировалъ тотчасъ въ Петербургъ.

Царь отвѣчалъ:

„Помѣшайте, во что бы то ни стало, заключенію этого союза, потому что если Данія не сохранитъ нейтралитета, то это послужитъ прецедентомъ для другихъ странъ Европы, а надобно во что бы то ни стало, чтобы эти страны остались нейтральны“.

Царь жаловался Флери на настоянія Франціи вовлечь Данію въ войну и приказалъ Горчакову телеграфировать въ Копенгагенъ, что Россія будетъ покровительствовать Даніи противъ гнета Франціи. Одновременно Императоръ телеграфировалъ королевѣ Викторіи, прося ее дѣйствовать въ согласіи съ нимъ. Грэнвиль съ разрѣшенія своего кабинета велѣлъ сказать русскому посланнику Бруннову, что онъ готовъ обсудить вмѣстѣ съ нимъ вопросъ, сдѣлать представленіе Франціи и помѣшать ей толкнуть Данію

въ политику, столь противную ея интересамъ. Но одного сообщенія Горчакова оказалось достаточно, и Грэнвилю не пришлось совѣщаться съ Брунновымъ. Ободренный этой поддержкой, король Христіанъ, не взирая на возбужденіе своихъ подданныхъ, объявилъ о нейтралитетѣ Даніи и отказался принять французскаго посланника, которому пришлось ни съ чѣмъ возвратиться въ Парижъ. Моренгеймъ въ награду за оказанную имъ услугу получилъ орденъ Слона, который жалуется однимъ принцамъ.

Такимъ образомъ, благодаря ясно и твердо выраженной волѣ русскаго Царя предоставить свое оружіе къ услугамъ Пруссіи, если только которая-либо изъ державъ нарушитъ нейтралитетъ, Франція осталась въ 1870 г. совершенно изолированной.

Король Вильгельмъ, на другой день послѣ побѣды, подтвердилъ этотъ историческій фактъ въ извѣстной телеграммѣ отъ 26 февраля 1871 г., посланной изъ Версаля.

Онъ писалъ Императору Александру:

„Никогда Пруссія не забудетъ, что она *Вамъ* обязана тѣмъ, что война не приняла чудовищныхъ размѣровъ. Да благословитъ Васъ Господь! Вашъ другъ признательный до гроба

Вильгельмъ“.

Царь отвѣчалъ:

„Я счастливъ, что могъ доказать Вамъ своимъ участіемъ, что Вы имѣете во мнѣ преданнаго друга. Да обезпечитъ связующая насъ дружба счастье и славу обѣихъ странъ

Александръ“.

Этотъ обмѣнъ дружественныхъ чувствъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что бездѣйствіе Австріи, а слѣдовательно и Италіи въ 1870 г. было обусловлено тѣмъ положеніемъ, которое было занято Россіей по отношенію къ Франціи во время франко-прусской войны.

В. Тимощукъ.

Два политическихъ письма Екатерины II.

Екатерина II писала много, легко и охотно,—но въ то время, когда слагались ея политическіе взгляды, пассивное положеніе ея, какъ наслѣдницы престола и затѣмъ супруги Петра III, исключало законную возможность веденія какой бы то ни было политики и явной политической переписки. Если она тѣмъ не менѣе пыталась проводить свои государственные планы, то во всякомъ случаѣ она рѣдко рисковала говорить о нихъ въ письмахъ. На страницахъ „Русской Старины“ (ноябрь—декабрь 1910 г.) оцѣнено было надлежащимъ образомъ историческое значеніе недавно появившейся переписки Великой Княгини съ Чарльзомъ Вилліамсомъ (1756—7 г.). Задолго до появленія статьи С. Горяинова обнародованы въ VII томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества „Бумаги Императрицы Екатерины II“; Германъ отыскалъ въ Дрезденскомъ главномъ государственномъ архивѣ и издалъ въ Preussische Jahrbücher, т. XLVII, нѣсколько интересныхъ записокъ Великой Княгини, относящихся къ 1757 г. Щепкинъ въ „Русско-Австрійскомъ союзѣ во время семилѣтней войны. 1746—58“, приводитъ извлеченіе изъ одного письма Екатерины къ Стан. Авг. Понятовскому (августъ 1759 г.) и нѣсколько писемъ ея къ датскому посланнику Остену. Этотъ отрывокъ письма къ Понятовскому является почти единственнымъ слѣдомъ ихъ переписки, объ оживленности которой можно судить по донесенію посредника, датскаго же резидента Куура отъ 7/18 октября 1759 г.: „Le numéro 50 faisant réponse au numéro 44 et 45 du correspondent de Pétersbourg

(въ теченіе одного года) a passé par avant—hier“ (Копенгагенскій Riksarkivet).

Въ виду сравнительной скудости источниковъ, раскрывающихъ намъ процессъ развитія политическихъ взглядовъ Императрицы до переворота 28 іюня 1762 г., намъ кажется небезполезнымъ перепечатать ниже записку Екатерины, отправленную къ канцлеру А. П. Бестужеву въ февралѣ 1756 г. и впервые напечатанную въ приложеніяхъ къ первому тому нашего труда о „Польшѣ въ эпоху семилѣтней войны[1])“ вмѣстѣ съ отвѣтомъ адрессата, а также напечатать въ первый разъ характерное письмо Императрицы къ Остену, писанное наканунѣ низверженія Петра III.

Первый изъ этихъ документовъ нуждается въ краткомъ предисловіи. Извѣстное дѣло о расхищеніи группой польскихъ магнатовъ острожской Ординаціи послужило поводомъ къ разрыву между королемъ Августомъ III и его любимцемъ-министромъ Брюлемъ съ одной стороны, и „фамиліей“ Чарторыйскихъ съ другой. „Фамилія“ долго не могла примириться съ своимъ опальнымъ положеніемъ и надѣялась съ помощью русскаго и англійскаго дворовъ занять обратно первенствующее при дворѣ Августа мѣсто. Представители этихъ дворовъ Гроссъ и Вилліамсъ поддерживали разсчеты честолюбивыхъ князей. Зимою и весной 1755 г. оба дипломата нѣсколько разъ пытались убѣдить саксонскаго премьеръ-министра, что онъ напрасно разошелся съ единственными надежными друзьями веттинской династіи, Россіи и Англіи; 20 марта послѣдовала въ Дрезденѣ довольно бурная сцена, сущность которой сводилась къ утвержденію Гросса, что Императрица Елисавета Петровна не можетъ равнодушно смотрѣть на угнетенье въ Польшѣ ея сторонниковъ—и къ утвержденію Брюля, что „le Roi ne pleura pas devant eux“.

Историки, описавшіе подробно это столкновеніе, Соловьевъ и Щебальскій, повидимому, не знали или не желали распространяться о странной развязкѣ спора: Бестужевъ, подкупленный саксонскимъ правительствомъ, минуя коллегію иностранныхъ дѣлъ, увѣдомилъ Брюля черезъ его резидента Функа, что Императрица считаетъ острожское дѣло домашнимъ польскимъ вопросомъ и не намѣрена диктовать королю законовъ. Имѣя въ рукахъ такое сообщеніе, премьеръ-министръ могъ преспокойно выслушать слѣдующую атаку Гросса и Вилліамса (въ концѣ апрѣля) и заставить обоихъ замол-

[1]) Polska w dobie Wojni Siedmioletniej, crisi I, 1755—1758... Monografie w zakresie drijes nowozytnyche wydawca Szymon Askenasy, tom VII—VIII, Warshawa, 1909.

чать, давая имъ понять, что по послѣднимъ извѣстіямъ Императрица отлично можетъ смотрѣть равнодушно на все, что творится въ Польшѣ по поводу ординаціи.

Чарторыйскимъ пришлось просить извиненія у Августа III и заключить съ Брюлемъ временный компромиссъ. Они возложили новыя надежды на назначеннаго къ русскому двору Вилліамса и его товарища, Станислава Понятовскаго, но обманулись во второй разъ, ибо едва англичанинъ прибылъ въ Петербургъ, Бестужевъ объявилъ ему, что будетъ въ томъ только случаѣ поддерживать „негоціацію“ о субсидномъ договорѣ съ Англіей, если Вилліамсъ обяжется не хлопотать о польскихъ дѣлахъ. Посланникъ обязался и внѣшнимъ образомъ сдержалъ свое слово. Тутъ, видя, что на покровительство Бестужева невозможно полагаться, союзникъ Чарторыйскихъ въ острожскомъ дѣлѣ, коронный канцлеръ Малаховскій при посредствѣ резидента Вричевскаго вошелъ въ сношеніе съ враждебною Бестужеву партіей придворныхъ „фаворитовъ“, т. е. съ Шуваловыми, вице-канцлеромъ Воронцовымъ, оберъ-церемоній-мейстеромъ Олсуфьевымъ, гофъ-маршаломъ М. П. Бестужевымъ и проч. Фавориты стали напрягать всѣ свои усилія къ тому, чтобы выжить Алексѣя Петровича изъ министерства, Функа изъ Петербурга, а Гросса изъ Варшавы. Въ этотъ моментъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1756 г. вмѣшивается въ интригу двадцати-шестилѣтняя Великая Княгиня и подъ видомъ искренней дружбы шлетъ старику канцлеру слѣдующее предостереженіе:

„N'ayant pas pû m'expliquer suffisamment hier à V. E., je prends le parti de Lui écrire aujourd'hui; j'ai crû de la dernière importance de vous avertir, qu'il m'est revenu de part sûre qu'un projet était formé, et prêt à s'exécuter d'agir vigoureusement dans les affaires de Pologne contre le comte de Brühl: on veut envoyer en Pologne le comte, votre frère, comme ambassadeur, avec ordre de foudroyer ceux qui sont près à y détruire le parti russe; vos ennemis vont jusqu'à vous imputer de négliger les intérêts de la Russie dans un royaume aussi voisin et où il nous est si important de conserver notre parti. Votre Exc. s'opposerait vainement à ce projet, ils vous menacent, il y a du danger pour vous, si vous, agissez même froidement. Mon amitié pour V. E. en est allarmée, il ne s'agit pas moins que d'un changement dans le ministère. Ces bruits vous sônt injurieux; vous pourrez et conserver Mr. Gross, qui vous est agréable, et parer les coups, qu'on veut vous porter, en vous déclarant tout le premier pour le projet de soutenir le parti affaibli de la Russie en Pologne et en apportant des ordres tout dressés pour Mr Gross

d'intimider de la façon la plus efficace ceux qui cherchent à y perdre les amis de la Russie. Votre zèle et votre promptitude peuvent seuls leur ôter cette occasion de vous nuire, dont ils se croyent sûrs. V. E. peut croire qu'il ne faut pas moins que le danger pressant, dans lequel l'on vous met, pour me pousser à vous hazarder des conseils que mon âge par le peu d'expérience en comparaison de la votre pourrait faire croire téméraires, si l'amitié la plus sincère, jointe à la reconnaissance, que je vous dois ne me les inspiraient. Je vous supplie instamment d'y avoir égard et je suis d'autant plus fâchée de la façon dont V. E. a reçu ce que je voulais Lui dire hier uniquement pour son bien que je viens d'apprendre que l'ambassade du comte votre frère est résolue par S. M.; je crois donc qu'il ne vous reste plus qu'à faire ce que mon amitié, et certainement pas ceux que vous croyez, vous conseille. J'ai oublié encore hier de dire à V. E. qu'ils prétendent savoir que le comte de Brühl se vante d'être sûr de V. E. et qu'en recevant je ne sais quel écrit très fort d'ici il y a un an, il doit avoir dit: tout cela n'est encore rien, j'ai des assurances du contraire dans ma poche, qu'il les a même montré et que c'est sur cela qu'il a opprimé nos amis en Pologne encore plus, au lieu d'avoir égards à la recommandation de la Russie. C'est avec peine que je répète des contes aussi injurieux à V. E.; mais ce me serait un crime de les savoir, sans les épancher dans vos mains; puisse le Ciel confondre vos ennemis et vous montrer la sincérité de la considération que j'ai pous V. E.".

Не имѣвъ возможности высказать Вашему Превосходительству всего вчера, рѣшаюсь сегодня писать Вамъ: я считаю важнымъ предупредить Васъ, что я узнала изъ вѣрнаго источника о существованіи плана, который долженъ вскорѣ быть приведенъ въ исполненіе, дѣйствовать въ дѣлахъ Польши рѣшительно противъ графа Брюля: въ Польшу хотятъ назначить посланникомъ графа, Вашего брата, которому будетъ приказано разстроить козни тѣхъ лицъ, кои стараются уничтожить тамъ русскую партію; Ваши враги дошли до обвиненія Васъ въ томъ, что Вы пренебрегаете интересами Россіи въ сосѣднемъ съ нами королевствѣ, гдѣ намъ такъ важно сохранить нашу партію. Ваше Превосходительство напрасно стали бы противиться этому плану; они угрожаютъ Вамъ, и Вамъ грозитъ опасность даже въ томъ случаѣ, если Вы будете дѣйствовать хладнокровно. Мое дружеское расположеніе къ Вамъ заставляетъ меня волноваться за Васъ; дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе какъ о перемѣнѣ министерства. Эти слухи оскорбительны для Васъ; Вы

могли бы сохранить г. Гросса, который Вамъ пріятенъ, и отразить ударъ, который Вамъ хотятъ нанести, если бы Вы первый заявили о своемъ намѣреніи поддержать въ Польшѣ ослабленную русскую партію и привезли бы г. Гроссу совершенно опредѣленное приказаніе застращать тѣхъ, кто старается погубить тамъ друзей Россіи. Только усердіе и быстрота, съ какими Вы будете дѣйствовать, могутъ лишить ихъ этого случая повредить Вамъ, на что они разсчитываютъ навѣрняка. Ваше Превосходительство повѣрите, что только крайняя опасность, въ которую Васъ хотятъ повергнуть, побуждаетъ меня дать Вамъ совѣты, которые въ моемъ возрастѣ, при ничтожной сравнительно съ Вами опытности, могли бы показаться слишкомъ смѣлыми, если бы они не были внушены самой искренней пріязнью и признательностью къ Вамъ. Умоляю Васъ принять это во вниманіе; мнѣ особенно прискорбно, что Ваше Превосходительство приняли такимъ образомъ то, что я хотѣла сказать Вамъ вчера, единственно ради Вашего блага, такъ какъ я узнала сейчасъ о томъ, что назначеніе посломъ графа, Вашего брата, рѣшено Ея Величествомъ; поэтому я полагаю, что Вамъ остается только сдѣлать то, что я совѣтую Вамъ изъ дружескаго расположенія, а отнюдь не то, что совѣтуютъ лица, коимъ Вы довѣряете. Я позабыла еще вчера сказать В. Пр., что они утверждаютъ, будто графъ Брюль похваляется тѣмъ, что онъ увѣренъ въ В. Пр. и что получивъ, годъ тому назадъ, какое-то очень рѣзкое письмо отсюда, онъ будто бы сказалъ: все это еще не бѣда, у меня въ карманѣ удостовѣренія въ противномъ; и будто бы онъ даже показалъ ихъ и на этомъ основаніи еще больше сталъ притѣснять нашихъ друзей въ Польшѣ, вмѣсто того, чтобы принять во вниманіе просьбу Россіи. Мнѣ прискорбно повторять столь обидныя для В. Пр—ва росказни, но зная ихъ, съ моей стороны было бы преступно не сообщить ихъ Вамъ; да смутитъ Господь Вашихъ враговъ и докажетъ искренность моего уваженія къ В. Пр".

Но канцлеръ, какъ видно изъ нижеприведеннаго его отвѣта, отлично угадалъ и происхожденіе и характеръ письма Великой Княгини:

„Les avis que V. A. I. a daigné me faire parvenir me sont tels que considérant simplement les gracieuses intentions et motifs, auxquelles Elle a bien voulu les attribuer Elle même, je ne puis, qu'en être pénétré de la plus vive reconnaissance et jusqu'au fond de l'âme. Je ne trouve pas des termes qui répondissent à mon gré aux plus humbles et respectueux remerciments,

que je Lui en dois et que je Lui conserverai toute ma vie, aussi supplie je V. A. I. d'être bien persuadée que loin de manquer aux justes égardes que méritent des conseils si respectables, je continuerai à porter toute mon attention contre les embuches, que mes ennemis persistent à dresser contre moi. Qu'il me soit cependant gracieusement permis, Madame, de Vous assurer, 1°, que ce n'est pas d'aujourd'hui, mais déjà depuis plusieurs ans, et au delà, et nommément depuis l'époque où le vice-chancelier et le maître de cérémonies ont commencé une correspondance secrète avec mon frère, que j'ai été foncièrement instruit de ces mêmes accusations, et noires calomnies, que l'on veut me mettre à dos; 2°, que j'ai l'honneur de vous protester sur mon honneur et ma conscience, que bien loin d'avoir à me reprocher la moindre chose par rapport aux affaires de Pologne, soit en négligeant nos amis, soit autrement, j'ai plutôt la consolation de pouvoir démontrer le contraire par des preuves réelles, claires et nettes. 3°, que quand aux indignes calomnies et contrevérités que l'on forge pour donner de la couleur aux accusations, en y mêlant le comte de Brühl et ses prétendus discours, accoutumé, comme je ne le suis déjà que trop, à me voir en butte à ces sortes d'artifices, je me mettrai au dessus, tant que je suis intérieurement certain de leur fausseté et tant que je puis me flatter que S. M., trop juste et trop magnanime, ne voudra me condamner sans m'entendre. Enfin ma conscience nette et la fermeté seront, comme elles ont été, les seules armes, que je leur opposerai. Je n'ignore pas, Madame, que le vice-chancelier avec le maître de cerémonies ont été après, depuis 3 mois à dresser dans le collège une représentation sur les affaires de Pologne, sans avoir songé encore au principal objet de pareille représentation, savoir, un plan et un système fixe, de ce qui conviendrait aux intérêts de la Russie dans la dissension générale qui règne en Pologne, et sans savoir encore et connaître assez à fond les vrais amis de la Russie ou ceux qui se donnent seulement pour tels, afin d'obtenir par là leurs vues particulières et la famille (?) dans ce royaume. Cette représentation enfin n'a pour pivôt que le dessein de procurer l'ambassade pour ce pays à mon frère. J'ignore toutefois, et j'oserais même douter que S. M. eût effectivement résolue cette ambassade, malgré ce que la clique de ceux qui la souhaitent, peuvent croire ou débiter d'avance là-dessus, uniquement puisqu [1]) ils ne voyent plus d'autre jour à se délivrer

[1]) Такъ расшифровано это мѣсто въ Дрезденѣ.

des importunités de mon frère, qui par là même leur pèse sur les bras, et par ce que ces gens se sentent présentement soutenus et appuyés du chambellan Schuwaloff le Grand, ils croient déjà l'avoir emporté; si S. M. le sent, Elle est assurément la Souveraine Maîtresse, et il est de mon devoir alors de me régler là-dessus avec obéissance, selon le proverbe hollandais: volg ordre en doe quaad; mais il ne sera pas moins indispensablement de mon devoir et de ma charge dans ce cas là d'en faire sentir, dès que S. M. m'en parle, avec vérité et fermeté les inconvénients, les difficultés, le peu de profit, et le danger de prendre de fausses mesures, pour que je n'aie rien à me reprocher par suite. Ce n'est pas la conservation de Gross à Dresde, ni l'effet de quelque autre passion d'inimitié, de haine, ou d'animosité, qui me fait envisager la mission projetée de mon frère en Pologne de la façon que je fais; non, je puis en vérité assurer V. A. I. du contraire. Si je ne voulais y voir que mon intérêt, je devrais en être plutôt extrémement satisfait, vu qu'elle éloignerait un frère qui, oubliant les liens naturels du sang, agit, comme le plus déterminé de mes ennemis contre moi; je le répète, se sont des raisons plus solides et valables qui doivent même faire appréhender, que mon frère sera plus propre à nous brouiller tout à la fois avec la République, avec laquelle, soit dit par parenthèse, nous ne sommes pas encore convenus ni du titre Impérial, ni du cérémoniel, ni de la réciprocité d'une ambassade,— et la cour de Saxe, tout comme il a manqué de nous brouiller avec celle de Vienne [1]). Si après tout j'oserais encore demander une grâce à V. A. I. qui mettrait le comble à tant d'autres autérieures, et qui surtout me servirait infiniment à parer les coups, médités contre moi, ce serait, qu'Elle voulût daigner me f. connaître les canaux, par où ces insinuations peuvent avoir découlé jusqu'à V. A.; peut-être ont elles été faites exprès pour l'allarmer, et cela sur certains soupçons de ce que je pourrais avoir le bonheur de n'être pas mal dans son esprit, et dans la supposition, que si par Vos gracieusens bontés il en revînt quelque chose à moi, cela seul suffirait à me faire changer d'avis, au point de faire tout ce que ces gens-là souhaitent, d'autant plus qu'il y a des bruits sourds que l'on tâche d'établir, de fortifier et d'empoisonner (?) selon que je le sais de très bonne part sur l'accueil gracieux dont V. A. I. a honoré l'ambas-

[1]) Въ 1752 году.

sadeur d'Angleterre, ce qui n'a pas laissé de donner occasion à glosser aux courtisans spéculatifs et à faire débiter sous main, comme si je me servais de cet ambassadeur auprès de V. A. I. pour Lui faire parvenir toute sorte d'impressions. J'ai d'alleurs lieu de supposer par quelques traits assez marqués des insinuations, faites à V. A. I., qu'outre que le maître de cérémonies, le vice-chancelier, mon frère et leur appui, le chambellan Schuwalow, constituent la véritable source, le chavalier Williams et son ami et cavalier d'ambassade Polonais y peuvent avoir bonne part par des discours trop hazardés et legers sur les affaires de Pologne". (Дрезденскій Главн. Госуд. Архивъ. loc. 3033).

„Свѣдѣнія, которыя в. и. в. благоволили сообщить мнѣ, таковы, что, принимая во вниманіе только одни милостивыя намѣренія и побужденія, коими в. в. благоугодно было самимъ объяснить ихъ, я не могу не быть, до глубины души, проникнутымъ за это самой живѣйшей благодарностью къ в. в. Я не нахожу словъ высказать, какъ мнѣ того бы хотѣлось, мою покорную и почтительнѣйшую признательность за это в. в., которая не изсякнетъ до конца моей жизни, поэтому я молю в. и. в. вѣрить тому, что я не только отношусь съ должнымъ уваженіемъ къ столь почтеннымъ совѣтамъ, но я отнесусь и со всевозможнымъ вниманіемъ и къ тѣмъ кознямъ, которыя мои враги такъ упорно строятъ противъ меня. Я прошу однако милостиваго позволенія в. в. высказать вамъ: 1) что я давно уже подробно освѣдомленъ объ этихъ обвиненіяхъ и о гнусной клеветѣ, которую хотятъ взвести на меня, я узналъ объ этомъ не теперь, а нѣсколько лѣтъ назадъ, а именно въ то время, когда вице-канцлеръ и церемоніймейстеръ завели тайную переписку съ моимъ братомъ; 2) что я могу завѣрить васъ, что мнѣ не только не въ чемъ упрекнуть себя въ отношеніи дѣлъ польскихъ, какъ-то въ нерадѣніи о нашихъ друзьяхъ, въ чемъ-либо иномъ, но я скорѣе могу, въ утѣшеніе свое, подтвердить противное самыми ясными, вѣскими и опредѣленными доказательствами; 3) что касается гнусной клеветы и неправды, которыя измышляютъ съ цѣлью придать обвиненіямъ извѣстную окраску, замѣшавъ въ нихъ графа Брюля и его мнимыя рѣчи, то, привыкнувъ уже въ достаточной степени къ коварнымъ происканъ, я буду стоять выше ихъ, поскольку я убѣжденъ въ ихъ лживости и насколько я льщу себя надеждою, что в. в. слишкомъ справедливы и слишкомъ великодушны, чтобы вы захотѣли осудить меня, не выслушавъ меня. Наконецъ, чистая совѣсть и твердость по-прежнему будутъ единственнымъ орудіемъ, которое я имъ противупоставлю.

Мнѣ небезъизвѣстно, в. в., что вице-канцлеръ и церемоніймейстеръ были заняты послѣдніе 3 мѣсяца составленіемъ въ коллегіи доклада о дѣлахъ польскихъ, не обсудивъ предварительно главнаго предмета доклада, т. е. извѣстнаго плана и опредѣленной системы дѣйствій, которыя соотвѣтствовали бы интересамъ Россіи при царствующей въ Польшѣ усобицѣ и не зная еще и не выяснивъ обстоятельно, кто именно истинный другъ Россіи и кто только выдаетъ себя за такового съ цѣлью достигнуть этимъ своихъ личныхъ или фамильныхъ видовъ въ этомъ королевствѣ. Докладъ этотъ явно кмѣетъ цѣлью лишь доставить моему брату посольство въ эту страну. Впрочемъ, я не знаю еще, рѣшенъ ли е. в. въ самомъ дѣлѣ вопросъ объ этомъ назначеніи; смѣю даже сомнѣваться въ этомъ, что бы ни думала и ни разглагольствовала объ томъ заблаговременно клика, желающая этого назначенія только потому, что эти лица не видятъ иного средства отдѣлаться отъ докучливыхъ приставаній моего брата, который связалъ ихъ по рукамъ и потому, что, чувствуя поддержку и опору въ камергерѣ Шуваловѣ старшемъ, они полагаютъ, что они уже взяли верхъ; ежели в. в. это чувствуете, то вы конечно вольны приказывать; и мой долгъ, въ такомъ случаѣ, покорно сообразовать съ этимъ свои поступки по голландской пословицѣ: volg ordre en doe quaad; тѣмъ не менѣе, долгъ и служебное положеніе повелѣваютъ мнѣ въ данномъ случаѣ, какъ только е. в. заговоритъ со мною, объ этомъ дать почувствовать ей твердо и правдиво, какія неудобства, трудности, невзгоды и опасности могутъ произойти отъ ошибочно принятыхъ мѣръ, дабы мнѣ не въ чемъ было упрекать себя впослѣдствіи. Честью могу завѣрить в. в., что не оставленіе Гросса въ Дрезденѣ, и не вліяніе какой-либо другой страсти: злобы, вражды или ненависти заставляютъ меня смотрѣть на предполагаемое назначеніе моего брата въ Польшу съ той точки зрѣнія, какъ я смотрю на это. Если бы я руководствовался въ данномъ случаѣ исключительно своими интересами, мнѣ слѣдовало бы, скорѣе, быть этимъ весьма довольнымъ, ибо такимъ образомъ былъ бы удаленъ братъ, который, позабывъ естественныя узы кровнаго родства, дѣйствуетъ противъ меня какъ самый отъявленный мой врагъ; повторяю, есть болѣе вѣскія и законныя причины, которыя заставляютъ меня опасаться, что мой братъ способенъ скорѣе поссорить насъ одновременно съ республикой, съ которой, кстати сказать, мы еще не пришли къ соглашенію ни относительно императорскаго титула, ни относительно церемоніала, ни относительно обмѣны посольствами—и съ Саксонскимъ дворомъ, точно также, какъ онъ едва не поссорилъ насъ съ Вѣнскимъ дворомъ (въ 1752 г.). Послѣ всего сказаннаго, я осмѣлюсь еще просить у в. высо-

чества одной милости, которая довершила бы всѣ предъидущія, и которая, въ особенности, дала бы мнѣ возможность отпарировать направленные противъ меня удары, а именно, чтобы в. в. соблаговолили открыть мнѣ, откуда и какими путями, эти инсинуаціи могли дойти до в. в.; быть можетъ, это сдѣлано умышленно, съ цѣлью поселить въ васъ тревогу, въ предположеніи, что я быть можетъ имѣю счастье пользоваться вашимъ благоволеніемъ, и въ надеждѣ, что если, благодаря вашему милостивому отношенію, кое-что изъ этихъ намековъ дойдетъ до меня, то этого будетъ достаточно, чтобы заставить меня измѣнить мнѣніе до такой степени, что я сдѣлаю все, что хотятъ эти люди, тѣмъ болѣе, что ходятъ тайные слухи, которые, какъ мнѣ извѣстно изъ очень важнаго источника, нѣкоторые стараются упрочить и извратить, о милостивомъ пріемѣ, коимъ в. и. в. удостоили англійскаго посланника, что дало наблюдательнымъ царедворцамъ поводъ злословить и передавать по секрету, будто бы я стараюсь при посредствѣ этого посланника сообщить вамъ самыя разнообразныя впечатлѣнія. При томъ я имѣю поводъ предполагать, основываясь на довольно ясныхъ намекахъ, сдѣланныхъ в. и. в., что не только церемоніймейстеръ, вицеканцлеръ, мой братъ и камергеръ Шуваловъ, на котораго они опираются, являются истиннымъ источникомъ этихъ слуховъ, но что въ нихъ немалую долю участія имѣютъ и кавалеръ Уиліамсъ и его другъ, кавалеръ польскаго посольства, своими слишкомъ рискованными и легкомысленными рѣчами относительно польскихъ дѣлъ (Дрезденскій Главн. Госуд. Архивъ loc. 3033)“.

Преемникъ Функа, секретарь посольства Прассе, замѣчаетъ въ депешѣ 22 марта (н. ст.) по поводу этой переписки „Williams mag sich vorgestellet haben, den Grosskanzler durch die von der Grossfürstin an diesen zu geschehende insinutiones von grosser Gefahr für seine Person so gleich auf einmal intimidiren und seine Abrichten durchzusetzen“, (А. Д. loc. 3034).

„Вильямсъ, кажется, вообразилъ себѣ, что ему удастся одновременно запутать канцлера намеками, которые могли быть переданы ему великой княгиней о грозящей ему лично большой опасности, и проникнуть его намѣренія“, (тамъ же loc. 3034),—но потерпѣлъ полную неудачу. Какъ ни глубоко понимала Екатерина необходимость постояннаго русскаго вмѣшательства въ дѣла Польши, но въ придворной интригѣ она не могла еще одолѣть опытнаго партнера, какимъ былъ Бестужевъ.

Брюль еще разъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, освободился отъ русскаго заступничества за Чарторыйскихъ, но бѣдный, скромный Функъ, безцѣнный органъ связи между нимъ и Бестужевымъ, знавшій „всю подноготную“ въ Петербургѣ, получилъ по проискамъ фаворитовъ *consilium abeundi*. Русскій канцлеръ въ награду за разныя услуги удостоился въ октябрѣ 1756 г. со стороны Августа III подарка, 10.000 червонцевъ,

Февральская записка Екатерины Алексѣевны, какъ правильно указалъ В. А. Бильбасовъ (изд. Штура, т. I, стр. 321) является первымъ по счету политическимъ письмомъ Великой Княгини. Но почтенный историкъ Екатерины имѣлъ довольно смутное понятіе объ этомъ документѣ. Во-первыхъ, онъ перепечаталъ изъ Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen, XII, 305, не „копію“, а только краткое резюмэ письма. Во-вторыхъ, не зная подробно тогдашнихъ польскихъ дѣлъ, не понялъ смысла обращенія Екатерины къ Бестужеву и даже не подозрѣвалъ существованія отвѣта. Въ-третьихъ, не зналъ Бильбасовъ и того, что если резюмэ попало изъ Берлинскаго тайнаго архива въ Politische Correspondenz, то это объясняется вовсе не передачей секретнаго „билета“ Брюлемъ пруссаку Мальцану, немыслимой при тогдашнихъ саксонско-прусскихъ отношеніяхъ, а систематической кражей документовъ, производившейся въ Дрезденскомъ кабинетѣ секретаремъ Менцелемъ, подкупленнымъ, какъ извѣстно, Фридрихомъ Великимъ при посредствѣ Мальцана. Точно такъ же поясненіе, будто „въ это время Брюль дѣйствовалъ заодно съ французскимъ посланникомъ (!) Дюраномъ и секретаремъ прусскаго посольства Бенуа, то есть противъ русскихъ интересовъ и могъ, конечно, только похвалиться, что „Бестужевъ въ его рукахъ“,—не выдерживаетъ критики [1]).

* * *

Письмо Императрицы къ барону Остену, переѣхавшему въ маѣ 1761 г. изъ Петербурга на постъ посланника при Варшавскомъ дворѣ, приложено въ копіи при депешѣ послѣдняго отъ 9 іюня (н. ст.) 1762 г. Уже изъ этого обстоятельства можно заключить, что оно написано не позже послѣднихъ чиселъ мая. Такъ какъ оно упоминаетъ о войнѣ съ Австріей какъ о дѣлѣ рѣшенномъ—о которомъ Мерси Аржанто узналъ отъ канцлера Воронцова 15/26 мая—

[1]) Относительно подробностей см. *Polska w dobie Wojny Siedmioletniej*, глава I и III.

то моментъ возникновенія письма можно фиксировать съ достаточной точностью, для того чтобы судить по его содержанію о подготовкѣ авторши къ событіямъ 28/9 іюня. Заключая въ себѣ обозрѣніе важнѣйшихъ фактовъ съ половины апрѣля, оно ясно само по себѣ и послѣ труда Бильбасова не требуетъ никакихъ разъясненій.

„Je vous mande que ma situation était telle que le seul soupçon d'une correspondance illicite me perdrait. On a tramé des choses horribles contre moi. Le père et l'oncle de Mademoiselle de Woronzow avaient projeté de m'enfermer et de la mettre à ma place, l'Empereur lui-même s'y opposa, disant qu'il avait oublié le passé, qu'il ne pouvait se plaindre du présent et qu'il verrait comment je me conduirais. Le vrai est que l'amour extrême de la nation pour moi, et qui est monté à un degré qui m'étonne moi-même, les fait trembler. On n'ose rien entreprendre contre moi, et assurément, qui que ce soit ne le ferait pas impunément. Il ne tiendrait qu'à moi de faire bien des choses, mais vous savez les raisons qui me font répugner les moyens violents. Il n'y a de propositions qu'on ne m'ait faites. Le mécontentement est grand et s'accroit journellement, aussi les folies augmentent et sont à présent publiques. On a vraiment de l'aigreur contre lui: il est insupportable à ceux même qu'il comble de bienfaits. Puis, imaginez vous qu'il dit à tout le monde que le Roi de Prusse est son maître et qu'il n'a qu'à lui ordonner pour qu'il obéisse et fasse tout ce qu'il voudra! C'est le discours qu'il tient à toute heure ajoutant qu'il aime mieux sa charge de lieutenant-général que celle d'empereur. Il ne quitte plus le cordon jaune et ne porte jamais celui de Saint André ne fait pas un signe de prix à l'Église, offense tous les prêtres, la réligion et la nation. Enfin, personne ne se donna jamais plus de peine pour être hais et il y réussit au de là de l'expression. Il n'y a que le mépris pour lui qui surpasse cette haine. Je n'amplifie rien, ce sont des gémissements publics, on parle sur ce ton tout haut. Vous verrez que cela aura des suites, je ne ménage rien, la fermentation s'accroit. Il veut faire en personne la guerre aux Danois, nous la croyons sûre ici. Je lui demandai, quelle raison il avait pour faire la guerre à l'Impératrice-Reine? Il m'a répondu que la raison était son traité avec le Roi de Prusse. Mr de Keith me nuit tant qu'il peut et tient de moi les discours les moins respectueux. J'ai fait demander au Roi de la Grande Bretagne, si c'est par son ordre; si non, qu'il lui impose silence. Cet homme me guérit de ma prédilection pour sa nation:

je n'ai pas mérité un pareit traitement de lui. Le Roi de Prusse me caresse beaucoup et parle de moi avec beaucoup de considération: enfin, il prend ses précautions. On dit que malgré les folies de l'Empereur pour lui il s'en moque et l'appelle son chevalier errant. Mademoiselle de Woronzow chancelle, nous lui trouvons tous les jours de nouvelles rivales. L'Empereur dit Souvent du chancelier qu'il est vendu à Vienne et à (Versailles) [1]), jugez, s'il a grand crédit; sa femme fait la maquerelle de sa fille et de sa nièce les autres vieilles l'enhaïssent à cause du cordon (de Sainte Catherine). Tout cela n'est que mieux pour nous; enfin de tout le bien qui se fait, je me réjouis, puisque j'aime le bien public, et tout le mal qu'on fait, je tourne à mon avantage. Ma situation est donc malheureuse. Mon oncle est honnet homme et peu de chose et tout neuf dans ce pays-ci; ma tante prude et dévote, mène son mari qui la craint, elle en est jalouse, quoique en vérité, il n'est pas d'une figure qui inspire tendresse. Munich, tout guetré en habit à crochet et perruque bouclée à l'age de 80 ans, n'a eu du crédit que trois jours, malgré son éminent mérite; par malheur, il a parlé raison, il ne radote point, il est fraix et gaillard, il a vraiment une grande âme. Malgré ce que j'ai dit et représenté en faveur de Biron, on vient de lui faire de nouveau la seconde disgrace: il a été obligé de renoncer au Duché et quoique ce soit en faveur de mon oncle, je ne trouve pas l'action moins injuste. Biron a de l'esprit, la conversation agréable, mais un mauvais coeur et beaucoup de farouche dans les yeux. Le Hetman est fort bien avec l'Empereur, mais il n'a pas sa confiance; le chambellan Schouwalow, Glebow, Melgounow ont tout le crédit".

„Сообщаю Вамъ, что мое положеніе таково, что одно подозрѣніе въ тайной перепискѣ можетъ погубить меня. Противъ меня замышляютъ ужасныя вещи. Отецъ и дядя г-жи Воронцовой замышляли заточить меня и посадить ее на мое мѣсто. Императоръ самъ воспротивился этому, сказавъ, что онъ забылъ прошлое, что онъ не можетъ пожаловаться на настоящее, и что онъ посмотритъ, какъ я буду вести себя. Дѣло въ томъ, что горячая любовь ко мнѣ народа, доходящая до такой степени, что это удивляетъ меня самое, заставляетъ ихъ трепетать. Противъ меня ничего не смѣютъ предпринять, и несомнѣнно, что это не прошло бы никому безна-

---

[1]) Вмѣсто этого слова въ копіи Копенгагенскаго архива пробѣлъ.

казанно. Отъ меня зависитъ сдѣлать многое, но вамъ извѣстны причины, по которымъ мнѣ было бы противно прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Мнѣ дѣлали самыя разнообразныя предложенія. Недовольство велико и растетъ съ каждымъ днемъ, да и сумасбродства растутъ и дѣлаются нынѣ публично. Противъ него дѣйствительно озлоблены: онъ не сносенъ даже тѣмъ, коихъ онъ осыпаетъ благодѣяніями. Затѣмъ, представьте себѣ, онъ говоритъ всѣмъ, что король прусскій его глава, что стоитъ ему приказать, онъ повинуется и сдѣлаетъ все, что онъ захочетъ! Тому подобныя рѣчи онъ держитъ ежечасно, присовокупляя, что онъ предпочитаетъ свои генералъ-лейтенантскія обязанности императорскимъ. Онъ не снимаетъ съ себя желтой ленты и никогда не носитъ Андреевской, не крестится въ церкви, оскорбляетъ священниковъ, религію и народъ. Словомъ, никто не дѣлалъ столько, чтобы возбудить къ себѣ ненависть, и это ему удается сверхъ мѣры. Эту ненависть превосходитъ только презрѣніе, съ какимъ къ нему относятся. Я ничего не преувеличиваю, всѣ громко стонутъ и говорятъ въ этомъ духѣ во всеуслышаніе; увидите, какія это будетъ имѣть послѣдствія, я никого не щажу, броженіе усиливается. Онъ хочетъ самолично вести войну съ Даніей; мы увѣрены здѣсь въ томъ, что война будетъ. Я спросила его, какой поводъ онъ имѣетъ воевать съ императрицей-королевой? Онъ отвѣчалъ, что поводомъ къ тому служитъ трактатъ, заключенный имъ съ королемъ прусскимъ. Г. Кэйтъ вредитъ мнѣ, насколько можетъ, и отзывается обо мнѣ самымъ непочтительнымъ образомъ. Я приказала спросить короля Великобританскаго, дѣлается ли по его приказанію, и если нѣтъ, то чтобы онъ велѣлъ ему замолчать. Этотъ человѣкъ излечитъ меня отъ моего пристрастія къ его націи: я не заслужила съ его стороны подобнаго отношенія. Король прусскій очень льститъ мнѣ и отзывается обо мнѣ съ большимъ почтеніемъ: словомъ, онъ принимаетъ предосторожности. Говорятъ, будто, не взирая на всѣ сумасбродства Императора по отношенію къ нему, онъ смѣется надъ нимъ и называетъ его своимъ странствующимъ рыцаремъ. Положеніе г-жи Воронцовой колеблется, мы находимъ ей каждый день новыхъ соперницъ. Императоръ часто говоритъ о канцлерѣ, что онъ продался Вѣнѣ и (Версалю); судите поэтому, велико ли его значеніе, его жена сводничаетъ для своей дочери и племянницы; прочія старухи ненавидятъ ее за ленту (орденъ св. Екатерины). Все это какъ нельзя лучше для насъ; все добро, которое дѣлается, меня радуетъ, такъ какъ я дорожу благомъ общества, а все зло, какое дѣлаютъ, я стараюсь обратить въ свою пользу. Итакъ мое положеніе самое прискорбное. Мой дядя человѣкъ честный, но безъ вліянія и еще со-

всѣмъ новичекъ здѣсь; моя тетушка жеманница и ханжа, вертитъ мужемъ, который боится ее; она ревнуетъ его, хотя, по правдѣ сказать, его наружность не можетъ внушить любви. Минихъ всегда въ кафтанѣ, щиблетахъ и завитомъ парикѣ, несмотря на свои 80 лѣтъ; не взирая на его выдающіяся достоинства, онъ пользовался вліяніемъ не болѣе трехъ дней. Къ несчастію, онъ говорилъ разумно, не болталъ вздора, онъ добръ и веселъ, у него въ самомъ дѣлѣ великая душа. Несмотря на все то, что я говорила и доказывала въ пользу Бирона, онъ еще разъ подвергся опалѣ: ему пришлось отказаться отъ герцогства и хотя это сдѣлано въ пользу моего дяди, но я нахожу, тѣмъ не менѣе, этотъ актъ несправедливымъ. Биронъ уменъ, его рѣчь увлекательна, но у него недоброе сердце и суровый взглядъ! Гетманъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Императоромъ, но не пользуется его довѣріемъ; полнымъ довѣріемъ пользуются камергеръ Шуваловъ, Глѣбовъ и Мельгуновъ“.

Владиславъ Конопчинскій.

Къ 50-ти лѣтію освобожденія крестьянъ [1]).

(*Окончаніе*).

II.

Предварительныя мысли объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами.

Съ первыхъ лѣтъ текущаго столѣтія, правительство старается установить, на болѣе правильныхъ началахъ, отношенія между помѣщиками и ихъ крестьянами. Не разъ уже заявлено было, что сіи отношенія, оставаясь въ неопредѣленномъ видѣ, почти *внѣ дѣйствій закона и правительственной власти*,—невыгодны для успѣховъ народнаго хозяйства, вредны для упроченія общественной нравственности и несовмѣстны съ благоустройствомъ государственнымъ. Но не распространяясь объ этомъ, достаточно сказать, что нынѣшній порядокъ вещей представляетъ постоянную опасность для спокойствія Имперіи.

Въ настоящее время замѣчается усиленное броженіе въ умахъ по поводу этого вопроса. Съ одной стороны, въ крестьянахъ проявляется стремленіе выдти изъ зависимости отъ владѣльцевъ, что доказывается частыми ихъ волненіями то въ томъ, то въ другомъ имѣніи,—недавнимъ движеніемъ значительной массы народа въ Крымъ, вслѣдствіе самыхъ нелѣпыхъ слуховъ,—и особенно опасеніями, возбужденными въ послѣднее время во многихъ губерніяхъ. Съ другой стороны, дворяне тоже сильнѣе и сильнѣе чувствуютъ

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1912 г.

непрочность своихъ правъ, одинаково опасаясь и народныхъ смутъ и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства, а многіе изъ нихъ, убѣждаясь въ необходимости положить конецъ теперешнему напряженному положенію, не знаютъ, какъ изъ него выдти. Вслѣдствіе такого расположенія умовъ, появились многіе частные о семъ проекты, которые ходятъ по рукамъ не только въ столицахъ, но и во всей Россіи, и съ большимъ вниманіемъ и интересомъ читаются и обсуживаются въ публикѣ.

Все это не представляетъ ли ясныхъ указаній для будущаго? Если правительство не овладѣетъ вопросомъ, чтобы повести его, сколь можно осторожнѣе, къ постепенному разрѣшенію, то, быть можетъ, событія опередятъ самыя законодательныя и административныя мѣры. Не слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ опасаться, что въ народѣ возникнетъ гибельная мысль, будто бы правительство не хочетъ заботиться о крестьянахъ, и спасительное упованіе ихъ мало-по-малу исчезнетъ; а благія намѣренія просвѣщеннѣйшихъ помѣщиковъ истощатся въ безплодныхъ толкахъ?

Многіе найдутъ, быть можетъ, эти опасенія преувеличенными и сошлются на то, что война и перемѣна царствованія всегда производили броженіе въ умахъ, которое, при благоразумныхъ полицейскихъ и военныхъ мѣрахъ, мало-по-малу утихало. Вопросъ объ отношеніяхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ, — какъ нѣкоторые думаютъ,—еще не созрѣлъ для рѣшенія, и подымать его теперь значило бы разжигать въ народныхъ массахъ несбыточныя надежды и опасныя страсти.

Эти и подобныя имъ разсужденія едва-ли справедливы и согласны съ фактами, совершающимися у насъ подъ глазами. Волненія между крѣпостными крестьянами, очевидно, возрастаютъ, и толки ихъ о мнимой свободѣ постоянно усиливаются. Не доказываетъ ли это, что однѣ охранительныя и строгія мѣры не вполнѣ достигаютъ цѣли? Теперь,—какъ всѣ сознаются,—броженіе въ народѣ чувствуется сильнѣе.

Если правительство противупоставитъ ему навсегда твердую преграду, то быть можетъ оно и исчезнетъ на время, но будетъ ли это прочно? Сдавленныя потребности, не имѣя законнаго удовлетворенія,—какъ научаетъ примѣръ другихъ народовъ и наша собственная историческая опытность,—обыкновенно сосредоточиваются въ глубинѣ народнаго сознанія, дозрѣваютъ въ тишинѣ и мракѣ и тамъ перерождаются въ темныя страсти, неразумныя и необузданныя. И тогда, неожиданный случай,—или общее бѣдствіе, голодъ, пожары, повальная болѣзнь, или напряженіе, вызываемое войною, или даже вздорный слухъ и преступное сумасбродство какого-нибудь бродяги,—могутъ

вызвать народныя страсти, которыя нельзя будетъ ни сдержать, ни направить мирными средствами. Останется одна борьба съ ними вооруженною силою, потрясающая надолго всѣ основы общества, каковъ бы ни былъ ея исходъ. Одному неисповѣдимому Промыслу извѣстно, гдѣ лежитъ предѣлъ между возможностью предотвратить такую опасность и ея неизбѣжностію. Потому-то не будетъ ли осторожнѣе отклонить заблаговременно самую причину зла, тихо и незамѣтно, мѣрами законодательными и административными? Страхъ дать пищу народнымъ надеждамъ, который смущаетъ нѣкоторыхъ, не есть ли обманчивый призракъ? Опасностью грозитъ не надежда, а положеніе безнадежное. До сихъ поръ крѣпостное населеніе ожидаетъ отъ Царской воли перемѣны своего быта, и каждый вѣрноподданный не долженъ ли страшиться одной мысли, чтобы это кроткое и мирное упованіе не ослабѣло въ народныхъ массахъ?

Глубоко сознавая всю политическую важность вопроса о крѣпостныхъ отношеніяхъ, блаженныя памяти Императоры Александръ I и Николай I старались исподоволь подготовить отмѣну ихъ. Въ этихъ видахъ изданы были, независимо отъ разныхъ узаконеній, клонившихся къ ограниченію владѣльческаго произвола, два коренныхъ постановленія: *однимъ* (1803 г.) дозволено увольнять крѣпостныхъ съ землею, въ такъ называемые свободные хлѣбопашцы, а *другимъ* (1842 г.) предоставлено помѣщикамъ заключать условія, по коимъ земля оставалась ихъ собственностію, а крестьяне, получая личныя права, обязывались нести опредѣленныя работы и повинности [1]).

Изъ этихъ двухъ мѣръ первая имѣла однако весьма незначительный успѣхъ, послѣдняя—почти никакого. Въ свободные хлѣбопашцы уволено доселѣ, т. е. въ теченіе полстолѣтія, не болѣе 140 т. ревизскихъ душъ, а въ обязанные поселяне въ 14 лѣтъ не болѣе 16 т. душъ.

Столь недостаточныя послѣдствія могутъ быть объяснены, между прочимъ, слѣдующимъ:

Во-*первыхъ*, изданныя правила, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, были не полны или стѣснительны. Такъ, въ свободные хлѣбопашцы запрещено увольнять по завѣщанію, тогда какъ, въ силу обычаевъ, вкоренившихся у насъ изстари, владѣльцы охотнѣе увольняютъ крѣпостныхъ передъ своею кончиной, когда вообще человѣкъ рас-

[1]) Св. Зак. о Сост. т. IX, ст. 760—795 и 903—913. Свободные хлѣбопашцы нынѣ именуются оффиціально (съ 15 іюля 1848 г.), „государственными крестьянами, водворенными на собственныхъ земляхъ“; но какъ въ общемъ употребленіи сохранилось прежнее названіе, то оно и здѣсь употреб. для большей ясности изложенія.

положенъ болѣе къ милосердію, да и самые матеріальные интересы уже теряютъ для него свою заманчивость. Относительно имѣній, населенныхъ обязанными крестьянами, постановлены, между прочимъ, разныя ограниченія для полученія ссудъ изъ кредитныхъ установленій, а извѣстно, что наши помѣщики въ такихъ ссудахъ нерѣдко нуждаются, и лишаясь возможности пользоваться ими на выгодныхъ условіяхъ, теряютъ охоту и даже возможность обращать своихъ крестьянъ въ обязанные. Кромѣ того, въ изданныхъ положеніяхъ есть и другія требованія, не всегда удобныя на практикѣ, а между тѣмъ недостаетъ самыхъ существенныхъ указаній, безъ которыхъ отношенія между владѣльцами и крестьянами никогда не будутъ покойны и прочны. Наконецъ, оба указанные способы увольненія сопряжены съ продолжительными формальностями, отчего многіе проекты условій между владѣльцами и крестьянами иногда остаются безъ утвержденія по несоблюденію лишь незначительныхъ канцелярскихъ обрядовъ.

Во-*вторыхъ* дѣйствіе изданныхъ законовъ (особенно о сбязанныхъ крестьянахъ) было нѣкоторымъ образомъ ослабляемо послѣдующими мѣрами и предписаніями. Это произошло очевидно изъ желанія предупредить ложные слухи и народныя волненія. Къ сожалѣнію, такія распоряженія, при всей ихъ благонамѣренности, рождали еще большія затрудненія. Слухи распространялись попрежнему; ожиданія народа росли; изглаживалось только нравственное вліяніе законовъ, а оттого и дѣйствіе ихъ было неполное. Приглашеніе владѣльцевъ, въ законодательномъ порядкѣ, добровольно начать постепенное измѣненіе крѣпостныхъ отношеній должно было—независимо отъ прямыхъ практическихъ послѣдствій,—направить дворянство къ этой цѣли и мало-по-малу, такъ сказать, воспитать общественное мнѣніе въ предположенномъ направленіи. Но частныя распоряженія, несогласныя съ общею мыслію, естественно отнимали у нея необходимую нравственную поддержку, что ободряло противниковъ закона и давало имъ достаточный поводъ перетолковывать, по своему, намѣренія правительства. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, рвеніе помѣщиковъ, наиболѣе расположенныхъ къ устройству быта своихъ крестьянъ, не разъ охладѣвало, тѣмъ болѣе, что разрозненныя попытки такого рода, безъ явнаго покровительства со стороны правительства, сопряжены съ слишкомъ большими и, можно сказать, безплодными жертвами.

Колебанія въ столь важномъ вопросѣ породили другое существенное неудобство: противорѣчія въ законахъ. Такимъ образомъ, во то время, когда правительство уже помышляло о постепенномъ преобразованіи крѣпостныхъ отношеній, права владѣльцевъ надъ

крестьянами были нѣсколько расширены; напримѣръ: имъ дано право отсылать крѣпостныхъ въ исправительныя заведенія, не объясняя побудительныхъ причинъ, право заводить сельскія тюрьмы и заключать въ нихъ крѣпостныхъ на время до двухъ мѣсяцевъ; право ссылать въ Сибирь на поселеніе стариковъ (имѣющихъ болѣе 50-ти лѣтъ) и несовершеннолѣтнихъ (отъ 8-ми до 17-ти), что до того времени не дозволялось. При семъ нельзя не замѣтить, что право ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь было въ 1811-мъ году формально отмѣнено, но вскорѣ потомъ опять возстановлено. Равнымъ образомъ, дарованное въ 1846 году крестьянамъ право выкупаться на публичныхъ торгахъ впослѣдствіи негласно отмѣнено. Такія противорѣчія въ правительственныхъ дѣйствіяхъ едва-ли не вреднѣе, чѣмъ самыя крупныя мѣры, ибо подрываютъ довѣріе къ закону и, колебля существующій порядокъ вещей, не создаютъ новаго, раздражая лишь разнородные интересы.

Изложенныя обстоятельства содержатъ, какъ кажется, указанія, полезныя для будущаго.

Устройство отношеній между владѣльцами земель и ихъ крестьянами, какъ всякое коренное преобразованіе, требуетъ конечно времени и настойчивыхъ усилій. Но едва-ли найдется другое преобразованіе, которое вызывало бы болѣе постоянства. Колебанія въ этомъ случаѣ пугаютъ самихъ владѣльцевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ заботитъ не одно настоящее, но и будущность, своя и дѣтей. Посему многіе ожидаютъ съ трепетомъ, чтобы правительство рѣшилось на одно изъ двухъ: или силою охранять въ полной ненарушимости существующій порядокъ вещей, или же совершить преобразованіе постепенно, но неуклонно и безостановочно. Дѣйствительно, остановиться на полпути значило бы обречь государство на продолжительное тревожное состояніе. Въ такомъ случаѣ,— какъ многіе справедливо замѣчаютъ,—лучше отказаться вовсе отъ возбужденнаго вопроса и закрывъ глаза на будущее предоставить рѣшеніе его судьбѣ и исторіи, чѣмъ, коснувшись однажды, не вести до конца.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ давно уже не новой. Онъ окончательно рѣшенъ во всѣхъ государствахъ Западной Европы. Способы, для сего избранные, были различны, смотря по цѣли, которая имѣлась въ виду. Въ однихъ государствахъ дарована крѣпостнымъ только личная свобода; въ другихъ имъ предоставлено, вмѣстѣ съ личными гражданскими правами, опредѣленное количество земли, за что помѣщики получили справедливое вознагражденіе.

Послѣдній способъ, т. е. выкупъ у владѣльцевъ какъ крестьянъ, такъ и части бывшей въ ихъ пользованіи земли, во всѣхъ отно-

шеніяхъ заслуживаетъ предпочтенія. Опытъ показалъ, что вездѣ, гдѣ поселяне остались безъ поземельной собственности, возникла для нихъ крайне стѣснительная зависимость отъ владѣльцевъ, и вслѣдствіе того посреди сельскаго населенія образовался многочисленный классъ бобылей и бездомниковъ (сельскихъ пролетаріевъ), всегда находящійся въ броженіи и готовый стать орудіемъ политическихъ смутъ и переворотовъ; напротивъ, тамъ, гдѣ поселяне получили землю, они живутъ въ довольствѣ, не находятся во враждебныхъ отношеніяхъ съ прочими землевладѣльцами и представляютъ собою мирныхъ, спокойныхъ гражданъ, далекихъ отъ революціонныхъ движеній. Вѣроятно по этимъ соображеніямъ сопредѣльная намъ Пруссія и отчасти соплеменная Австрія, отмѣнившія у себя крѣпостное право въ новѣйшія времена, узаконили выкупъ не только работъ и повинностей, но и опредѣленнаго количества владѣльческой земли. Имѣя эти примѣры и опыты подъ глазами, правительству нашему предстоитъ, какъ кажется, рано или поздно, произвести повсемѣстный въ Имперіи *выкупъ* изъ частнаго владѣнія *крестьянскихъ общинъ* съ большимъ или меньшимъ, смотря по мѣстности и промысламъ, *количествомъ земли*. Самая операція выкупа могла бы совершиться лишь при посредствѣ кредита, постепенною выплатою выкупной суммы крестьянами. Но приведеніе этой мысли въ исполненіе, состоя въ тѣсной связи съ финансовымъ устройствомъ и кредитною частію и требуя органическаго преобразованія въ нашихъ банковыхъ учрежденіяхъ, затрогиваетъ весьма сложные вопросы, разрѣшеніе которыхъ должно составить предметъ особливаго, подробнаго соображенія. Во всякомъ случаѣ, едва-ли можно приступить къ этому рѣшительному средству прежде чѣмъ будутъ собраны точныя данныя, необходимыя для оцѣнки имѣній и для расчетовъ по выкупной операціи, и пока къ ней не будетъ подготовлено общественное мнѣніе.

Въ этихъ видахъ, необходимо, какъ кажется, принять *предварительно* нѣкоторыя *переходныя мѣры*, которыя облегчили бы впослѣдствіи окончательное рѣшеніе вопроса. Мѣры эти могутъ быть трехъ родовъ:

I. *Новое приглашеніе дворянства къ добровольнымъ сдѣлкамъ съ крестьянами.* Это средство было до сихъ поръ положено въ основаніе благодѣтельныхъ предначертаній Императоровъ Александра I и въ особенности блаженныя памяти Николая I. Два раза, какъ объяснено выше, дѣлались попытки въ этомъ смыслѣ. Но нельзя сказать, чтобы этотъ способъ былъ окончательно исчерпанъ, и что отъ него ничего болѣе ожидать не слѣдуетъ. Первые опыты, даже неудачные, принесли уже ту пользу, что показали, въ чемъ

именно встрѣтились затрудненія и препятствія къ исполненію правительственнаго вызова. Съ устраненіемъ ихъ можно ожидать лучшаго успѣха, тѣмъ болѣе, что въ самомъ дворянствѣ болѣе окрѣпло и усвоилось убѣжденіе въ неизбѣжности предлагаемаго преобразованія. Затѣмъ оставалось бы только облегчить и поправить дѣйствія тѣхъ владѣльцевъ, которые готовы устроить судьбу своихъ крестьянъ. Предѣлы этой записки не дозволяютъ развить и объяснить во всей подробности тѣ мѣры, которыя могли бы быть приняты съ этою цѣлію, но можно указать, хотя вкратцѣ, на нѣкоторыя изъ нихъ:

Во 1-хъ) Полезно бы дозволить увольненіе крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы посредствомъ духовныхъ завѣщаній, хотя бы по имѣніямъ благопріобрѣтеннымъ, что нисколько не нарушило бы законовъ нашихъ о наслѣдствѣ.

Во 2-хъ) Въ настоящее время многіе помѣщики охотно уступили бы крестьянамъ часть своей земли и дозволили бы имъ перейти въ свободные хлѣбопашцы, но крестьяне рѣдко имѣютъ необходимыя денежныя средства для немедленнаго выкупа; владѣльцы же неохотно разлагаютъ выплату на продолжительный срокъ, опасаясь затрудненій въ расчетахъ. Посему весьма желательно: или предоставить крестьянамъ нѣкоторое, хотя бы ограниченное право пользоваться, собственно на случай выкупа, ссудами изъ особаго, для сего назначеннаго капитала,—или допускать, со всѣми необходимыми предосторожностями, ручательство правительства въ постепенной уплатѣ крестьянами выкупной суммы. Послѣднее не представляетъ повидимому никакой опасности, ибо и нынѣ, до утвержденія договора, правительство удостовѣряется въ томъ, что возлагаемый на крестьянъ выкупъ не превышаетъ ихъ средствъ, и слѣдовательно принимаетъ уже на себя въ этомъ отношеніи нѣкоторое нравственное ручательство [1]).

Въ 3-хъ) Законъ объ обязанныхъ поселянахъ имѣлъ цѣлью открыть новый родъ сдѣлокъ, по которымъ крестьяне, оставаясь въ зависимости отъ помѣщиковъ, получали бы, съ ихъ согласія, болѣе опредѣленныя права и обязанности. Такая переходная ступень отъ полной крѣпостной зависимости къ полнымъ гражданскимъ правамъ могла бы обезпечить постепенное и мирное разрѣшеніе вопроса, и потому, въ интересѣ самихъ помѣщиковъ, желательно облегчить имъ способы къ заключенію подобныхъ договоровъ. Съ этою цѣлью, устранивъ всѣ правила и обряды, которые нынѣ признаются стѣснительными и не ко всѣмъ случаямъ могутъ

[1]) Зак. о Сост., Т. IX, по XVIII Прод., ст. 764—769.

быть одинаково примѣняемы, достаточно бы постановить лишь нѣсколько основныхъ и общихъ условій, предоставивъ все остальное доброй волѣ самихъ владѣльцевъ. Такими непремѣнными условіями, необходимыми для огражденія крестьянъ, были бы слѣдующія: а) чтобы каждому крестьянскому обществу отведено было, въ постоянное пользованіе, опредѣленное количество земли, смотря по мѣстности; б) чтобы повинности крестьянъ въ пользу владѣльцевъ опредѣлялись преимущественно оброкомъ (т. е. деньгами или продуктами), такъ какъ личныя работы даютъ обыкновенно поводъ къ пререканіямъ и взаимнымъ претензіямъ; во всякомъ случаѣ, крестьянскіе оброки или повинности необходимо перенести съ лицъ на землю и обращать на все крестьянское общество въ совокупности, а не на каждое семейство отдѣльно, что представляетъ большее обезпеченіе для владѣльца и удобство для крестьянъ, ибо даетъ имъ возможность раскладывать уравнительнѣе общую тягость, в) чтобы, вслѣдствіе сего, учреждено было мірское или общинное управленіе для крестьянъ, которые, посредствомъ своихъ выборныхъ и подъ однимъ лишь общимъ надзоромъ владѣльца, распоряжались бы дѣлами своего общественнаго хозяйства, и г) чтобы договоры помѣщиковъ съ крестьянами не были вѣчные, по неудобству и невозможности такихъ обязательствъ, а заключались бы на опредѣленный срокъ, напримѣръ на 6, 12, 18 и до 24-хъ лѣтъ (примѣняясь къ ст. 843, 886 и 898 Св. Зак. о Сост., Т. IX). Эти четыре условія, какъ кажется, оградили бы достаточно положеніе крестьянъ, безъ стѣсненія для владѣльцевъ. При окончательной обработкѣ изложенныхъ предположеній, конечно нужно будетъ развить съ большею точностью требованія правительства, но для пользы самаго дѣла желательно дать наиболѣе простора частнымъ интересамъ и мѣстнымъ особенностямъ каждаго края. Въ этихъ видахъ, не входя преждевременно ни въ какія подробности, должно сказать однако же, что, при пересмотрѣ нынѣшнихъ постановленій о договорахъ съ крестьянами, необходимо обратить особенное вниманіе на порядокъ утвержденія ихъ и на разборъ могущихъ возникать споровъ и взаимныхъ жалобъ. Съ одной стороны желательно сколь можно сократить существующія нынѣ формальности, а съ другой,—устранить, надзоромъ правительственной власти, всякія притѣсненія владѣльцевъ и неисправности крестьянскихъ общинъ. Задача эта, безъ сомнѣнія, представляетъ немаловажныя затрудненія; но какъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, система договоровъ не можетъ получить быстраго и повсемѣстнаго примѣненія, то на первый разъ не потребуется вѣроятно никакихъ спеціальныхъ учрежденій по этой части, и существующіе прави-

тельственные органы будутъ совершенно достаточны для предстоящаго дѣла.

Затѣмъ, должно надѣяться, что въ самомъ дворянствѣ найдутся опытныя и благонамѣренныя лица, которыя окажутъ въ этомъ случаѣ живое и самое полезное содѣйствіе (о чемъ будетъ говориться ниже). А дабы пріохотить вообще помѣщиковъ къ предлагаемой мѣрѣ, справедливость требуетъ даровать имъ нѣкоторыя облегченія. Такъ, напримѣръ, надлежало бы, какъ кажется, измѣнить дѣйствующія нынѣ крайне стѣснительныя правила о залогѣ имѣній, населенныхъ обязанными поселянами, распространивъ на сіи имѣнія дѣйствіе общихъ законовъ. Это снисхожденіе не можетъ быть опасно для кредитныхъ установленій, и лучшимъ тому доказательствомъ служатъ, между прочимъ, губерніи Кіевская, Волынская и Подольская, гдѣ уже семь лѣтъ тому назадъ введены инвентарныя правила, и хотя донынѣ тамошнія имѣнія принимаются въ кредитныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи, но не только никакихъ по нимъ неисправностей не замѣчено, а даже, напротивъ, означенныя три губерніи считаются самыми исправными въ платежѣ долга.

II. *Частныя мѣры къ ограниченію крѣпостного владѣнія.* Въ этихъ видахъ желательно пересмотрѣть дѣйствующія нынѣ постановленія по этой части, дабы, приведя ихъ къ единству по духу и направленію, принять нѣкоторыя новыя мѣры, кои, не касаясь существа владѣльческихъ правъ, содѣйствовали бы косвеннымъ образомъ ограниченію крѣпостного состоянія. Съ этою цѣлью можно указать на слѣдующія предположенія:

Во 1-хъ) Возстановить прежнія распоряженія о постепенномъ пріобрѣтеніи въ казну населенныхъ имѣній, особенно мелкопомѣстныхъ (заключающихъ въ себѣ, напримѣръ, менѣе 50-ти душъ), ибо чрезъ это уменьшилось бы число крѣпостныхъ и упрочился бы хозяйственный бытъ тѣхъ изъ нихъ, которые, по бѣдности самихъ владѣльцевъ, не могутъ ожидать никакихъ улучшеній въ будущемъ.

Во 2-хъ) Ускорить, согласно существующему уже закону (примѣч. къ ст. 745 Зак. о Сост. Т. IX), окончательный выкупъ однодворческихъ крестьянъ, коихъ по 9-й ревизіи числилось не болѣе $6^1/_2$ тысячъ душъ.

Въ 3-хъ) Уничтожить, посредствомъ выкупа, владѣніе крѣпостными, приписанными къ домамъ (ст. 989, Т. IX).

Въ 4-хъ) Воспретить продажу крѣпостныхъ подъ разными предлогами, безъ земли, съ одною лишь номинальною приписью къ населеннымъ имѣніямъ, потому что такія продажи даютъ поводъ къ вопіющимъ злоупотребленіямъ. Покупку же цѣлыхъ селеній на свозъ, а также переводъ собственныхъ крестьянъ на новыя мѣста,

дозволять владѣльцамъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ заключенія договоровъ съ переселяемыми крестьянами на изложенныхъ выше основаніяхъ.

Въ 5-хъ) Прекратить дробленіе селеній продажами и другими сдѣлками или по наслѣдству, о чемъ, сколько извѣстно, уже представленъ проектъ въ Государственный Совѣтъ.

Въ 6-хъ) Какъ законами нашими (ст. 886 и послѣд., Т. IX) уже дозволяется купцамъ селить на своихъ земляхъ свободныхъ людей на правахъ обязанныхъ крестьянъ, то тѣмъ болѣе причины распространить это правило на крѣпостныхъ, для которыхъ подобный переходъ въ высшее состояніе гораздо полезнѣе. Съ этою цѣлью разрѣшить купцамъ, а равно почетнымъ гражданамъ, пріобрѣтать населенныя земли, съ обязанностью увольненія живущихъ на нихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы или заключенія съ ними договоровъ на предположенныхъ основаніяхъ.

За симъ, предстояло бы войти въ соображеніе о мѣрахъ къ возможному охраненію помѣщичьихъ крестьянъ отъ явныхъ стѣсненій и несправедливостей. Такъ, напримѣръ: во 1-хъ, нерѣдко случается, что крѣпостные, долго занимаясь торговлею, мастерствами и другими городскими промыслами и получивъ уже въ городѣ осѣдлость, просятъ уволить ихъ изъ крѣпостной зависимости и предлагаютъ даже значительный выкупъ; но подвергаются непомѣрнымъ требованіямъ со стороны владѣльцевъ, что не только препятствуетъ ихъ личному благосостоянію, но косвенно отражается на развитіи городской промышленности; въ подобныхъ случаяхъ справедливо было бы, кажется, предоставить крѣпостнымъ право выкупаться, опредѣливъ закономъ хотя бы довольно высокую выкупную сумму; во 2-хъ, по смыслу нашихъ законовъ (ст. 967 и 968, Т. IX), помѣщики могутъ „отдавать своихъ крестьянъ постороннимъ лицамъ *въ услуженіе, для обученія ремеслу или на воспитаніе*“, и то съ разными ограниченіями; отдача же въ работы дозволяется, на особыхъ правилахъ, по однимъ западнымъ губерніямъ; между тѣмъ изъ практики извѣстно, что крестьяне разныхъ губерній отдаются по контрактамъ на *фабрики, заводы* и вообще на *работы всякаго рода*, и хотя въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ подобныя сдѣлки, по Высочайшимъ повелѣніямъ, были отмѣняемы, но злоупотребленіе это продолжается подъ разными предлогами, и между прочимъ подъ видомъ обученія; такой порядокъ вещей тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что создаетъ въ городахъ, особенно столичныхъ, многочисленный классъ людей, оторванныхъ отъ всякой осѣдлости, непривязанныхъ къ труду никакими личными выгодами,—людей въ высшей степени несчастныхъ, бѣдныхъ и нерѣдко безнравствен-

ныхъ; а потому ограниченіе подобнаго зла, несогласнаго впрочемъ съ самыми законами о крѣпостномъ правѣ, было бы столь же благодѣтельно для сельскаго, какъ и для городского населенія; въ 3-хъ, замѣчено, что оброчныя имѣнія, гдѣ зависимость отъ владѣльцевъ сравнительно легче, постепенно обращаются въ издѣльныя, т. е. денежный оброкъ замѣняется болѣе тяжелыми личными работами и службами; многіе же владѣльцы, для большаго еще извлеченія прибыли изъ крестьянъ, лишаютъ ихъ земель и поставляя въ положеніе дворовыхъ, получающихъ мѣсячину, употребляютъ въ работу ежедневно; это также несогласно съ кореннымъ закономъ о трехъ-дневной работѣ (ст. 964, Т. IX), а потому, для огражденія крестьянъ отъ столь тяжкаго и несправедливаго произвола, желательно бы затруднить переводъ ихъ съ оброка на барщину, а обращеніе въ поденщиковъ, работающихъ постоянно изъ одного насущнаго пропитанія, совершенно воспретить по прошествіи извѣстнаго, опредѣленнаго для сего срока; въ 4-хъ, имѣя въ виду, что произвольныя распоряженія помѣщиковъ особенно обременительны бываютъ для крестьянъ при назначеніи рекрутъ, войти въ разсмотрѣніе мѣръ, которыя, не постановляя общаго, однообразнаго для всѣхъ имѣній порядка (какъ затруднительнаго на практикѣ), ограничили бы нѣсколько произволъ при отправленіи сей государственной повинности; въ 5-хъ, пересмотрѣть и ограничить законы, дозволяющіе помѣщикамъ ссылать безотчетно своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь, отдавать въ исправительныя заведенія и заключать въ сельскія тюрьмы. Если предположенія эти удостоятся одобренія, то дальнѣйшее ихъ развитіе и объясненіе можетъ составить предметъ особой, подробнѣйшей записки.

III. Независимо отъ всѣхъ изложенныхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, необходимо *содѣйствіе самаго дворянства* въ дѣлѣ, столь близко до него касающемся. Къ сожалѣнію, понятія о настоящемъ вопросѣ большею частію еще неясны, разнорѣчивы и сбивчивы. Самые просвѣщенные изъ помѣщиковъ, убѣжденные въ необходимости мирнаго его разрѣшенія, не знаютъ, какъ приступить къ устройству своихъ имѣній, не довѣряя собственному личному взгляду. Другіе,—и конечно къ нимъ принадлежитъ значительнѣйшее большинство,—вовсе не уяснили себѣ вопроса и питаютъ, часто по одному невѣдѣнію, тайное или явное нерасположеніе ко всѣмъ мѣрамъ, которыя были имъ предлагаемы. Между тѣмъ, не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что столь важное преобразованіе можетъ совершиться не иначе, какъ подъ условіемъ дружнаго взаимнаго дѣйствія правительства и помѣщиковъ. Первому предстоитъ конечно открывать дорогу, устранять препятствія,

дѣлать полезныя указанія; на долю же дворянства приходится вся собственно практическая сторона дѣла: изысканіе способовъ къ примѣненію указаній и выполненію требованій правительства; выясненіе встрѣчающихся на этомъ пути затрудненій и препятствій и способовъ къ ихъ отклоненію; выработка матеріаловъ и данныхъ, на которыхъ правительство могло бы безошибочно основывать свои дальнѣйшія законодательныя и административныя мѣры. Для разъясненія вопроса, было бы, кажется, необходимо:

Во 1-хъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ извѣстные и опытные помѣщики пожелали бы войти въ соглашеніе между собою собственно объ образѣ исполненія тѣхъ мѣръ, которыя будутъ указаны Верховною властью, дозволить имъ образовать для сего особливые дворянскіе комитеты съ тѣмъ, чтобы совѣщанія ихъ ограничивались исключительно означеннымъ предметомъ и чтобы направленіе и ближайшее руководство сихъ совѣщаній ввѣрено было лицамъ, облеченнымъ особымъ довѣріемъ правительства.

Во 2-хъ, для разъясненія экономическихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ нынѣшнимъ устройствомъ населенныхъ имѣній (какъ, напримѣръ, о выгодахъ и невыгодахъ труда крѣпостного и наемнаго, о вліяніи того и другого на народное хозяйство и проч.), разрѣшить печатное обсужденіе сего предмета, подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства, въ спеціальныхъ изданіяхъ (какъ-то: въ журналахъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ и Народнаго Просвѣщенія, въ запискахъ и трудахъ Экономическихъ обществъ и т. под.). Разсужденія подобнаго рода, не касаясь щекотливой, нравственной и политической стороны крѣпостного права и при томъ будучи излагаемы въ видѣ ученыхъ статей, а не въ формѣ всѣмъ доступныхъ легкихъ литературныхъ произведеній, не представили бы, какъ кажется, никакой опасности; а между тѣмъ принесли бы, кромѣ непосредственной, и ту еще неисчислимую пользу, что въ самое короткое время въ нашемъ обществѣ сложились бы здравыя и ясныя экономическія и финансовыя понятія, отсутствіе которыхъ нынѣ такъ еще ощутительно и такъ невыгодно отзывается на рѣшеніи настоящаго дѣла.

Въ 3-хъ, какъ въ самихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, несмотря на чрезмѣрное обиліе статистическихъ свѣдѣній и матеріаловъ, ощущается, сколько извѣстно, совершенный недостатокъ въ необходимѣйшихъ по этому предмету данныхъ, то желательно бы обратить на это особенное вниманіе. Для сего надлежало бы собрать исподволь и со всею нужною осторожностью хотя общія свѣдѣнія по части внутренняго хозяйственнаго управленія населенныхъ имѣній, какъ-то: о числѣ помѣстій и душъ, состоящихъ на

оброкѣ или на барщинѣ; о порядкѣ вотчиннаго управленія въ различныхъ помѣстьяхъ, о повинностяхъ въ пользу владѣльцевъ, соразмѣрно съ отведенною землею, объ урочныхъ положеніяхъ и обычаяхъ, опредѣляющихъ крестьянскія работы, объ обыкновенномъ среднемъ надѣлѣ землею крестьянъ, объ оцѣнкѣ ревизскихъ душъ и земли и т. д. Данныя такого рода, уясняя дѣло, указали бы безъ сомнѣнія и ближайшіе способы къ его разрѣшенію.

Таковы, въ общихъ чертахъ, переходныя мѣры, которыя привели бы къ постепенному разрѣшенію важный вопросъ о крѣпостномъ сельскомъ населеніи. Краткость изложенія не дозволила вполнѣ развить набросанныя мысли; но настоящая записка имѣетъ цѣлью представить лишь предварительное соображеніе по этому многосложному дѣлу, и если бы въ главныхъ началахъ оно удостоилось одобренія, то дальнѣйшее развитіе предлагаемыхъ мѣръ и объясненіе способовъ ихъ исполненія составило бы, по первому приказанію, предметъ особаго труда.

Во всякомъ случаѣ должно повторить, что предлагаемыя мѣры суть только переходныя или пріуготовительныя. Успѣхъ ихъ болѣе всего будетъ зависѣть отъ *совокупнаго* и *своевременнаго* ихъ дѣйствія.

Впрочемъ, развивая и направляя общественное мнѣніе, призывая дворянство къ дѣятельному участію въ важномъ государственномъ вопросѣ, въ которомъ оно матеріально заинтересовано, подготовляя всѣ необходимыя средства къ постепенному измѣненію крѣпостныхъ отношеній,—мѣры сіи ободрили бы просвѣщенныхъ владѣльцевъ, придавъ нравственный авторитетъ ихъ благонамѣреннымъ стремленіямъ; успокоили бы умы относительно предстоящихъ распоряженій правительства по столь жгучему вопросу, и постепенно привели бы оный къ заключительной мѣрѣ, т. е. къ *выкупу помѣщичьихъ имѣній, самому дѣйствительному, для всѣхъ безобиднному и окончательному способу прекращенія нынѣшнихъ отношеній между владѣльцами и крестьянами* [1]).

Октябрь 1856 года.

II.

Извлеченіе изъ „Устройства“ Карловскаго имѣнія Великой Княгини Елены Павловны.

Карловское имѣніе Великой Княгини Елены Павловны въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губ. [1]) состояло изъ 4 селеній

[1]) Курсивъ нашъ.—*Д. К.*

[2]) Это имѣніе носитъ названіе „Карловка“ потому, что оно принадле-

и 10 деревень и заключало въ себѣ 90.904 дес. земли (мы беремъ въ круглыхъ цифрахъ, откидывая сажени). Изъ этого количества было 53.941 дес. господской земли, 32.649 дес. крестьянской и около 4½ тысячъ десятинъ неудобной. Крестьянская земля распредѣлялась такъ: усадебной 989 дес., выгонной 3.546, пахотной и сѣнокосной 28.113; лѣсу совсѣмъ не было. По десятой ревизіи 1858 г. въ Карловскомъ имѣніи числилось всего 15.017 человѣкъ, при чемъ лицъ мужского пола (7.392) было нѣсколько меньше, чѣмъ лицъ женскаго пола. Изъ этого количества рабочихъ было 3.425, а работницъ 3.440; всего 6.865; самостоятельныхъ хозяевъ 2.839. На ревизскую, мужескаго пола душу, приходилось *всей* земли около 4-хъ десятинъ; на работника мужескаго пола 8 дес. 500 саж., а на хозяина около 11½ дес. Пахотная и сѣнокосная земля была раздѣлена между крестьянами сообразно ихъ собственному желанію и количеству рабочаго скота, отъ 3½ до 14 дес. включительно.

Повинности отбывались барщиной, и каждый работникъ, при трехъ рабочихъ дняхъ въ недѣлю, работалъ на господъ въ теченіе года по 156 тяглыхъ или пѣшихъ дня, а работница, при двухъ рабочихъ дняхъ въ недѣлю, отрабатывала въ годъ 104 пѣшихъ дня. Въ сложности, повинности всѣхъ крестьянъ въ Карловскомъ имѣніи составляли ежегодно 881.660 рабочихъ дней.

При обсужденіи новаго устройства Карловскаго имѣнія надо было рѣшить три вопроса: 1) объ усадебной осѣдлости, 2) о надѣлѣ крестьянъ пашенной, сѣнокосной и пастбищной землей и 3) о размѣрѣ ихъ повинностей денежныхъ и натуральныхъ.

Вотъ какіе отвѣты находимъ мы въ „Положеніи“ о Карловскомъ имѣніи на эти три вопроса.

1) Постройки Карловскихъ крестьянъ были чрезвычайно скучены и являлась необходимость въ увеличеніи количества усадебной земли, а потому къ 989 десятинамъ прежней усадебной земли было предположено прирѣзать отъ выгонной земли столько десятинъ, чтобы на каждую усадьбу приходилось въ сложности не менѣе ³/₄ дес. Согласно въ Высочайшими указаніями, земля эта предоставлялась въ частную собственность крестьянскихъ семействъ, посредствомъ выкупа, а до уплаты опредѣленной за нее суммы оставалась въ

жало въ первой половинѣ XVIII в. генералу Карлу Бирону, брату столь извѣстнаго герцога Курляндскаго и всесильнаго временщика царствованія Анны Іоанновны — Эрнеста Іоганна Бирона. Впослѣдствіи, при Елизаветѣ Петровнѣ, Карловка принадлежала гр. К. Г. Разумовскому, и у потомковъ его была пріобрѣтена Великой Княгиней Еленой Павловной какъ личная ея собственность, внѣ удѣльныхъ имѣній. Рус. Арх. 1899 г тетр. 10, с. 311 прим. П. Б.

постоянномъ ихъ пользованіи, безъ взноса особой оброчной платы, такъ какъ таковой раньше не требовалось. Усадебную землю рѣшено было оцѣнить наравнѣ со всей другой землей, по 25 руб. за десятину, не возвышая платы за лучшую ея обработку, такъ какъ нѣкоторые крестьяне собственными средствами, безъ посторонней помощи, развели сады и тѣмъ возвысили цѣнность своихъ усадебъ. Крестьянскія строенія тоже не входили въ оцѣнку, будучи возведены самими крестьянами, хотя бы и съ пособіемъ со стороны владѣльцевъ, онѣ представляли собственность крестьянъ, учесть же нѣкоторые матеріалы, данные помѣщиками, было бы не только затруднительно, но даже и невозможно.

2) Земельный надѣлъ крестьянъ было рѣшено оставить безъ перемѣны, такъ какъ по собраннымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ существовавшій въ Карловскомъ имѣніи надѣлъ около 4 дес. на душу совершенно достаточенъ. Выгонная земля (2.500 д.), остающаяся отъ пополненія усадебъ, поступаетъ въ *общинное* пользованіе крестьянъ за ежегодную плату денежнаго оброка. Распредѣленіе земель, отведенныхъ въ общинное пользованіе, предоставляется усмотрѣнію крестьянскихъ обществъ, согласно съ существующими мѣстными обычаями. Для уничтоженія чрезполосности допускается обмѣнъ какъ усадебной, такъ и пахотной и сѣнокосной земли, на другія земли одинаковыхъ категорій, но съ условіемъ, чтобы земли назначались по добровольному соглашенію съ крестьянами, а если не послѣдуетъ соглашенія, то съ разрѣшенія того присутственнаго мѣста, которое будетъ уполномочено Высшимъ Правительствомъ. Обмѣнъ не долженъ превышать 7% всего количества земель; прежнія усадьбы переносятся, или новые дома устраиваются на счетъ вотчиннаго управленія.

Что касается повинностей, то было составлено два положенія: *барщинное* и *оброчное*. Содержаніе обоихъ положеній было объяснено Карловскимъ крестьянамъ, и они изъявили желаніе немедленно перейти къ *оброчному* положенію, что оказалось выгоднѣе и для владѣльческаго хозяйства, такъ какъ обязательный трудъ, какъ извѣстно, менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ вольнонаемный.

Принимая въ соображеніе, что вольные съемщики платятъ до 2 р. за десятину, предположено обложить Карловскихъ крестьянъ на 12 лѣтній срокъ оброкомъ по 1 р. 50 к. съ каждой отведенной имъ десятины. По прошествіи 12-ти лѣтъ, оброчная подесятинная плата будетъ измѣняться соразмѣрно съ цѣнностью того количества хлѣба, которое по среднимъ цѣнамъ истекшаго двѣнадцатилѣтія соотвѣтствуетъ оброку въ 1 р. 50 к. съ десятины. Взносъ

выкупной суммы за усадьбы рѣшено разсрочить на нѣсколько лѣтъ, по соглашенію съ крестьянами.

Отвѣтственность за исправный платежъ оброка лежитъ на крестьянскихъ обществахъ. Оброкъ уплачивается крестьянами соразмѣрно количеству десятинъ, составляющему ихъ участки, и вносится въ вотчинную контору, за полгода впередъ, 1 января и 1 іюля. Вмѣсто нѣкоторой части оброка крестьянскому обществу дозволяется, по соглашенію съ вотчиннымъ управленіемъ, выставить въ началѣ года, въ счетъ оброчной платы, годовыхъ работниковъ. Раздѣляются работники на разряды: къ первому разряду относятся тѣ, которые въ состояніи работать плугомъ; имъ зачитается 30 р. въ годъ, ко второму рабочіе конные, но безъ плуговой пашни; таковые получаютъ по 20 р., къ третьему всѣ прочіе, употребляемые для пѣшихъ работъ, съ платой 10 р. Кромѣ того каждому рабочему выдается пища и одежда отъ экономіи, или, если пожелаетъ, деньгами: на харчи 18 р. и на одежду 12 р. въ годъ. Въ случаѣ, если 1 іюля окажется недоимка, то общество обязывается выставить, по требованію экономіи, неисправныхъ работниковъ; пѣшимъ работникамъ назначается поденная плата по 30 к. съ 1 іюля по 15 августа и по 16 к. въ остальное время года. Если экономія пожелаетъ, то могутъ быть выставлены и полугодовые работники по вышеприведенному разсчету годовой платы.

Крестьянскимъ обществамъ предоставляется право откупаться отъ оброка и пріобрѣтать всю обрабатываемую землю, или часть оной, въ полную собственность, при чемъ выкупная сумма исчисляется посредствомъ капитализаціи оброка изъ 6%. Условія уплаты опредѣляются по уговору съ обществами, или на основаніи общаго распоряженія правительства.

Всѣ селенія и деревни, составляющія Карловское имѣніе, могутъ быть раздѣлены, въ административномъ и полицейскомъ отношеніи, на 4 волостныя общества. Что касается хозяйственныхъ дѣлъ, то каждое селеніе, владѣя отдѣльнымъ участкомъ земли, имѣетъ особое общественное управленіе, состоящее изъ старосты, нѣсколькихъ помѣщиковъ и сборщиковъ, которые избираются на три года.

Эти должностныя лица и мірскіе сходы (или громады) завѣдуютъ хозяйственными дѣлами селенія подъ начальствомъ и наблюденіемъ вотчиннаго управленія.

Облегченія, которыя предоставляются крестьянамъ Карловскаго имѣнія по настоящему „Положенію“, не лишаютъ ихъ, конечно, тѣхъ правъ и преимуществъ, какія по Высочайшей волѣ будутъ предоставлены всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ. До тѣхъ поръ Великая Княгиня Елена Павловна, какъ сказано въ 15 п. „Новаго положе-

нія“—„будетъ исполнять всѣ возлагаемыя существующими законами обязанности, по огражденію крестьянъ, охраненію общественнаго порядка и благочинія, обезпеченію продовольствія, призрѣнію неимущихъ и немощныхъ и пр. При этомъ предполагается принять особыя мѣры къ распространенію и лучшему устройству сельскихъ училищъ и необходимыхъ вспомогательныхъ учрежденій“.

Для устройства, на новыхъ основаніяхъ, барщинной повинности слѣдовало опредѣлить, какое количество рабочихъ дней придется потребовать за десятину отведенной земли, принимая въ соображеніе наемную плату за землю. Раньше крестьяне давали съ десятины по 29 рабочихъ дней, что по самой умѣренной оцѣнкѣ составляетъ 2 р. 90 к. Но такъ какъ наемная плата за десятину составляетъ 1 р. 50 к., что соотвѣтствуетъ 15 рабочимъ днямъ, то признано справедливымъ принять за норму это количество.

Между тѣмъ вотчинное управленіе заявило, что даже при сокращеніи на четвертую часть экономической запашки, необходимо получать отъ крестьянъ не менѣе 20 рабочихъ дней съ десятины; этотъ излишекъ (5 рабочихъ дней съ десятины) предположено отчислять на выкупъ усадебъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ сумма излишнихъ дней составляла бы приблизительно ту самую цифру, въ какую оцѣнена усадебная земля.

Была составлена точная таблица постоянной (годовой) и дополнительной (лѣтней) повинности, различая при томъ *тяглые* и *пѣшіе* дни. Въ Малороссіи у крестьянъ не существовало тягловаго устройства, а потому не было раздѣленія сельскаго населенія на *тягла*, какъ въ Великороссіи; вслѣдствіе этого слово *тяглый* употребляется лишь примѣнительно къ великорусскимъ понятіямъ. Вотчинное управленіе составляетъ ежегодно точный разсчетъ, сколько работниковъ должно выставить каждое селеніе, и выдаетъ всѣмъ хозяевамъ отдѣльныя таблички, съ подробнымъ обозначеніемъ количества причитающихся съ нихъ рабочихъ дней разнаго рода. Сельскій сходъ опредѣляетъ очередь, по которой хозяева должны отправлять въ теченіе года повинности, сообразно со своимъ земельнымъ надѣломъ.

По составленному проекту барщинное положеніе было облегчено сравнительно съ прежнимъ: крестьянинъ, при надѣлѣ въ 6 десятинъ, работаетъ постоянно только 1 день въ недѣлю; при надѣлѣ въ 9 десятинъ, который можно считать нормальнымъ—1½ дня въ недѣлю, а если приложить къ этому дополнительную лѣтнюю повинность, то въ самую рабочую пору, т. е. въ теченіе восьми недѣль, выйдетъ прежняя трехдневная барщина; но за то въ теченіе 33-хъ недѣль дополнительной повинности вовсе нѣтъ.

Несмотря на то, что число рабочихъ дней уменьшено, въ общей сложности на 30%, и что повинности распредѣлены соразмѣрно съ надѣломъ каждаго хозяина, тогда какъ прежде количество земли, которымъ пользовался крестьянинъ, не принималось въ соображеніе,—Карловскіе крестьяне предпочли, какъ мы видѣли выше, перейти на оброкъ. Главнымъ неудобствомъ барщиннаго положенія для крестьянъ являлась необходимость отрабатывать дополнительные дни въ лѣтнюю пору, когда ихъ собственное хозяйство требуетъ бо́льшей работы. Для успѣшнаго же хода владѣльческаго хозяйства надо было ввести въ сельскихъ обществахъ круговую поруку, что доставило бы множество хлопотъ, такъ какъ взысканіе неотработаннаго дня и его раскладка возбудили бы споры и пререканія.

Таково въ общихъ чертахъ новое устройство Карловскихъ крестьянъ.

Текстъ, приведенный нами въ извлеченіи, сопровождается особыми приложеніями, заключающими въ себѣ подробныя данныя. Приложенія эти суть слѣдующія: 1) Первоначальный проектъ барщиннаго положенія для Карловскаго имѣнія. 2) Объясненіе началъ, принятыхъ для оцѣнки работъ по Карловскому имѣнію. 3) Изложеніе порядка пользованія общественной землей въ Карловскомъ имѣніи. 4) Подробное распредѣленіе по недѣлямъ работъ постоянныхъ и дополнительныхъ Карловскихъ крестьянъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ обратить вниманіе на очень важную подробность новаго устройства Карловскаго имѣнія. Это новое устройство вводитъ въ Малороссіи великорусскіе крестьянскіе распорядки. Уже выше было замѣчено, что *тягло* чуждо малороссамъ и что терминъ „тяглый“ употребляется лишь примѣнительно къ великорусскимъ понятіямъ; но кромѣ того среди Карловскихъ крестьянъ вводится великорусское *общинное* землепользованіе и раздѣленіе на волостное и сельское управленіе также по примѣру Великороссіи.

Проектъ новаго устройства Карловскаго имѣнія былъ переданъ Императоромъ Александромъ II на разсмотрѣніе въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, который утвердилъ всѣ находившіяся въ этомъ проектѣ предположенія. Приводимъ подлинный текстъ Положенія Комитета, напечатанный въ брошюрѣ „Устройство Карловскаго имѣнія“ на стр. 22—23:

„Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу и учрежденная при ономъ Комиссія, разсмотрѣвъ, по Высочайшему повелѣнію, изложенныя предположенія, нашли, „что онъ, не содержа въ себѣ

ничего противнаго существующимъ законамъ, соотвѣтствуютъ тѣмъ началамъ, которыя Государь Императоръ, въ благодѣтельной заботливости объ улучшеніи и упроченіи положенія помѣщичьихъ крестьянъ, изволилъ указать для устройства ихъ хозяйственнаго быта. Августѣйшая Владѣтельница имѣнія, освобождая крестьянъ своихъ отъ обязательнаго труда и замѣняя оный оброкомъ, соразмѣрнымъ со стоимостію данной имъ въ пользованіе земли, даруетъ имъ существенное облегченіе и открываетъ возможность, свободнымъ трудомъ ихъ, пріобрѣсти средства, дабы воспользоваться предоставленнымъ имъ нынѣ же правомъ выкупить не только свои усадьбы, но и полевыя угодья, и ставъ, такимъ образомъ, собственниками оныхъ, твердо упрочить свое благосостояніе. Посему Главный Комитетъ призналъ возможнымъ привести означенныя предположенія въ дѣйствіе".

„Сіе положеніе Комитета удостоено утвержденія Его Императорскаго Величества 1 февраля 1859 года".

Сообщилъ профессоръ Д. А. Корсаковъ.

Яковъ Іоганъ Урсинусъ.

Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія.

„Законодательство—не раба древностей; но препоручила намъ Ея Императорское Величество справедливые законы проектовать, которыми бы всякія несправедливости древнихъ законовъ и привычекъ отмѣнены были".

(Изъ рѣчи Урсинуса въ засѣданіи комиссіи 29 сентября 1768 г.—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXXVI стр. 63).

Всѣмъ знакомымъ съ исторіею Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія — этого, можно сказать, непосредственнаго предшественника нынѣшней Государственной Думы—извѣстно, что, какъ составъ ея, такъ и дѣятельность ея членовъ носили характеръ сословный или классовый. Говоря вообще, депутаты комиссіи отстаивали интересы тѣхъ группъ населенія, которыми были избраны. Нельзя не отмѣтить, что нѣкоторые депутаты понимали эти интересы болѣе широко, другіе болѣе узко. Были представители, напр., дворянскихъ интересовъ, которые старались показать связь защищаемыхъ ими положеній съ интересомъ цѣлаго государства, или отстаивали вмѣстѣ съ правами своего сословія права крестьянъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выгоды обоихъ сословій совпадали или, по крайней мѣрѣ, другъ другу не противорѣчили. Представители городовъ поддержи-

вали во многихъ случаяхъ интересы другихъ низшихъ сословій, противорѣчившіе исключительно вожделѣніямъ дворянства, но не затрогивавшіе вовсе того, что было предметомъ стремленій городскихъ обывателей. Были между депутатами люди высокообразованные, которые высказывались и прямо противъ интересовъ своего сословія, если видѣли, что защищающіе ихъ, преслѣдуя исключительно выгоды одного сословія, готовы на явную несправедливость по отношенію къ остальной части населенія. Такъ напр., когда депутатъ Кашинскаго дворянства (Кожинъ) предложилъ обложить брачущихся всѣхъ сословій налогомъ съ цѣлію получить средства къ открытію училищъ, назначаемыхъ исключительно для дѣтей дворянъ, депутатъ С—го дворянства (гр. Александръ Строгановъ) тотчасъ же сдѣлалъ возраженіе, указывая между прочимъ на то, что „всякій налогъ на общество долженъ служить въ пользу всего того общества, а не одной его части“ (Сборникъ Русскаго Истор. Общества, т. IV, стр. 173—175). Но, несмотря на то, что безпристрастный изслѣдователь можетъ указать за полутора годовой періодъ дѣятельности комиссіи не мало такихъ и тому подобныхъ случаевъ, общій характеръ работъ собранія остается такимъ, какимъ онъ показанъ въ первыхъ строкахъ предлагаемаго очерка: депутаты являлись выразителями желаній и стремленій тѣхъ или другихъ классовъ, на которые въ то время раздѣлялось населеніе страны. Факты, нѣсколько противорѣчащіе такому опредѣленію, были явленіями спорадическими, отрывочными.

Совершенно особенное положеніе между депутатами по своему направленію, талантамъ и характеру дѣятельности занималъ депутатъ города Дерпта—профессоръ Урсинусъ.

Онъ, какъ увидимъ далѣе, вовсе не былъ выразителемъ интересовъ какого-нибудь сословія или какой-нибудь мѣстности. Онъ былъ представителемъ той группы населенія, которая слагалась послѣ петровской реформы постепенно, медленно образуя то, что теперь называютъ интеллигенціею страны. Онъ систематически выдвигаетъ и защищаетъ интересы цѣлаго общества и государства—разумѣется, въ предѣлахъ своего пониманія этихъ интересовъ, но при этомъ ясно, что его пониманіе дѣла, благодаря его разностороннимъ познаніямъ, превосходило и широтою, и ясностью пониманіе весьма многихъ современниковъ и сочленовъ по комиссіи. Требуя справедливости, онъ желалъ въ то же время, чтобы особыя права и преимущества предоставлялись лишь тѣмъ, кто приноситъ дѣйствительную пользу государству и обществу, и чтобы поле дѣятельности общественной было расчищено для всѣхъ, кто обладаетъ необходимыми для нея качествами и знаніями.

Изъ историковъ, занимавшихся временемъ Екатерининской комиссіи, особенно цѣнилъ дѣятельность Урсинуса профессоръ Брикнеръ, называвшій его „однимъ изъ лучшихъ ораторовъ комиссіи", и говорившій, что его „участіе въ преніяхъ по всѣмъ вопросамъ" было „чрезвычайно дѣятельно и успѣшно" (Исторія Екатерины II, часть IV, глава IX, стр. 567 и 586).

Авторъ предлагаемаго очерка полагаетъ, что соединеніе и сопоставленіе всего, что можно сказать на основаніи напечатаннаго въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ о дѣятельности Урсинуса въ комиссіи—главнымъ образомъ въ тѣхъ книгахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, которыя посвящены историческимъ свѣдѣніямъ о Екатерининской комиссіи (томы VIII, XXXII и XXXVI), можетъ представить значительный интересъ для всѣхъ, кого занимаетъ комиссія съ какой бы то ни было точки зрѣнія.

Урсинусъ—депутатъ города Дерпта—называется постоянно профессоромъ. Является прежде всего вопросъ: гдѣ онъ былъ профессоромъ, и какую науку преподавалъ. Англійскій посолъ въ С.-Петербургѣ—лордъ Каскартъ (Cathcart)—въ письмѣ отъ 19 (30) августа 1768 года (Сб. Р. И. О., т. XII, стр. 359) называетъ Урсинуса профессоромъ изъ Лифляндіи (a professor from Livonia).

Профессоръ Сергѣевичъ въ предисловіи къ первому подъ его редакціей изданному тому Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, посвященному свѣдѣніямъ о Екатерининской комиссіи (т. XXXII), на страницѣ XVII называетъ Урсинуса *профессоромъ Дерптскаго университета*. Профессоромъ Дерптскаго университета Урсинусъ быть не могъ потому, что въ Дерптѣ въ 1767 году—когда онъ вошелъ въ составъ комиссіи—университета не было.

Настоящій Дерптскій (Юрьевскій) университетъ открытъ въ 1802 году (Указъ о его открытіи былъ данъ Императоромъ Павломъ I еще въ 1798 г.). Правда, въ Дерптѣ существовалъ университетъ и ранѣе, но только во времена шведскаго владычества. Онъ былъ основанъ подъ именемъ Academia Gustaviana Густавомъ Адольфомъ. Academia Gustaviana существовала до взятія Дерпта русскими войсками въ 1656 г. По возвращеніи Дерпта Швеціи на основаніи Кардисскаго мира (1661 г.), шведское правительство долго колебалось: возстановить ли университетъ въ Дерптѣ, или открыть новый университетъ въ другомъ городѣ — ближе къ морю и подалѣе отъ восточной границы. Наконецъ Карлъ XI рѣшилъ вопросъ въ пользу Дерпта, и въ 1690 г. Дерптскій универ-

ситетъ былъ возобновленъ, но просуществовалъ не долго: въ 1699 г. Карлъ XII, въ виду надвигавшейся военной грозы, издалъ указъ о перенесеніи его въ Перновъ. Туда перешли не многіе изъ учащихся. Въ 1704 г. войсками Петра Великаго былъ взятъ Дерптъ, а въ 1710 г. Перновъ. Профессора университета еще до осады Пернова поспѣшили уѣхать въ Швецію, куда перевезли университетскую библіотеку. Съ тѣхъ поръ въ Остзейскомъ краѣ до 1802 года университета не было (см. историческій очеркъ Е. В. Пѣтухова: Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за 100 лѣтъ его существованія, т. I, Юрьевъ, 1902 г.).

Прямое подтвержденіе того обстоятельства, что Урсинусъ не только что не былъ связанъ съ г. Дерптомъ какою-нибудь службою, но и не проживалъ никогда въ этомъ городѣ, находимъ въ статьѣ г. Змигродскаго: „Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и манифестъ 14 декабря 1766 года“, помѣщенной въ XIV томѣ сборника Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ университетѣ за 1909 годъ. Статья посвящена описанію дѣятельности Фридриха Конрада Гадебуша (Gadebusch), синдика, впослѣдствіи Justizbürgermeister'a города Дерпта, бывшаго передъ Урсинусомъ депутатомъ этого города въ Екатерининской комиссіи. Въ статьѣ этой между прочимъ сообщается слѣдующій фактъ, свѣдѣнія о которомъ извлечены авторомъ изъ архива города Юрьева. Лифляндскій генералъ-губернаторъ прислалъ въ Дерптскій магистратъ запросъ о мѣстѣ нахожденія профессора Урсинуса, съ котораго государственное казначейство требовало возвращенія золотого депутатскаго знака или уплаты за него 67 р. 89 коп. Магистратъ сообщилъ отъ 26 мая 1804 г., что профессоръ Урсинусъ никогда въ Дерптѣ не жилъ и былъ родомъ изъ Финляндіи. Г. Змигродскій отсюда вывелъ заключеніе, что Урсинусъ вѣроятно былъ профессоромъ Абоскаго университета (это мнѣніе опровергается справками, наведенными профессоромъ Гельсингфорскаго университета барономъ С. А. Корфомъ, который въ письмѣ отъ 3 января 1911 г. мнѣ сообщилъ, что въ Або профессора Урсинуса около середины XVIII вѣка не было).

Ошибка профессора Сергѣевича повторена въ „Азбучномъ указателѣ именъ русскихъ дѣятелей для русскаго біографическаго словаря“, ч. II, М—Ѳ, въ LXII т. Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, гдѣ читаемъ (стр. 373): „Урзинусъ Яковъ, профессоръ Дерптскаго университета, депутатъ въ комиссіи новаго уложенія 1767 г. отъ гражданъ города Дерпта Лифляндской губерніи“.

Я полагаю, что вопросы о томъ, почему Урсинусъ называется профессоромъ, и почему онъ сдѣлался депутатомъ города Дерпта, рѣшаются на основаніи извѣстій, сообщенныхъ въ дневникѣ Гаде-

буша, выдержки изъ котораго напечатаны въ „Baltische Monatsschrift“ 1862 г., т. V, въ статьѣ: „F. K. Gadebusch in der Reichsversammlung zu Moskau“, подписанной G. B. Авторомъ статьи г. Змигродскій признаетъ Берхгольца—редактора названнаго журнала. Свѣдѣнія, сообщаемыя Гадебушемъ, вообще любопытны, но я возьму изъ нихъ только то, что можетъ выяснить, какъ и при какихъ условіяхъ Урсинусъ вошелъ въ составъ Екатерининской комиссіи.

Извѣстно, что при первоначальныхъ выборахъ депутатовъ въ комиссію въ разныхъ частяхъ Остзейскаго края имѣли мѣсто многія недоразумѣнія. Изъ помѣщеннаго въ I главѣ XXVII тома „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева (по изданію Т-ва „Общественная Польза“, книга VI, стр. 314) донесенія Сенату лифляндскаго генералъ-губернатора Броуна видно, что города Пернау и Дерптъ подали просьбу о своихъ изнеможеніяхъ, по которымъ не находятся въ состояніи выбрать депутатовъ изъ своихъ жителей: „городская казна отягощена великими долгами, не изъчего дать на содержаніе депутатовъ и помогать оставшимся ихъ семействамъ“. Жители названныхъ и нѣкоторыхъ другихъ городскихъ поселеній Лифляндской губерніи желали свое полномочіе поручить выбранному отъ рижскаго мѣщанства депутату, каковымъ былъ ратсгеръ Іоганъ Христофъ Шварцъ (В. Н. Латкина „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи“, стр. 213 и 214; Сб. Русскаго Истор. Общества, т. IV, стр. 32). Сенатъ однако рѣшилъ поступить по точной силѣ и разуму манифеста (исторія Соловьева, ibidem). И вотъ, безъ сомнѣнія вслѣдствіе этого рѣшенія, городъ Дерптъ избираетъ и посылаетъ въ Москву своимъ депутатомъ синдика Гадебуша. Гадебушъ, получивъ на поѣздку отъ Дерптскаго мѣщанства 550 рублей (Reisegeld), выѣхалъ изъ Дерпта 12 іюля 1767 года и прибылъ въ Москву 1 августа, получивъ наказъ отъ избирателей уже въ дорогѣ.

Гадебушъ не только не могъ говорить по-русски, но вовсе и не понималъ русской рѣчи, и потому относился совершенно безучастно къ преніямъ, происходившимъ въ большой комиссіи. Онъ могъ въ своемъ дневникѣ отмѣтить только 2 эпизода изъ дѣятельности комиссіи, а именно 2 столкновенія между дворянскими депутатами и представителями низшихъ сословій. Но Гадебушу пришлось работать въ нѣкоторыхъ частныхъ комиссіяхъ. Къ продолженію его депутатской дѣятельности встрѣтилось особое препятствіе: матеріальныя средства его истощились. Кромѣ выданныхъ городомъ 550 р., онъ получалъ изъ казны, наравнѣ съ другими городскими депутатами, 122 р. въ годъ (депутаты отъ дворянства получали въ годъ по 400 р., всѣхъ прочихъ сословій, кромѣ

городскаго, по 37). Этого оказалось слишкомъ мало, и Гадебушъ просилъ, чтобы городъ, его избравшій, назначилъ ему пособіе, по крайней мѣрѣ, 1200 р. въ годъ. Просьба оказалась безрезультатною (nichts heilsames, nichts zuverlässiges folgete). Поэтому Гадебушъ обратился къ маршалу комиссіи (генералу Бибикову) съ просьбою объ освобожденіи отъ депутатскихъ обязанностей. Слѣдовало съ согласія маршала пріискать достойнаго человѣка, который согласился бы принять эти обязанности на себя, и въ такомъ случаѣ маршалъ испрашивалъ на передачу депутатства согласіе большой комиссіи. Это испрашиваніе имѣло чисто формальное значеніе, такъ какъ изъ массы случаевъ передачи депутатскихъ правъ и обязанностей (на время или навсегда) мы не знаемъ ни одного случая отказа со стороны собранія. Дѣло сводилось въ сущности на согласіе 3-хъ лицъ: стараго депутата, новаго и маршала. Чѣмъ руководствовался маршалъ при дачѣ своего согласія, спрашивалъ ли онъ предварительно чьего-нибудь мнѣнія,—это остается для насъ неизвѣстнымъ. Въ данномъ случаѣ Гадебушъ пріискалъ на свое мѣсто профессора Московскаго университета (den Moskauer Professor) Урсинуса и послѣ формально выраженнаго согласія большой комиссіи (nachdem dieses von der allgemeinen Versammlung genehmigt worden)—въ засѣданіи 6 ноября 1767 года—передалъ Урсинусу депутатскій знакъ (die Deputirten Medaille) и казенное жалованье (von der Krone bezogene Besoldung) и 21 ноября покинулъ Москву (названный журналъ, стр. 150).

Обстоятельный разсказъ Гадебуша, мнѣ кажется, не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній относительно соціальнаго положенія его замѣстителя. Полагаю себя въ правѣ перевести слова „Moskauer Professor“ словами „профессоръ Московскаго университета“, такъ какъ не знаю другихъ московскихъ заведеній того времени, въ которыхъ бы могъ профессорствовать Урсинусъ, судя по имени—Яковъ Іоганъ—не принадлежащій къ господствующему вѣроисповѣданію. Къ сожалѣнію, свидѣтельство Гадебуша не можетъ быть подтверждено источниками университетскими. Въ біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета, выпущенномъ по поводу столѣтія университета, имени Урсинуса не встрѣчается. Объяснить это явленіе можно неполнотою архива Московскаго университета, не содержащаго вовсе документовъ о времени, предшествовавшемъ 1813-му году,—всѣ они погибли во время нашествія Наполеона въ 1812 году. Тѣмъ не менѣе разсказъ Гадебуша не допускаетъ сомнѣній. Но только онъ не даетъ никакой возможности рѣшить, какую именно отрасль знанія преподавалъ Урсинусъ. Судя по направленію его мыслей и по тѣмъ познаніямъ, какія об-

наружены его дѣятельностью въ комиссіи, скорѣе всего предположить, что его спеціальностью было право *публичное* или науки, находящіяся съ публичнымъ правомъ въ ближайшей связи. Обращаю вниманіе на матеріальныя условія, при которыхъ Урсинусъ вступилъ въ составъ комиссіи. Гадебушъ не считалъ возможнымъ обходиться безъ пособія отъ избравшаго его города въ размѣрѣ не меньшемъ 1.200 р. въ годъ. Если Дерптъ отказалъ въ какомъ бы то ни было пособіи своему избраннику, то очевидно никакого пособія отъ него не могъ ждать замѣститель послѣдняго—человѣкъ, ничего общаго съ городомъ не имѣющій. Стало быть матеріальнымъ вознагражденіемъ за дѣятельность въ собраніи Урсинусу оставалось только казенное жалованье городского депутата, какъ выше указано—122 р. въ годъ, т. е. почти $9^1/_4\%$ того, что считалъ нужнымъ для себя Гадебушъ (1.200 р. + 122 р.). Разумѣется, мы не знаемъ, не сохранилъ ли Урсинусъ вознагражденіе, которое онъ получалъ по профессорской должности, и какое это было вознагражденіе.

Если Урсинусу было легче содержать себя въ Москвѣ, чѣмъ пріѣзжему изъ Дерпта Гадебушу, то вѣдь черезъ 2 мѣсяца послѣ вступленія Урсинуса комиссія была переведена на новое мѣсто—въ Петербургъ, и этотъ переѣздъ не заставилъ Урсинуса послѣдовать примѣру Гадебуша, т. е. сложить депутатское званіе. Во всякомъ случаѣ не матеріальныя выгоды расположили Урсинуса принять депутатское званіе.

Количественно дѣятельность Урсинуса въ большой комиссіи можетъ быть выражена такъ. По вступленіи Урсинуса, т. е. послѣ 6 ноября 1767 г., большая комиссія имѣла 153 засѣданія—изъ нихъ 20 засѣданій въ Москвѣ и 133 въ Петербургѣ. Изъ этихъ засѣданій въ 2-хъ въ Москвѣ и въ 19 въ Петербургѣ Урсинусъ принималъ активное участіе, представляя свои мнѣнія и замѣчанія или участвуя въ преніяхъ по возбужденнымъ вопросамъ. Всѣхъ рѣчей, имъ произнесенныхъ или прочтенныхъ въ Москвѣ, было 2, а въ Петербургѣ 43. Письменныхъ мнѣній было представлено: въ Москвѣ одно (Сб. Русск. Ист. Общ., т. VIII, стр. 269—273), въ Петербургѣ—5 (Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., т. XXXII, I приложеніе, № 40; ibid, т. XXXVI, III приложеніе къ т. XXXII, №№ 9, 14, 25 и 26) [1]).

Обращаюсь къ изложенію того, на что направлялась, и въ чемъ выражалась эта дѣятельность.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) При слѣдующихъ ссылкахъ на томы Сборника Русскаго Историческаго Общества я буду приводить только №№ тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими).

М. И. Драгомировъ, командующій войсками [1]).

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній).

Вступивъ въ исправленіе своихъ обязанностей по должности начальника Кіевской мѣстной бригады, генералъ-маіоръ В. А. Воиновъ сразу же началъ объѣздъ всего раіона трехъ губерній, входящихъ въ составъ той бригады.— Приближалось осеннее время, дороги уже должны были начать скоро портиться, надо было торопиться въ подробностяхъ осмотрѣть хоть тѣ уѣзды, по которымъ глубокой осенью проѣздъ уже будетъ невозможенъ. За время съ начала сентября до конца октября, онъ уже набралъ не мало матеріала, который и надо было ему свести въ общій докладъ для представленія командующему войсками.

Генералъ Драгомировъ, хотя и не торопилъ съ докладомъ, но, видимо, очень имъ интересовался; онъ при каждомъ свиданіи съ генераломъ Воиновымъ заводилъ разговоръ объ этомъ предметѣ, касаясь его главнымъ образомъ съ той стороны, чтобы опредѣлить, — не упало ли дѣло въ рукахъ воинскихъ начальниковъ вообще за сравнительно большой промежутокъ времени болѣзни генерала Главацкаго.

— Тѣхъ воинскихъ начальниковъ, которые сильно опустились, представьте мнѣ особо, сказалъ однажды М. И. генералу, мы имъ найдемъ другой родъ дѣятельности, это слишкомъ важная отрасль управленія; въ ней упущеній нельзя терпѣть.

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1912 г.

— Я такъ и приготовился смотрѣть, отвѣтилъ генералъ Воиновъ; у кого дѣло распустилось, примемъ мѣры къ тому, чтобы его подобрать, подтянуть, упущенія сгладимъ, а ужъ если кто-либо, паче ожиданія, окажется совершенно неисправимымъ, того придется подать въ сторону.—Но вотъ о чемъ я собирался представить вашему высокопревосходительству и представляю, пользуясь настоящимъ случаемъ: объѣздъ небольшой части раіона бригады уже показалъ мнѣ, что въ бригадѣ имѣется нѣсколько такихъ воинскихъ начальниковъ, которые въ должности состоятъ давно, въ штабъ-офицерскихъ чинахъ пробыли чуть ли не по четверти столѣтія, дѣло поставили и ведутъ съ такою добросовѣстностью и съ такимъ совершенствомъ, что, просто можно сказать, положеніе у нихъ доходитъ до сверхъестественнаго; при этомъ, несмотря ни на что, они, пока еще, нисколько не устаютъ идти по разъ поднятому ими пути;—что съ ними дѣлать?..

— Да, да, понимаю, сказалъ М. И., закладывая сигару какъ можно удобнѣе въ правый уголъ рта; вы подумываете о поощреніи заслуженныхъ полковниковъ, воинскихъ начальниковъ; дѣло хорошее; представляйте мнѣ и объ самыхъ лучшихъ особо; я вамъ помогу, что-нибудь изобрѣтемъ; — такъ оставлять нельзя, имъ самимъ нудно быть оставленными безъ вниманія, да и другіе,—молодые, видя поощреніе, оказываемое старикамъ, сами лучше станутъ въ дѣло втягиваться; дѣло не послѣднее; этого не надо упускать.

* * *

При одномъ изъ ближайшихъ докладовъ генералъ Воиновъ представилъ подробныя свѣдѣнія, упомянувъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ поименно и въ особенности расхваливалъ постановку всего служебнаго дѣла у полковника С.

— Вотъ, вотъ, сказалъ М. И. Драгомировъ, мнѣ его всегда хвалилъ покойный вашъ предмѣстникъ, онъ не разъ чудеса про него разсказывалъ; возьмемъ его на замѣчаніе и надо постараться его выдвинуть въ первую голову; дайте мнѣ о немъ подробныя справки и свѣдѣнія.—Въ первую же свою поѣздку по округу генералъ Драгомировъ нарочно свернулъ къ полковнику С., нежданно произвелъ ему самый подробный, всесторонній экзаменъ и прямо объявилъ: вы, полковникъ, у меня давно на замѣчаніи; теперь, присмотрѣвшись близко ко всему, что у васъ заведено въ отношеніи порядковъ и образцовыхъ служебныхъ сноровокъ, я представляю ходатайство о назначеніи васъ на должность начальника мѣстной бригады; убѣжденъ, что вы оправдаете довѣріе, оказываемое вашей

изъ ряду выходящей службѣ.—Дѣлая такое опредѣленное заявленіе, генералъ Драгомировъ имѣлъ въ виду представить къ увольненію отъ должности одного изъ начальниковъ мѣстной бригады въ Кіевскомъ же округѣ съ замѣною его полковникомъ С.

Намѣченный къ увольненію генералъ былъ по возрасту и по годамъ службы старше генерала Драгомирова, а по состоянію своихъ силъ начиналъ, какъ говорилъ М. И., вступать въ ту пору дряхлости, при которой вообще дальнѣйшее оставленіе въ должности не признается возможнымъ.

Зная издавна полезную службу этого генерала и цѣня ее по достоинству, М. И. рѣшилъ разстаться съ нимъ не иначе, какъ, вполнѣ обезпечивъ его въ матеріальномъ отношеніи.

Генералъ скоро узналъ о томъ, что онъ намѣченъ къ увольненію, и что приготовленъ ему преемникъ; поэтому онъ нервничалъ и какъ бы будировалъ.—Ту сторону дѣла, что генералъ Драгомировъ задалъ себѣ задачу прежде всего обставить его съ матеріальной стороны, онъ или не зналъ или знать не хотѣлъ, отдаваясь лишь той мысли, что какое бы то ни было посягательство на увольненіе его отъ службы являлось полнѣйшею и вопіющею несправедливостью.

* * *

Собравшись раннею весной въ Петербургъ, М. И. захватилъ съ собой бумаги для личнаго представленія объ увольненіи генерала и о производствѣ полковника С. въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ на его мѣсто.

Какія мѣры ни принимаются къ тому, чтобы различныя представленія оставались въ секретѣ до окончательнаго разрѣшенія,—никогда въ этомъ успѣха добиться нельзя: всегда, прежде всего изъ представленія, какъ вода, просочится именно то, что должно было бы оставаться скрытымъ.—Поэтому и въ этотъ разъ вышло такъ, что на сколько полковникъ С. горѣлъ нетерпѣніемъ получить повышеніе, на столько же генералъ нервно ожидалъ своей отставки.—Военный министръ, ничего не имѣвшій противъ удовлетворенія обоихъ представленій, затруднялся приведеніемъ въ исполненіе той ихъ части, которою М. И. Драгомировъ ходатайствовалъ о назначеніи аренды представлявшемуся къ увольненію генералу; поэтому онъ предложилъ: уволить его нынѣ же безъ аренды,—тѣмъ самымъ очистить путь для движенія полковника С.—а потомъ, особо возбудить ходатайство объ арендѣ.—М. И. зналъ, что во 1-хъ ходатайство объ арендѣ при данныхъ обстоятельствахъ, трудно было удовлетворить, а во 2-хъ, и безъ этого, хлопоты о назначеніи

аренды уже уволенному генералу навѣрное канули бы; это вызвало съ его стороны твердую настойчивость, съ которою онъ заявилъ свое условіе,—чтобы увольненіе состоялось лишь тогда, когда удовлетвореніе ходатайства о назначеніи аренды будетъ прочно поставлено и вполнѣ обезпечено.

Что касается назначенія полковника С., то М. И., къ заявленію, сдѣланному имъ, добавилъ свою просьбу,—во вниманіе къ особымъ, выдающимся заслугамъ этого штабъ-офицера, не задерживать его производства и предоставить ему немедленно вакансію хотя бы и въ другомъ округѣ.

Всѣ эти ходатайства получили благопріятное разрѣшеніе: полковникъ С., произведенный въ генералы, получилъ назначеніе на должность начальника мѣстной бригады въ Казанскій военный округъ (кажется, въ Саратовъ), а о назначеніи аренды генералу З.,—по окончаніи необходимой между различными вѣдомствами переписки, рѣшено было представить Государю Императору.

Полковникъ С. нѣкоторое время погрустилъ о томъ, что, при новомъ назначеніи, приходилось ему уходить изъ-подъ начальства М. И. Драгомирова, но затѣмъ собралъ свою семью и, приготовившись къ отправленію на Волгу, остановился на два-три дня въ Кіевѣ, дабы откланяться начальству и сдѣлать кое-какія закупки.

Много толковъ возбудило тогда полное удовлетвореніе ходатайства М. И. относительно генерала З.: мѣсяца черезъ три состоялось его увольненіе, при чемъ, кромѣ пенсіи, ему была высочайше пожалована довольно крупная аренда на двѣнадцать лѣтъ съ обычной, по тогдашнимъ порядкамъ, надеждой на возможность періодическаго возобновленія ея по истеченіи срока; случай этотъ до сихъ поръ остается отмѣченнымъ, какъ небывалый для такой должности.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ [1]).

Во время одного изъ моихъ пребываній съ транспортомъ „Японецъ“ въ Дуэ, мы тамъ застали пароходъ „Америка“, приходившій туда съ адмираломъ Фуругельмомъ. Обходя Дуйскій постъ въ сопровожденіи начальника поста и нѣсколькихъ морскихъ офицеровъ, онъ заходилъ и на маякъ, гдѣ смотритель маяка жаловался на начальника поста, что тотъ ему не даетъ лошади для возки прѣсной воды маячной командѣ.

„Такъ сказать, почему вы не даете лошади смотрителю маяка?“— спросилъ адмиралъ, который имѣлъ привычку въ каждую свою фразу вставлять слова „такъ сказать“.—„Я не обязанъ ему давать лошадь, ваше превосходительство“. — „Такъ сказать, давайте ему лошадь!“ приказалъ Фуругельмъ. Тогда, чтобы точнѣе оформить свою просьбу, смотритель маяка сталъ просить и телѣгу подъ бочку съ водой, т. к. его отношенія къ начальнику поста были очень натянуты, и онъ рисковалъ получить только лошадь, безъ телѣги. Тутъ адмиралъ снова обратился къ начальнику поста со словами: „Такъ сказать, давайте ему и телѣгу!“ — „Ваше превосходительство, у насъ на маякѣ бочки нѣтъ, прикажите также и бочку давать“. На этотъ разъ нашъ адмиралъ уже потерялъ терпѣніе и разсердившись сказалъ: „Такъ сказать, ничего ему не давайте!“. Такимъ образомъ, смотритель маяка остался, какъ въ пушкинской сказкѣ, при старомъ разбитомъ корытѣ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1912 г.

Въ южныхъ гаваняхъ былъ однажды такого рода курьезъ: Фуругельмъ, объѣзжая край вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ Синельниковымъ, предложилъ послѣднему съѣздить въ селеніе Пуцыловку, которое было заселено корейцами. „Да, да, везите меня къ моимъ милымъ корейцамъ“. Будучи не очень высокаго образованія, Синельниковъ повидимому ничѣмъ не отличалъ Кореи отъ Карелiи.

Во время ихъ совмѣстнаго объѣзда края оба ѣхали въ общемъ тарантасѣ, но другъ съ другомъ почти не разговаривали — сидѣли молча, насупившись, точно были между собой въ ссорѣ. Чтобы какъ-нибудь загладить неловкость такого молчанія, Синельниковъ по временамъ ворчалъ на ямщика, а при каждомъ непріятномъ толчкѣ на ухабахъ даже ругалъ его очень непристойными словами. Фуругельмъ, какъ человѣкъ деликатнаго воспитанія, съ трудомъ выдерживалъ такую руготню и однажды, не доѣхавъ $1^1/_2$ версты до какого-то поселка, обратился къ своему попутчику со словами: „Позвольте остановить лошадей, я слѣзу и пойду пѣшкомъ, т. к. вы, ваше превосходительство, такъ сказать, все время ругаетесь, какъ извозчикъ“. Онъ дѣйствительно вылѣзъ изъ экипажа и дальше побрелъ пѣшкомъ.

Въ 1874 году я былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ и незадолго передъ отъѣздомъ, какъ-то проѣзжая верхомъ въ окрестностяхъ Посьета, увидѣлъ на дорогѣ много валявшихся труповъ корейцевъ. Надо сказать, что въ то время къ намъ совершалось великое переселеніе корейскаго народа. Это происходило вслѣдствіе голодухи, а также деспотизма корейскихъ правительственныхъ чиновниковъ. Въ группѣ умиравшихъ на дорогѣ съ голоду я замѣтилъ одного четырехлѣтняго мальчика-сироту и, подобравъ его, взялъ съ собой на судно, а потомъ повезъ и въ Россію, чтобы его окрестить въ православную вѣру и воспитать. Позже въ немъ принялъ большое участіе нашъ извѣстный филантропъ и богачъ Пашковъ, который помѣстилъ его въ школу въ своемъ имѣніи. Тамъ у него была масса и другихъ бездомныхъ мальчиковъ, подобранныхъ на улицахъ различныхъ русскихъ городовъ, такъ что мой кореецъ Тутонеми очень скоро выучился говорить по-русски. Мальчикъ по натурѣ своей былъ тупъ и лѣнивъ, а потому въ ученіи не дѣлалъ никакихъ успѣховъ. Черезъ шесть лѣтъ онъ былъ Пашковымъ снова привезенъ въ Петербургъ и отданъ въ выучку къ обойному мастеру Лизере, а затѣмъ вскорѣ окрещенъ священникомъ Петропавловской крѣпости Н. Н. Колоколовымъ, который передалъ мальчику свое имя и фамилію.

Нѣсколько другихъ морскихъ офицеровъ, служившихъ въ Амурской флотиліи, также подобрали по мальчику изъ корейскихъ си-

ротъ - переселенцевъ и, сколько я помню, всѣ эти подобранныя дѣти оказались дурными и быстро безслѣдно пропадали въ пространствѣ. Изъ нихъ выходили неспособные и вороватые негодяи; это участь всѣхъ азіатовъ желтой расы, сразу не попавшихъ въ очень суровыя руки.

По прибытіи въ Балтику, я плавалъ на корветѣ „Варягъ“, который принадлежалъ къ учебному кадетскому отряду; тамъ я состоялъ въ качествѣ руководителя воспитанниковъ по морскому дѣлу. Къ числу выдающихся молодыхъ людей и впослѣдствіи отличившихся на поприщѣ морской службы, могу указать изъ того выпуска Шеина, Вл. Пароменскаго, Воеводскаго, Дюшена и др.

Послѣ годовой службы здѣсь, я опять попалъ въ Сибирскую флотилію и былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба командира Владивостокскаго порта; на эту должность я выѣхалъ на Дальній Востокъ одновременно съ адмираломъ Эрдманомъ. Плаваніе наше до Шанхая было сдѣлано на французскомъ почтовомъ пароходѣ „Messageries Maritimes“, а далѣе, до Владивостока, на ожидавшемъ насъ клиперѣ „Абрекъ“. „Абрекомъ“ командовалъ Ф. С. Шанцъ. Когда мы, слѣдуя во Владивостокъ, уже поравнялись съ Цусимой, задулъ жестокій штормъ отъ N, разведшій огромное крутое волненіе; клиперъ подъ парами едва подвигался впередъ. Это происходило въ декабрѣ, и морозъ доходилъ до—12° R; брызги волнъ моментально замерзали на бортахъ и палубѣ; онѣ нерѣдко попадали и на нижнія реи, такъ что въ случаѣ надобности нельзя было разсчитывать на паруса.

На клиперѣ въ это время находилось и семейство адмирала. Во время шторма на боканцахъ разбило два катера, утлегарь съ кливерами унесло въ море, а проволочный его такелажъ намотался на гребной винтъ. Капитанъ Шанцъ, несмотря на всѣ такія серьезныя обстоятельства, продолжалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ держаться противъ вѣтра. Клиперъ уже весь обледенѣлый почти на футъ погрузился ниже и замѣтно сѣлъ на носъ; штуртросъ приходилось безпрестанно поливать горячимъ масломъ; словомъ, по временамъ было очень жутко, и былъ даже моментъ, что адмиралъ пожелалъ повернуть на югъ, но Шанцъ энергично настаивалъ на своемъ рѣшеніи идти впередъ и курса не перемѣнилъ. Когда адмиралъ пригрозилъ ему смѣной за неисполненіе приказанія, то Шанцъ отвѣтилъ, что его могутъ отрѣшить отъ должности во Владивостокѣ, а въ морѣ онъ клипера никому не сдастъ.

Когда мы уже увидѣли на горизонтѣ вершины острова Аскольдъ, то убѣдились, что клиперъ, вопреки расчета, значительно подало впередъ теченіемъ. Подъ берегомъ острова волненіе нѣсколько

улеглось, и намъ удалось благополучно войти въ бухту Разбойникъ, гдѣ съ корпуса тотчасъ скололи ледъ и по возможности все привели въ порядокъ. Черезъ сутки послѣ этого „Абрекъ“ благополучно добрался и до Владивостока, медленно пробираясь сквозь ледъ, который уже успѣлъ затянуть собой всю бухту. Вмѣстѣ съ этимъ, миролюбиво окончился и конфликтъ между командиромъ и адмираломъ, и все обошлось по хорошему.

По съѣздѣ на берегъ, адмиралъ былъ съ подобающими почестями встрѣченъ мѣстнымъ начальствомъ, въ числѣ котораго находился и отставленный отъ должности психически больной бывшій начальникъ штаба порта кап. 2 ранга Афанасьевъ. Одной изъ странностей его поступковъ было то, что онъ, исправляя временно обязанность командира порта, отдалъ приказъ о ссылкѣ въ каторгу своего помощника адъютанта штаба лейтенанта Мальцова. Когда адмиралъ Эрдманъ уже успѣлъ устроиться въ своей квартирѣ и собирался въ спальнѣ, къ ночи, ложиться спать, къ нему неожиданно вошелъ черезъ кухню Афанасьевъ; остановившись у кровати адмирала, онъ сталъ что-то несвязно лепетать и, напугавъ своимъ появленіемъ всю семью его, снова выбѣжалъ на улицу; при этомъ онъ надѣлъ на себя адмиральскую шинель, вмѣсто своей.

Весной 1876 года меня назначили командиромъ транспорта „Ермакъ“ и отправили въ плаваніе по портамъ Сахалина для доставки провіанта и припасовъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Въ началѣ ноября, когда я снова возвратился во Владивостокъ, то получилъ приказаніе отправиться съ транспортомъ въ С.-Франциско, куда передъ этимъ отправились уже семь судовъ эскадры Тихаго океана и Сибирской флотиліи. Эскадрой командовалъ адмиралъ Пузино. Весь переходъ я совершилъ подъ парусами въ 40 сутокъ. Суда наши собрались въ С.-Франциско въ виду предстоявшаго тогда разрыва сношеній съ Англіей. Дипломатія обѣихъ сторонъ однако скоро помирилась, и войны не было, такъ что мы напрасно пробыли въ Калифорніи около 8 мѣсяцевъ.

Въ 1877 году, когда турецкая кампанія была въ полномъ разгарѣ, Владивостокъ долгое время оставался безъ всякой почты—сначала вслѣдствіе обыкновенной осенней распутицы, а потомъ изъза бывшихъ тогда постоянныхъ проливныхъ дождей. Дожди значительно подняли уровень воды въ рѣкахъ и озерахъ, и вся окружная мѣстность очутилась подъ водой; главнымъ образомъ была затоплена вся долина рѣки Мо—отъ Камень-Рыболова до Суйфунскаго водораздѣла.

Какъ-то за обѣдомъ у губернатора (онъ же и командиръ порта)

я въ присутствіи другихъ приглашенныхъ оффиціальныхъ лицъ позволилъ себѣ высказать неудовольствіе по поводу того, что начальство не принимаетъ никакихъ мѣръ для доставки почты изъ Камень-Рыбалова, гдѣ ея въ то время накопилось уже болѣе 400 пудовъ. Городъ такимъ образомъ болѣе трехъ мѣсяцевъ оставался совершенно отрѣзаннымъ отъ всего міра. Телеграфное сообщеніе Уссурійскаго края было также тогда временно прекращено, вслѣдствіе того, что множество столбовъ отъ разлива рѣкъ повалило на землю, а исправленіе телеграфа было сейчасъ невозможно. Мы рѣшительно не знали, что дѣлалось на театрѣ военныхъ дѣйствій. Казначейство наше также оскудѣло, и служащіе уже два мѣсяца какъ не получали жалованья. Вмѣсто денегъ, офицеры и чиновники временно получали особые размѣнные чеки для покупки предметовъ первой необходимости въ магазинѣ Кунстъ и Альберса.

Разговоръ мой за столомъ вызвалъ неудовольствіе со стороны начальника штаба порта капитана 1 ранга Н., который послѣ обѣда предложилъ адмиралу отправить меня въ Камень-Рыболова за почтой, дабы тѣмъ наказать меня за мою дерзость, выразившуюся въ осужденіи начальства за бездѣйствіе власти; онъ хорошо понималъ, какими лишеніями и неудобствами должно было сопровождаться мое путешествіе въ пору полной распутицы.

На слѣдующій день я получилъ предписаніе отъ адмирала поѣхать за почтой, и съ этой цѣлью мнѣ было предложено набрать изъ моей команды необходимое число людей и въ тотъ же день выступить въ походъ. Выданный мнѣ при этомъ открытый листъ давалъ мнѣ довольно большія полномочія, чтобы самостоятельно распоряжаться въ пути требованіемъ всякихъ необходимыхъ средствъ передвиженія. Въ предписаніи, которое было конечно подписано адмираломъ, я между прочимъ усмотрѣлъ среди текста приписку, сдѣланную рукой начальника штаба: „Въ случаѣ недоставки почты до заморозковъ, всѣ расходы по поѣздкѣ будутъ отнесены на счетъ вашего высокоблагородія“. Само собой разумѣется, что эта приписка, помимо того, что угрожала мнѣ денежнымъ взысканіемъ, еще сильно задѣвала мое самолюбіе; я смотрѣлъ на это, какъ на злостное недоброжелательство ко мнѣ со стороны этого начальника. Выбравъ восемь человѣкъ бравыхъ матросовъ, въ числѣ которыхъ былъ и нашъ боцманъ, я поздно вечеромъ уже тронулся въ путь; кромѣ небольшого количества вина и провизіи, мы захватили съ собой 4 топора, веревокъ и плотничный инструментъ, не забывъ также нагрузить карманы гвоздями различной величины. Не буду вдаваться въ подробности касательно трудности пути и всѣхъ мѣръ, которыя были мною приняты при переправѣ черезъ разлившіяся

рѣки, а скажу только, что команда моя безукоризненно хорошо выполняла всѣ мои распоряженія, не щадя даже своего здоровья.

Нѣкоторые смотрители почтовыхъ станцій не только не содѣйствовали мнѣ въ достиженіи успѣха, но, напротивъ, всячески тормозили наше дѣло, ссылаясь на свои контракты съ правительственными лицами и утверждая, что они брались перевозить почту и людей только по исправнымъ дорогамъ, а не въ такую ужасную распутицу, когда все рѣшительно покрыто водой и льдомъ. Прибывъ наконецъ въ Камень-Рыболова (въ 250 верстахъ отъ Владивостока), я отправился на почту съ рѣшимостью захватить съ собою только денежную корреспонденцію и въ крайнемъ случаѣ самую послѣднюю почту; это все вмѣстѣ составляетъ 90 пудовъ. При выборкѣ сказанной корреспонденціи, я съ самаго начала встрѣтилъ полное сопротивленіе со стороны почтмейстера, не позволявшаго мнѣ разворачивать баулы. „Берите по нумернику все сплошь, а ворошить я ничего не позволю“, говорилъ онъ мнѣ. При этомъ онъ ссылался на почтовые порядки. Мнѣ же не было никакой возможности брать съ собой всю уйму писемъ, т. к. этого не позволяло состояніе дороги. Предъявивъ ему мой открытый листъ, я его отстранилъ и освободилъ отъ отвѣтственности составленіемъ особаго протокола. На всю выбранную мною корреспонденцію я составилъ подробный списокъ и за моею подписью выдалъ ему отдѣльную копію.

На обратномъ пути во Владивостокъ мы застали всю степь покрытою по верхъ воды тонкимъ слоемъ льда; ледъ этотъ по слабости своей не выдерживалъ тяжести лошадей, и вслѣдствіе этого бѣдныя животныя, безпрестанно проваливаясь, рѣзали себѣ ноги до крови.

На одной станціи смотритель вслѣдствіе распутицы отказался намъ дать поставку и даже запряталъ въ сарай подъ замокъ передки всѣхъ своихъ телѣгъ. Несмотря на мои настоятельныя требованія открыть сарай, онъ упорствовалъ и говорилъ мнѣ грубости, почему я вынужденъ былъ принять противъ него крутыя мѣры. Пришлось его связать и посадить въ отдѣльное помѣщеніе съ угрозой продержать его тамъ, пока не выдастъ передковъ.

Просидѣвъ около двухъ часовъ взаперти, смотритель станціи уступилъ силѣ и согласился открыть сарай, чтобы насъ по-хорошему отпустить въ дальнѣйшій путь.

Наступившіе въ это время морозы и отсутствіе топлива очень давали себя чувствовать на необозримомъ пространствѣ громадной водной степи; люди терпѣли отъ стужи и недостатка теплой пищи, а переходы между тѣмъ были длительные, т. к. почту везли на

волахъ. Особенное затрудненіе представляли собой переправы черезъ рѣчки.

Добравшись до села Никольскаго, я долженъ былъ спуститься по теченію рѣки Суйфунъ въ Амурскій заливъ и для этой цѣли я у крестьянъ пріобрѣлъ за деньги четыре долбленыхъ *баша*, которые связалъ по-парно, сдѣлавъ поверхъ ихъ досчатую настилку, куда и положилъ почту, тутъ же размѣстившись и съ людьми. На половинѣ пути по заливу меня встрѣтилъ портовый барказъ „Китъ“, высланный къ мнѣ на помощь; онъ меня и конвоировалъ до самаго порта.

На городской пристани меня встрѣтила вся мѣстная интеллигенція, среди которой находился и адмиралъ. Когда я вышелъ на берегъ, то изъ присутствовавшихъ отдѣлился Ф. С. Шанцъ, командовавшій тогда клипером „Абрекъ“, и подошелъ ко мнѣ, чтобъ меня привѣтствовать и поздравить съ благополучнымъ возвращеніемъ. Онъ меня обнялъ, расцѣловалъ и громко сказалъ, что вполнѣ оцѣниваетъ трудность исполненнаго мною порученія. Предоставляю читателю судить о томъ, какъ сильно былъ разочарованъ въ моемъ успѣхѣ начальникъ штаба, и какъ довольны были тѣ, которымъ выпала радость получить извѣстіе отъ родныхъ и друзей.

Все мое путешествіе до Камень-Рыболова и обратно продолжалось 18 сутокъ.

Сдавъ въ штабѣ всю привезенную почту, я отправился домой и слегъ въ постель, получивъ тифъ; одновременно со мной захворали три человѣка моей команды. Всѣ мы болѣли около мѣсяца, т. к. здоровье наше было сильно расшатано, но тѣмъ не менѣе крѣпкая молодая натура взяла верхъ, и къ Рождеству мы всѣ снова уже были на ногахъ и считались совершенно выздоровѣвшими.

Изъ послѣднихъ газетъ, доставленной мной почты, мы узнали о взятіи нашими войсками Плевны, а также прочли и о другихъ побѣдахъ, вслѣдствіе чего въ городѣ было большое ликованіе; въ церквахъ отслужили молебенъ и адмиралъ произвелъ гарнизону парадъ. За всѣ новости, доставленныя мною, я нѣкоторое время былъ героемъ дня въ городѣ, и многіе непритворно жалѣли меня, пока я хворалъ.

Во время пребыванія транспорта „Японецъ“ въ Николаевскѣ, изъ-за нерадивости и упрямства священника госпитальной церкви, произошелъ однажды одинъ весьма непріятный инцидентъ, подробности котораго привожу ниже. Дѣло въ томъ, что командиръ транспорта былъ увѣдомленъ запиской штаба, что на берегу, въ госпиталѣ, скончался одинъ изъ матросовъ его команды, вслѣдствіе чего предлагалось прислать на берегъ земляковъ покойнаго при офицерѣ,

чтобъ обрядить умершаго и на ночь перенести его въ церковь. Вечеромъ, передъ раздачей коекъ, офицеръ и нѣсколько матросовъ изъ команды транспорта уже были въ госпиталѣ; обрядивъ покойника, нижніе чины понесли его въ гробѣ въ церковь, а офицеръ отправился разыскивать священника, чтобы тотъ открылъ церковь и отслужилъ панихиду. Велико же было его удивленіе, когда священникъ о. Михаилъ сказалъ, что за позднимъ часомъ онъ служить не будетъ и дверей церковныхъ не откроетъ. За позднимъ же часомъ и офицеръ не рѣшился переносить покойника по темнымъ городскимъ улицамъ обратно въ госпиталь и потому рѣшилъ оставить его на церковной паперти на отвѣтственность причта и подъ охрану сторожа; гробъ былъ затѣмъ закрытъ крышкой, и люди удалились для переѣзда на судно.

Утромъ слѣдующаго дня, когда команда снова прибыла къ церкви для погребенія своего товарища, люди съ ужасомъ увидѣли, что крышка гроба была сдвинута въ сторону, а покойникъ лежалъ свѣсившимся за бортъ гроба; одинъ бокъ мертвеца оказался при этомъ выѣденнымъ собаками. Офицеръ сталъ естественно укорять священника за то, что гробъ съ вечера не былъ допущенъ въ церковь и грозилъ довести объ этомъ случаѣ до свѣдѣнія начальства, но о. Михаилъ, испугавшись ожидавшей его за это кары, началъ упрашивать офицера никому не говорить объ этомъ; тотъ въ свою очередь согласился молчать только въ виду того, что и нижніе чины по врожденному русскому человѣку добродушію, упросили его не поднимать изъ-за случившагося никакого дѣла. Такъ это безобразіе, благодаря миролюбивому простодушію нашего простолюдина, осталось безъ непріятной развязки.

Окончивъ уже второе пятилѣтіе моего пребыванія въ Амурской флотиліи, я осенью 1880 года получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ. Мнѣ было предоставлено слѣдовать домой на лошадяхъ черезъ Сибирь или морскимъ путемъ на иностранномъ почтовомъ пароходѣ. Въ это время на бѣду явились ко мнѣ доброжелатели и совѣтчики, уговорившіе меня отправиться лучше на пароходѣ Добровольнаго флота. Какъ разъ въ это время на Владивостокскомъ рейдѣ разгружался пароходъ „Россія“, и всѣ увѣряли, что на своемъ, русскомъ, родномъ пароходѣ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе и пріятнѣе плыть, чѣмъ на иностранномъ. Я по своей душевной простотѣ послушался ихъ и занялъ на „Россіи“ четырехмѣстную каюту; но какъ страшно я послѣ въ этомъ раскаивался! Все плаваніе обратилось въ сплошной рядъ терзаній и лишеній.

„Россіей“ командовалъ кап.-лейт. Алексѣй Орест. Балкъ. Онъ

по пути заходилъ въ Шанхай за чаемъ, которымъ, въ виду своихъ личныхъ интересовъ, занялъ кромѣ трюмовъ еще цѣлый рядъ каютъ и часть салона 1-го класса. Командиры получали тогда свои грузовые проценты сообразно съ количествомъ перевозимаго груза. Мнѣ съ семействомъ была отведена каюта на лѣвомъ борту, который въ теченіе всего 52 дневнаго плаванія оставался на солнцѣ. Бортъ былъ выкрашенъ въ черный цвѣтъ и вслѣдствіе этого все время накаливался. Несмотря на мои неоднократныя и убѣдительныя просьбы дать мнѣ каюту по правому борту, Балкъ настойчиво отказывалъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что чай долженъ находиться въ болѣе прохладномъ помѣщеніи, а что до пассажировъ ему очень мало дѣла. Въ Шанхаѣ я хотѣлъ было пересѣсть на французскій пароходъ, но Балкъ не соглашался возвратить мнѣ проѣздной платы.

Пассажирскія злоключенія состояли изъ слѣдующихъ деталей: весь пароходъ былъ переполненъ огромнымъ количествомъ большихъ крысъ, которыя даже во время общаго обѣда бѣгали подъ столомъ по ногамъ обѣдавшихъ пассажировъ; прѣсную воду для питья давали обыкновенно неостуженной; трубы W. C., примыкавшаго къ столовой, были совершенно испорчены и поэтому издавали сильное зловоніе съ примѣсью запаха карболки, такъ что и вся пища, подававшаяся къ столу, неизбѣжно отдавала карболкой; для умыванія рукъ и лица давали очень мало прѣсной воды, и при томъ она имѣла всегда большую примѣсь минеральнаго масла, чрезъ что противно было умываться. На верхней палубѣ пассажирамъ не разрѣшалось разсаживаться въ креслахъ, т. к. это не гармонировало полувоенной обстановкѣ купеческаго корабля. Клоповъ было во всѣхъ жилыхъ помѣщеніяхъ столько же, сколько на берегахъ морей песку и во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ ихъ водится на пассажирскихъ пароходахъ Чернаго моря. Каменнаго угля брали въ портахъ обыкновенно съ большимъ запасомъ, такъ что имъ часто заваливалась вся верхняя палуба, и это не давало возможности пассажирамъ свободно двигаться по палубѣ и дышать свободнымъ воздухомъ. Кормили насъ отвратительно, а главное, несвоевременно; послѣднее происходило изъ-за того, что командиръ парохода всегда опаздывалъ къ столу, а безъ него прислуга не смѣла подавать; такія опаздыванія доходили до часа и болѣе. Въ добавокъ ко всему, надо сказать, что Балкъ былъ крайне грубъ въ обращеніи со своими офицерами и съ пассажирами. Вотъ, послѣ этого и разсказывайте другимъ про удобства своего роднаго парохода. На французскомъ почтовомъ пароходѣ, равно какъ и на всякомъ иностранномъ кораблѣ было бы несравненно больше комфорта, чистоты и порядка. Послѣ

плаванія на „Россіи“, я закаялся когда-либо впредь пользоваться русскими пассажирскими пароходами, когда можно будетъ плавать на иностранныхъ, и далъ зарокъ всѣмъ совѣтовать дѣлать то же самое.

Добровольный флотъ прежде вообще плохо выполнялъ свои задачи по отношенію къ пассажирамъ. Командиры его пароходовъ играли въ военную дисциплину, самодурствовали и воображали себя царьками, облеченными неограниченною властью, отчего казна терпѣла лишь одни убытки.

Я забылъ сказать, что на послѣднемъ рейсѣ передъ нашимъ плаваніемъ пароходъ „Россія“ доставилъ во Владивостокъ нѣсколько миноносцевъ въ разобранномъ видѣ и довольно значительную воинскую команду и послѣ этого не только не красился, но даже не вымылся; это отчасти и было причиной развода клоповъ и таракановъ.

Б. К. де-Ливронъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1912 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

I. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля. А. Ѳ. Кони . . . . . 3— 30

II. Встрѣча съ И. А. Гончаровымъ. В. Спасской. . . . . 96—104

III. Встрѣчи и столкновенія (Л. Н. Толстой, С. П. Боткинъ, Н. Н. Пыпинъ). Р. И. Сементковскаго. . . . . 105—112

IV. М. И. Драгомировъ, командующій войсками (изъ отрывочныхъ воспоминаній) А. Е. К. . 113—121, 391—400, 659—662

V. Страницы изъ годовъ моей жизни. Анатолія Егорова. . . . . 139—143

VI. Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ (изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Онноре́, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра). И. Онноре́. . . . . 160—172, 316—326

VII. Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. Н. А. Попова. . . . . 175—188, 357—364

VIII. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. . . . . 206—217

IX. Эпизодъ изъ сербской кооперації. Г. И. Бобрикова. . . . . 296—302

X. Встрѣчи и столкновенія (Е. А. Кожуховъ, М. П. Соловьевъ, М. О. Вольфъ, С. П. Бѣлаевъ). Р. И. Сементковскаго. . . . . 309—315

XI. Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ. Б. К. де-Ливрона . . . . . 446—454, 663—672

XII. Встрѣчи и столкновенія (В. И. Добровольскій, М. М. Шершевскій, Ф. Ѳ. Павленковъ). Р. И. Сементковскаго . . . . . 491—499

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г. Сообщилъ Н. А. Вилламовъ	31— 38, 257—269, 455—460
II.	Берлинскій Конгрессъ 1878 г. (дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина.	39— 58, 232—255, 461—470
III.	Къ исторіи Отечественной войны 1812 г. Послѣдняя попытка Наполеона начать мирные переговоры съ Императоромъ Александромъ во время занятія Москвы французскими войсками. К. Р.	59— 61
IV.	Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1886. Сообщила М. В. Безобразова	62— 67
V.	Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. И. П. Мордвинова	68— 72
VI.	Изъ дневника русской въ Турціи предъ войной 1877—1878 г. Е. А. Рагозиной. .	73— 86, 284—295
VII.	Николай Гавриловичъ Чернышевскій (наброски по неизданнымъ матеріаламъ). А. А. Лебедева	87— 95, 471—479
VIII.	Наполеонъ на островѣ св. Елены. Сообщила В. Тимощукъ.	122—138, 410—424
IX.	Николай Михайловичъ Пржевальскій. П. Козлова.	144—159, 327—350, 569—603
X.	Эпизодъ изъ жизни Вел. Кн. Константина Павловича. Сообщ. Д. Атласъ	173—174
XI.	Письма и рескрипты Императора Павла I фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову. Сообщилъ В. П. Федоровъ	189—190
XII.	Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго. Сообщ. А. В. Жиркевичъ.	191—205, 365—371
XIII.	Народныя пѣсни въ новооткрытыхъ записяхъ Пушкина (къ 75-лѣтію кончины великаго поэта). Н. Лернера.	218—229
XIV.	Монахъ-офицеръ. Сообщ. В. Федоровъ. .	256
XV.	Рескриптъ Императора Павла I графу Буксгевдену. Сообщ. В. П. Федоровъ	270

		стран.
XVI.	Изъ журнала участника войны 1812 года. Сухонина	271—283, 481—490
XVII.	Къ 50-ти-лѣтію освобожденія крестьянъ. „Карловское“ имѣніе Вел. Кияг. Елены Павловны. Сообщ. профес. Д. А. Карсаковъ.	303—308, 633—651
XVIII.	О мѣрахъ по духовному вѣдомству къ сохраненію народнаго спокойствія при обнародованіи въ 1861 г. Положеній о крестьянахъ. Сообщ. Алексѣй Попельницкій . . .	351—356
XIX.	Изъ подольской старины. В. Сл. и Ѳ. Ф—ко. .	372—390
XX.	Столѣтіе Императорскаго Александровскаго Лицея.	401—409
XXI.	Самодержавіе царевны Софіи Алексѣевны по неизданнымъ документамъ (изъ переписки, возбужденной графомъ Панинымъ). Сообщила Е. Лермонтова	425—445, 539—547
XXII.	Стихотворенія Крестовскаго. Сообщ. В. А. Алексѣевъ	480
XXIII.	Тайный другъ Пушкина. А. С. Слезскинскаго	500—508
XXIV.	Императоръ Павелъ I и политическая судьба Италіи. Н. Борецкаго-Бергфельдъ. .	509—522
XXV.	Къ закрытію масонскихъ ложъ въ Россіи. А. А. Лебедева	529—538
XXVI.	16-го мая 1858 г., Н. К—ну. Сообщилъ В. .	548
XXVII.	Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. А. А. Мазона.	549—568
XXVIII.	Императоръ Александръ II и Франція въ 1870 г. В. Тимощукъ	604—617
XXIX.	Два политическихъ письма Екатерины II. Владисл. Конопчинскаго	618—632
XXX.	Яковъ Іоганъ Урсинусъ	652—658

Приложенія:

I. Портретъ Н. М. Пржевальскаго (при 1-й книгѣ).
II. Портретъ И. И. Онноре́, въ роли Вани, въ операѣ „Жизнь за Царя“ (тамъ же).
III. Берлинскій конгрессъ 1878 г. (тамъ же).
IV. Вершители судебъ Берлинскаго конгресса: а) кн. Горчаковъ, б) гр. Шуваловъ, в) кн. Бисмаркъ, г) Биконсфильдъ, д) Андраши (при 2-й книгѣ).

V. Ду-фу-сянъ (выдающійся сановникъ Китая, бывшій въ опалѣ, въ изгнаніи) (тамъ же).

VI. Тильзитское свиданіе (тамъ же).

VII. Лицеисты у Царскосельскаго „грибка“ (тамъ же).

VIII. Портретъ графа Дмитрія Алексѣевича Милютина (при 3-й книгѣ).

IX. Точный рисунокъ червоннаго съ изображеніемъ Государей Царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Царевны Софіи Алексѣевны. 1686—1690 (тамъ же).

X. Ушастый фазанъ (Crossoptilon auritum) (тамъ же).

XI. Животная жизнь въ Сѣверномъ Тибетѣ (тамъ же).

Библіографическій листокъ.

1. „Нашествіе Наполеона“. Отечественная война 1812 г. Вып. I и II (на оберткѣ январьской книги).

2. Библіографическій указатель сочиненій, журнальныхъ статей и замѣтокъ объ А. П. Ермоловѣ, съ приложеніемъ перечня его портретовъ къ 50-лѣтію со дня его кончины. Составилъ Александръ Ермоловъ (тамъ же).

3. И. М. Катаевъ. Къ вопросу о типѣ учебника русской исторіи для средней школы. М. 1911 (тамъ же).

4. „Пиковая дама“ А. С. Пушкина. Редакція Н. О. Лернера. Иллюстраціи Ал. Н. Бенуа. Изд. тов-ва Р. Голике и А. Вильборгъ. Спб. 1911 (тамъ же).

5. Вѣстнихъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Вып. I. Харьковъ. 1911 (тамъ же).

6. Общество любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ. 1811—1911. Историческая записка и матеріалы за сто лѣтъ. М. 1911 (тамъ же).

7. Словарь членовъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ. 1811—1911. М. 1911 (тамъ же).

8. Н. П. Лихачевъ. Хожденіе Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. По лицевымъ рукописямъ XV и XVI в.в. Изд. Импер. Общ. любителей древней письменности. Спб. 1911 (тамъ же).

9. М. Н. Смирновъ. Переславль-Залѣсскій. Его прошлое и настоящее. М. 1911 (тамъ же).

10. Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. III.—К. Ѳ. Тіандеръ. Очеркъ исторіи театра въ Западной Европѣ и Россіи. Харьковъ. 1911 (тамъ же)

11. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Т. 134. Спб. 1911 (на оберткѣ февральской книги).

12. Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Т. XII. Письма. 1840—1853 г. М. 1911 (тамъ же).

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

„Муравейникъ". Художественно-этнографическій и библіографическій сборникъ. За 1910 г, №№ 1—12, въ двухъ томахъ. Изданіе и редакція А. Е. Бурцева.

Въ своемъ сборникѣ, предназначенномъ „для немногихъ", г. Бурцевъ опубликовываетъ всевозможные историческіе, этнографическіе, литературные и художественные матеріалы хранящіеся въ принадлежащемъ издателю богатомъ собраніи. Наибольшую историческую цѣнность представляютъ матеріалы для исторіи русскаго раскола и старообрядчества. Съ художественной стороны интересны прекрасно воспроизведенные рисунки и этюды Арчіони, Рундальцова, Горюшкина-Сорокопудова.

Левъ Ждановъ. Въ стѣнахъ Варшавы. (Цесаревичъ Константинъ). Историческій романъ-хроника. 1814—1831. Томъ I. Издательство „Прометей" Н. Н. Михайлова. Спб.

Авторъ пытается въ беллетристической формѣ изобразить эпоху многолѣтней польской смуты, разрѣшившейся возстаніемъ 1831 г.; на существованіе конституціоннаго польскаго „королевства" онъ справедливо смотритъ какъ на длительную смуту. Романъ еще далеко не конченъ, и полное сужденіе о немъ невозможно, но ясно, что г. Ждановъ напрасно обѣщаетъ „дѣлать открытія" (sic!). Его работа не болѣе, какъ приличная компиляція, составленная по разнымъ историческимъ источникамъ, повѣствующимъ о жизни польскаго общества въ 1814—1831.г.г., о его отношеніяхъ къ Россіи и русской власти и о намѣстникѣ Константинѣ Павловичѣ въ его государственной роли и домашнихъ дѣлахъ. Самъ авторъ заявляетъ, что въ романѣ нѣтъ „общей придуманной интриги". Не видно также самостоятельности во взглядахъ на эпоху и въ обрисовкѣ отдѣльныхъ лицъ, характеры шаблонны, и вообще ни о какихъ „открытіяхъ", историческихъ или психологическихъ, г. Ждапову мечтать не приходится; но разсказъ его гладокъ, внѣшне-занимателенъ и при всей беллетристической вольности не расходится съ историческою точностью.

А. В. Жиркевичъ. Изъ-за русскаго языка. (Біографія каноника Сенчиковскаго)—„Минская старина", части I и II. Вильна 1911.

Огромный, съ любовью и живымъ сочувствіемъ исполненный трудъ А. В. Жиркевича рисуетъ интересную, полную борьбы жизнь бѣлорусса-народника, ксендза Ф. Е. Сенчиковскаго, ратовавшаго за расположеніе римско-католическаго костела въ родной Бѣлоруссіи и павшаго жертвою и польско-ксендзовской интриги, и равнодушія не сумѣвшихъ поддержать его во-время русскихъ властей, и собственнаго пламеннаго темперамента. Было въ жизни Сенчиковскаго много грѣховъ и ошибокъ, которые онъ искупилъ изгнаніемъ и горькими лишеніями, но право на вниманіе потомства даетъ ему служеніе высокой идеѣ духовнаго освобожденія русскаго народа на окраинѣ отъ чуждыхъ оковъ. Сенчиковскаго при жизни бранили, а больше замалчивали, и г. Жиркевичъ, разсказавъ все, что можно было узнать о немъ, напечатавъ его переписку и множество относящихся къ его дѣятельности документовъ, положительно исторгъ изъ мрака забвенія его имя. Голосъ Сенчиковскаго остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, но онъ еще не замеръ, и хочется вѣрить, что и враги, и друзья идей, за которыя боролся странный ксендзъ, когда-нибудь поймутъ урокъ, оставленный его дѣятельностью.

Вас. И. Немировичъ-Данченко. Книга великой любви. Рисунки В. В. Спасскаго. Спб. 1912.—**Мужицкая обитель.** Рисунки К. Н. Фридберга. Спб. 1912.—**Боевая Голгоѳа.** Изданіе 6-ое. Рисунки С. Ф. Плошинскаго. Спб. 1912. Изд. тов—ва „Просвѣщеніе".

Авторъ очень хорошо знакомъ всей читающей Россіи, какъ занимательный разсказчикъ, и писательская репутація его установилось давно и прочно. У него всегда примитивны характеры, незамысловата фабула, но онъ умѣетъ рисовать историческія и бытовыя подробности, живо чувствуетъ природу, языкъ его красоченъ. Особенно интересны очерки монашеской жизни на ладожскихъ островахъ („Мужицкая обитель"); они относятся къ концу семидесятыхъ годовъ, но многое въ нихъ еще живо и по сей день, въ томъ числѣ оскорбленія, наносимыя финнами русскимъ монахамъ. „Книга великой любви"—поучительный для юношества сборникъ легендъ и историческихъ разсказовъ. „Боевая Голгоѳа"—рядъ картинъ послѣдней русско-турецкой войны, вышитыхъ по канвѣ простого и несложнаго беллетристическаго замысла. Изданы книги хорошо, стоятъ недорого, но иллюстрированы и скудно и плохо.

Б. Б. Глинскій. Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки для юношества. Изд. 2-ое. Изд. тов—ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1912.

Самъ авторъ скромно разсчитывалъ „дать легкое историческое чтеніе нашему юношеству, находящемуся еще на школьной скамьѣ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, какъ пособіе къ тѣмъ курсамъ отечественной исторіи, которые въ этихъ заведеніяхъ проходятся", но на самомъ дѣлѣ значеніе книги гораздо выше, и кругъ ея читателей долженъ быть шире. Хорошимъ языкомъ, безъ лишнихъ подробностей, г. Глинскій разсказываетъ о дѣтскихъ годахъ и воспитаніи русскихъ царскихъ дѣтей отъ Петра Великаго до Александра II, рисуя на фонѣ окружающей бытовой обстановки и семейной жизни ходъ ученія и воспитанія тѣхъ людей, которымъ судьба предназначала оказывать вліяніе на общество съ высоты престола. Въ прекрасно изданной, съ множествомъ портретовъ и иллюстрацій книгѣ г. Глинскаго читатели найдутъ много поучительнаго и полезнаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Циверлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ**. Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой". Спб. Знаменская, 27.

1119-26 II
371-25 II
Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

~~1741~~	~~26/VII~~			
596 —	20/VIII			
61-31/X				